БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 2 ФЕВРАЛ[illegible]6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 20.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ этой книгѣ помѣщены портреты: А. Д. Михайлова, С. Н. Халтурина, П. И. Пестеля, М. В. Буташевича-Петрашевскаго и И. Н. Мышкина.

Въ январьской кн. были помѣщены портреты: Л. А. Волкенштейнъ, М. Ю. Ашенбреннера, П. Г. Каховскаго, Н. Е. Суханова и рисунокъ, изображающій заковку въ кандалы М. И. Михайлова передъ отправленіемъ его въ каторгу.

Въ этой книгѣ должны были быть напечатаны воспоминанія о Л. А. Волкенштейнъ В. Н. Фигнеръ, но, по болѣзни автора, онѣ не могли быть своевременно присланы и потому будутъ помѣщены въ слѣдующей книгѣ.

Александръ Дмитріевичъ
МИХАЙЛОВЪ.

Неизданная статья А. И. Герцена [1].

(Посвящено сестрѣ Ольгѣ)

День былъ душный, солнце жгло всей іюньской силою, потоки огня лились на дома и улицы, и разгорѣвшаяся Москва едва дышала воздухомъ, зараженнымъ міазмами, перемѣшанными съ густою пылью. Въ это время съ другомъ дѣтства посѣтилъ я Воробьевы горы. Тамъ алтарь нашей дружбы, тамъ нѣкогда мы, еще дѣти, еще чужіе, впервые раскрыли наши души „и Рафаилъ нашелъ столь близкаго родного въ Юліи“. Молча взошли мы на гору, молча стояли на платформѣ. Есть минуты, въ которыя вполнѣ чувствуешь недостатокъ земного языка, хотѣлъ бы высказаться какой-то гармоніею, музыкой. Музыка—невещественная дочь вещественныхъ звуковъ, она одна можетъ перенести трепетъ одной души въ другую, перелить сладостное, безотчетное томленіе...

30 верстъ Москвы, этого іероглифа всей Россіи, опоясанной узкой рѣкою, стелились передъ нами, индѣ—облитыя полосою свѣта, индѣ—затемненныя облакомъ, съ своими минаретами-колокольнями, домами, Кремлемъ, Иваномъ Великимъ, съ своей готической вольной неправильностью. Долго смотрѣли мы. Наконецъ, удрученные, бросились на ступеньку, окружающую надгробный памятникъ великому намѣренію монументально увѣковѣчить славу 1812 года, подѣлиться

[1]) Печатаемая статья Герцена—одно изъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ его юношескихъ произведеній, въ которыхъ такъ много матеріала для характеристики его идеалистическаго періода. На эту именно статью указывалъ Герценъ въ письмѣ отъ 6 іюля 1833 года къ Натальѣ Александровнѣ Захарьиной, когда писалъ ей такія строки: „у меня есть статья о Воробьевыхъ горахъ, я ее прочту вамъ и Эм. Мих., я о ней, кажется, уже говорилъ вамъ. Дивно дѣйствіе нагорнаго воздуха!“ и т. д. Послѣдующія нѣсколько строкъ почти дословно повторяютъ двѣ-три фразы изъ печатаемой здѣсь статьи. Это позволяетъ болѣе или менѣе точно опредѣлить время написанія статьи: іюнь 1833 года, т. е. время наиболѣе напряженнаго увлеченія первой любовью къ Людмилѣ Петровнѣ Пассекъ. Сестрѣ ея, Ольгѣ, способствовавшей частымъ свиданіямъ обѣихъ сторонъ, Герценъ и посвятилъ статью, не давъ послѣдней никакого заглавія. Статья печатается съ подлиннаго автографа, съ разрѣшенія сына А. И. Герцена—профессора Лозанскаго университета, А. А. Герцена, за что и приношу ему искреннюю благодарность. *Мих. Лемке.*

ею съ самимъ Богомъ. Тогда былое, подобно туману, покрыло пеленою своей городъ родины и самыя горы. Мы вспомнили, какъ тутъ, при переходѣ изъ младенчества въ юношество, насъ поразила мысль высокая; какъ наши души бросились въ ея объятія, какъ онѣ въ нихъ потонули, какъ я ее самъ обнялъ. Я боялся высказать ему мысль свою... и нынѣ нашелъ въ немъ товарища на весь тернистый путь, и нынѣ бытіе наше судорожно обвилось около этой мысли, и съ нею мы выше толпы, а безъ нея мы ничтожны.

Немного времени прошло послѣ того,—какіе-нибудь 8 лѣтъ; но какая въ насъ перемѣна. Менѣе самоотверженія, болѣе славолюбія; менѣе энтузіазма, болѣе фанатизма; менѣе вѣры, болѣе разочарованія; менѣе поэзіи, болѣе прозы. Даже лицо наше было не то юношеское, чистое; кое-гдѣ виднѣлись колеи страстей жгучихъ и смердящіеся признаки встрѣчи съ людьми. Истомленное лицо было въ пыли городской, и въ глазахъ менѣе свѣта яснаго, болѣе огня порывистаго. Но въ эту священную минуту мы очистились; какая-то высшая поэзія смыла съ насъ все земное, мы опять погрузились въ нѣмую созерцательность и тогда не думали ни о чемъ,—только чувствовали. Полнота чувствъ исключаетъ умъ. Дивно вліяніе воздуха нагорнаго! Поэты великіе описывали его, но какъ недостаточно. Поэтъ можетъ только съ успѣхомъ описать порывы души своей: но тутъ, кромѣ души, есть еще природа живая, и горе, ежели дерзкое перо вздумаетъ ее описывать: тутъ всегда останется ужасное разстояніе между твореніемъ человѣка и твореніемъ Бога, между отторженными частями природы Вернетовой и всею цѣлостью природы настоящей.

Я вынулъ Шиллера и Рылѣева. Какъ ясны и свѣтлы въ ту минуту казались намъ эти великіе поэты. Мы читали одного и понимали глубокую, мечтательную поэзію его; читали другого—и понимали его самоотверженную, страдальческую душу. Звучный, сильный языкъ Шиллера подавлялъ насъ. „Какъ ярящійся потокъ изъ разсѣлинъ, скалъ, льющійся съ грохотомъ грома, подмывая горы и унося дубы“, пѣвецъ Войнаровскаго смотрѣлъ на меня и мнѣ говорилъ:

Ты все поймешь, ты все оцѣнишь.

Наконецъ...... Наконецъ, подошелъ къ намъ солдатъ, который бережетъ отъ русскихъ плиту, свидѣтельствующую о невыполненномъ обѣщаніи памятника русской славѣ, и механическимъ голосомъ, который такъ симпатизируетъ съ механическимъ шагомъ, съ механическимъ мундиромъ, съ механической силою нашего солдата, нѣчто въ родѣ шомпола при ружьѣ, сказалъ: „Смѣна! Извольте идти“. Да, ты правъ, смѣна, смѣна съ твоими словами взошла въ душу мою; пропало небо, опять земля съ душными испареніями своими. Паденіе было ужасное, и я, Клодъ Фролло, бѣжалъ съ своимъ другомъ, взглянувъ еще разъ на видъ, который былъ тотъ же, но производилъ совсѣмъ другое дѣйствіе. Эта толпа строеній, эта огромная тюрьма,—все казалось страшнымъ, и солнце жгло со всей іюньской силою. Такъ взоры дѣвы красоты живятъ, льютъ нѣгу и восторгъ; они же жгутъ, уничтожаютъ, ежели въ нихъ любовь къ другому; они же мертвятъ, ежели въ нихъ равнодушіе!

„Какъ природа хороша, выходя изъ рукъ Творца; какъ она гнусна, выходя изъ рукъ человѣка“—сказалъ Руссо. „Гдѣ остался слѣдъ человѣка, тамъ погибъ слѣдъ Бога—прибавилъ Шиллеръ.

Великіе, вы правы, вы правы.

Смерклось. Трещатъ дрожки по скверной мостовой; мы въ Москвѣ. Опять 300,000 жителей, отравленный воздухъ, опять толпа развратная, безчувственная. Тамъ священникъ идетъ съ дарами продавать рай, не вѣря во Христа; тамъ судья продаетъ совѣсть и законы; тамъ солдатъ продаетъ свою кровь за палочные удары; тамъ будочникъ, угнетенный квартальнымъ, притѣсняетъ мужика; тамъ купецъ обманываетъ покупщика, который желалъ бы обмануть купца; тамъ блѣдныя толпы полуодѣтыхъ выходятъ на минуты изъ сырыхъ подваловъ, куда ихъ бросила блѣдность. Но глядите выше, въ окна. Тамъ еще лучше человѣкъ, тамъ онъ дома, безъ покрывала. Здѣсь юноша пріучается къ разврату въ трактирѣ; тамъ другой убиваетъ свою поэтическую душу школьными беднями невѣждъ-учителей; тамъ дѣти желаютъ смерти добраго отца; тамъ отецъ гнететъ дѣтей; тамъ жена, ласкаяя мужа, обдумываетъ измѣну; тамъ блѣдная стая игро-

ковъ съ яростью грабитъ другъ друга; тамъ ростовщикъ съ металлическимъ лицомъ, съ запахомъ серебра разоряетъ отца семейства; тамъ, наконецъ, гдѣ окна полузавѣшаны, гдѣ штора съ пренебреженіемъ отвергаетъ свѣтъ, тамъ... отвернитесь... тамъ любовь продается цѣною злата.

Люди, люди! Гдѣ вы побываете, все испорчено: и сердце ваше, и воздухъ, васъ окружающій, и вода текущая, и земля, по которой ходите. Но небо, небо! Оно чисто, оно таково, какъ въ первый день творенія, дыханіе пресмыкающихся не достигаетъ его. Туда! Туда!

Тотъ міръ открытъ для наслажденья:
Въ немъ вѣчная любовь,
Въ немъ нѣтъ тоски и нѣтъ мученья,
И страсти не волнуютъ кровь!

Ал. Герценъ.

Милость.

(Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ).

... О нашемъ судѣ (о процессѣ 20-ти 1882 г.) [1]) много говорить не буду. Упомяну лишь про одинъ случай, указывающій, какъ иногда сбиваютъ съ толку неопытныхъ людей.

Разбиралось мое дѣло. Предсѣдатель попросилъ докладчика (я не знаю, какъ онъ, собственно, назывался) прочесть обо мнѣ показанія Гольденберга. Эти показанія раньше мнѣ не предъявлялись. Докладчикъ встаетъ и смѣло, увѣренно начинаетъ читать, почти наизусть. Слышу отчетливо мою фамилію... „Быть не можетъ, чтобъ тамъ была моя фамилія!“, вскакивая, громко сказалъ я. Докладчикъ опѣшилъ, уткнулся въ книгу...—«Виноватъ! тутъ написано Ѳоменко!»—замѣчаетъ онъ сконфуженно и уже безъ всякой увѣренности продолжаетъ читать. Къ тому же и примѣты, оказалось, не подходятъ: Гольденбергъ сдѣлалъ меня рыжимъ, а судьи видятъ темно-русаго человѣка... Въ нашемъ судѣ эта ошибка, конечно, не могла имѣть серьезнаго значенія, но при другихъ обстоятельствахъ и человѣка могла погубить.

Кончился судъ. Разъ прочли намъ приговоръ; чрезъ нѣсколько дней еще разъ. Проходя изъ залы суда въ камеры, мы немного задержались въ корридорѣ предварилки. О приговорѣ, о тѣхъ ужасахъ, что ожидаютъ насъ впереди, какъ-то не думалось; не было яснаго представленія въ головахъ. Прощались будто на время. Никому и въ голову не приходило, что это было послѣднее прости и, только придя въ камеру, каждый изъ насъ невольно былъ охваченъ какой-то неопредѣленной тоской, предчувствіемъ... Явился Муравьевъ [2]), спросилъ о заявленіяхъ и сталъ уговаривать подать прошеніе о помиловании, сказавъ, что наше дѣло пойдетъ еще на разсмотрѣніе государя и пробудетъ тамъ недѣли двѣ. Я отказался. Онъ ушелъ. У дверной форточки скоро показался начальникъ предварилки и тоже

---

[1]) См. Процессъ 20-ти народовольцевъ въ январьской книжкѣ „Былого“. *Ред.*

[2]) Прокуроръ С.-Петербург. Суд. Палаты, впослѣдствіи—министръ юстиціи.

сталъ толковать о подачѣ прошенія, но, получивъ отказъ, выпросилъ себѣ нашъ обвинительный актъ. Зачѣмъ ему это понадобилось—не знаю.

На другой день насъ перевели въ Петропавловку—въ Трубецкой бастіонъ. На этотъ разъ мнѣ попалась свѣтлая, теплая камера № 47 или 48.

Первое, чѣмъ я занялся тутъ,—было леченіе желудка. Въ предварилкѣ доктора отъ меня совершенно отступились; теперь я самъ придумалъ себѣ супъ изъ курицы съ черносливомъ и финиками. Помогло. Полагаю, что этому способствовала и камера, и еще болѣе душевное состояніе, замѣчательно спокойное и ясное. Вскорѣ попалась мнѣ въ руки „Технологія“ Вагнера. Книга эта сильно заинтересовала меня, и я весь ушелъ въ чтеніе. Раньше мнѣ не приходилось читать техническихъ книгъ. Онѣ казались мнѣ очень мудреными. Простота и удобопонятность изложенія Вагнера удивили меня теперь и увлекли. Помню, такъ читалъ я только въ дѣтствѣ „Робинзона“. Незамѣтно прошла недѣля, еще нѣсколько дней; что-то напомнило мнѣ о двухъ-недѣльномъ срокѣ... Успѣю! отмахнулся было я и снова принялся за чтеніе, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, рѣшилъ остановиться и обдумать, какъ поступать предъ смертью. Вѣдь не завтра, такъ послѣ завтра надо было ждать окончательнаго рѣшенія... Призвалъ на помощь память... Требуютъ перо, чернилъ, бумагу и пишутъ прощальныя письма,—вспоминается изъ прочитаннаго и слышаннаго въ разное время,—затѣмъ покупаютъ вина, закусокъ, фруктовъ и, подкрѣпивъ себя, идутъ умирать. Отлично!... такъ и сдѣлаю! рѣшаю вопросъ и, порѣшивъ, снова принимаюсь за технологію.

Былъ веселый, свѣтлый день; съ книгой въ рукахъ шагалъ я вдоль окна, ничего еще не ожидая. Вдругъ загромыхало за дверью, и въ камеру вошли какой-то генералъ, Лѣсникъ (смотритель) и двое штатскихъ. Генералъ, съ веселымъ, ободряющимъ лицомъ, направился ко мнѣ... „Ну, молитесь Богу и благодарите Государя! Вы помилованы“! радостно, на ходу говорилъ онъ, приближаясь. Я остановился, едва наклонивъ голову и не выражая на лицѣ ни радости, ни благодарности. Холодность моего пріема, видимо, его нѣсколько удивила. Улыбка исчезла на лицѣ: что, молъ, сей сонъ означаетъ... Но это продолжалось не долго; взглянувъ еще разъ и рѣшивъ, что человѣкъ отъ радости, видно, рехнулся, онъ круто повернулъ назадъ, и вся компанія исчезла. Я остался стоять на мѣстѣ. „Еще неизвѣстно, во что обернется эта милость“—промелькнуло у меня въ головѣ, и радости на душѣ никакой не было.

— Дайте перо, чернилъ и бумаги!—потребовалъ я вскорѣ.

Когда это желаніе мое было исполнено, я написалъ письмо и прошеніе о позволеніи обвѣнчаться съ моей невѣстой; тутъ же для чего-то прибавилъ, что согласенъ ѣхать на Сахалинъ, для отбыванія каторги... Кто-то, когда-то втолковалъ мнѣ, что на Сахалинъ посылаютъ лишь съ согласія самихъ каторжанъ... Увы! На просьбу о вѣнчаніи отвѣтили отказомъ; о Сахалинѣ совсѣмъ промолчали...

Въ день помилованія или на другой пришла и моя матушка на свиданіе. Она уже знала о фактѣ помилованія и въ простотѣ сердечной полагала, что это помилованіе полное. Кто-то, должно быть, сказалъ ей, что черезъ годъ насъ пошлютъ въ Сибирь, и что мы увидимся, а она, бѣдняга, поняла, что черезъ годъ мы можемъ зажить съ ней вмѣстѣ, и теперь на свиданіи мечтала объ этомъ вслухъ, подбадривая меня. Вообще старушка крѣпилась и не подавала виду, что ей тяжело. Разувѣрять ее и растолковывать настоящее положеніе вещей я, конечно, не хотѣлъ, и свиданіе прошло безъ слезъ, спокойно. Я просилъ мать не смущаться, если отъ меня временно не будетъ писемъ: „Вы же пишите чаще!“ просилъ я въ надеждѣ, что письма будутъ передаваться... Наивная надежда!.. Прошло незамѣтно полчаса—я и матушка тянемся черезъ окно поцѣловаться на прощаніе...

— Нельзя!—кричитъ и быстро вскакиваетъ между нашими головами Соколовъ—„иродъ“.

Этого уже не смогла вынести матушка, стойкость ея была сломлена, и она разрыдалась... Бѣдная! еще хорошо, что она не догадывалась, что это было послѣднее прощаніе, что мы такъ и не увидимся больше. Она умерла въ 1899 г., ускоривъ смерть попыткой самосожженія. Ее спасли, но черезъ годъ она все-таки умерла.

Я выскочилъ со свиданія, какъ полупомѣшанный и, только очутившись у своей камеры, замѣтилъ, что издаю какіе-то странные звуки, точно захлебываюсь отъ вливаемой мнѣ въ горло воды, и точно кто-то сдавилъ его тисками... Такъ-то началась „милость“!

Намъ объявили 20-го или 21-го марта о помилованіи.

Въ пятницу 15-го марта, ночью, слышу сквозь сонъ, громыхаетъ дверь, кто-то вошелъ. Не успѣлъ я раскрыть глаза, какъ слышу обычное: „Въ комиссію“! Поднимаюсь; у кровати стоятъ унтера, кладутъ одежду. Первое, что мнѣ пришло въ голову со сна,—не выпросила ли матушка новое свиданіе, чтобы попрощаться, какъ слѣдуетъ. Спѣшу одѣться и, не запахнувшись, бѣгу скорѣй въ комиссію, которая была внѣ Трубецкой тюрьмы. Темнота у входа, мракъ на лѣстницѣ вызываютъ во мнѣ смутное недоумѣніе... Поднимаюсь на

верхъ; тамъ стоитъ на площадкѣ Соколовъ; дверь въ комнату допросовъ и свиданій заперта... „За мной!"—слышу вдругъ рѣзкое шипѣнье Соколова, какъ только поднялся я на верхнюю площадку. Налѣво оказалась дверь, а за ней спускъ на улицу. Лампа-коптилка бросала тусклый свѣтъ. Дверь на улицу была открыта, и тамъ виднѣлась мрачная питерская ночь... Можно было подумать, что спускаешься въ подземемелье. Соколовъ былъ впереди одинъ. Выйдя на улицу, охваченный темнотою, я слегка задержалъ шаги,—и въ тотъ же моментъ двѣ невидимыя руки подхватили меня подъ руки, и мы повернули налѣво. Соколовъ даже не оглянулся, такъ былъ увѣренъ въ ловкости своихъ агентовъ. Жандармы стояли, вѣрно, у выходныхъ дверей, но я ихъ не замѣтилъ... Мы пошли между монетнымъ дворомъ и Трубецкимъ бастіономъ. Далѣе дорогу перегородила стѣна съ воротами; за нимъ чернѣли налѣво другія ворота въ Алексѣевскій равелинъ. Здѣсь насъ, какъ будто, не ожидали. Открылась калитка, и мы вошли подъ своды крѣпостной стѣны; вдали виднѣлась вода, ближе что-то темное, точно берегъ, и на немъ мерцалъ огонекъ. „Топить ведутъ!" мелькнуло инстиктивно въ головѣ... Но съ этой перспективой я, помню, какъ-то удивительно скоро примирился. Ну, что жъ, пускай и топятъ! И въ то же самое время, почувствовавъ, что при выходѣ изъ воротъ, на меня пахнулъ холодный, сырой вѣтеръ съ Невы, я убоялся простудиться. Торопясь на свиданіе, я не успѣлъ, какъ слѣдуетъ застегнуться. Когда жандармы подхватили меня подъ руки, они еще болѣе распахнули мнѣ грудь, но въ глухой уличкѣ, защищенной со всѣхъ сторонъ стѣнами, это не чувствовалось: тамъ не было вѣтра... „Да закройте же мнѣ хоть грудь!" взмолился я къ своимъ провожатымъ. Жандармы и безъ того бывшіе, очевидно, въ нервномъ состояніи (они пыхтѣли, точно везли тяжесть), услыхавъ среди мертвой ночной тишины человѣческій голосъ, совсѣмъ потерялись и, вмѣсто того, чтобы спокойно застегнуть куртку, сопя и трясясь отъ страха, бросились зажимать мнѣ ротъ. Темнота и нервы мѣшали имъ схватить его сразу; я слышалъ, какъ по лицу ерзало что-то мягкое... Шествіе невольно остановилось. „Что такое?" спросилъ Соколовъ въ тревогѣ. Тутъ только я разсмѣялся про себя надъ своимъ опасеніемъ простуды и покорно пошелъ дальше. Вошли на мостъ. Отсюда очертанія какихъ-то зданій впереди стали яснѣй. Видно было, что огонь горитъ въ окнѣ, а не на берегу. Скоро весь фасадъ съ воротами по срединѣ и окнами засѣрѣлъ передъ нами. Чрезъ калитку вошли подъ своды зданія, сдѣлали нѣсколько шаговъ и повернули направо въ узкій корридоръ. Это и былъ Алексѣевскій ра-

велинъ,—замкнутое треугольное зданіе съ маленькимъ садикомъ внутри. Корридоръ, не прерываясь, тянулся вдоль всѣхъ трехъ сторонъ равелина, начиная съ половины первой. У конца второй половины онъ упирался въ глухую стѣну. Благодаря такому расположенію, лѣвая половина передней стороны равелина была совершенно изолирована отъ прочихъ частей. Тамъ была, кажется, кухня и двѣ камеры, но кто сидѣлъ тамъ—мы въ то время не знали. Позже только выяснилось (по надписи), что въ одной камерѣ заключенъ былъ Александръ Михайловъ; куда и когда именно онъ исчезъ, я до сихъ поръ точно не знаю. Кромѣ Михайлова былъ тамъ еще кто-то: на это указывали лекарства, которыя долго выставлялись на окно корридора, и, гуляя во внутреннемъ садикѣ, мы видѣли ихъ. По этой выставкѣ лекарствъ на окнахъ заключенные вообще судили, кто изъ товарищей живъ, кто умеръ... [1]).

Меня завели въ самый послѣдній или предпослѣдній нумеръ (18 или 19). Это была довольно просторная камера, съ плоскимъ потолкомъ, съ изразцовой печью, съ большимъ окномъ. По серединѣ стояла деревянная кровать съ волосянымъ матрасомъ, покрытымъ тонкой простыней и одѣяломъ, съ подушкой въ бѣлой наволочкѣ; подлѣ—деревянный столъ съ маленькой лампочкой, деревянный со спинкой стулъ, въ углу стульчакъ,—все такъ обычно; ничего страшнаго. Къ тому же все бѣлье дали чистое, тонкое; халатъ изъ чернаго не очень толстаго сукна, съ широкимъ поясомъ, точно по мѣркѣ сшитъ; маленькіе башмаки пришлись, какъ нельзя лучше. Отъ волненія, а можетъ быть, и угара разболѣлась голова, но на душѣ было спокойно. Одно только показалось немного страннымъ, черезъ окно не видно было неба. Ну, вѣрно, какъ и въ Петропавловкѣ, близко крѣпостная стѣна! рѣшилъ я и, не подходя къ окну, поспѣшилъ завалиться спать. Наступило утро; проснулся я и первымъ дѣломъ глянулъ въ окно. Вотъ тебѣ и стѣны!—невольно вырвалось замѣчаніе... Вмѣсто стѣнъ придумали забѣлить совершенно всѣ стекла наружной рамы. Въ окнѣ виднѣлись двѣ рамы. Встаю, одѣваюсь, подхожу къ окну. Ни черточки, ни точки не осталось прозрачной; что тамъ за окномъ, нельзя и разобрать. При этомъ форточки нѣтъ, а есть только въ верхней части окна небольшого діаметра жестяная трубка съ густымъ ситечкомъ на внѣшнемъ концѣ. Это ситечко очень скоро затянуло паутиной, прочистить его было нечѣмъ, и доступъ свѣжаго воздуха прекратился,

---

[1]) Вотъ фамиліи 11 человѣкъ, попавшихъ по нашему процессу въ Алексѣевскій равелинъ: Михайловъ, Клѣточниковъ, Исаевъ, Лангансъ, Тригони, Морозовъ, Баранниковъ, Тетерка, Колодкевичъ, Арончикъ и я.

но Соколовъ не обращалъ на это никакого вниманія. Позже, свернувъ въ трубку простыню, я пытался очистить вентиляторъ, но безуспѣшно: нужна была спица, а не простыня. Но въ первые дни я мало придавалъ, конечно, значенія отсутствію форточки. Явились жандармы съ Соколовымъ, принесли тазъ, мыло, воду... Надо было спѣшить умываться, чтобы не задерживать другихъ. Умывшись, поворачиваюсь къ столу. Поданъ чай, черный хлѣбъ, булка. Отлично! Постепенно совсѣмъ разсвѣло, и я принялся за болѣе внимательный осмотръ камеры. Утѣшительнаго было мало... Ремонтъ, какъ видно, производился очень давно. Потолокъ, стѣны, когда-то выкрашенные въ желтоватый цвѣтъ, покрылись свѣтловатымъ налетомъ пыли и паутины. Паутина виднѣлась также во всѣхъ углахъ. Нижняя часть стѣны аршина на полтора облѣзла: штукатурка отъ сырости превращалась постепенно, какъ видно, въ известковый пухъ. Такой пухъ виднѣлся теперь вдоль всей стѣны до высоты $1^1/_2$ аршинъ. Выше, гдѣ штукатурка не смогла превратиться въ пухъ, она затвердѣла и почему-то стала почти черной. Полъ, когда-то крашенный, сохранилъ слѣды окраски лишь по окраинамъ. Впрочемъ, относительно сырости, долженъ оговориться, что настоящую равелинскую сырость я узналъ только позднѣе, въ другой камерѣ...

Насъ перевели въ пятницу ночью, теперь была суббота страстной недѣли. Несмотря на это, къ обѣду, смотрю, принесли щи съ мясомъ, жаркое и, если не путаю, что-то еще сладкое. При этомъ дали салфетку и серебряную ложку. Совсѣмъ хорошо! Пищи такъ много, что одинъ изъ насъ, не въ силахъ одолѣть ея, обратился къ Соколову съ просьбой сохранить для него жаркое на ужинъ. „Хорошо, хорошо, будемъ давать на ужинъ!“ отвѣтилъ Соколовъ самымъ серьезнымъ тономъ. Соколовъ приходилъ вмѣстѣ съ жандармами всякій разъ, когда они что-либо приносили въ камеру. День прошелъ незамѣтно въ уборкѣ, очисткѣ новаго помѣщенія. Вечеромъ дали чай, на ужинъ— щи. Никакихъ ужасовъ не оказывалось... Запущенность камеры, послѣ приборки, меньше бросалась въ глаза, не такъ коробила. Будущее не пугало. Предчувствіе не потревожило даже сна, и ночь подъ Пасху прошла безъ кошмаровъ...

Бодро встрѣтилъ я утро перваго дня Пасхи. Чай, пасхи, яйца рисовались впереди. Интриговалъ вопросъ, дадутъ ли еще что. Загремѣлъ замокъ, внесли воду для умыванія. Я живо, торопливо бросился къ тазу и совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что принесли жандармы,—такова была увѣренность въ томъ, что режимъ субботы установился на всегда. Умылся, не успѣлъ хорошо утереться, вдругъ слышу

рѣзкое: „Раздѣться!“ Оглядываюсь и вижу, на кровати лежитъ куча стараго, сѣраго хлама, а у кровати на полу стоятъ большіе неуклюжіе коты и рваныя суконныя онучи... „Нашли же чѣмъ огорчить!..“ невольно, съ улыбкой, прошла мысль въ головѣ. Раздѣлся... Жандармы подхватили снятую одежду и ушли. Я принялся осматривать новое приданое. Это было уже настоящее катаржанское одѣяніе. Старая, плохо вымытая дерюга-рубаха и нижніе порты, старые изъ очень потертаго сѣраго сукна, съ разрѣзами для кандаловъ, штаны и старая, сѣрая куртка. Но вотъ облаченіе кончилось, иду къ столу... Гдѣ же чай? На столѣ кружка чистой воды, кусокъ плохого ржаного хлѣба и маленькая творожная пасочка на блюдцѣ... Вотъ такъ угостили!

Но почему же было не начать этого режима съ перваго же дня, т. е. съ субботы? Тогда бы на все смотрѣлось, какъ на обычное явленіе, а теперь невольно закрадывалась въ голову мысль о преднамѣренности, о сознательномъ издѣвательствѣ... Сталъ ждать обѣда. Каковъ-то онъ будетъ? Вижу, не несутъ салфетки; вмѣсто серебряной ложки держитъ одинъ жандармъ деревянную. На столъ поставили оловянную миску съ чѣмъ-то мутнымъ, подъ цвѣтъ миски, а въ тарелкѣ размазню-кашу. Ушли жандармы съ Соколовымъ. Сѣлъ я обѣдать. Въ мискѣ оказались знаменитыя солдатскія щи николаевскихъ временъ: вода, клочки рубленной кислой капусты и пять кусочковъ пузыристыхъ пленокъ; гречневая жидкая каша съ каплей масла въ центрѣ вполнѣ соотвѣтствовала щамъ. На ужинъ дали уже одни щи, но безъ пленокъ. Такъ отпраздновали мы первый день Пасхи!.. Эта же пища пошла и дальше, съ той лишь разницей, что въ постные дни щи дѣлались, якобы, со снѣтками, а въ кашу лили чайную ложечку постнаго масла вмѣсто скоромнаго. Гуляній не было (и это при отсутствіи форточекъ). Свѣтъ плохой, блѣдный. По утрамъ, при очисткѣ стульчаковъ, зловоніе наполняло камеру и, конечно, не успѣвало проходить за время умыванья. Тѣмъ болѣе, что вскорѣ куплены были умывальные приборы и, значитъ, время, когда была отворена дверь, уменьшилось... Мы оказались буквально замурованными... Заболѣли зубы. „Нельзя ли позвать доктора?“ обращаюсь я къ Соколову, при какой-то раздачѣ пищи. „Въ Петербургѣ теперь зубы болятъ у всѣхъ, и лекарствъ отъ нихъ нѣтъ; доктора звать незачѣмъ!“—отрѣзалъ онъ. „Вотъ какъ, даже доктора нельзя позвать!“—замѣчаю обычнымъ гоголосомъ... „Молчать!“—какъ-то особенно рѣзко, искусственно выкрикнулъ Соколовъ... „Ну, и шутъ съ нимъ, съ вашимъ лекарствомъ! Въ другой разъ уже не обращусь!“ неожиданно сорвалось у меня съ

языка. Соколовъ злобно метнулъ глазами, но молча вышелъ поспѣшно за жандармами.

Пищу давали намъ не черезъ форточку въ дверяхъ, а заносили въ камеру. Соколовъ шелъ впереди двухъ или трехъ солдатъ и становился всегда рядомъ со мной за столомъ, внимательно слѣдя и за мной и за жандармами, и за поломъ.

Чуть замѣчалась гдѣ щепочка, соринка, онъ быстро нагибался, хваталъ ихъ и уносилъ. Книгъ не было. Сосѣдей тоже. Времени свободнаго цѣлый день. Какъ убить время? Вотъ тутъ-то мнѣ и сослужили большую службу Соловьевъ (Русская исторія), Спенсеръ и Вагнеръ. Соловьева и Спенсера я прочелъ еще до суда, сидя въ крѣпости. Все это помнилось, все давало богатый матерьялъ и для мысли, и для фантазій. Много дней прошло въ разныхъ заоблачныхъ мечтаніяхъ; шагая изъ угла въ уголъ почти отъ утра до ночи, я покрывалъ всю Россію школами, политехникумами, заводами, фабриками, кооперативными деревнями, селами и городами... Жилось не дурно! Жаль не долго... Скоро фантазія начала изсякать, повторяться...

— „Да дайте хоть Евангеліе!“—не выдержалъ я, наконецъ... „Хорошо! спрошу!“ отозвался Соколовъ. Проходитъ день, другой, третій, а книги нѣтъ, какъ нѣтъ. Напоминаю. „Да, я знаю: Спасителя-то вы почитаете, только Богомъ-то природу считаете!..“ —Не знаю, почему пустился вдругъ Соколовъ въ разговоръ. Я промолчалъ. Черезъ нѣсколько дней явилось Евангеліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ скоро перевели меня въ другой корридоръ, гдѣ оказался и сосѣдъ. Однако, разсмотрѣвъ новую камеру и поживъ въ ней немного, не особенно-то я порадовался переводу. Прежде были хороши сырость и грязь, но то, что теперь увидалъ и узналъ я, трудно было бы и придумать. Не говоря о стѣнахъ, сырость сказывалась на всемъ. Просыпаюсь какъ-то вначалѣ, смотрю на полъ и диву даюсь: весь онъ серебрянымъ налетомъ покрытъ. А полъ я ежедневно вытиралъ тряпкой. Всталъ, потрогалъ, стирается легко. Вытеръ. На другой день то же и т. д. Днемъ, ходя по камерѣ, я, видно, не давалъ налету образоваться; но за ночь грибки успѣвали выростать настолько, что получалась сплошная бѣловатая корка. Сырость увеличилась съ наступленіемъ теплой и дождливой погоды. Краска на полу у стѣнъ, гдѣ еще сохранилась, легко размазывалась теперь. Соль нельзя было держать на столѣ: въ солонкѣ получался разсолъ. Ее пришлось ставить на вьюшки въ трубу печки. Печка, по счастью, закрывалась изъ камеры (топилась она изъ корридора). Тамъ же, т. е. въ трубѣ, пряталъ я и спички; носилъ ихъ также и въ пазухѣ. Матрасы, набитые волосомъ,

и тѣ въ концѣ прогнили снизу. Къ этому въ маѣ отобрали теплыя куртки и дали лѣтнія, едва доходящія до пояса. Холодно! А прогулокъ все нѣтъ и нѣтъ! Наступили, помню, ясные дни, особенно по утрамъ. При утренней уборкѣ отворялась дверь, и черезъ корридорное окно виднѣлась яркая зеленая листва, освѣщенная солнцемъ. Такъ и манило, такъ и тянуло туда, на волю... Тамъ, за окномъ, рисовался настоящій рай, красота необыкновенная, а тутъ... сиди! Ужасъ этого положенія, однако, сталъ ясенъ мнѣ гораздо позднѣе; пока, я относился ко всему довольно равнодушно. Какъ будто иначе и быть не могло... На то, молъ, и пошелъ. Не выдержу—самъ виноватъ: почему не запасся здоровьемъ!

Спокойствіе и бодрость поддерживало и еще одно обстоятельство. Скоро по заключеніи пришелъ какъ-то Соколовъ съ бумагой и прочелъ выдержку изъ какихъ-то законовъ. Тутъ были и розги, и шпицрутены, кажется, до 5000 или до 6000 за дурное поведеніе, но тутъ же говорилось, что въ крѣпостяхъ каторжане содержатся только $^1/_4$ срока, причемъ и этотъ срокъ, при хорошемъ поведеніи, уменьшается, считая 10 мѣсяцевъ за годъ. По нашему расчету выходило, что меньше 7 лѣтъ придется сидѣть. Къ этому необходимо добавить еще и русское авось. Авось измѣнятся обстоятельства, авось...

А время потихоньку шло, да шло; ядъ могилы потихоньку все глубже и глубже забирался въ наше тѣло. Сначала отъ ходьбы начала появляться скорая усталость, потомъ на подошвахъ стала ощущаться боль, точно образовались мозоли или нажало ногу отъ неровности подвертки. Много хожу! рѣшилъ я. Надо больше отдыхать! Сдѣлалъ такъ. Новая бѣда!.. Посидишь на стулѣ, глядь,—ноги отекаютъ. Лучше буду лежать... Легъ... Не помогаетъ: подъ лодыжками опухоль появилась. Малокровіе! рѣшаю я и, найдя ржавый гвоздикъ въ столѣ, вынимаю его, кладу на ночь въ воду и утромъ пью ржавую воду. Пошелъ пятый или шестой мѣсяцъ заключенія, когда впервые повели насъ гулять (на $^1/_4$ часа). Въ первую прогулку дурно сдѣлалось, голова закружилась отъ непривычки. На дворѣ, къ несчастью, было сыро, холодно, а насъ повели въ тѣхъ лѣтнихъ курточкахъ, что едва лишь закрывали животъ. Разрѣзы въ штанахъ свободно давали вѣтру гулять въ ногахъ. И многіе, если не сейчасъ, то позднѣе простуживались очень сильно. У меня же другое огорченіе вышло. Нашимъ выходомъ Соколовъ не преминулъ воспользоваться въ цѣляхъ обыска и нашелъ мой лекарственный гвоздь который, я на день пряталъ въ столъ. Прихожу съ прогулки, — гвоздя уже нѣтъ. Ноги стали болѣть все хуже и хуже; боль все сильнѣй и сильнѣй.

Въ это время привезли Поливанова, а немного позже, съ Кары— Попова, Игната Иванова, Щедрина. Попова посадили рядомъ со мной. Хотѣлъ узнать про бѣлый свѣтъ, но стоять на одномъ мѣстѣ у стѣны становилось все труднѣй и труднѣй: ощущалась невыносимая боль... Наконецъ, и Соколовъ замѣтилъ, что хожу я съ трудомъ. „Что, можетъ, доктора позвать? Набѣгался!“ замѣтилъ онъ, желая и тутъ чѣмъ-нибудь уязвить. Самъ я доктора не хотѣлъ еще звать, помня свой зарокъ. Въ это время, вѣроятно, уже у многихъ появилась цынга, и нашу прогулку только ею и можно объяснить. Впрочемъ, я не зналъ еще, что и самъ былъ уже во власти этой страшной болѣзни. О цынгѣ я имѣлъ смутное представленіе: десны кровоточатъ, зубы выпадаютъ—вотъ и все. Ничего этого у меня пока не было, и я былъ спокоенъ, приписывая боль въ ногахъ малокровію, утомленію. Ушелъ Соколовъ, легъ я на кровать отдохнуть послѣ прогулки. При этомъ вздумалъ отъ скуки ноги подбросить къ верху. Подбросилъ разъ и чуть не закричалъ! Одна нога, поднявшись вверхъ, вдругъ опустилась, какъ плеть, со страшной, острой болью. Глянулъ подъ колѣно, а тамъ уже почернѣло. Плохо дѣло!.. Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ ноги и сдѣлалъ жестъ отчаянія.

— „Неужели нѣтъ надежды?“—спрашиваю его. „Ходи!.. больше ходи! Авось...“ вырвались у него отдѣльные возгласы. „Лекарство пришлю! Пей!.. Авось!“ еще разъ добавилъ онъ, уходя въ какомъ-то раздумьи.

Принесли желѣзо въ сахарномъ сиропѣ, уксусу, кружку молока. Принялся я ходить. Но болѣнь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалась. Вмѣсто небольшой опухоли у лодыжекъ, опухоль поднялась теперь до колѣнъ. Ноги превратились въ два точеныхъ, крѣпкихъ, упругихъ обрубка; цвѣтъ ихъ мѣнялся отъ краснаго къ сѣрому, синевато-черноватому. Боль въ икрахъ была ужасна, точно кто ихъ сжималъ очень туго желѣзнымъ обручемъ. При этомъ надо было ходить, и я ходилъ... Но чего это стоило! Походишь четверть часа и, какъ снопъ, валишься на кровать, и сейчасъ же не то бредъ, не то обморокъ. Сознаніе въ сущности не терялось, однако, стоило закрыть глаза, какъ начинало почему-то казаться, что болятъ не мои ноги, а страдаетъ сынъ злой самодурки-старухи изъ „Грозы“ Островскаго. При этомъ сама она стоитъ тутъ же у моей головы, какъ бы окружаетъ ее. Мои же ноги—не ноги, а этотъ мѣщанинъ сынъ, и я наблюдаю лишь со стороны, какъ злая старуха терзаетъ его. Мнѣ за него больно, а не за себя... Но вотъ на соборной колокольнѣ начинается перезвонъ колоколовъ, и я быстро открываю гзаза, живо вспоминаю, что

больше $^1/_4$ часа мнѣ нельзя лежать: надо ходить!.. Я встаю, но начать ходить сразу не могу. Разъ, другой обойду вокругъ кровати, держась за нее, какъ ребенокъ, и только тогда рѣшаюсь пуститься въ путь. Черезъ $^1/_4$ часа та же исторія; если не лежишь и не бродишь, то, сидя на кровати, мочишь уксусомъ опухоль (уксусу, впрочемъ, давали мало), разминаешь руками икры, дѣлаешь движеніе ступней; затѣмъ черезъ $^1/_4$ часа встаешь, кружишься вокругъ кровати и снова ходишь.

Такъ проходилъ день. Къ вечеру, окончательно выбившись изъ силъ, я валился на кровать, и тутъ уже никакое сознаніе, никакая боязнь не могли бы заставить продолжать ходьбу. Спать! Спать!.. Новая бѣда: отъ переутомленія и боли не было сна. Забудешься на минутку и проснешься... Прописалъ докторъ морфій. Сначала лекарство помогло, но скоро и оно перестало дѣйствовать. Періодъ усиленныхъ болей у меня продолжался болѣе мѣсяца, а потомъ мало-по-малу стало легче. Судя по лекарству, то же происходило и во всемъ равелинѣ. Сначала на окнѣ корридора появился небольшой пузырекъ съ желѣзомъ. Затѣмъ этотъ пузырекъ сталъ расти и выросъ въ большой; наконецъ, на окнѣ поставили цѣлую бутыль, чуть не въ $^1/_4$ ведра. Однако, прогулокъ не увеличили. Пищу не улучшили. Къ этому многихъ простудили на смерть. Соколовъ, несмотря на погоду, строго держался правилъ. 15-го мая, когда было еще довольно прохладно, онъ отобралъ у насъ теплыя шапки и теплыя куртки, давъ короткія, легкія, сѣрыя, изобрѣтенныя Толстымъ курточки съ черными рукавами; онѣ не закрывали и живота. На голову дали лѣтнюю фуражку. Ни халата, ни шубенки. Коты ко времени прогулокъ протерлись насквозь. Въ такомъ то видѣ и повелъ онъ насъ гулять, и такъ гуляли мы до 1-го или 15-го октября, когда по правиламъ выдается теплая одежда. Даже лѣтомъ въ камерѣ было холодно въ такомъ костюмѣ! Вполнѣ понятно поэтому, что многіе очень серьезно простудились, а изъ простуды развилась, полагаю, у нѣкоторыхъ чахотка. Зато инструкція торжестовала!

Этотъ Соколовъ такую еще выкинулъ разъ штуку. Росли въ нашемъ садикѣ три или четыре яблони. Онѣ посажены были поляками, какъ намъ говорили. Въ этомъ году на нихъ были яблоки, небольшія, съ краснымъ бокомъ. Осенью, поспѣвая, а можетъ быть, и отъ вѣтра, они стали падать. Кто-то изъ насъ поднялъ одно изъ такихъ яблокъ и съѣлъ. Соколовъ замѣтилъ это, сказать ничего не сказалъ, но на другой же день всѣ яблоки исчезли. Это онъ приказалъ ихъ оборвать, дабы не пострадали инструкціи...

Изъ моихъ близкихъ сосѣдей въ это время хуже всѣхъ было

дѣло Ланганса. У него подъ колѣномъ образовалась такая же чернота, какъ и у меня, да кромѣ того онъ простудился, и показалась кровь горломъ. Силъ ходить не было, а чернота на ногѣ стала загнивать.

Прошла осень. Зимой въ камерахъ меньше сырости, воздухъ чище; одѣли насъ въ шубки, дали книгъ духовнаго содержанія. Мнѣ попалась библія на нѣмецкомъ языкѣ, и я, при помощи русскаго Евангелія, принялся понемногу возобновлять въ памяти то, что училъ въ гимназіи и успѣлъ уже забыть. Здоровье зимою пошло на улучшеніе, несмотря на то, что и пища и прогулка не измѣнились. Мы были всѣ въ возрастѣ около тридцати лѣтъ (одни моложе, другіе старше). Этому только и можно приписать, что организмъ при самой ничтожной поддержкѣ самъ одолѣвалъ цынгу. Къ веснѣ болѣзнь значительно ослабла, но Соколовъ не дремалъ. Улучшеніе онъ сейчасъ подмѣтилъ, и въ результатѣ у насъ отняли и желѣзо и молоко. Кто-то просилъ давать хоть нѣсколько ложекъ молока—отказали. Цынга, чахотка словно обрадовались и снова принялись за свою разрушительную работу. Тогда Клѣточниковъ рѣшилъ уморить себя голодомъ, чтобы добиться для товарищей лучшей доли. Сначала Соколовъ не обратилъ на это вниманія, но когда Клѣточниковъ обезсилѣлъ, явился къ нему и съ помощью жандармовъ заставилъ съѣсть нашъ обычный обѣдъ. На другой же день въ камерѣ Клѣточникова сдѣлалось подозрительно тихо. Дня два послѣ этого Соколовъ съ жандармами продѣлывалъ комедію заноса въ эту камеру, якобы, пищи въ обѣдъ и ужинъ. Потомъ бросилъ. Одна камера опустѣла...

У меня къ этому времени появилась новая боль. Стоило встать на ноги или начать ходить, какъ въ подошву словно вонзались сотни гвоздей, точно кто набилъ ихъ въ подошву башмаковъ. Невольно вспоминались инквизиціонные сапоги для пытокъ... Выносить такую боль не хватало уже силъ и пришлось больше лежать. Ланганс теперь окончательно слегъ; у него кровь шла цѣлыми кружками; гніеніе ногъ увеличилось... Дали опять молоко; желѣзо тоже бутылями появилось снова на окнѣ. Но было уже поздно: съ другого коррилора изъ ближайшей камеры стали доноситься подозрительныя фразы доктора и Соколова: „Еще живъ!.. Протянетъ!“ Начали слѣдить, чутко прислушиваться по ногамъ. Жандармы заходятъ въ сосѣднія камеры какъ-то подозрительно скоро и уходятъ. Ночной шорохъ еще болѣе пугаетъ и заставляетъ внимательнѣе слѣдить за уловками Соколова... „Пусто! Нѣтъ больше и Баранникова!“ — объявляетъ

вдругъ мой сосѣдъ, сидѣвшій ближе къ другому корридору.—„Да,—отвѣчаю,—и мнѣ показалось, что къ нему уже не заходили сегодня!“ Съ тѣмъ корридоромъ, гдѣ сидѣлъ Баранниковъ, Теterка и проч., у насъ не было сношеній: мѣшала большая ванная комната.

Догадкамъ по лекарству на окнѣ, по маневрамъ жандармовъ много помогала и та острая напряженность вниманія и слуха, которая развивается въ тюрьмѣ.

Вначалѣ, когда еще товарищи всѣ стояли живо предъ глазами въ томъ видѣ, какъ ихъ видалъ на судѣ, и въ голову не приходила мысль о чьей-либо скорой смерти. Живыми, бодрыми, здоровыми рисовались они въ памяти. О своемъ спокойствіи я уже говорилъ. Но вотъ умираетъ Клѣточниковъ. Для меня это было неожиданностью... Смерть эта вспугнула безпечность, повернула мысль въ другую крайность. Явилась особенная, обостренная боязнь за жизнь каждаго, особенно за тѣхъ, про которыхъ ничего нельзя было узнать. Лично о себѣ какъ-то не думалось; мнѣ почему-то всегда казалось, что я выживу еще годъ, какъ опредѣлилъ я разъ въ разговорѣ съ сосѣдомъ. Зато въ каждомъ шорохѣ, въ каждомъ необычномъ звукѣ чудилась мнѣ смерть другихъ, насиліе, ужасы. Являлось неодолимое, мучительное желаніе проникнуть туда, дать умирающему хоть минуту провести съ близкимъ человѣкомъ. Сама смерть тогда не казалась такой тяжелой, ужасной. Но такъ давила эта тишина, эта полная отчужденность отъ міра, отъ живыхъ людей. Завели человѣка въ пустыню, въ непроходимый лѣсъ и бросили... Напрасно всматривается онъ въ даль, кругомъ нѣтъ ни души! Жуть и страхъ невольно охватываютъ душу...

А тутъ, однажды, еще такой случай. Среди гробовой тишины вдругъ раздался отчаянный крикъ погибающаго человѣка, за крикомъ послѣдовала короткая возня — борьба, и слышно было, какъ что-то тяжелое пронесли по корридору. Что такое? Бьютъ кого? Или сошелъ кто съ ума? Ужасъ, отчаяніе, жалость охватили разомъ все существо... Отъ сознанія своего безсилія слезы заполнили глаза... Явилось желаніе ломать руки, кричать, неистовствовать, разбить себѣ голову... Но какая польза? — спрашивалъ разумъ. Это ужасное состояніе пойметъ хорошо тотъ, у кого на глазахъ тонулъ, горѣлъ, вообще погибалъ близкій человѣкъ; самому же ему пришлось стоять, смотрѣть и въ безсиліи ломать лишь руки, безумно бѣгая по берегу рѣки или возлѣ горящаго дома. Соколовъ, видно, понялъ наше состояніе и не скрылъ: „Сошелъ одинъ съ ума, увезли въ больницу“,—отвѣтилъ онъ и, дѣйствительно, это былъ карійскій

Игнатій Ивановъ. Его возили въ Казань, потомъ, когда онъ немного тамъ оправился, возвратили, но уже въ Шлиссельбургъ, гдѣ его и ждала могила.

Смерть Баранникова нѣсколько всполошила начальство. Увеличили до $^1/_2$ часа прогулку, улучшили мясо въ щахъ, въ кашу наливали такъ много масла, что желудокъ не въ состояніи былъ его усвоить. Какъ бы въ отвѣтъ на это улучшеніе умеръ Тетерка. Начальство забило тревогу: этакъ и всѣ, пожалуй, сдѣлаютъ; тогда и лавочку закрывай; чинамъ, жалованью, наградамъ придется сказать прости! Кто-то появился на корридорѣ и долго смотрѣлъ въ дверное окно... Открыто приходилъ и самъ Оржевскій. Вмѣсто каши рѣшили давать котлеты, а въ воскресенье, сверхъ двухъ блюдъ— пирогъ. Во время прогулки окна открывались, и камера, постель провѣтривались... Рябчиками буду кормить, если прикажутъ!" заявилъ кому-то Соколовъ. А между тѣмъ, еще недавно тотъ же Соколовъ давалъ намъ хлѣбъ съ огромной примѣсью куколя, съ сороконожками, сухими личинками. У меня вошло въ привычку передъ ѣдой разламывать хлѣбъ на мелкіе куски, выбирать соръ и потомъ уже ѣсть. И вотъ, однажды, разломилъ, смотрю — бѣлѣетъ что-то. Присмотрѣлся еще—два или три бѣлыхъ хлѣбныхъ червя. Выбросилъ... Говорю на слѣдующій день Соколову. „Быть не можетъ! я самъ смотрю за печеніемъ хлѣба!" отвѣчаетъ онъ. Не помню, почему я не сохранилъ червей. Пришлось промолчать. Разламываю послѣ его ухода хлѣбъ и, къ своему удовольствію, снова нахожу штуки три бѣлыхъ, налитыхъ червя. Сохранилъ ихъ. Является Соколовъ.—„Вотъ—говорю,—смотрите!"—и показываю свою находку. Соколовъ взглянулъ, покраснѣлъ и, взявъ, быстро спряталъ хлѣбъ въ карманъ, не говоря ни слова. Я заранѣе торжествовалъ, но, оказалось, рано. Въ слѣдующій приходъ Соколовъ смѣло, нахально сталъ увѣрять меня, что это были не черви, а разбухшія зерна ржи... Однако, съ этихъ поръ, видимо, хлѣбъ сталъ чище. Муку, должно быть, стали пересѣвать. Уже не попадались больше личинки, соръ, хотя куколь и не уменьшился. И вотъ послѣ такого-то хлѣба— „рябчики"!.. Эти рябчики очень не многихъ, впрочемъ, спасли. Для большей части они продлили лишь время умиранія,—у Колоткевича до двухъ лѣтъ; у Лангanса болѣе двухъ; у неизвѣстнаго на отдѣльномъ корридорѣ лекарство виднѣлось очень долго и исчезло лишь передъ нашимъ увозомъ. Исаевъ умеръ въ Шлиссельбургѣ; Арончикъ, полувысохшій и со страшными пролежнями, тоже очень долго мучился въ Шлиссельбургѣ. Онъ немного былъ кромѣ того помѣшанъ,

а Соколовъ не хотѣлъ этому вѣрить и смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что тотъ часто голодаетъ и не принимаетъ лекарствъ... Въ концѣ концовъ Арончикъ слегъ и больше не поднимался до самой смерти, превратившись въ живой скелетъ. Къ намъ пріѣзжалъ какъ-то въ Шлиссельбургъ чиновникъ изъ департамента. Я его просилъ, чтобы позволили мнѣ ухаживать за Арончикомъ. „Никакой уходъ ему теперь не поможетъ!“ сказалъ чиновникъ. Меня, конечно, не пустили. Арончикъ скоро и умеръ. Щедринъ, Ивановъ и Поливановъ пережили равелинъ, но что изъ того? Поливановъ еще въ равелинѣ пытался покончить съ собою—Соколовъ замѣтилъ и не допустилъ. Въ Шлиссельбургѣ онъ много страдалъ и тоже не рѣдко помышлялъ о самоубійствѣ. Ивановъ умеръ, психически разстроенный, въ Шлиссельбургѣ. Несчастный Щедринъ и до сего дня мучится въ Казани... И все это результатъ „рябчиковъ“!.. Про Александра Михайлова мы узнали позже. Онъ сидѣлъ въ изолированномъ корридорѣ. Отъ чего собственно погибъ онъ (и погибъ вскорѣ), неизвѣстно. Только Соколовъ разъ какъ-то проговорился: „Умереть-то онъ умеръ, но не отъ цынги—особо!..“ Большаго отъ него нельзя было добиться.

Нѣсколько словъ еще о прогулкѣ.

Выводили въ садикъ по одному человѣку и сначала не позволяли тамъ ничего дѣлать: ходи, смотри и только. Дежурный унтеръ ходилъ вдоль одной стороны садика, у стѣнъ равелина; часовой, съ шашкой наголо, ходилъ вдоль другой, а самъ Соколовъ помѣщался въ проходѣ со сводомъ, чрезъ который насъ вели въ равелинъ. Тутъ была въ садикъ стеклянная дверь, и чрезъ нее-то Соколовъ наблюдалъ и за нами, и за жандармами. Нужно положительно удивляться его трудоспособности! Позже къ намъ перевели изъ Петропавловки еще нѣсколько человѣкъ, чтобы подготовить ихъ къ отправкѣ въ Шлиссельбургъ, и Соколову приходилось съ ранняго утра и до поздняго вечера торчать въ подворотнѣ. И онъ торчалъ! И находилъ еще силы бродить по ночамъ по тюремному корридору и провѣрять, все ли благополучно... Шла зима второго года; въ садикѣ образовались большіе снѣжные сугробы, являлось сильное желаніе поразмяться, разбросать снѣгъ. Не тутъ-то было! лопатъ не даютъ. Но разъ какъ-то въ садикъ зашелъ докторъ, и я обратился къ нему съ просьбой о лопатѣ. Тотъ переговорилъ съ Соколовымъ, и на другой же день была дана небольшая лопатка. Съ жаромъ принялся я за работу, но живо и осѣкся: въ рукахъ, въ ногахъ появилась дрожь, все тѣло покрылось потомъ; въ головѣ помутнѣло... На другой день повторилось то же самое, но уже въ болѣе слабой степени, и скоро я

могъ вполнѣ насладиться работой. Къ сожалѣнію, снѣгу было мало. Зато приближалась весна. Можно было заняться уборкой садика, для чего дали песокъ и хорошія лопаты. (Въ это именно время привезли Мышкина, Богдановича, Златопольскаго). Съ пескомъ работа заключалась въ томъ, что я задавалъ себѣ задачу столько-то разъ перебросить кучу съ одного мѣста на другое и обратно; затѣмъ мѣнялъ руку: то бросалъ лѣвой десять лопатъ, то правой. Во время отдыховъ наблюдалъ за окнами корридора, стоятъ ли обычныя лекарства, не прибавилось ли чего, не исчезло ли совсѣмъ. За себя я и раньше не боялся, теперь и подавно. Но за другихъ сердце постоянно болѣло, такъ какъ я зналъ, что здоровье многихъ очень плохо. Выходишь на прогулку, и съ тоской и замираніемъ смотришь на окна. Если стоитъ лекарство,—успокоишься, начнешь быстро ходить, пересыпать песокъ, продолжая, все-таки, время отъ времени бросать тревожные взгляды на окно, на стоящіе тамъ чайники. Исчезло лекарство—не стало, значитъ, человѣка... Въ первую минуту не вѣришь глазамъ, провѣряешь себя наблюденіемъ сосѣда, съ которымъ перестукиваешься... Потомъ охватываетъ тоска, злоба... Начинаешь проклятья посылать мучителямъ. Мнѣ кажется, легче самому умирать, чѣмъ выносить пытку горя отъ смерти близкихъ людей.

Съ переводомъ въ равелинъ Мышкина, Богдановича и другихъ, у насъ установились, наконецъ, сношенія и съ ихъ корридоромъ. Радости намъ это, конечно, не принесло, но теперь хоть можно было точнѣе узнавать о ходѣ болѣзни и въ этой сторонѣ тюрьмы.

31-го іюля 1884 г. насъ заковали сначала въ ножные кандалы, потомъ уже ночью въ ручные и увезли въ Шлиссельбургъ. Привезли насъ въ Алексѣевскій равелинъ 11 человѣкъ. Увезли въ Шлиссельбургъ пятерыхъ. Дождались свободы только трое...

Такова была „милость“!

М. Фроленко.

Дѣло Д. И. Писарева.

(По неизданнымъ источникамъ).

Врядъ ли можно знать меньше, чѣмъ извѣстно до сихъ поръ о причинахъ и обстоятельствахъ очень интереснаго политическаго процесса нашего знаменитаго критика и публициста, Д. И. Писарева. Бѣдность свѣдѣній по этому поводу прямо поразительна. Точно, все оно произошло не на глазахъ живыхъ людей и потомъ было кѣмъ-то вырвано изъ ихъ памяти.

Пополнить, и при томъ весьма содержательно, такой непростительный пробѣлъ мнѣ даетъ возможность очень обширное дѣло сенатскаго архива.

I.

13 іюня 1862 г. къ наборщику типографіи комиссаріатскаго департамента военнаго министерства, Горбановскому, явился студентъ Баллодъ [1]) и просилъ напечатать съ принесеннаго имъ готоваго набора 360 экземпляровъ прокламаціи по адресу офицеровъ. Получивъ согласіе на исполненіе такого заказа, онъ сказалъ, что зайдетъ за нимъ утромъ 15-го, и удалился. Вечеромъ того же дня Горбановскій принесъ полученный наборъ экзекутору департамента и разсказалъ все, что зналъ, не скрывъ при томъ, что въ квартирѣ своей жены онъ открылъ небольшую типографію, еще не заявленную полиціи. Разумѣется, сейчасъ же обо всемъ было сообщено по начальству, и раннимъ утромъ 15 іюня у квартиры Горбановскаго дежурила полицейская засада. Дѣйствительно, къ 7 часамъ туда явился

---

[1]) Сынъ священника въ Лифляндской губерніи, Петръ Давидовичъ Баллодъ воспитывался въ рижской семинаріи; окончивъ ее, поступилъ въ Петербургѣ въ Медико-Хирургическую академію, а въ 1858 г. перешелъ на естественный факультетъ университета.

слуга Баллода, Лисенковъ, и въ качествѣ удостовѣренія, что онъ присланъ именно за прокламаціей, предъявилъ одинъ ея экземпляръ. Его арестовали, сняли допросъ и отправили въ полицію; то же сдѣлано было съ Горбановскимъ.

Въ 11 часовъ утра нагрянули къ Баллоду, жившему въ меблированныхъ комнатахъ на Васильевскомъ островѣ. Тамъ нашли всевозможныя прокламаціи, типографскія принадлежности и бумаги самого хозяина и уѣхавшаго товарища его, Еленина. Затѣмъ направились въ сосѣднюю комнату Н. И. Жуковскаго, которому тоже служилъ Лисенковъ. Тамъ, въ его отсутствіе, взяли кое-какія бумаги. Баллодъ былъ арестованъ при полиціи. Вечеромъ случайно обнаружили его вторую квартиру на Выборгской сторонѣ, произвели въ ней обыскъ, обнаруживъ много шрифта и типографскихъ принадлежностей и нѣсколько заграничныхъ изданій. 18-го привезли туда Баллода, удостовѣрившаго принадлежность себѣ всего найденнаго.

20 числа членъ особой Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ кн. А. Ѳ. Голицына, генералъ-маіоръ Слѣпцовъ, объявилъ комиссіи, что Государь лично приказалъ ему передать ей свою непреклонную волю, «чтобы она обратила преимущественно и безотлагательно вниманіе на дѣйствія арестованнаго при полиціи студента Баллода». Немедленно были приняты мѣры, и уже 25 іюня д. ст. сов. Каменскому было поручено разсмотрѣніе бумагъ Баллода, Жуковскаго и Еленина. Вмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-полицеймейстеру было предписано разыскать Жуковскаго, а III Отдѣленію сообщено о необходимости обратить вниманіе на Еленина и хозяйку второй квартиры Баллода—Максимовичеву.

27 числа, когда Каменскій ознакомилъ уже комиссію съ содержаніемъ переданныхъ ему бумагъ, послѣдняя въ полномъ своемъ составѣ [1]) допросила Баллода и Лисенкова. Первый былъ уже 21-го заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а второй отпущенъ на свободу.

Баллодъ съ самаго начала заявилъ комиссіи, что дастъ вполнѣ вѣрныя и подробныя показанія, которыя будутъ отличаться отъ

---

[1]) Кн. Голицынъ, оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, командированный отъ петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-маіоръ Огаревъ, управляющій III Отдѣленіемъ—генералъ Потаповъ, командированный военнымъ министромъ, свиты его величества ген.-маіоръ Слѣпцовъ, командированный министромъ внутреннихъ дѣлъ, д. ст. сов. Туруновъ, а потомъ Ждановъ, командированный министромъ юстиціи оберъ-прокуроръ 4 департамента сената, д. ст. сов. Гедда, и дѣлопроизводитель—д. ст. сов. Волянскій.

сдѣланныхъ раньше въ полиціи. «Къ показаніямъ, даннымъ мною на приложенныхъ листахъ, я не имѣю ничего прибавить», — написалъ онъ.

Относительно своей второй, по теперешней терминологіи — конспиративной, квартиры Баллодъ заявилъ, что не прописался тамъ только потому, что еще не вполнѣ переѣхалъ, такъ какъ хозяйка ея, Максимовичева, уѣхала сама лишь 20 мая. Съ Николаемъ Жуковскимъ знакомъ около трехъ лѣтъ, узнавъ его черезъ брата его, Владиміра, судебнаго слѣдователя въ Уфѣ; Еленинъ—товарищъ по рижской духовной семинаріи, уѣхалъ на лѣто въ Ригу и, думая возвратиться осенью, оставилъ ему свои вещи. «Все участіе Николая Жуковскаго состояло въ томъ, что онъ мнѣ досталъ отъ Горбановскаго одинъ старый и одинъ новый валикъ и краски. Больше же никакого участія онъ не принималъ; онъ даже иногда смѣялся надъ безполезностью моихъ трудовъ. Листки, напечатанные мною, я давалъ ему, но какіе именно и сколько, я не помню». Съ Горбановскимъ познакомился въ конторѣ Янова и К°, которою управлялъ Н. Жуковскій. До этого въ январѣ просилъ послѣдняго переговорить съ Горбановскимъ, не возьмется ли тотъ напечатать статью Огарева—«Что нужно народу», приложенную къ «Колоколу». Горбановскій далъ согласіе, началъ наборъ, но затѣмъ отказался, сказавъ, что она требуетъ много шрифту, а убыль его въ кассахъ казенной типографіи легко можетъ быть замѣчена. Краски и два валика отъ Горбановскаго ему доставилъ Жуковскій [1]).

Слѣдующіе вопросы комиссіи касались найденныхъ при обыскахъ у Баллода прокламацій и бумагъ.

Среди первыхъ особеннымъ вниманіемъ ея пользовалась прокламація «Молодая Россія». Интересующіеся найдутъ ее во второмъ приложеніи къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи», изданнымъ за границею подъ редакціей г. Богучарскаго; тамъ она напечатана полностью, хотя и съ незначительными ошибками. Я же лишь вкратцѣ перечислю ея основные пункты.

«Молодая Россія» издана была Центральнымъ революціоннымъ комитетомъ (по крайней мѣрѣ, такъ говорилось въ текстѣ), какъ первый номеръ новаго журнала, и предназначалась для проведенія главнаго положенія программы: соціальная и демократическая рус-

[1]) Баллодъ много работалъ и въ области естествознанія. Онъ велъ изданіе перевода извѣстной анатоміи Гиртля, который дѣлалъ вмѣстѣ съ академикомъ А. С. Фаминцынымъ, тогда студентомъ. По ходатайству послѣдняго, ему были выданы потомъ всѣ рукописи перевода, взятыя у Баллода на обыскѣ.

ская республика. Достиженію этой цѣли должно было служить все, и никакія препятствія не должны были мѣшать. Терроръ признавался надежнымъ средствомъ. Прокламація требовала республиканско-федеративнаго союза областей, состоявшихъ, въ свою очередь, изъ земледѣльческихъ общинъ, выборнаго суда, правильнаго распредѣленія налоговъ, заведенія общественныхъ фабрикъ, заводовъ и лавокъ, общественнаго воспитанія дѣтей, содержанія общиной стариковъ и больныхъ, полной эмансипаціи женщины, уничтоженія брака, семьи и монастырей, увеличенія содержанія солдата, уменьшенія срока его службы и замѣны арміи національною гвардіею, полной независимости Польши и Литвы. Достиженіе всей этой программы возлагалось, главнымъ образомъ, на молодежь, затѣмъ на войско, за которыми уже пошелъ бы народъ, особенно старообрядцы.

Распространена была «Молодая Россія», повидимому, въ массѣ экземпляровъ. Напримѣръ, изъ отношенія Валуева къ кн. Голицыну слѣдуетъ, что въ половинѣ мая въ Москвѣ ее разбрасывали на бульварахъ, площадяхъ и у подъѣздовъ, посылали по городской почтѣ, а нѣсколько экземпляровъ найдены были въ адресной книгѣ студентовъ университета.

Она очень взволновала правительство и умѣренную часть общества, а въ болѣе радикальной не вполнѣ одобрялась, благодаря нѣкоторымъ своимъ пунктамъ, въ родѣ уничтоженія семьи и брака. Разразившіеся, вслѣдъ за ея появленіемъ, пожары въ Петербургѣ были приписаны Центральному революціонному комитету, и потому понятно, какъ хотѣлось комиссіи кн. Голицына узнать что-нибудь отъ Баллода.

Баллодъ не отрицалъ своихъ связей съ Центральнымъ комитетомъ и далъ слѣдующее показаніе о своемъ съ нимъ знакомствѣ, происшедшемъ, по особому приглашенію, въ Александровскомъ паркѣ.

«Въ Александровскій паркъ впервые, въ первой половинѣ мая, я приглашенъ былъ анонимной запиской по почтѣ, въ которой говорилось, что, придя во-время въ указанное мѣсто, я очень весело и разнообразно проведу время. На другой день, когда я пришелъ въ паркъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, обращенныхъ къ Тучкову мосту, подошли ко мнѣ какихъ-то два господина и сказали:

— Здравствуйте, Баллодъ. Это мы васъ приглашали, но не для того, чтобъ провести пріятно время, а для того, чтобъ поговорить о дѣлѣ.

«Оба они были съ бородами, средняго роста, одинъ изъ нихъ былъ въ пальто Гарибальди сѣраго цвѣта и въ фуражкѣ; ему было около 40 лѣтъ, онъ былъ довольно плотный. Другому было лѣтъ около 27, одѣтъ онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. У перваго борода была съ просѣдью, у второго—русая.

— Мы слышали, что вы честный и энергичный человѣкъ, вы можете намъ сильно помочь. Скажите, какъ вы смотрите на революцію?

«Я смѣшался. Въ это время подошелъ къ намъ одинъ господинъ высокаго роста, въ поярковой шляпѣ и въ суконномъ пальто, поклонился мнѣ, назвалъ мою фамилію. Разговаривавшіе со мной назвали мнѣ его своимъ. Видя, что я смѣшался, они мнѣ сказали, что они члены революціоннаго комитета и что знаютъ меня, какъ разбрасывателя листковъ. Я сказалъ, что лучше желалъ бы остановить движеніе къ революціи, потому что считаю революцію сомнительной борьбой.

— Напрасно, — отвѣчали они. Ну, а какъ вы думаете, будетъ революція или нѣтъ?

«Я сказалъ, что инстинктъ, который у меня очень силенъ, говоритъ мнѣ, что революція будетъ.

— Ну, а если революція будетъ, то нельзя же сидѣть сложа руки, нужно что-нибудь дѣлать. Что же вы будете дѣлать?

— Не знаю,—сказалъ я,—что придется.

— Странно! Вы человѣкъ съ такимъ здоровымъ мозгомъ и такъ разсуждаете. Вступили бы вы въ революціонный комитетъ, еслибъ вамъ предложили?

— Это зависитъ отъ программы комитета,—сказалъ я.

— Вотъ мы дадимъ вамъ программу, а вы скажите намъ ваше слово.

«Здѣсь они повели меня къ присѣвшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ пяти человѣкамъ, отрекомендовали меня, взяли у одного изъ нихъ 9 экземпляровъ «Молодой Россіи», подали мнѣ и сказали:

— Вотъ наша программа.

«Послѣ этого мы отошли отъ нихъ. Тутъ они стали говорить о моемъ характерѣ, называли меня мягкимъ, женственнымъ; говорили, что я нормально энергиченъ тогда, когда дѣйствую одинъ, но что могу измѣниться очень скоро, попавъ въ общество людей съ другими убѣжденіями, и что одинъ изъ ихъ общества сказалъ даже, что меня нужно опасаться, какъ человѣка, который въ критическую

минуту, будучи разжалобленъ чѣмъ-нибудь, можетъ напакостить. При этомъ я вспомнилъ выходки Ноздрева и обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Что же, вы считаете меня за человѣка безъ убѣжденій?

— Нисколько, но вы мягки и чувствительны; увидѣвъ несчастнаго, вы можете забыться. Вспомните 8-е марта. Вы тутъ показали вашу энергію и вашу чувствительность [1]).

«Послѣ этого мы скоро разстались, и они просили меня прійти черезъ недѣлю, въ это же время, въ Александровскій паркъ.

«Когда я пришелъ во второй разъ, то подошли ко мнѣ трое; одного изъ нихъ я видѣлъ первый разъ. Въ это свиданіе мы занялись разборомъ «Молодой Россіи». Я возражалъ, они отстаивали каждую строчку, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о Богѣ. Во время этого разговора подошелъ одинъ господинъ высокаго роста, худощавый, къ которому они обратились со словами:

— Отчего вы не были у насъ третьяго дня?

— Я не былъ въ городѣ эти дни,—отвѣтилъ онъ.

— Мы были у васъ часа два тому назадъ; вѣдь вамъ ѣхать.

— Знаю. Я былъ сейчасъ у..., тамъ узналъ, что вы будете сегодня здѣсь.

— Я вамъ привозилъ деньги; вотъ они и вотъ вамъ инструкція. Если вамъ этихъ шести тысячъ мало, то вы знаете куда обратиться?

— Знаю,—отвѣтилъ онъ.

«Послѣ этого они сказали ему нѣсколько словъ шопотомъ, и онъ ушелъ, говоря, что ему нужно ѣхать за городъ сейчасъ.

«Потомъ они обратились ко мнѣ съ вопросомъ:

— Думаете ли вы вступить въ революціонный комитетъ?

«Я сказалъ, что еще не рѣшилъ, и спросилъ: «къ чему вы меня торопите»?

— Намъ бы хотѣлось васъ отправить въ вашъ край, къ литовцамъ. Тамъ у насъ почти никого еще нѣтъ. Если вы на это не согласитесь, то, вѣрно, не откажетесь завѣдывать полицейскою частью. У насъ этой частью завѣдуетъ одинъ господинъ, да ему, вѣроятно, придется скоро уѣхать.

«Я спросилъ, что это за должность.

---

[1]) На вопросъ комиссіи потомъ, что это значитъ, Баллодъ объяснилъ, что 8 марта 1862 г., на извѣстной „думской исторіи“ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ, Баллодъ, разстроенный оскорбленіемъ, нанесеннымъ аудиторіей почтенному профессору, кричалъ, чтобы его выслушали, и добился своего.

— Слѣдить за всякимъ вновь вступающимъ членомъ и вообще за всякимъ, на котораго укажутъ. Вамъ это легко: у васъ много знакомыхъ, да у васъ будутъ еще и компаньоны.

«Я сказалъ, что у меня не хватитъ средствъ на это. Они сказали, что мы за этимъ не постоимъ.

— Вотъ отправили господина, котораго вы видѣли, въ нѣкоторыя юго-западныя губерніи ревизовать комитеты и, если можно, то организовать, и дали ему шесть тысячъ рублей.

— На это, можетъ быть, и соглашусь,—сказалъ я.

«Потомъ они стали говорить о «карманной типографіи» и сказали:

— Вы, вѣроятно, въ сношеніи съ ней.

«Я сказалъ, что она моя.

— Неужели она у васъ тамъ, на Васильевскомъ островѣ?

«Я сказалъ, что у меня есть другая квартира, о которой никто не знаетъ.

— Если мы къ вамъ обратимся когда-нибудь, то вы не откажетесь напечатать?

— Если статья не будетъ имѣть характера «Молодой Россіи»,— сказалъ я, то, пожалуй.

«Вскорѣ послѣ этого мы разстались.

«Оба эти свиданія продолжались не болѣе полуторыхъ часовъ. Мы гуляли по аллеямъ парка, обращеннымъ къ Кронверкскому проспекту.

«Въ началѣ іюня мнѣ было прислано на Выборгскую письмо, которымъ меня приглашали въ Петровскій паркъ. Когда я пришелъ въ паркъ, то подошли ко мнѣ двое. Это были тѣ, которые говорили со мной въ первый разъ. Прежде всего они сказали мнѣ:

— Какова наша полиція?

«Потомъ спросили, рѣшилъ ли я? Я сказалъ, что посмотрю, каковъ будетъ слѣдующій номеръ «Молодой Россіи», и тогда скажу.

— Хорошо. Онъ выйдетъ черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и позже. А теперь мы попросимъ васъ напечатать одну статейку; она самая невинная, чисто въ вашемъ духѣ.

— Если такъ, то хорошо.

«Здѣсь я сказалъ, что нельзя ли такъ сдѣлать, что я сдѣлаю наборъ, а чтобы они напечатали, такъ какъ имъ легко это, по-

тому что у нихъ есть станокъ, а у меня не выкупленъ еще заказанный мною станокъ [1]).

— Нѣтъ,—сказали они,—это неудобно. Сколько вамъ нужно денегъ на выкупъ станка?

«Я сказалъ, что отъ 40—50 рублей. Одинъ изъ нихъ тотчасъ вынулъ изъ кармана 50 рублей и далъ мнѣ. Потомъ они повели меня къ двумъ другимъ, которые были отъ насъ въ шагахъ 50, взяли у нихъ бумагу, карандашъ, портфель и рукопись, съ которой мнѣ диктовали. Я просилъ дать мнѣ рукопись, но они сказали, что этого нельзя, и просили меня написать [2]). Когда я написалъ, то они сказали, чтобы я не измѣнялъ здѣсь ни одного слова и не подписывалъ бы «Карманная типографія». Я согласился [3]). Потомъ они спросили, когда я надѣюсь напечатать. Я сказалъ, что, быть можетъ, черезъ недѣлю. Они попросили меня назначить не только день, но и часъ. Я назначилъ воскресенье и 7 часовъ вечера. Потомъ они сказали, что дадутъ мнѣ знать, куда доставить.

«Это было въ 12 часу дня.

«Познакомиться съ ними я не имѣлъ особеннаго желанія, а говорилъ съ ними потому, что расчитывалъ отклонить ихъ отъ этой уродливой программы».

Къ этому въ высшей степени характерному разсказу Баллодъ прибавилъ, что изъ полученныхъ экземпляровъ «Молодой Россіи» онъ 4 сжегъ, одинъ или два далъ Н. Жуковскому, а объ остальныхъ ничего не помнитъ.

II.

Упомянутая Баллодомъ прокламація, озаглавленная: «Предостереженіе», настолько важна и интересна, что я приведу ее полностью. Нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалось указанія на то, что Центральный комитетъ самъ считалъ необходимымъ поправить сдѣланныя въ «Молодой Россіи» ошибки и извинить ея увлеченія. Между тѣмъ, это очень важно, какъ доказательство, насколько сильно было вліяніе реактивовъ на большое общество, съ которымъ хотѣли имѣть дѣло.

---

[1]) Станокъ, около 9 пуд. вѣсомъ, по особому чертежу былъ заказанъ Санъ-Гали, но и со времени обыска у Боллода еще не былъ имъ взятъ. Его взяла уже полиція, по указанію самого Баллода.

[2]) Диктовалъ бывшій въ пальто à la Гарибальди.

[3]) Въ дѣлѣ экземпляръ этой прокламаціи написанъ чернилами. Баллодъ объяснилъ, что, вернувшись домой, онъ сейчасъ же переписалъ ее чернилами. Печатать просили 700 экземпляровъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

«Правительство говоритъ, что революціонеры жгутъ Петербургъ. Установленъ во всей Россіи судъ по полевымъ военнымъ законамъ противъ злоумышленниковъ, потому что правительство полагаетъ, будто во всѣхъ провинціяхъ революціонные комететы возбуждаютъ къ бунту и поджогу. Петербургское общество само дало правительству возможность принять подобныя мѣры: оно дало эту возможность своими сплетнями и, читая повтореніе своихъ выдумокъ въ оффиціальныхъ объявленіяхъ, совершенно убѣдилось, что сплетни эти справедливы.

«Мы достовѣрно знаемъ, что такихъ революціонеровъ нѣтъ и не было. Нѣсколько пылкихъ людей написали и напечатали публикацію, рѣзкія выраженія которой послужили предлогомъ для нелѣпыхъ обвиненій [1]). Довольно прочесть эту публикацію со вниманіемъ, чтобы понять чувства ея издателей: эти люди экзальтированные и уже потому самому неспособные имѣть никакихъ низкихъ намѣреній. Они сказали нѣсколько опрометчивыхъ словъ, но, конечно, не придавали имъ того смысла, какой хочетъ въ нихъ видѣть правительство и находитъ петербургская публика. Изъ ихъ словъ для насъ ясно было ихъ желаніе сказать только, что правительство ведетъ народъ къ возстанію, и что они готовы стать въ ряды народа при наступленіи вооруженной борьбы. Но не отстать отъ народа, когда онъ поднимется, вовсе не то, что возбуждать его къ рѣзнѣ. Думать, что облегченье судьбы простого народа не будетъ слишкомъ дорого куплено цѣною революціи,—вовсе не то, что поджигать жилища и лавки бѣдняковъ. Эта разница очень ясна, но теперь публикѣ угодно было заняться сплетнями вмѣсто того, чтобы вникнуть въ дѣло. Исторія свидѣтельствуетъ, что демократы никогда не дѣйствовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами. Она обличила, что если много разъ винили ихъ въ этомъ, то обвиненье всегда было клеветою, которую порождало легковѣріе, и которою пользовались деспотическія правительства, всегда склонныя къ реакціоннымъ мѣрамъ.

«Такъ и теперь. Но мы хотимъ указать публикѣ на послѣдствія

[1]) Рѣчь, какъ уже сказано, идетъ о „Молодой Россіи“. Она умышленно не названа и сама печатаемая прокламація умышленно, очевидно, никѣмъ не подписана, чтобы сдѣлать „Предостереженіе“ якобы голосомъ стороннихъ лицъ (все же революціонеровъ), хотя и хорошо знающихъ Центральный комитетъ.

ея легкомыслія, на злоупотребленія, которыя дѣлаетъ изъ него правительство, хотимъ предостеречь публику, чтобы она не повторяла подобныхъ шалостей, за которыя всегда приходилось ей же тяжело расчитываться.

«Революціонная партія никогда не бываетъ въ силахъ сама по себѣ совершить государственный переворотъ. Примѣръ тому многочисленныя попытки парижскихъ республиканцевъ и коммунистовъ, которыя всегда такъ легко подавлялись нѣсколькими баталіонами солдатъ. Перевороты совершаются народами.

«Еслибы начавшаяся теперь реакція ограничила свое вліяніе только преслѣдованіями свободномыслящихъ людей, — изъ этого не вышло бы ничего важнаго для праздной толпы, такъ называемаго, просвѣщеннаго общества. Но реакція отразится и на крестьянскомъ вопросѣ, она окончательно отниметъ у правительства всякую заботу объ удовлетвореніи требованій крѣпостныхъ крестьянъ, а это уже плохая шутка для всего образованнаго общества. Крестьяне уже начинаютъ готовиться къ возстанію и поднимутся, если не получатъ новой воли. Это уже рѣшено между крестьянами во всѣхъ губерніяхъ. Не вѣрьте слухамъ, отрицающимъ этотъ фактъ,—они лживы. Они распространяются или малодушными людьми, зажмуривающими глаза отъ опасности, или правителями, обманывающими публику. *Народное* возстаніе близится. Пусть пойметъ это публика и пусть помнитъ. Пусть сообразитъ теперь, что реакція, порожденная ея же сплетнями, поддерживается ея легковѣріемъ, даетъ возстанію чернаго народа характеръ столь свирѣпый, что никакія усилія революціонеровъ не будутъ въ состояніи ни смягчить переворота, ни положить ему предѣловъ.

«Мы, революціонеры, т. е. люди, не производящіе переворота, а только любящіе народъ настолько, чтобы не покинуть его, когда онъ самъ безъ нашего возбужденія ринется въ борьбу, мы умоляемъ публику, чтобы она помогла намъ въ нашихъ заботахъ смягчить готовящееся въ самомъ народѣ возстаніе. Намъ жаль образованвыхъ классовъ; просимъ ихъ уменьшить гразящую имъ опасность. Но для этого нужно, чтобы публика сдѣлалась болѣе хладнокровна и менѣе легкомысленна, чѣмъ какою выказала она себя въ сплетняхъ о пожарахъ. Перестаньте поощрять правительство въ его реакціонныхъ мѣрахъ.

«Обращаемся съ просьбою и къ правительству. Пусть оно хорошенько поищетъ насъ, пусть поищетъ получше, чѣмъ до сихъ поръ искало. Какъ намъ ни жалко несчастныхъ страдальцевъ, которыхъ

оно мучитъ и судитъ за насъ, какъ доходятъ до насъ слухи, но мы все же не объявимъ себя, чтобы снять съ этихъ людей ложное обвиненіе. И въ этомъ мы всегда и передъ всѣми останемся правы: мы не посылали этихъ людей на опасность; мы, наши люди, цѣлы и будутъ цѣлы. Мы считали бы себя слишкомъ слабыми, если бы могли попадаться. Насъ узнаютъ только тогда, когда мы явимся въ рядахъ народа, открыто добывающаго себѣ человѣческія права».

III.

Затѣмъ комиссія поинтересовалась второй прокламаціей — «Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти».

Псевдонимъ «Шедо-Ферроти» принадлежалъ нашему бельгійскому агенту министерства финансовъ, барону Ф. И. Фирксу, назначенному на эту должность по личному повелѣнію государя, которому онъ былъ рекомендованъ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ. Этотъ казеннокоштный публицистъ точно исполнялъ всѣ литературные заказы русскаго правительства, пропустившаго умышленно въ Россію двѣ его брошюры по адресу Герцена. Такимъ путемъ надѣялись ослабить вліяніе геніальнаго Искандера!.. Часть русскаго общества поддалась на удочку, какъ только въ мартѣ 1862 г. брошюры Шедо-Ферроти появились въ витринахъ книжныхъ магазиновъ... А когда реакціонное начало стало крѣпнуть, то апологетъ III Отдѣленія имѣлъ уже довольно замѣтный успѣхъ [1])... Разумѣется, лучшіе люди не могли не презирать такую гнусную борьбу, и первымъ противъ нея публично высказался студентъ Павелъ Мошкаловъ, написавшій прокламацію:

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ [2]).

«Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта — трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, засѣкать, пытать, разстрѣливать,

[1]) Интересующіеся содержаніемъ этихъ брошюръ, обстоятельствами, при которыхъ онѣ появились на свѣтъ и продавались въ Россіи, и мѣрами русскаго правительства по борьбѣ съ Герценомъ здѣсь, дома,—найдутъ отвѣты на эти вопросы въ моей книгѣ—„Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ“. Спб., 1904 г.

[2]) Отъ заглавія была сдѣлана следующая выноска: „Интересно бы знать, во сколько обходится это покровительство?!“

оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но вполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера). Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро и на людей, мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

«Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроти и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно — убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль!—она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо-Ферроти, ему не вполнѣ удалось замаскировать и предать осмѣянію подобную мысль.

«Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но, вѣроятно, Герценъ не приминетъ дать пощечину въ своемъ «Колоколѣ» какъ Шедо-Ферроти, такъ и нашему правительству.

«Печатано въ Петербургѣ, въ карманной типографіи».

Баллодъ сознался, что напечаталъ эту прокламацію, давъ ей заглавіе и снабдивъ ее примѣчаніемъ, сначала, въ мартѣ, въ 125—150 экземплярахъ, а затѣмъ, по выходѣ второго изданія брошюры, уже послѣ Пасхи, въ 300—400 экз. Наборъ сдѣлалъ самъ Мошкаловъ, учившій этому Баллода; онъ же и распространилъ большую часть экземпляровъ, оставивъ немного на долю Баллода.

IV.

На вопросъ комиссіи, кто авторъ взятой у Баллода рукописной статьи, направленной тоже противъ брошюры Шедо-Ферроти, Баллодъ отвѣтилъ:

«Я не хотѣлъ сказать фамиліи писавшаго статью противъ Шедо-Ферроти, потому что знаю автора этой статьи очень хорошо, какъ не-революціонера, но котораго будутъ, какъ я думалъ, судить, какъ революціонера, за высказанное имъ въ концѣ статьи мнѣніе въ пользу революціи. Причины, по которымъ онъ впалъ въ крайность, два несчастія, постигшія его одно за другимъ. Коренева, которую онъ сильно любилъ и которую давно считалъ своей невѣстой, вышла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ замужъ за другого. Второе несчастіе — закрытіе журнала «Русское Слово», отъ котораго онъ только и получалъ средства къ жизни. Содержанье статьи противъ Шедо-Ферроти я мало помню и потому не могу сказать, какихъ исправленій она требуетъ. Писалъ эту статью Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, кандидатъ петербургскаго университета. Однажды пришелъ ко мнѣ Писаревъ. Это было въ половинѣ мая. Мы говорили о брошюрѣ Шедо-Ферроти. Писаревъ сказалъ мнѣ, что онъ писалъ противъ него, но что цензура не пропустила; я просилъ у Писарева эту статью, но онъ сказалъ, что не стоитъ ее читать; я сказалъ: «такъ ты напиши такую, чтобъ стоило прочитать».—«Зачѣмъ тебѣ?» спросилъ Писаревъ. Я сказалъ, что, можетъ быть, мнѣ удастся устроить напечатаніе этой статьи. «Изволь», сказалъ Писаревъ. Въ началѣ іюня я зашелъ къ Писареву, и онъ далъ мнѣ $1^1/_2$ листа этой статьи. За день до моего ареста Писаревъ принесъ мнѣ вторую половину этой статьи».

Статья Писарева, приложенная къ дѣлу въ подлинномъ автографѣ автора, до сихъ поръ никому неизвѣстна и потому приводится ниже съ полной точностью.

«Глупая книжонка Шедо-Ферроти сама по себѣ вовсе не заслуживаетъ вниманія, но изъ-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживаетъ въ немъ и патріотическій жаръ, и литературный талантъ. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, какъ маневръ нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умнѣе самого Шедо-Ферроти, но что дѣлать, мы покуда отъ нихъ зависимъ, мы съ ними боремся, стало быть, надо же взглянуть въ глаза нашимъ естественнымъ притѣснителямъ и врагамъ.

«Обскурантовъ теперь, какъ извѣстно, не существуетъ. Нѣтъ того квартальнаго надзирателя, нѣтъ того цензора, нѣтъ того академика, нѣтъ даже того великаго князя, который не считалъ бы себя умѣреннымъ либераломъ и сторонникомъ мирнаго прогресса. Считая себя либераломъ, какъ-то неловко сажать людей подъ арестъ или высылать ихъ въ дальнія губерніи за печатно выраженное мнѣніе

или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоитъ изъ либераловъ, начинаетъ это чувствовать. . . . . . совѣстно ссылать Михайлова и Павлова [1]); сослать-то онъ ихъ сослалъ, но, Боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! Студенту Лебедеву проломили голову, но правительству тутъ же сдѣлалось такъ прискорбно, что оно напечатало въ газетахъ объясненіе: такъ и такъ, дескать, это случилось по нечаянности, ножнами жандармской сабли [2]). Словомъ, наше либеральное правительство уважаетъ общественное мнѣніе и для своихъ мирно-прогресивныхъ цѣлей пускаетъ въ ходъ благородныя средства, какъ-то печатную гласность. Валуевъ и Никитенко сооружаютъ газету съ либеральнымъ направленіемъ [3]), а при этомъ и продолжаютъ, все-таки, преслѣдовать честную журналистику доносами и цензурными тисками [4]). Публицистъ III Отдѣленія, баронъ Фирксъ, Шедо-Ферроти тожъ, по порученію русскаго правительства, пишетъ и печатаетъ въ Берлинѣ брошюры безъ цензуры; великодушное правительство смотритъ сквозь пальцы на ввозъ этого заказаннаго, но офиціально запрещеннаго товара; его продаютъ открыто въ книжныхъ лавкахъ; не давая своего офиціальнаго разрѣшенія, правительство упрочиваетъ за книжкою заманчивость запретнаго плода; допуская и поощряя изъ подъ руки продажу книжки, правительство обнаруживаетъ свое великодушіе. О, какъ все это тонко, остроумно и политично. А между тѣмъ журналамъ не позволялось разбирать книжонку; Шедо-Ферроти, какъ въ прошлую осень Борисъ Чичеринъ, объявляются личностями священными и неприкосновенными [5]). Горбатаго одна могила исправитъ; наши умѣренные либералы ни при какихъ условіяхъ не сумѣютъ быть честными людьми; наше правительство никогда не отучится отъ николаевскихъ замашекъ. У него есть особенный

---

[1]) М. И. Михайловъ сосланъ въ 1862 году за сочиненіе и распространеніе прокламаціи „Къ молодому поколѣнію". О его дѣлѣ см. мою статью въ январьской книжкѣ „Былого". Профессоръ П. В. Павловъ высланъ въ Ветлугу въ мартѣ 1862 года за публичную рѣчь о тысячелѣтнемъ юбилеѣ Россіи. Дѣло это тогда очень нашумѣло.

[2]) Во время студенческой демонстраціи осенью 1861 года въ Петербургѣ.

[3]) Валуевъ съ 1 января 1862 г. открылъ газету министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверную Почту", редакторомъ которой первое время былъ А. В. Никитенко, а потомъ И. А. Гончаровъ.

[4]) Намекъ на старанія Никитенка въ главномъ управленіи цензуры и на неистовства Валуева.

[5]) 1 января 1862 г. министромъ народнаго просвѣщенія, Головнинымъ, было предписано по цензурѣ не допускать никакихъ рѣзкостей и оскорбленій по адресу публициста „Нашего Времени" Б. Н. Чичерина.

талантъ оподлять всякую идею, какъ бы ни была эта идея благородна и сама по себѣ чиста.

«Напримѣръ, всѣ порядочные люди имѣютъ привычку на печатное обвиненіе отвѣчать также печатно и защищаться, такимъ образомъ, тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооруженъ противникъ. Наше правительство захотѣло доказать, что оно тоже порядочный человѣкъ. Находя, что Герценъ несправедливо обвинилъ его, наше правительство высылаетъ своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Но посмотрите поближе. Произведеніе Шедо-Ферроти впущено въ Россію, а сочиненія Герцена остаются запрещенными. Публика видитъ, что Герцена отдѣлываютъ, а того она не видитъ, за что его отдѣлываютъ. Конечно, и «Полярная Звѣзда», и «Колоколъ», и «Голоса изъ Россіи», и грозное «Подъ Судъ» извѣстны нашей публикѣ, но вѣдь всѣ эти вещи провозятся и читаются вопреки волѣ правительства; стало быть, если оцѣнивать только намѣренія правительства, то надо будетъ убѣдиться въ томъ, что оно хочетъ чернить Герцена, не давая ему возможности оправдываться и обвинять въ свою очередь. Чернить человѣка, котораго сочиненія строжайше запрещены! Подло, глупо и безполезно! Заказывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герценѣ, правительство, очевидно, хочетъ продиктовать обществу мнѣнія на будущее время. Это видно по тому, что мнѣнія, противоположныя мысленкамъ Шедо-Ферроти, не допускаются въ печати. Правительство сражается двумя оружіями: печатною пропагандою и грубымъ насиліемъ, а у общества отнимается и то единственное средство, которымъ оно могло и хотѣло бы воспользоваться. Обществу остается или либеральничать съ разрѣшенія цензуры, или идти путемъ тайной пропаганды, тѣмъ путемъ, который повелъ на каторгу Михайлова и Обручева [1]). Хорошо мы и на это согласны; это все отзовется въ день суда, того суда который, вѣроятно, случится гораздо пораньше второго пришествія Христова.

«Изъ чтенія брошюры Шедо-Ферроти мы вынесли самое отрадное впечатлѣніе. Насъ порадовало то, что при всей своей щедрости правительство наше принуждено пробавляться такими плоскими посредственностями. Пріятно видѣть, что правительство не умѣетъ выбирать себѣ умныхъ палачей, сыщиковъ, доносчиковъ и клеветниковъ; еще пріятнѣе думать, что правительству не изъ чего выби-

---

[1]) В. А. Обручевъ, сотрудникъ „Современника“, въ 1861 году былъ сосланъ за составленіе и распространеніе „Великорусса“.

рать, потому что въ рядахъ его приверженцевъ остались только подонки общества, то, что пошло и подло, то, что неспобно по человѣчески мыслить и чувствовать.

«Брошюра Шедо-Ферроти имѣетъ двѣ цѣли: 1) доказать, что петербургское правительство не имѣетъ ни надобности, ни желанія убить Герцена, 2) осмѣять и обругать при семъ удобномъ случаѣ Герцена, какъ пустого самохвала и какъ загордившагося выскочку.

«Чтобы доказать первое положеніе, Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ вовсе не опасенъ для русскаго правительства и что, слѣдовательно, даже III Отдѣленіе не рѣшится убить его. Процессъ доказательствъ идетъ такъ: убиваютъ только такихъ людей, отъ смерти которыхъ можетъ перемѣниться весь существующій порядокъ вещей въ одномъ или въ нѣсколькихъ государствахъ; если Герценъ, получая подметныя письма о намѣреніяхъ русскаго правительства, вѣритъ этимъ письмамъ, тогда онъ считаетъ себя особою европейской важности и, слѣдовательно, обнаруживаетъ глупое тщеславіе; если же онъ, не вѣря этимъ письмамъ, поднимаетъ гвалтъ, тогда онъ пустой и вздорный крикунъ. Весь этотъ процессъ доказательствъ разсыпается, какъ карточный домикъ. Во-первыхъ, правительства ежегодно убиваютъ нѣсколько такихъ людей, которые могли бы оставаться въ живыхъ, вовсе не нарушая существующаго порядка. Дезертиръ, котораго запарываютъ шпицрутенами, вовсе не особа европейской важности. Бакунинъ, котораго захватили обманомъ, Михайловъ, Обручевъ, поручикъ Александровъ [1]) вовсе не особы европейской важности, а между тѣмъ правительство заживо хоронитъ ихъ въ рудникахъ и въ крѣпостяхъ. Правительство вовсе не такъ дорожитъ жизнью отдѣльнаго человѣка, чтобъ казнить и миловать съ строгимъ разборомъ. Вѣдь, турецкій султанъ и персидскій шахъ вѣшаютъ зря, какъ вздумается, а, кажется, въ наше время только учебники географіи проводятъ различіе между деспотическимъ правленіемъ и правленіемъ монархическимъ неограниченнымъ. На основаніи какого закона повѣшено пять декабристовъ? А если прави-

---

[1]) Ошибка—капитанъ варшавской телеграфной станціи Александровъ. Онъ сосланъ въ вѣчную каторгу за то, что, получивъ изъ Петербурга телеграмму отъ Александра II на имя намѣстника Царства Польскаго, Лидерса, предписывавшую „разгонять толпу холоднымъ оружіемъ, а если нужно, то употребить картечь", и не желая подвергать разстрѣлу поляковъ, собиравшихся служить поминки по убитымъ въ 1861 году на улицахъ Варшавы, Александровъ передалъ Лидерсу телеграмму иначе: „дѣйствовать увѣщаніемъ". Кровопролитіе было устранено, мистификація обнаружена, и честный офицеръ погибъ.

тельство казнитъ по своему произволу, то отчего же оно не можетъ, по тому же произволу, подослать убійцу? Гдѣ разница между казнью безъ суда и убійствомъ изъ-за угла? Въ наше время каждый неограниченный монархъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ можетъ держаться только непрерывнымъ рядомъ . . . . Чтобы подданные его не знали о своихъ естественныхъ человѣческихъ правахъ, надо держать ихъ въ невѣжествѣ—вотъ вамъ преступленіе противъ человѣческой мысли; чтобы случайно просвѣтившіеся подданные не нарушили субординаціи, надо дѣйствовать насиліемъ—вотъ еще преступленіе; чтобъ имѣть въ рукахъ орудіе власти—войско, надо систематически уродовать и забивать нѣсколько тысячъ молодыхъ, сильныхъ, способныхъ людей—опять преступленіе. Идя по этой дорогѣ преступленій, нельзя отступать отъ убійства. Посмотрите на Александра II; въ его личномъ характерѣ нѣтъ ни подлости, ни злости, а сколько . . . . лежитъ уже на его совѣсти. Кровь поляковъ, кровь мученика Антона Петрова [1]), загубленная жизнь Михайлова, Обручева и другихъ, нелѣпое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, исторіи со студентами —на что ни погляди, вездѣ или грубое преступленіе, или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко дѣлаются злодѣями . . . . . . на которое никогда не рѣшился бы Александръ II, какъ частный человѣкъ, будетъ непремѣнно совершено имъ, какъ самодержцемъ всея Россіи. Тутъ мѣсто портитъ человѣка, а не человѣкъ—мѣсто. Если бы наше правительство потихоньку отправило Герцена на тотъ свѣтъ, то, вѣроятно, въ этомъ не нашли бы ничего удивительнаго тѣ люди, которые знаютъ, что дѣлалось въ Варшавѣ и Казанской губерніи. Но допустимъ даже, что наше правительство не намѣревалось убить Герцена; изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы III Отдѣленіе не могло написать къ нему нѣсколько писемъ, наполненныхъ глупыми угрозами и площадною бранью; судя по себѣ, Бруты и Кассіи нашей тайной полиціи могли надѣяться, что Герцена можно запугать; чтобы разомъ покончить всѣ эти нелѣпыя продѣлки, Герценъ написалъ и напечаталъ письмо къ представителю русскаго правительства. Этимъ письмомъ онъ заявилъ публично, что если бы за угрозами послѣдовали дѣйствія, то вся тяжесть подозрѣнія упала бы на Александра II. Агенты, подсылавшіе къ Герцену письма, должны были увидѣть, что Герценъ ихъ угрозъ не

---

[1]) Антонъ Петровъ организовалъ крестьянскія волненія въ селѣ Безднѣ Казанской губерніи.

боится. Слѣдовательно, имъ осталось или дѣйствовать, или замолчать. Дѣйствовать они не рѣшились — духу не хватило; замолчать тоже не хотѣлось; вѣдь, они думаютъ, что правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово; вотъ они и выдумали пустить противъ Герцена книжонку Шедо-Ферроти; родственное сходство между Шедо-Ферроти и сочинителями подметныхъ писемъ не подлежитъ сомнѣнію; не даромъ же Шедо-Ферроти на двухъ языкахъ отстаиваетъ передъ Россіею и передъ Европою нравственную чистоту Ш Отдѣленія: свой своему поневолѣ другъ.

«Шедо-Ферроти плохо защитилъ правительство; онъ ничѣмъ не доказалъ, что оно не могло имѣть намѣренія извести Герцена или, по крайней мѣрѣ, запугать его угрозами. Усилія его оклеветать и оплевать Герцена еще болѣе неудачны. Шедо-Ферроти, этотъ умственный пигмей, этотъ продажный памфлетистъ, силится доказать, что Герценъ самъ деспотъ, что онъ равняетъ себя съ коронованными особами, что онъ только изъ личнаго властолюбія враждуетъ съ теперешнимъ русскимъ правительствомъ. Доказательства очень забавны. Герценъ деспотъ потому, что не согласился напечатать въ «Колоколѣ» отвѣтъ Шедо-Ферроти на письмо Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ. Да какой же порядочный редакторъ журнала пуститъ къ себѣ Шедо-Ферроти съ его остроуміемъ, съ его казеннымъ либерализмомъ и съ его пристрастіемъ къ Ш Отдѣленію. Герценъ не думаетъ запрещать писать кому бы то ни было, но и не думаетъ также открывать въ «Колоколѣ» богадѣльню для нравственныхъ уродовъ и умственныхъ паралитиковъ, подобныхъ Шедо-Ферроти. Панегеристъ Ш Отдѣленія требуетъ, чтобы его статьямъ было отведено мѣсто въ «Колоколѣ»; въ случаѣ отказа онъ грозитъ Герцену, что будетъ издавать свои произведенія отдѣльно съ надписью: «запрещено цензурою Колокола». Вотъ испугалъ-то! Да всѣ статьи Булгарина, Аскоченскаго, Рафаила Зотова, Скарятина, Модеста Корфа [1]) и многихъ другихъ достойныхъ представителей русской вицмундирной мысли запрещены цензурою здраваго смысла. Приступая къ изданію своего журнала, Герценъ вовсе не хотѣлъ сдѣлать изъ него клоаку всякихъ нечистотъ и нелѣпостей. Эпиграфомъ къ «Полярной Звѣздѣ» онъ взялъ стихъ Пушкина: «Да здравствуетъ разумъ». Этотъ эпиграфъ прямо и рѣшительно отвергаетъ всякое ханжество, всякое раболѣпство мысли, всякое преклоненіе передъ грубымъ насиліемъ и передъ нелѣпымъ фактомъ. «Да здравствуетъ

[1]) Баронъ М. А. Корфъ, авторъ книги о Сперанскомъ, „Записокъ", директоръ Публичной библіотеки и т. д.

разумъ» и да падутъ во имя разума дряхлый деспотизмъ, дряхлая религія, дряхлыя стропила современной офиціальной нравственности! Всякія попытки мирить разумъ съ нелѣпостью, всякое требованіе уступокъ со стороны нравственности противорѣчитъ основной идеѣ дѣятельности Герцена. Если бы даже Шедо-Ферроти былъ просто честный простачекъ, вѣрующій въ возможность помирить стремленія къ лучшему съ существованіемъ нашего средневѣковаго правительства, то и тогда Герценъ, какъ человѣкъ искренно и честно служащій своей идеѣ, не могъ бы помѣстить въ «Колоколѣ» его старушечью болтовню. Но теперь, когда всѣ знаютъ, что онъ наемный агентъ Ш Отдѣленія, теперь его претензіи печатать свои литературные доносы въ «Колололе» кажутся намъ въ то же время смѣшными и возмутительными по своей безпримѣрной наглости.

«Шедо-Ферроти упрекаетъ Герцена въ томъ, что тотъ будто бы сравниваетъ себя съ коронованными особами. Въ этомъ упрекѣ выражается какъ нравственная низость, такъ и умственная малость Шедо-Ферроти. Какая же разница между простымъ человѣкомъ и помазанникомъ Божіимъ? И какая же охота честному дѣятелю мысли сравнивать себя съ царственными лежебоками, которые, пользуясь довѣрчивостью простого народа, поѣдаютъ вмѣстѣ съ своими придворными деньги, благосостояніе и рабочія силы этого народа? Если бы кто-нибудь вздумалъ провести параллель между Александромъ Ивановичемъ Герценомъ и . . . .
то, вѣроятно, первый серьезно обидѣлся бы такому сравненію. Но посмотримъ, на чемъ же Шедо-Ферроти основываетъ свое обвиненіе? «Вы убѣждены»,—пишетъ онъ Герцену,—«что вы не только либералъ, но и соціалистъ-республиканецъ, врагъ монархическому началу, а поминутно у васъ выскакиваютъ выраженія, обнаруживающія несчастное расположеніе сравнивать себя съ царствующими особами. Въ письмѣ къ барону Бруннову, сказавъ, что вы не допускаете мысли, чтобы императоръ Александръ вооружилъ противъ васъ спадасиновъ, вы присовокупляете: «я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ». Въ томъ же письмѣ, говоря объ убійцахъ, разосланныхъ за моря и горы den Dolh im Gewande, и цитируя стихи Шиллера, вы опять сравниваете себя съ царствующимъ лицомъ, съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Наконецъ, самое оглавленіе (заглавіе) статей «Колокола», извѣщающихъ всю Европу о грозящей вамъ опасности: «Бруты и Кассіи Ш Отдѣленія»—содержитъ сравненіе съ однимъ изъ колоссальнѣйшихъ историческихъ лицъ. Брутъ и Кассій были убійцами Юлія Кесаря».

«Шедо-Ферроти, какъ умственный пигмей и какъ сыщикъ III Отдѣленія, вполнѣ выражается въ этой тирадѣ. Онъ не можетъ, не умѣетъ опровергать Герцена въ его идеяхъ; поэтому онъ придирается къ случайнымъ выраженіямъ и выводитъ изъ нихъ невѣроятныя по своей нелѣпости заключенія; эта придирчивость къ словамъ составляетъ постоянное свойство мелкихъ умовъ; кромѣ того, она замѣчается особенно часто въ полицейскихъ чиновникахъ, допрашивающихъ подозрительныя личности и желающихъ изъ усердія къ начальству сбить допрашиваемую особу съ толку и запутать ее въ мелкихъ недоговоркахъ и противорѣчіяхъ. Вступая въ полемику съ Герценомъ, Шедо-Ферроти не могъ и не умѣлъ отстать отъ своихъ полицейскихъ замашекъ. Адвокатъ III Отдѣленія остался вѣренъ какъ интересамъ, такъ и преданіямъ своего кліента.

«Вся остальная часть брошюры состоитъ голословныхъ сравненій между Шедо-Ферроти и Герценомъ. Шедо-Ферроти считаетъ себя истиннымъ либераломъ, разумнымъ прогрессистомъ, а Герцена признаетъ вреднымъ демагогомъ, сбивающимъ съ толку русское юношество и желающимъ возбудить въ Россіи возстаніе для того, чтобы возвратиться самому въ Россію и сдѣлаться диктаторомъ. Шедо-Ферроти, какъ адвокатъ III Отдѣленія, старается увѣрить почтенную публику, что наше правительство исполнено благими намѣреніями, и что отъ него должны исходить для великой, малой и бѣлой Россіи всевозможныя блага, матеріальныя и духовныя, вещественныя и невещественныя. Шедо-Ферроти, конечно, не предвидитъ возможности переворота или, по крайней мѣрѣ, старается увѣрить всѣхъ, что, во 1-хъ, такой переворотъ невозможенъ и что, во 2-хъ, онъ во всякомъ случаѣ повергнетъ Россію въ бездну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы внушить всѣмъ порядочнымъ людямъ отвращеніе и презрѣніе къ его личности и дѣятельности. Низверженіе . . . . и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла.

«Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы дольше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ

пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все— деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положнніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которые обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать.

«. . . . . и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

«То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчекъ и забросать грязью ихъ смердящіе трупы».

Вотъ та статья, которая повлекла за собой автора въ казематъ Алексѣевскаго равелина Петропавловской крѣпости [1]).

V.

На вопросъ комиссіи о прокламаціи къ офицерамъ Баллодъ сообщилъ, что ему принадлежитъ лишь второе ея изданіе, которое онъ сдѣлалъ, за неимѣніемъ подлинника, по «Колоколу», полученному изъ-за границы черезъ Мошкалоза, во второй половинѣ мая, всего въ 70 или 80 экз.

При этомъ онъ указалъ на студента Алексѣя Яковлева, какъ на просившаго его посодѣйствовать напечатанію прокламаціи. Не показавъ ему виду, что онъ имѣетъ свою типографію, Баллодъ и исполнилъ его просьбу. Съ Яковлевымъ же онъ иногда мѣнялся изданіями Герцена. Ему же онъ далъ для распространенія 20 экземп. прокламаціи о Шедо-Ферроти и 40 о капитанѣ Александровѣ.

---

[1]) Только Е. А. Соловьевъ упоминаетъ вполнѣ вѣрно о причинѣ ареста Писарева (см. павленковское изданіе его біографіи Писарева, изд. 3-е). Г. Скабичевскій сообщилъ о причинѣ ареста невѣрно (см. его „Исторію новѣйшей русской литературы 1848—1892 гг.“, изд. 3-е). Г. Ивановъ тоже сдѣлалъ ошибку (см. „Энциклопедическій словарь“ Ефрона).

Относительно прокламаціи о капитанѣ Александровѣ Баллодъ показалъ, что тоже сдѣлалъ лишь второе ея изданіе, перепечатавъ съ перваго, выпущеннаго обществомъ «Великоруссъ». Она была напечатана въ 400—500 экз. При этомъ онъ замѣтилъ: «Въ первомъ экземплярѣ этого вопроса я написалъ, что статью о капитанѣ Александровѣ напечаталъ мнѣ наборщикъ Горбановскій; я солгалъ тамъ — мнѣ было совѣстно смотрѣть на написанное мною, и я поспѣшилъ уничтожить тотъ экземпляръ вопроса».

Относительно способа распространенія своихъ изданій Баллодъ показалъ:

«Я разбрасывалъ отпечатанные мною листы преимущественно на Васильевскомъ островѣ, на Выборгской сторонѣ, около Медико-Хирургической академіи, на Невскомъ проспектѣ и на Литейной. Это бывало обыкновенно вечеромъ. Въ кафе-ресторанахъ Еремѣева и Доминика я вкладывалъ ихъ въ газеты и клалъ иногда просто на столъ. У перваго я бывалъ между 3 — 5 часами, а у послѣдняго, кромѣ того, по вечерамъ».

На вопросъ: «Въ показаніи своемъ вы говорите, что распространеніе сихъ листковъ въ публикѣ находили полезнымъ по собственному убѣжденію. На чемъ основано это убѣжденіе, и какихъ послѣдствій вы желали достигнуть своими преступными дѣйствіями?»— Баллодъ отвѣчалъ: «На этотъ вопросъ, который я только теперь обдумалъ хорошо, я долженъ отвѣтить тѣмъ, что все это была шалость и увлеченье. Дѣйствительно, я иногда думалъ, что подобные листки склонятъ правительство на уступки, какъ, напримѣръ, на свободу книгопечатанія, но это было только между прочимъ».

Найденный у него «Колоколъ» Баллодъ, по его словамъ, получилъ по почтѣ, благодаря студенту Лобанову, предложившему сначала мѣняться съ нимъ номерами, а потомъ устроившему ему и аккуратное полученіе герценовскаго журнала.

Ознакомившись съ отвѣтами Баллода, комиссія поинтересовалась, куда же дѣвался уничтоженный отвѣтъ на вопросъ о прокламаціи «Подвигъ капитана Александрова». Баллодъ сознался, что бросилъ клочки въ печку каземата. Тотчасъ туда былъ посланъ офицеръ; вернувшись, онъ представилъ комиссіи разорванный полулистъ. Въ концѣ его Баллодъ писалъ: «Государь, когда будете подписывать мнѣ приговоръ, то вспомните, что я жилъ среди воплей и стона, и трудно было мнѣ, отъ природы очень чувствительному, не сказать упрека тому, кто смотритъ на нихъ равнодушно». Къ слѣдующему разу привели этотъ листокъ въ порядокъ и спросили Баллода, что

онъ хотѣлъ сказать своимъ обращеніемъ къ Государю. Онъ отвѣчалъ: «слова эти я относилъ къ правительству, которое я считалъ въ своихъ дѣйствіяхъ вялымъ и даже равнодушнымъ ко всѣмъ хорошимъ начинаніямъ».

Тогда же, въ замѣнъ разорваннаго, Баллодъ представилъ слѣдующее письмо къ Государю:

«Я напечаталъ три листка, которые называются возмутительными. Я не думаю, чтобы мои листки могли возмутить кого нибудь, потому что, какъ мнѣ кажется, они не могутъ перемѣнить убѣжденій ни въ комъ, а для того, чтобы возмутить кого-нибудь, необходимо перемѣнить въ немъ убѣжденія, т. е. довести до того, чтобы онъ соглашался съ такими листками. Попадись мнѣ мои же листки лѣтъ шесть тому назадъ, я напалъ бы на нихъ точно такъ же, какъ теперь напалъ на брошюру Шедо-Ферроти. Появленіе подобныхъ листковъ показываетъ то, что есть уже люди, которые понимаютъ ихъ. Въ прошломъ году въ это время вышелъ «Великоруссъ»; цѣль его, какъ мнѣ кажется, была зондировать общество. Когда зондированіе дало успѣшные результаты, тогда Комитетъ «Великорусса» выпустилъ второй и третій номера.

«Потомъ вышло еще нѣсколько листковъ; объ нихъ говорили много, но никогда почти не говорили съ особенно дурной стороны.

«Нѣсколько человѣкъ, недовольныхъ этими листками, засѣли въ кабинетъ, прочитали всѣхъ соціалистовъ и демократовъ, вскочили, подумали, что строятъ памятникъ второму тысячелѣтію Россіи, и стали зондировать общество. Общество приняло ихъ за нѣмцевъ и сухо сказало, что оно по-нѣмецки не знаетъ.

«Очень естественно, Государь, что такое движеніе могло увлечь за собой человѣка неопытнаго. Теперь меня изолировали отъ общества и спрашиваютъ, зачѣмъ я печаталъ и какихъ послѣдствій ожидалъ я отъ распространенія этихъ листковъ?

«Печатая свои листки, я никогда не задавалъ себѣ вопроса, предложеннаго мнѣ комиссіею. Петропавловская крѣпость дала мнѣ возможность обдумать этотъ вопросъ серьезно. Серьезное размышленіе объ немъ привело меня къ несерьезному результату: я увлекся, отъ нечего дѣлать вздумалъ пошалить и сталъ печатать; когда я печаталъ, мнѣ было весело, я смѣялся и никогда не воображалъ, что эта шалость заведетъ меня такъ далеко.

«Я виноватъ, Государь, передъ Вами. Оправдаться я не могу.

«Въ концѣ своего письма, позвольте, Государь, обратиться къ Вамъ и просить Ваше Величество при подписаніи мнѣ приговора

вспомнить о моей молодости, которая была причиной моего увлеченія».

Горбановскій не призналъ показанія Баллода правильными и настаивалъ на томъ, что ровно ничего ему не печаталъ, красокъ и вальковъ не доставлялъ и шрифта не покупалъ. Потомъ и самъ Баллодъ сознался, что напрасно оговорилъ Горбановскаго, что всѣ типографскія принадлежности получалъ отъ Мошкалова.

Послѣ перваго допроса Баллода и Горбановскаго, комиссія поручила III Отдѣленію немедленно арестовать Мошкалова, Писарева и Лобанова и произвести у нихъ тщательный обыскъ.

VI.

2 іюля Писаревъ и Лобановъ были арестованы и заключены въ крѣпость, а Мошкаловъ оказался вполнѣ легально уѣхавшимъ за границу еще въ концѣ апрѣля. 3-го числа Писарева возили на квартиру штабсъ-капитана Попова, воспитателя 2 кадетскаго корпуса, у котораго онъ нанималъ комнату, опечатали всѣ его бумаги и вернули въ крѣпость. Шкапъ съ бумагами самого Попова былъ пока не тронутъ, но все же запечатанъ...

Комиссія съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждала показаній Писарева. Кн. Голицынъ былъ увѣренъ, что во всемъ движеніи роль инспиратора принадлежитъ литературѣ и не столько даже ей, сколько отдѣльнымъ литераторамъ. Какъ и теперь, эти люди не понимали, что во главѣ всей оппозиціонной арміи шло нѣчто большее отдѣльныхъ лицъ и группъ, что шла сама жизнь. Искали лицъ и рады были каждой находкѣ. Конечно, Писаревъ, уже тогда бывшій крупной фигурой, казался комиссіи очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, которымъ она была обязана Баллоду.

Впервые на допросъ Писаревъ былъ приведенъ 6 іюля. Ему сразу же предъявили статью, взятую у Баллода. Какъ же раздражена была комиссія, когда получила въ отвѣтъ: «Я, кандидатъ С.-Петербургскаго университета, Дмитрій Писаревъ, предъявленной мнѣ статьи не писалъ и не сочинялъ»!.. Упорствовавшаго отправили обратно въ казематъ и рѣшили дать ему очную ставку съ Баллодомъ. Разсмотрѣніе бумагъ его было поручено Каменскому. Генералъ-губернатору сообщили, что необходимо имѣть и тѣ бумаги Попова, которыя оставлены запечатанными въ шкапу.

Когда все это было исполнено, 9-го іюля Писареву снова предъявили рукопись статьи и одно изъ его писемъ, взятыхъ на обыскѣ,

Дмитрій Ивановичъ написалъ: «Я, кандидатъ Дмитрій Писаревъ, дѣйствительно писалъ предъявленное мнѣ письмо, но статья, заключающая въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроти, написана не мною, хотя почеркъ поразительно похожъ на почеркъ, моей руки»... 11-го ему была дана очная ставка съ Баллодомъ. Писаревъ оставался твердъ: «Уликъ г. Баллода я не признаю и остаюсь при прежнемъ показаніи моемъ, данномъ въ комиссіи»... Послѣ этого его не безпокоили ровно мѣсяцъ. Очевидно, хотѣли показать, что могутъ рѣшить дѣло безъ его показаній, и тѣмъ напугать.

Но вотъ, разобравшись въ бумагахъ и въ показаніяхъ другихъ, 11 августа Писарева призвали на четвертый допросъ. Показанія его были очень обширны и довольно полно удовлетворили любопытство комиссіи, предложившей массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

«Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, 21 годъ отъ рожденія [1]), православнаго вѣроисповѣданія, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно. Родители мои: отставной штабсъ-капитанъ Иванъ Ивановичъ Писаревъ и Варвара Дмитріевна Писарева, урожденная Данилова, проживаютъ въ Тульской губ., въ Новосильскомъ у., въ сельцѣ Бутырки. У меня двѣ сестры [2]), братьевъ нѣтъ. Состояніе моего отца заключается въ деревнѣ или сельцѣ Бутыркахъ, около 600 дес. земли. Я окончилъ курсъ въ университетѣ въ маѣ 1861 г., а въ сентябрѣ того же года получилъ кандидатскій дипломъ; проживалъ послѣ того въ Петербургѣ, на квартирѣ штабсъ-капитана Василія Петровича Попова, занимался работами для журнала «Русское Слово» и содержалъ себя, какъ деньгами, получаемыми за статьи, такъ и жалованьемъ за исправленіе должности помощника редактора означеннаго журнала; получилъ я эту должность въ декабрѣ 1861 года. До настоящаго арестованія я былъ подъ слѣдствіемъ въ началѣ мая 1862 г. за то, что въ вокзалѣ желѣзной дороги ударилъ отставного прапорщика Евгенія Николаевича Гарднера хлыстомъ по лицу. Слѣдствіе производилось въ Каретной [3]) части слѣдственнымъ приставомъ Ласовскимъ, и кончилось тѣмъ, что мы оба подали мировое прошеніе».

Какъ уже извѣстно, Гарднеръ женился, въ апрѣлѣ 1862 г., на Раисѣ Александровнѣ Кореневой, которую Писаревъ считалъ своей

[1]) Родился 2 октября 1840 года.

[2]) Вѣра и Екатерина.

[3]) Нынѣ Александро-Невской. Столкновеніе произошло на Николаевскомъ вокзалѣ.

невѣстой. Дмитрій Ивановичъ не могъ спокойно перенести этотъ тяжелый ударъ и написалъ своему сопернику еще до свадьбы очень характерное для него письмо. Привожу его съ писаревской копіи, имѣющейся въ дѣлѣ.

«Милостивый Государь Евгеній Николаевичъ! Какъ вы легко можете себѣ представить, я вовсе не радуюсь тому, что вы женитесь на моей двоюродной сестрѣ. Не питая къ вамъ особенной симпатіи, не имѣя высокаго мнѣнія о вашемъ умѣ и характерѣ, я намѣренъ высказать вамъ нѣсколько горькихъ истинъ: я считаю васъ за . . . . . . [1]) и за фата и съ свойственной мнѣ откровенностью выражаю это мнѣніе. Я выражалъ его другимъ людямъ, говоря по поводу вашей женитьбы слѣдующую русскую пословицу: «не въ коня кормъ» и варіируя ее иногда такъ: не въ . . . . [2]) кормъ».

«Вы удивитесь моему письму и не будете знать, что съ нимъ дѣлать. Я вамъ укажу три образа дѣйствій:

1. Вы можете разорвать это письмо, притвориться, какъ будто вы его не получали, продолжать со мною пріятельскія отношенія и даже при случаѣ порисоваться великодушіемъ и даже видѣть меня шаферомъ на вашей свадьбѣ.

2. Вы можете вызвать меня на дуэль, и я буду къ вашимъ услугамъ.

3. Вы можете представить это письмо III-му Отдѣленію, и меня тогда посадятъ подъ арестъ, какъ нарушителя общественнаго спокойствія.

«Въ первомъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы проглотили непозолоченную пилюлю. Во второмъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно сорвать зло на васъ или на самомъ себѣ. Въ третьемъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы сдѣлали подлость. Во всякомъ случаѣ мнѣ пріятно подбавить капельку горечи въ ваше незаслуженное счастье, которое достается вамъ на долю только потому, что теперь весна пробуждаетъ чувственность женщинъ и усыпляетъ мозговую дѣятельность. Если бы я васъ уважалъ, я бы не написалъ этого письма, а просто спокойно отошелъ бы въ сторону.

Готовый къ услугамъ Вашимъ

Дмитрій Писаревъ.

«P. S. Предупреждаю васъ, что я оставилъ у себя копію этого письма и что эту копію я, когда мнѣ вздумается, покажу кому

---

1) Опускаю ругательство.

2) Тоже.

вздумается. Фактическихъ дерзостей я вамъ не сдѣлаю, потому что уважаю самого себя. Это письмо, въ сущности, не дерзость, это откровенно выраженное мнѣніе. Если вы съ нимъ согласны, проглотите пилюлю и смолчите; если, паче чаянія, не согласны, протестуйте. Можете даже затѣять диспутъ, въ которомъ я буду доказывать, что вы . . . . . [1]) фатъ, а вы будете доказывать совершенно противное».

4 апрѣля 1862 г.»

Гарднеръ ничего, повидимому, не отвѣтилъ Писареву, зная его, какъ не только вспыльчиваго, но и больного человѣка. Писаревъ былъ еще болѣе возмущенъ... Въ первыхъ числахъ мая онъ отправился на Николаевскій вокзалъ, дождался тамъ своего соперника, уже мужа Кореневой, и, подойдя къ нему въ упоръ, ударилъ хлыстомъ по лицу. Завязалась борьба, въ результатѣ которой послѣдовалъ полицейскій протоколъ и возбужденіе дѣла о нарушеніи тишины и спокойствія въ публичномъ мѣстѣ.

Вскорѣ послѣ этого Писаревъ получилъ отъ Гарднера слѣдующее письмо отъ 4 мая:

«Милостивый Государь! Вы хорошо понимаете, что, не устроивъ предварительно состоянія моей жены и не обезпечивъ по возможности ея спокойствія, я не могъ стрѣляться съ вами. Обвиняя меня на желѣзной дорогѣ въ отказѣ дать вамъ удовлетвореніе, вы только сдѣлали еще одну лишнюю и совершенно безполезную для себя подлость. Г. Чужбинскій, а равно и братъ мой свидѣтели, что вызовъ вашъ былъ мною принятъ. Причина, по которой я назначалъ дуэль въ Москвѣ и требовалъ 10-дневнаго срока, послѣ всего сказаннаго должна быть вамъ ясна. Я думаю, что вы не захотите покончить это дѣло побоищемъ на желѣзной дорогѣ, которое, впрочемъ, оказалось совсѣмъ не въ вашу пользу, чему можетъ служить свидѣтельствомъ плачевное состояніе вашей физіономіи. А потому повторяю, что по окончаніи полицейскаго дѣла я снова готовъ къ вашимъ услугамъ, но все же не иначе, какъ въ Москвѣ и по истеченіи 10-дневнаго срока, считая со дня моего выѣзда изъ Петербурга.

Е. Гарднеръ.

Затѣмъ впослѣдствіи отношенія между Писаревымъ и Гарднеромъ вовсе не были недружелюбны [2]).

---

[1]) Опускаю обидный эпитетъ.

[2]) Кое-что о Раисѣ Александровнѣ Кореневой интересующіеся найдутъ въ біографіи Писарева, написанной покойнымъ Е. А. Соловьевымъ.

VII.

На второй вопросъ (тоже ясный, какъ и первый, изъ отвѣта) Писаревъ отвѣчалъ:

«Въ Петербургѣ я знакомъ съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, съ г. Благосвѣтловымъ, съ г. Поповымъ, съ г. Минаевымъ [1]), съ г. Крестовскимъ [2]) — составляющими ближайшій кругъ редакціи «Русскаго Слова». Сошелся я съ ними въ концѣ 1860 г., а съ гр. Кушелевымъ-Безбородко весною 1861 г. Въ университетѣ я былъ знакомъ съ очень многими студентами; въ началѣ моего курса, отъ 1856 до 1859 года преимущественно съ студентами историко-филологическаго факультета: Трескинымъ, Майковымъ [3]), Ординымъ [4]), Полевымъ [5]), Замысловскимъ [6]), Скабичевскимъ [7]) и Макушевымъ [8]). Въ концѣ 1859 г. я сошелъ съ ума, и меня помѣстили въ психіатрическую лѣчебницу доктора Шейна, гдѣ я пробылъ до половины апрѣля 1860 г., потомъ я уѣхалъ въ деревню къ моимъ родителямъ, для возстановленія силъ, и пробылъ тамъ до конца сентября. Пріѣхавши въ Петербургъ, я перемѣнилъ кругъ знакомства и, поселившись на Васильевскомъ островѣ въ домѣ Бѣлянина, въ квартирѣ кухмистерши Мазановой, сблизился съ моими сосѣдями студентами: тремя братьями Жуковскими, двумя Даниловыми, Баллодомъ, Сурковымъ и Федотовымъ. Потомъ, въ сентябрѣ 1861 г., сблизившись съ редакціею «Русскаго Слова», я, по приглашенію г. Попова, поселился у него на квартирѣ, гдѣ и былъ арестованъ. Встрѣчался я у гр. Кушелева со многими литераторами и познакомился довольно коротко съ г. Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ [9]), Палаузовымъ [10]), Шишкинымъ, съ братьями Тибленами [11]), съ Достоев-

---

[1]) Дмитрій Дмитріевичъ извѣстный поэтъ и переводчикъ. Писалъ политическіе фельетоны подъ псевдонимомъ „Темный человѣкъ“.

[2]) Всеволодъ Владиміровичъ, потомъ спустившійся до своей печальной извѣстности.

[3]) Леонидъ Николаевичъ, младшій братъ А. Н.

[4]) Братъ извѣстнаго финофоба К. Д. Ордина.

[5]) Петръ Николаевичъ, старшій сынъ извѣстнаго въ первой половинѣ XIX ст. журналиста.

[6]) Егоръ Егоровичъ, небезызвѣстный историкъ.

[7]) Нынѣ здравствующій писатель.

[8]) Викентій Васильевичъ, извѣстный славистъ.

[9]) Извѣстный беллетристъ и этнографъ.

[10]) Спиридонъ Николаевичъ, знатокъ исторіи балканскихъ государствъ.

[11]) Содержатели типографіи и издатели.

скими [1]), съ Кремпинымъ, у котораго я еще прежде, въ 1859 г., работалъ въ журналѣ «Разсвѣтъ». Съ другими редакціями я не сходился и только два раза былъ, по дѣламъ журнала, у г. Чернышевскаго.

«Съ студентомъ Баллодомъ я познакомился, какъ сосѣдъ по квартирѣ и какъ товарищъ по университету. Видались мы съ нимъ осенью 1860 г. и весною 1861-го почти ежедневно, осенью 1861-го рѣже, разъ въ недѣлю или въ двѣ, а съ начала 1862 г., послѣ того, какъ пріятель мой, Владиміръ Жуковскій, уѣхалъ въ Уфу, я пересталъ бывать въ домѣ Бѣлянина и не видался съ Баллодомъ до мая. Въ маѣ мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ; онъ упрекнулъ меня, зачѣмъ я его забылъ; я обѣщалъ зайти къ нему и звалъ его также къ себѣ; потомъ я былъ у него раза два или три, и онъ у меня раза два, но засталъ меня дома только одинъ разъ. Когда я бывалъ у Баллода ежедневно, то встрѣчалъ обыкновенно нашихъ сосѣдей по квартирѣ, игралъ съ ними въ карты; иногда мы пили вмѣстѣ и принимали женщинъ. О политической дѣятельности своей Баллодъ мнѣ ничего не говорилъ; иногда только, осенью 1861 г., сосѣди предупреждали меня, чтобы я не входилъ къ Баллоду, потому что у него собрался интимный кружокъ. Не желая мѣшать ихъ занятіямъ, я всегда пользовался этимъ предостереженіемъ и потому близкихъ и довѣренныхъ лицъ Баллода не знаю. Участія въ дѣйствіяхъ Баллода я не принималъ. Я догадывался, что кружокъ Баллода имѣетъ политическія стремленія, но такъ какъ самъ Баллодъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, то я и не разспрашивалъ, чтобы не показать любопытства и навязчивости.

«Я вообще говорилъ съ Баллодомъ о моихъ журнальныхъ работахъ, какъ о предметѣ, наиболѣе занимавшемъ меня; при этомъ я упомянулъ вскользь о статьѣ по поводу Шедо-Ферроти, пожаловался на строгость цензуры, которая даже такихъ пустяковъ не пропускаетъ, и когда Баллодъ просилъ показать ему запрещенную статью, я отвѣчалъ ему, что это ничтожная статья, которую не стоило ни читать, ни запрещать, ни отстаивать отъ цензуры. При этомъ я долженъ оговориться, что запрещенная статья моя не заключала въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроди, а только группировку отзывовъ его о Герценѣ и Огаревѣ. Она никуда не пошла и, вѣроятно, не сохранилась [2])».

---

[1]) Ѳедоръ и Михаилъ.

[2]) Въ „Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году“, тогда же изданномъ секретно министерствомъ народнаго просвѣщенія, эта статья почему-то не напечатана. Поэтому врядъ ли теперь можно надѣяться найти ее.

Но вотъ, выслушавъ, вѣроятно, всевозможныя увѣщанія, увѣренія и пр. комиссіи, Писаревъ, наконецъ, даетъ такъ долго отъ него ожидавшееся сознаніе:

«Я вижу, что дальнѣйшее запирательство безполезно и невозможно и потому рѣшаюсь разъяснить все дѣло. Разговоръ мой съ Баллодомъ происходилъ дѣйствительно такъ, какъ показываетъ Баллодъ. Я принялъ его предложеніе и исполнилъ данное ему обѣщаніе. Въ разговорѣ съ Баллодомъ, я выразилъ раздраженіе противъ цензурныхъ притѣсненій и вообще противъ отношеній правительства къ литературѣ. Баллодъ предлагалъ мнѣ выразить это раздраженіе, и я согласился, потому что, во 1-хъ, это предложеніе давало мнѣ возможность вылить накопившуюся желчь, во 2-хъ, оно льстило моему авторскому самолюбію, въ 3-хъ, оно было такъ поставлено, что не принять его значило бы обнаружить трусость. Вотъ побужденія, заставившія меня писать эту статью. Опредѣленной цѣли у меня не было, потому что я не зналъ и не разспрашивалъ, какимъ образомъ Баллодъ намѣренъ распространить мою статью. Я слышалъ отъ него только, что онъ можетъ ее напечатать. Когда я сталъ писать, то уже увлекся за предѣлы всякой осторожности и благоразумія; я далъ полную волю моему раздраженію и обругалъ всѣхъ и все, что только попалось мнѣ подъ руку. Статья эта, какъ и большая часть моихъ журнальныхъ статей, писана безъ черновой, прямо на бѣло, подъ впечатлѣніемъ минуты. А впечатлѣнія эти были: закрытіе воскресныхъ школъ и читаленъ, закрытіе Шахматнаго клуба [1]), пріостановленіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово» [2]), упраздненіе II отдѣленія Литературнаго Фонда. Все это волновало меня и отражалось на моей статьѣ. Поэтому она написана рѣзко, заносчиво и доходитъ до такихъ крайностей, которыя я въ спокойномъ расположеніи не одобряю.

«Что я дѣйствительно человѣкъ впечатлительный и сильно увлекающійся—это доказывается, во 1-хъ, моимъ умопомѣшательствомъ, о которомъ я упомянулъ въ отвѣтѣ на второй вопросный пунктъ. Свѣдѣнія о моемъ темпераментѣ могутъ быть получены отъ докто-

[1]) Шахматный клубъ былъ, собственно, литературнымъ клубомъ.

[2]) И Баллодъ и Писаревъ сдѣлали, разумѣется, умышленно передержку: „Современникъ" и „Русское Слово" были пріостановлены на восемь мѣсяцевъ фактически 12 іюня, и офиціально объ этомъ объявлено 19 го. Баллодъ же начало статьи получилъ отъ Писарева еще въ маѣ. Комиссія не замѣтила этой неточности въ показаніяхъ.

ровъ Штейна и Шульца, пользовавшихъ меня во время моей душевной болѣзни; во 2-хъ, моею исторіею съ г. Гарднеромъ, о которой я упоминаю въ отвѣтѣ на 1-й пунктъ; въ 3-хъ, моими карточными долгами, о которыхъ говорится въ 10 пунктѣ. Написавши свою отчаянно рѣзкую статью, я отдалъ ее Баллоду, который вскорѣ послѣ того былъ арестованъ. Когда меня арестовали и привели въ комиссію, я рѣшился не сознаваться. Главною побудительною причиною моею въ этомъ случаѣ было нежеланіе набросить тѣнь на ту часть журналистики, къ которой я принадлежалъ. Я не хотѣлъ подать повода думать, что литераторы замѣшаны въ тайныя агитаціи, тѣмъ болѣе, что нелѣпые толки въ обществѣ и даже въ газетахъ (въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ «Сынѣ Отечества») приводили эту агитацію въ связь съ петербургскими пожарами. Такъ какъ я самъ принялъ участіе въ агитаціи совершенно случайно, то я не хотѣлъ, чтобъ мое неосторожное поведеніе повредило въ какомъ бы то ни было отношеніи литераторамъ, съ которыми я работалъ.

«Объяснивши, такимъ образомъ, дѣло мое по чистой совѣсти, я совершенно предаю себя правосудію комиссіи. Находясь теперь въ спокойномъ состояніи духа, рѣшившись откровенно сознаться въ моемъ преступленіи, я осмѣливаюсь обратиться къ милосердію Монарха, хотя чувствую, что не имѣю на то ни малѣйшаго права. Я умоляю Его Величество не считать меня закоренѣлымъ преступникомъ и взглянуть на мою преступную статью, какъ на минутный порывъ, а не какъ на выраженіе обдуманнаго плана дѣйствій. Я такъ молодъ, такъ способенъ увлекаться и ошибаться, такъ мало знаю жизнь, что часто не умѣю взвѣсить свои слова и поступки. Все это нисколько не оправдываетъ меня, но я увѣренъ, что высочайше утвержденная комиссія повергнетъ эти обстоятельства на милостивое вниманіе Его Величества, и что милосердіе Монарха дастъ мнѣ возможность загладить послѣдующимъ моимъ поведеніемъ совершенное мною преступленіе»...

На вопросъ, насколько было близко знакомство съ Благосвѣтловымъ и Поповымъ, Дмитрій Ивановичъ отвѣчалъ:

«Съ гг. Поповымъ и Благосвѣтловымъ я познакомился въ октябрѣ 1860 года. Знакомство мое съ ними началось съ того, что я принесъ въ редакцію «Русское Слова» переводъ Гейне — «Атта Троль», который былъ помѣщенъ въ XII книжкѣ «Русскаго Слова» за 1860 г. Потомъ я сталъ получать заказы на каждый мѣсяцъ, сталъ часто бывать у Благосвѣтлова, въ сентябрѣ 1861 г. поселился у Попова, въ ноябрѣ того же года мы съ Благосвѣтловымъ стали говорить

другъ другу «ты», а въ декабрѣ онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ по редакціи. Я согласился и исправлялъ эту должность до пріостановленія «Русскаго Слова», происшедшаго въ іюнѣ. Отношенія наши съ Благосвѣтловымъ были самыя дружескія; онъ принималъ даже участіе въ томъ, что касалось лично до меня и до моего семейства. Съ Поповымъ я также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ».

VIII.

Затѣмъ были заданы вопросы по найденнымъ на обыскѣ бумагамъ.

Между прочимъ, въ письмѣ матери отъ 18 сентяря 1861 г., обратило на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: «Въ Сѣверной Пчелѣ пишутъ, что устраивается подписка въ пользу бѣдныхъ студентовъ; вотъ бы ты подписался—неужели у тебя умерло чувство жалости-- право, вѣдь это лучше, нежели пообѣдать у Дюссо въ честь какихъ то странныхъ убѣжденій». При этомъ приписка сестры: «Понимаю обѣдъ 5 сентября и отъ души сочувствую». На вопросъ, что за обѣдъ, Писаревъ отвѣчалъ: «Обѣдъ у Дюссо 5 сентября давался мною въ честь моей двоюродной сестры, Раисы Александровны Кореневой, съ которою я воспитывался и въ которую былъ влюбленъ. Въ этотъ день—ея именинъ, я хотѣлъ ихъ праздновать. На обѣдѣ присутствовали г. Баллодъ и Владиміръ Жуковскій; насъ было всего трое. Сестра моя сочувствовала любви моей, а мать моя смотрѣла на нее недоброжелательно, но почему она называетъ ее «странными убѣжденіями»—этого я не знаю.»

Затѣмъ въ другомъ письмѣ матери, отъ 13 января 1862 г., она, между прочимъ, писала сыну: «Ты упорно молчишь—ну, и Богъ съ тобой, слишкомъ занятъ соціальными вопросами, чтобъ къ матери написать: резонъ». Сестра въ припискѣ высказалась тоже противъ пути, по которому пошелъ братъ, и упрекнула его за охлажденіе къ матери. На вопросъ комиссіи, что все это значитъ, Писаревъ отвѣтилъ: «Моя мать была недовольна тѣмъ, что я рѣдко пишу къ ней, кромѣ того, ей не нравилось реальное направленіе мыслей, проявлявшееся въ моихъ статьяхъ для «Русскаго Слова», поэтому она и отзывается съ укоризною о соціальныхъ вопросахъ и о ложной дорогѣ».

Въ числѣ бумагъ былъ клочекъ слѣдующаго содержанія:

«Поповъ	927
Чужбинскій	650
Апухтинъ	344
Быковскій	224
Кушелевъ	463
Благосвѣтловъ	88
Новинскій	41
Баллодъ	38
Нехлюдовъ	40
Козлова	30
Деляновъ	50
	2,895.
	105».

Писаревъ расхолодилъ комиссію, сказавъ, что это цифры его карточныхъ долговъ...

Заинтересовало слѣдственную комиссію и письмо къ Писареву Л. Тиблена, отъ 3 марта 1862 г., слѣдующаго содержанія: «Надобно достать, добрѣйшій Дмитрій Ивановичъ, на полчаса отъ Павлова его статью, подписанную Бекетовымъ. Я буду сейчасъ у Рахманинова и увѣдомлю его, что статья процензурована. Павловъ не можетъ отдать совсѣмъ подписаннаго Бекетовымъ экземпляра, потому что его, какъ слышно, сегодня же потянутъ въ 3 отдѣленіе, и онъ долженъ имѣть подпись цензора для оправданія. А статью надо только показать Рахманинову, иначе онъ не выпуститъ книжки, въ особенности если будетъ скандалъ».

Писаревъ далъ такое объясненіе, кстати сказать, очень интересное и для насъ, потому что до сихъ поръ не было извѣстно: «Здѣсь идетъ дѣло о статьѣ профессора Павлова — «Тысячелѣтіе Россіи», читанной имъ 2 марта 1862 г. въ домѣ Руадзе, на публичномъ чтеніи. Статья эта была разрѣшена для чтенія цензоромъ Бекетовымъ и пріобрѣтена редакціей «Русскаго Слова» для напечатанія въ февральской книжкѣ. Я былъ на чтеніи 2 марта и, взявъ у г. Павлова писанный экземпляръ его рѣчи, отвезъ въ типографію и приказалъ поскорѣе набрать ее, чтобъ успѣть выпустить февральскую книжку 3 или 4 марта. Г. Павловъ не далъ мнѣ того экземпляра, который былъ подписанъ г. Бекетовымъ, говоря, что онъ нуженъ ему, какъ доказательство, что статья дѣйствительно пропущена цензурою. Но такъ какъ нашимъ цензоромъ былъ г. Рахманиновъ, то ему надо было предъявить экземпляръ, подписанный

Бекетовымъ, иначе онъ могъ отказать въ выдачѣ билета на выпускъ книжки. Объ этомъ и пишетъ мнѣ Тибленъ, въ типографіи котораго печаталось «Русское Слово». Такъ какъ рѣчь Павлова произвела сильное впечатлѣніе на публику, то въ обществѣ стали ожидать, что Павлову достанется, и Тибленъ упоминаетъ объ этомъ словами: «если будетъ скандалъ». Я принималъ во всемъ дѣлѣ такое участіе: взялъ рѣчь Павлова и отвезъ ее въ типографію, хлопоталъ о разрѣшеніи ея, ѣздилъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета и къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ эти старапія оказались бесплодными, и рѣчь Павлова, несмотря на подпись цензора Бекетова осталась ненапечатанною».

Что касается маленькой фотографической группы — Герценъ и Огаревъ, взятой у Писарева, то онъ показалъ: «Фотографическіе портреты Герцена и Огарева продаются почти во всѣхъ бумажныхъ лавкахъ. Въ одной изъ нихъ я купилъ этотъ экземпляръ. Съ этими лицами я не знакомъ и не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, ни личныхъ, ни письменныхъ; купилъ я ихъ миніатюрный портретъ изъ любопытства, какъ могъ бы купить портретъ Гарибальди, Кавура или Людовика-Наполеона».

Наконецъ, относительно нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ, считавшихся безусловно запрещенными, Писаревъ отвѣчалъ: «Сочиненіе Бюхнера «Physiologische Bilder», служило мнѣ для составленія статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Русскаго Слова». Въ этой статьѣ я прямо указываю на источникъ, а такъ какъ эта статья пропущена цензурою, то и книгу Бюхнера я считалъ незапрещенною. Всѣ указанныя сочиненія были куплены мною лично въ разныхъ магазинахъ иностранныхъ книгъ въ Петербургѣ въ теченіи 1861 и 1862 года».

IX.

Обратимся теперь къ знакомству съ другими лицами, замѣшанными въ дѣло.

Арестовавъ Лобанова, комиссія узнала, что взятъ не тотъ, котораго надо было. Вмѣсто Василія взяли Николая. 5 іюля ошибка была исправлена[1]).

[1]) 19-лѣтній студентъ петербургскаго университета, куда поступилъ въ 1859 г.; послѣ безпорядковъ 1861 г. вышелъ оттуда, былъ подъ слѣдствіемъ и сидѣлъ вмѣстѣ

Василій Лобановъ былъ опрошенъ 6 іюля. Онъ отвѣчалъ, что ни одного номера «Колокола» не получалъ, а потому и не могъ снабжать имъ Баллода, котораго зналъ по университету ближе обыкновеннаго, потому что Баллодъ былъ редакторомъ студенческаго сборника отъ разряда естественныхъ наукъ, а Лобановъ — депутатомъ кассы для бѣдныхъ студентовъ, и они часто встрѣчались на дѣловыхъ сходкахъ и собраніяхъ. Но 9-го числа сознался, что дважды давалъ Баллоду «Колоколъ», полученный еще два года назадъ отъ студента Печаткина. При этомъ онъ подтвердилъ, что Баллодъ выразилъ ему желаніе получать «Колоколъ» аккуратно и что, возвращая полученный отъ него номеръ, онъ, Лобановъ, сообщилъ объ этомъ Печаткину. Послѣдній отвѣтилъ, что это можно устроить, и взялъ адресъ Баллода.

Разумѣется, ночью 11-го арестовали и Печаткина[1]). У него нашли, между прочимъ, слѣдующую записку отъ 26 апрѣля 1862 г.: «Евгеній Петровичъ, я васъ прошу достать мнѣ, по мѣрѣ силъ вашихъ, послѣднія прокламаціи и передать мнѣ ихъ лично; одинъ студентъ сегодня просилъ меня непремѣнно добыть ихъ; одинъ его хорошій знакомый ѣдетъ въ провинцію и желаетъ распространить ихъ тамъ; такъ какъ онъ человѣкъ надежный, то мнѣ бы хотѣлось услужить ему, я ему пообѣщалась и до сихъ поръ ничего не могу исполнить своего обѣщанія. Прошу Васъ, Евгеній Петровичъ, исполнить мою просьбу, вы меня обяжете, и я вамъ очень благодарна. Прощайте. *В.* Доставьте мнѣ ихъ завтра, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

По сличеніи почерка съ письмами той же руки, комиссія признала, что записка эта писана нѣкоей Варварой Глушановской. Приказано было отыскать ее и арестовать.

14 іюля Печаткинъ показалъ, что ни Лобанову, ни Баллоду «Колокола» не давалъ; въ 1861 г. самъ купилъ нѣсколько номе-

---

со многими товарищами въ Петропавловской крѣпости. Затѣмъ былъ привлеченъ по дѣлу „Великорусса", отъ котораго отдѣлался строгимъ внушеніемъ, а по суду получилъ высочайшее прощеніе. Л. Ф. Пантелѣевъ характеризуетъ его, какъ человѣка несерьезнаго (см. стр. 55—56 его книги—„Изъ воспоминаній прошлаго").

[1]) Печаткинъ учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, въ университетъ поступилъ въ августѣ 1860 г. 12 октября слѣдующаго года былъ заключенъ въ крѣпость за безпорядки въ университетѣ; 6 декабря освобожденъ. Былъ тогда же депутатомъ отъ студенчества вмѣстѣ съ Гердомъ, Гайдебуровымъ, Макаровымъ, Ламанскимъ, Спасскимъ, Пантелѣевымъ, Гогоберидзе, Утинымъ и Неклюдовымъ. Братья Печаткина, Константинъ и Василій, занимались писчебумажнымъ производствомъ, а Вячеславъ— книжной торговлей.

ровъ у букиниста и, можетъ быть, тогда и давалъ Лобанову—не помнитъ. О конспиративной дѣятельности Баллода ничего не знаетъ; съ Глушановскою знакомъ поверхностно, по лекціямъ въ университетѣ, куда она ходила въ числѣ другихъ женщинъ. Позже, уже въ серединѣ ноября, когда Печаткину предъявили сознаніе Владимірова (привлеченнаго по другому дѣлу) въ передачѣ Печаткину «Колокола», онъ сознался, что дѣйствительно получилъ отъ Владимірова номеровъ восемь, но потомъ, по просьбѣ родителей, просилъ прекратить эти присылки.

28 августа Глушановская заявила, что выразила въ письмѣ не то, что было на самомъ дѣлѣ: она сама хотѣла прочесть прокламацію къ офицерамъ и для этого, зная любезность Печаткина, сочинила свою записку, но не была увѣрена, что онъ могъ исполнить ея просьбу. Она была отдана на поруки.

Арестованный студентъ Алексѣй Яковлевъ 5 іюля показалъ, что вовсе не обращался къ Баллоду съ просьбой посодѣйствовать напечатанію прокламаціи къ офицерамъ, будучи съ нимъ для этого слишкомъ мало знакомъ, равно и не получалъ отъ него никакихъ прокламацій. Черезъ мѣсяцъ онъ признался, что давалъ Баллоду «Полярную Звѣзду» и «Колоколъ».

Съ большимъ вниманіемъ отнеслась комиссія ко всему, касавшемуся Николая Жуковскаго и Мошкалова. Отсюда вниманіе къ братьямъ перваго.

Въ числѣ взятыхъ у Николая бумагъ была, напримѣръ, такая записка его брата Василія: ...«Дядя посылаетъ тебѣ 4 № «Колокола», одинъ «Подъ Судъ» и одинъ номеръ «Будущности». Если успѣешь прочитать къ завтрему, то завтра получишь слѣдующіе номера съ Володей, а старые отдашь ему». Или письмо какой-то дамы къ кн. Е. А. Долгоруковой, въ Москву, въ которомъ сообщалось, что податель его, Николай Жуковскій, вполнѣ заслуживаетъ довѣрія, и ему слѣдуетъ передать деньги, собранныя въ пользу Бакунина. Очевидно, готовился его отъѣздъ за границу...

3 августа комиссія постановила представить государю, что Николай Жуковскій и Мошкаловъ обвиняются въ злоумышленныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ, и испросить, не угодно ли будетъ повелѣть распорядиться о вызовѣ ихъ для отвѣта въ Россію, а если не явятся въ положенный срокъ, то поступить съ ними по закону. 5-го государь изъявилъ на это согласіе.

Немедленно комиссія сообщила все министерству иностранныхъ дѣлъ.

Какъ разъ къ этому времени привезли изъ Уфы двухъ братьевъ Жуковскаго, Владиміра и Василія, и заключили въ крѣпость. Они были арестованы въ Уфѣ 26 іюля; при обыскѣ ровно ничего не найдено, кромѣ тетради, въ которой помѣщено одно длинное стихотвореніе «Быль о чудо-звѣрѣ». 17 августа допросили ихъ обоихъ. Владиміръ [1]) показалъ, что жилъ одно время съ Баллодомъ въ меблированныхъ комнатахъ Мазановой, а потомъ поселился съ братомъ Николаемъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ въ 1860 г. Николай у него и познакомился съ Баллодомъ. О томъ, что они занимались какою бы то ни было политической дѣятельностью, онъ не знаетъ. Считаетъ Николая сейчасъ въ Петербургѣ. Насколько помнитъ, Василій не посылалъ Николаю черезъ него герценовскія изданія, а что Баллодъ получалъ по почтѣ «Колоколъ» аккуратно, это знаетъ точно. «Дядя» въ письмѣ Василія значилъ Баллодъ: такъ его прозвали товарищи.

Василій [2]) категорически утверждаетъ, что «съ 1860 г. сентября мѣсяца и до сентября 1861 г. Баллодъ велъ себя очень хорошо; кромѣ рѣзкихъ выраженій, касающихся правительства, ничего не было замѣтно. Съ сентября же было видно участіе въ сходкахъ, гдѣ онъ игралъ роль вожака»; сочиненія Герцена у него были всегда, и «я знаю, что онъ ихъ распространялъ». Онъ самъ иногда бралъ у него «Колоколъ». Гдѣ въ данное время Николай—не знаетъ.

Черезъ мѣсяцъ III Отдѣленіе сообщило комиссіи, что Владиміръ Жуковскій, будучи слѣдователемъ, внушилъ крестьянамъ Оренбургской губ. «вредныя понятія». Комиссія просила министра внутреннихъ дѣлъ навести по этому поводу соотвѣтствующія справки и не оставить ее увѣдомленіемъ обо всемъ, что станетъ извѣстно.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, непосредственно прикосновенныхъ къ дѣлу о распространеніи возмутительныхъ сочиненій, комиссія въ разное время привлекала еще двухъ: учителя Викторова и писателя Н. В. Альбертини. 2 іюня 1862 г., вслѣдъ за страшными пожарами въ Петербургѣ, вдругъ загорѣлось уѣздное училище въ Лугѣ. Ока-

[1]) Учился сначала въ петербургской, а потомъ въ оренбургской гимназіи, въ 1857 г. поступилъ въ казанскій университетъ, который кончилъ въ 1861 г. Въ январѣ 1862 г. уѣхалъ на мѣсто судебнаго слѣдователя въ Уфу, къ матери. Она сдавала въ аренду свои золотые пріиски на Уралѣ. Характеристика его сдѣлана г. Пантелѣевымъ на стр. 316—318 его книги.

[2]) Воспитывался въ оренбургской гимназіи; окончилъ ее въ 1860 г., поѣхалъ въ петербургскій университетъ. Въ январѣ 1862 г. тоже поѣхалъ въ Уфу на службу.

залось, что поджегъ его умышленно одинъ изъ учителей, Викторовъ, самъ потомъ сознавшійся въ преступленіи, совершенномъ въ нетрезвомъ состояніи. Начали добираться до его связей и знакомствъ и обнаружили, что онъ бывалъ иногда у Баллода, бралъ у него заграничныя изданія и вообще находился подъ его вліяніемъ. Открыто было и знакомство съ Альбертини, тоже снабжавшимъ его «герценовщиной» и давшимъ рекомендательное письмо къ Баллоду передъ своимъ отъѣздомъ за границу. Баллодъ отрицалъ сколько-нибудь близкое знакомство съ Викторовымъ, хотя не скрылъ, что «Колоколъ» ему давалъ. Альбертини былъ вытребованъ изъ-за границы, но просилъ позволить докончить курсъ лѣченія. Потомъ, уже въ сенатѣ, въ маѣ 1863 г., онъ категорически отвергъ указаніе на снабженіе Викторова нелегальной литературой, сказавъ, что давалъ ему «Годъ на сѣверѣ» Максимова, а вовсе не «Полярную Звѣзду», и т. п. Онъ былъ отпущенъ безъ всякихъ непріятностей. Викторовъ былъ затѣмъ судимъ военно-полевымъ судомъ, уже собственно за поджогъ, и попалъ на поселеніе въ Сибирь.

Когда, такимъ образомъ, были опрошены лица, указанныя самымъ ходомъ дѣла, Баллоду 11 сентября пришлось дать комиссіи нѣкоторыя разъясненія [1]). Онъ отрицалъ свое дѣятельное участіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г., сказавъ, что на демонстраціяхъ въ стѣнахъ университета не бывалъ, вожакомъ не держался. Съ товарищами по семинаріи совѣтовался объ устройствѣ коммуны, и эти-то собранія у него Василій Жуковскій считалъ конспиративными, предупреждая Писарева, желавшаго войти къ Баллоду, но о политикѣ не бесѣдовали.

Что касается Писарева, то послѣ допроса 11 августа его больше не безпокоили. Было рѣшено лишь, ознакомившись съ письмами Благосвѣтлова къ Попову, сообщить III Отдѣленію, что за ними обоими необходимо учредить секретное наблюденіе и о послѣдствіяхъ его просить освѣдомить комиссію.

---

[1]) Г. Пантелѣевъ говоритъ, что ему документально извѣстно, что однажды Баллодъ былъ вызванъ въ слѣдственную комиссію. „Тамъ оказался только одинъ членъ—Ждановъ.—Вы, пожалуй, меня не узнаете, началъ Ждановъ, ранѣе вы всегда меня видѣли при лентѣ и орденахъ; поговоримъ запросто о вашемъ дѣлѣ, оно очень серьезно, но я постараюсь помочь вамъ. И съ этими словами Ждановъ вынулъ изъ кармана № „Колокола“, гдѣ самъ Жуковскій сообщалъ о своемъ побѣгѣ за границу.—Но вы меня не забудьте, сказалъ Ждановъ,—когда ваша партія восторжествуетъ, вѣдь я уже старъ и опасенъ для васъ быть не могу“, (стр. 336) Случай этотъ очень характеренъ для иллюстраціи того, какъ, всетаки, наверху крѣпка была вѣра въ возможность коренного политическаго перелома.

17 сентября она имѣла удовольствіе прочесть въ 144 № «Колокола» слѣдующее письмо Николая Жуковскаго:

«Милостивые Государи!

«Преслѣдуемый правительствомъ по дѣлу одной изъ петербургскихъ типографій, я бѣжалъ за границу.

«Собраты наши—поляки избавили меня въ Польшѣ отъ непріятностей и помогли перебраться за границу.

«Не имѣя возможности писать прямо къ нимъ, я прибѣгаю къ посредству «Колокола». Прошу Васъ извѣстить моихъ друзей о томъ, что я въ Лондонѣ, и передать имъ мою искреннюю признательность за сочувствіе и помощь.

«Подробности моего бѣгства сообщу въ другое время, когда можно будетъ говорить о людяхъ, не подводя ихъ подъ *крѣпость* или *каторгу*, которыми доживающее свой вѣкъ императорство хочетъ натѣшиться вволю. Преданный Вамъ.

Николай Жуковскій.

8 сентября 1862 г.»

Тогда же комиссія была увѣдомлена министромъ внутреннихъ дѣлъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу о томъ, что «въ настоящее время представляется неудобнымъ вызывать изъ-за границы политическихъ преступниковъ, тѣмъ болѣе, что самый порядокъ вызова ни законами, ни бывшими примѣрами не установленъ» повелѣно вызовъ Жуковскаго и Мошкалова пріостановить.

26 ноября комиссія постановила просить соизволенія государя отдѣлить производство слѣдствія о Баллодѣ, Писаревѣ, Лобановѣ, Печаткинѣ, братьевъ Жуковскихъ и Мошкаловѣ отъ общаго дѣла о распространеніи возмутительныхъ воззваній и: первыхъ четырехъ предать суду сената, о Владимірѣ Жуковскомъ выждать отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Василія возвратить матери въ Уфу, а о Николаѣ и Мошкаловѣ произвести слѣдствіе по возвращеніи ихъ изъ-за границы, для чего сдѣлать вызовъ.

Александръ II все утвердилъ.

X.

Сенатъ былъ освѣдомленъ объ этомъ въ послѣдній день 1862 г.

Дѣло перешло въ I отдѣленіе 5 департамента, гдѣ первоприсутствовавшимъ былъ М. М. Карніолинъ-Пинскій, а членами въ разное время: Н. М. Карнѣевъ, А. П. Бутурлинъ, А. В. Веневити-

новъ, Б. И. Беръ, К. Б. Венцель, Н. Е. Лукашъ, М. Н. Любощинскій и гр. Д. А. Толстой.

Въ концѣ ноября генералъ-губернаторъ прислалъ въ сенатъ такъ называемые «повальные обыски» объ образѣ жизни и поведеніи Баллода, Лобанова и Печаткина, а о Писаревѣ сообщилъ, что обыскъ не былъ произведенъ, потому что «во время проживанія его здѣсь въ домѣ иностранца Дорна, онъ велъ себя такимъ образомъ, что о образѣ жизни этого подсудимаго зналъ только квартирный хозяинъ его», Поповъ, спрашивать же его, состоящаго подъ надзоромъ, конечно, неудобно. 31-го января Лобановъ и Печаткинъ были выпущены изъ крѣпости на поруки съ «приличнымъ внушеніемъ», чтобъ вели себя вполнѣ безукоризненно.

Даже принимая во вниманіе, что кромѣ интересующихъ насъ подсудимыхъ, сенатъ имѣлъ дѣло еще съ семью другими, всетаки надо удивляться той медленности, съ какою велось все дѣло. Баллода впервые допросили лишь 16 и 18 апрѣля. Понявъ, что и Мошкаловъ, подобно Жуковскому, тоже эмигрировалъ, а можетъ быть, даже узнавъ и это отъ Жданова, онъ сознался, что многое приписалъ Горбановскому, не желая сразу назвать Мошкалова; послѣдній самъ написалъ прокламацію о Шедо-Ферроти.

Писарева допросили впервые 22 апрѣля. На вопросъ, ради чего онъ обратился къ милосердію государя, не ради ли желанія отдѣлаться меньшимъ наказаніемъ, онъ отвѣчалъ:

«Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что не имѣю никакого права обращаться къ милосердію Монарха; я сочту совершенно справедливымъ и безъ малѣйшаго ропота перенесу всякое наказаніе. Обращеніе мое къ милосердію Монарха было вызвано не расчетомъ на смягченіе моей участи, а желаніемъ выразить мое полное смиреніе и чистосердечное раскаяніе. Сознаніе мое было полное; въ немъ не было ни задней мысли, ни утайки. Сношенія мои съ Баллодомъ начались съ того, что мы встрѣчались съ нимъ у студента Шефнера и у братьевъ Жуковскихъ. Намъ случалось кутить вмѣстѣ; мы выпили съ нимъ брудершафтъ и стали говорить другъ другу «ты»; изъ этого не вышло особенной короткости, потому что во время моего студенчества я былъ на «ты» съ 20-ю или съ 30-ю человѣками. Мы съ Баллодомъ почти никогда не говорили серьезно, потому что встрѣчались за карточнымъ столомъ или за бутылкою вина; занятія науками не могли насъ сблизить: онъ былъ натуралистъ, а я—филологъ; мы никогда не довѣряли другъ другу никакихъ задушевныхъ мыслей; я не знаю ни семейныхъ, ни сердеч-

ныхъ дѣлъ Баллода; между нами была только дружеская безцеремонность, безъ всякаго нравственнаго сближенія. Эти отношенія не измѣнились и тогда, когда я поселился въ одномъ домѣ съ Баллодомъ, потому что другомъ моимъ былъ только Владиміръ Жуковскій. Куда ходилъ Баллодъ, съ кѣмъ онъ видѣлся, замышлялъ ли онъ что-нибудь—объ этомъ я рѣшительно ничего не зналъ и не догадывался. Одинъ разъ, когда я уже переѣхалъ на квартиру Попова, въ декабрѣ или въ концѣ ноября 1861 г., я зашелъ къ Жуковскимъ и, не заставши Владиміра, хотѣлъ зайти на минуту къ Баллоду. Тогда Василій сказалъ мнѣ: «не ходи, у него какое-то интимное собраніе, онъ не любитъ, чтобъ къ нему входили». Какое это было собраніе и дѣйствительно ли оно было, этого я не знаю. Василій, какъ мальчикъ недальняго ума и совершенно неразвитой, могъ принять за собраніе съ особымъ значеніемъ простую сходку студентовъ, ругавшихъ матрикулы. Я не сталъ его разспрашивать, потому что не люблю вывѣдывать чужіе секреты. Я высказалъ въ своихъ показаніяхъ, что предполагаю политическій характеръ этого собранія только потому, что Баллодъ теперь арестованъ за агитацію. Объяснить, почему я, очертя голову, согласился, по предложенію Баллода, написать статью, я могу только указаніемъ на весь мой характеръ. Человѣкъ благоразумный не сдѣлалъ бы этого, а я сдѣлалъ это изъ мальчишескаго ухарства. Кромѣ того, я страдалъ тогда оттого, что любимая мною женщина вышла замужъ за другого; я былъ разстроенъ закрытіемъ „Русскаго Слова“. Написать статью было недолго, и я не успѣлъ одуматься, когда Баллодъ былъ уже схваченъ съ моею статьею. Ни въ моемъ предыдущемъ поведеніи, ни въ моихъ бумагахъ, ни въ книгахъ, ни въ журнальныхъ моихъ статьяхъ нѣтъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы на обдуманное намѣреніе и установившіяся политическія убѣжденія. Баллодъ предложилъ мнѣ написать рѣзкую декламацію, я такъ и сдѣлалъ. Эти показанія вполнѣ истинны; я готовъ подтвердить ихъ даже присягою“.

Писаревъ просилъ освободить его на поруки ожидаемой въ Петербургъ матери, но сенатъ не нашелъ возможнымъ исполнить просьбу; противъ же свиданій съ нею ничего не имѣлъ. Въ маѣ пріѣхала мать, и съ этого времени начинаются довольно частыя свиданія ея съ сыномъ. По разсказу дяди, А. Д. Данилова, Писаревъ, имѣя въ своемъ распоряженіи очень ограниченное, вѣрнѣе, точно провѣряемое число листовъ писчей бумаги, но не стѣсненный въ количествѣ книгъ, отрывалъ въ послѣднихъ поля и на этихъ

узенькихъ ленточкахъ микроскопическими буквами писалъ тѣ письма матери, Благосвѣтлову и другимъ лицамъ, которыя только частью напечатаны самимъ же дядею и Е. Соловьевымъ. Мать, приходя домой, немедленно садилась за переписываніе получаемыхъ черезъ одного изъ служащихъ въ крѣпости „шариковъ“ и въ такомъ уже видѣ посылала письма по назначенію[1]).

Съ дня своего ареста въ продолженіе почти года Писаревъ мучился невозможностью писать, особенно когда въ серединѣ февраля 1863 года „Русское Слово“, отбывъ свою восьмимѣсячную пріостановку, снова стало издаваться... Въ началѣ іюня мать обратилась къ генералъ губернатору, кн. Суворову, за разрѣшеніемъ сыну заниматься литературной дѣятельстью, мотивируя свою просьбу необходимостью поддерживать гонораромъ существованіе не только самого арестанта, но и его семьи. Суворовъ запросилъ сенатъ. Послѣдній не встрѣтилъ препятствій въ удовлетвореніи ходатайства. Съ 10—12 іюня Писаревъ принялся за лихорадочное писаніе. Онъ просто засыпалъ своими статьями. Такъ, 30 іюля, Суворовъ представилъ сенату первую готовую работу—„Наша университетская наука“ и запрашивалъ, не встрѣчается ли по обстоятельствамъ дѣла препятствій къ ея напечатанію. Сенатъ препятствій не встрѣтилъ, статья была возвращена Суворову, а имъ направлена къ министру внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшему цензурой. Затѣмъ она прошла обычнымъ порядкомъ и появилась въ „Русскомъ Словѣ“.

Черезъ мѣсяцъ, 31 августа, Суворовъ прислалъ въ сенатъ „Очерки изъ исторіи труда“, а 8 октября—ихъ продолженіе и статью „Мысли о русскихъ романахъ“. Первая не встрѣтила препятствій и была затѣмъ напечатана, а относительно второй сенатъ 14 октября увѣдомилъ Суворова, что, ничего не имѣя противъ разрѣшенія ея общимъ порядкомъ, считаетъ, однако, нужнымъ сообщить, что „сочиненіе Писарева „Мысли о русскихъ романахъ“, заключающее по преимуществу разборъ романа содержащагося подъ стражею литератора Чернышевскаго, подъ заглавіемъ „Что дѣлать“, и преисполненное похвалъ сему сочиненію съ подробнымъ развитіемъ матеріалистическихъ и соціальныхъ идей, въ немъ заключающихся, по мнѣнію правит. сената, въ случаѣ напечатанія его, можетъ имѣть вредное вліяніе на молодое поколѣніе, проникнутое этими идеями“. Кончался указъ очень ядовито: „впрочемъ, предметъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію цензуры“... Конечно, Суворовъ и не сталъ по-

[1]) „Русское Обозрѣніе“, 1893 г. I.

сылать статью дальше, а вернулъ ее Писареву. Такъ до сихъ поръ она и неизвѣстна.

27 ноября Суворовъ прислалъ «Историческіе эскизы», окончаніе которыхъ дослалъ 11 января 1864 г. Статья была напечатана. 27 января присланы «Цвѣты невиннаго юмора», 11 февраля—«Мотивы русской драмы», 4 марта—начало «Прогресса въ мірѣ животныхъ и растеній», 16 апрѣля—продолженіе, 20 іюля—окончаніе и еще два новыхъ произведенія: «Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби» и начало «Реалистовъ», конецъ которыхъ присланъ 8 августа. Все это было напечатано. 16 сентября была прислана статья «Картонные герои». 21-го сенатъ предписалъ Суворову, что «по соображеніямъ статьи съ политическими производствами сената, изъ которыхъ къ одному прикосновененъ сей авторъ, правит. сенатъ не находитъ удобнымъ допустить напечатаніе статьи». Что въ ней заключалось, о чемъ шла рѣчь — неизвѣстно. Статья была возвращена автору.

4 ноября прислана была послѣдняя статья — «Промахи незрѣлой мысли» и вскорѣ напечатана.

8 февраля 1863 г. генеральный консулъ въ Лондонѣ, Бергъ, прислалъ Жуковскому повѣстку. На другой день онъ получилъ отвѣтъ: «На повѣстку отъ 8 февраля 1863 г. Николай Жуковскій увѣдомляетъ господина ген. консула въ Лондонѣ, что онъ въ консульство являться не считаетъ нужнымъ и проситъ г. консула сообщить Жуковскому письменно тѣ причины, по которымъ онъ желаетъ видѣть его лично». Не желая давать въ руки документовъ, которые Жуковскій, слѣдуя примѣру Герцена, Огарева и другихъ эмигрантовъ, конечно, опубликовалъ бы, и точно слѣдуя мнѣнію кн. В. А. Долгорукова, признавшаго незадолго передъ тѣмъ лишнимъ писать въ подобныхъ случаяхъ, посолъ приказалъ консулу ограничиться вызовомъ Жуковскаго черезъ «Times».

Вслѣдъ за напечатаніемъ и своего вызова Мошкаловъ тоже обратился къ Бергу съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему письменно увѣдомить, для чего его вызываютъ. Такимъ образомъ, правительству оставалось снова черезъ «Times» назначить срокъ, къ которому Жуковскій и Мошкаловъ должны были явиться въ сенатъ. Положено было остановиться на 1 іюня стараго стиля.

Разумѣется, они не явились.

25 мая 1864 года сенатъ имѣлъ послѣднее собраніе, закончившееся составленіемъ, наконецъ, опредѣленія, подписаннаго 2 іюня Корніолинъ-Пинскимъ, Венцелемъ, Лукашемъ и Веневитиновымъ.

Привожу его, разумѣется, только въ резолютивной части, потому что все остальное есть лишь воспроизведеніе уже извѣстнаго читателю.

XI.

«Настоящее дѣло имѣетъ предметомъ составленіе, печатаніе и распространеніе возмутительныхъ противу правительства воззваній. Подсудимые по роду обвиненія должны быть раздѣлены на три категоріи, не имѣющія между собою связи (ислючая только одного Печаткина, о чемъ изложено будетъ ниже). Къ первой категоріи относятся бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета Петръ Баллодъ, кандидатъ СПБ. у. литераторъ Дмитрій Писаревъ, бывшій вольнослушатель того же университета Евгеній Печатникъ. Ко второй: студентъ Медико-Хирургической академіи Сергѣй Рымаренко, типографщикъ купецъ Илья Марковъ, и студенты упомянутой академіи Помпей Мультановскій и Юлій Гюбнеръ. Наконецъ, къ третьей: бывшій студентъ Московскаго университета Леонидъ Ольшевскій, студенты СПБ. у. Петръ Ткачевъ и Кемарскій и упомянутый въ I-й категоріи Печаткинъ».

Затѣмъ, послѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, относящихся до каждаго изъ названныхъ лицъ, шла уже и самая резолюціонная часть опредѣленія:

«Разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства дѣла сего, правительствующій сенатъ находитъ, что изъ подсудимыхъ:

1. Бывшій студентъ СПБ. университета Баллодъ виновенъ, по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла совершенно согласному, а) въ принятіи участія въ заговорѣ противу правительства и въ заведеніи тайной типографіи для напечатанія возмутительныхъ противу онаго сочиненій, б) въ напечатаніи сихъ сочиненій и в) въ распространеніи ихъ посредствомъ подкидыванія. Первое изъ преступленій его составляетъ злоумышленіе противъ правительства, предусмотрѣнное въ сводѣ законовъ уголовныхъ, въ главѣ о государственныхъ преступленіяхъ, въ статьѣ 283. Но какъ это злоумышленіе Баллода открыто правительствомъ при самомъ началѣ его, и посему никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ онаго не произошло, то, на основ. послѣдующей 284 статьи, онъ подлежитъ наказанію по 3 или 4 степени 21 ст. уложенія. Обращаясь къ выбору одной изъ сихъ двухъ степеней наказанія, сенатъ находитъ, что неискренность Баллода въ сознаніи, ибо онъ, пойманный

правительствомъ на самомъ преступленіи, не будучи въ состояніи скрыть этого, тщательно утаивалъ своихъ сообщниковъ, и нераскаянность въ его преступныхъ дѣйствіяхъ, ибо и при самыхъ послѣднихъ показаніяхъ своихъ онъ, вмѣсто подробнаго и точнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ требовалъ отъ него правит. сенатъ, дозволилъ себѣ иронически отзываться о своемъ преступленіи, сравнивая себя съ охотникомъ, идущимъ на медвѣдя, — приводятъ сенатъ къ тому убѣжденію, что онъ долженъ подвергнуться строжайшему изъ приведенныхъ наказапій, т. е. по 3 степени 21 статьи. За напечатаніе и распространеніе посредствомъ разбрасыванія возмутительныхъ противъ правительства воззваній Баллодъ, на основ. 285 ст., подлежитъ наказанію по 5 степени 21 статьи. По совокупности преступленій, на основ. 165 ст., онъ долженъ быть подвергнутъ строжайшему изъ вышеприведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, то есть лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторгу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселенъ въ Сибири навсегда.

2. Кандидатъ СПБ. унив. Писаревъ виновенъ, также по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла вполнѣ согласному, въ составленіи возмутительной статьи, заключающей въ себѣ опроверженіе брошюры Шедо-Ферроти и преисполненной дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій и противъ правительства и противъ священной особы самого Государя Императора. Сочиненіе это написавъ, онъ отдалъ Баллоду, который сказалъ ему, что, можетъ быть, ему удастся его напечатать. При такомъ положеніи дѣла, обращаясь къ опредѣленію свойства преступленія Писарева, сенатъ находитъ, что полныхъ требуемыхъ закономъ юридическихъ доказательствъ къ признанію Писарева виновнымъ въ составленіи сочиненія его съ цѣлью распространенія въ дѣлѣ не содержится, ибо передача имъ статьи своей Баллоду не ведетъ еще къ заключенію, чтобы онъ непремѣнно старался распространить ее, хотя по тѣмъ же обстоятельствамъ онъ въ преступленіи семъ навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе. Такимъ образомъ, не будучи признаваемъ вполнѣ изобличеннымъ въ покушеніи распространить свое возмутительное сочиненіе, онъ положительно виновенъ въ составленіи его. Такое преступное дѣйствіе законъ называетъ приготовленіемъ и началомъ покушенія къ возбужденію бунта и подвергаетъ виновнаго въ ономъ наказанію въ 3 ч. 285 ст. изложенному, т. е. заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. На основаніи указа 17 апрѣля 1863 г.

п. 7, заключеніе это должно быть сокращено на одну треть, а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, оно можетъ быть уменьшено и на половину. Посему, обращаясь къ сужденію о мѣрѣ наказанія Писарева и сокращеніи онаго по указу 17 апрѣля, сенатъ находитъ, что первоначальное упорное запирательство его въ преступленіи, а потомъ неискренность и въ самомъ сознаніи, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему увѣщанія, ведутъ къ тому, что онъ долженъ понести наказаніе, ему слѣдующее, въ высшей онаго мѣрѣ, а сокращено должно быть оное на основаніи вышеприведеннаго указа сенату только на одну треть, т. е. онъ долженъ быть лишенъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и подвергнутъ захлюченію въ крѣпости на 2 года и 8 мѣсяцевъ, а по предмету покушенія на распространеніе сочиненной имъ возмутительной статьи оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. Писаревъ во время производства дѣла сего ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія, оправдывая себя тѣмъ, что преступленіе его было плодомъ минутнаго увлеченія, и что онъ человѣкъ впечатлительный до такой степени, что даже подвергался умопомѣшательству, отъ коего и былъ пользуемъ. Такое ходатайство Писарева сенатъ признаетъ не заслуживающимъ уваженія, потому что статья, составленная имъ и заключающая два листа весьма мелкаго письма, написанная притомъ не въ одинъ разъ, а съ значительнымъ промежуткомъ времени, доказываетъ обдуманность преступнаго его дѣйствія.

3. Бывшій студентъ СПБ. ун. Лобановъ, обвиняемый въ способствованіи Баллоду къ постоянному полученію имъ «Колокола», въ томъ не сознался, показавъ, что давалъ ему только нѣкоторые номера «Колокола», простая же передача для чтенія «Колокола» не составляетъ злоумышленнаго распространенія сего вреднаго изданія, посему, на точномъ основаніи 304 ст. 2 кн. XV т. онъ долженъ быть отъ всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу освобожденъ.

4. Бывшій вольнослушателемъ СПБ. ун. Печаткинъ обвиняется, вслѣдствіе показанія Лобанова, въ томъ, будто бы онъ доставлялъ Баллоду «Колоколъ» изъ-за границы, но Печаткинъ въ семъ не сознался, и самъ Баллодъ въ томъ его не оговариваетъ. Кромѣ сего, Печаткинъ обвиняется въ знаніи о преступныхъ замыслахъ студента Ольшевскаго, сочинявшаго возмутительныя воззванія. Обвиненіе это основано единственно на запискѣ, найденной у Ольшевскаго отъ Печаткина, и на предостереженіи, выраженномъ Ольшевскимъ въ письмѣ къ Кемарскому, но Печаткинъ ни въ участіи съ

Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ, ни даже въ знаніи о нихъ не сознался, Ольшевскимъ не оговоренъ, и другихъ доказательствъ къ обвиненію его въ дѣлѣ нѣтъ. Но при обыскѣ, произведенномъ у него, найдена возмутительная статья подъ заглавіемъ «Къ русскому народу». Храненіе таковаго содержанія статьи безъ права на то подвергаетъ виновнаго, на основ. послѣдней части 285 ст., аресту отъ 7 дней до трехъ мѣсяцевъ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи на время отъ 1 года до 3 лѣтъ. Правительствующій сенатъ при первоначальномъ обсужденіи степени вины подсудимыхъ, во исполненіе высочайшаго повелѣнія для опредѣленія того, должны ли они быть содержимы въ крѣпости, или могутъ быть освобождены изъ оной, нашелъ, что Печаткинъ можетъ быть отданъ на поруки, но предварительно освобожденія призналъ полезнымъ сдѣлать ему, въ числѣ прочихъ, внушеніе, чтобы онъ велъ себя осторожнѣе и не дозволялъ себѣ дѣйствій, законами воспрещенныхъ. Но несмотря на это, во время производства въ сенатѣ слѣдствія по доносу кол. рег. Кучинскаго, обнаружено, что когда Ольшевскій былъ на излѣченіи во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, то Печаткинъ, не имѣя права посѣщать его, видѣлся съ нимъ подъ предлогомъ навѣщанія бывшаго тамъ же на излѣченіи поручика Жукова, ему вовсе не знакомаго, и приносилъ Ольшевскому деньги. Хотя въ прочихъ выведенныхъ въ доносѣ Кучинскаго поступкахъ Печаткинъ не сознался и доказательствъ на сіе Кучинскимъ не представлено, но и посѣщеніе Ольшевскаго, котораго достигнулъ онъ черезъ обманъ больничнаго начальства, несмотря на сдѣланное ему въ присутствіи прав. сената внушеніе, чтобы велъ себя безукоризненно, доказываетъ крайнюю его легкомысленность, за что и слѣдуетъ сдѣлать ему выговоръ (примѣч. къ ст. 62). По совокупности проступковъ его онъ долженъ быть присужденъ къ строжайшему изъ приведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. его слѣдуетъ подвергнуть аресту на 3 мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

5 и 6. Бѣжавшій за границу губ. секретарь Николай Жуковскій и находившійся тамъ, съ разрѣшенія начальства, студентъ Мошкаловъ, прикосновенные къ дѣлу студента Баллода, о коихъ, по вызовѣ ихъ изъ-за границы высочайше повелѣно произвести слѣдствіе, а въ случаѣ неявки ихъ, поступить съ ними по законамъ, будучи вызываемы правительствомъ въ Россію, не явились, а посему за такое ослушаніе, на основ. 368 ст. кн. I тома XV, должны

быть приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства.

7. Студентъ М.-Х. Академіи Рымаренко и 8. типографщикъ купецъ Марковъ, бывшій также нѣкоторое время студентомъ М.-Х. академіи, изобличаются: первый въ заказѣ столяру Вагнеру типографскихъ прессовъ для тайнаго печатанія и въ увозѣ съ неизвѣстными лицами одного изъ этихъ прессовъ, а Марковъ въ содѣйствіи Рымаренко по заказу означенныхъ прессовъ. По закону, пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія признается лишь приготовленіемъ къ оному (10 ст. улож. о нак.). За приготовленіе къ совершенію преступленія виновный подвергается наказанію, смотря по тому, вопервыхъ, употребленныя имъ для сего средства были ли противозаконныя, во-вторыхъ, самое пріобрѣтеніе сихъ средствъ не было ль соединено съ опасностью для какого-либо лица частнаго лица, или многихъ, или всего общества. Наказаніе за одно, безъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, приготовленіе къ преступленію опредѣляется лишь въ особыхъ именно означенныхъ законами случаяхъ (124 ст. улож.). Принимая за симъ на видъ, что одно пріобрѣтеніе типографскихъ прессовъ само по себѣ не составляетъ противозаконнаго дѣйствія и не соединено съ опасностью ни для частныхъ лицъ, ни для общества, и что въ нашихъ уголовныхъ законахъ не постановлено наказанія за заказъ или пріобрѣтеніе типографскихъ прессовъ, хотя бы это и было дѣлаемо съ цѣлью тайнаго печатанія, прав. сенатъ находитъ, что Рымаренко за заказъ двухъ типографскихъ прессовъ, изъ которыхъ одинъ уже былъ имъ полученъ, а Марковъ за принятіе участія въ этомъ заказѣ, на точномъ основаніи 124 ст. улож., не подлежатъ никакому наказанію. Но совпаденіе времени заказа студентомъ Рымаренко типографскихъ прессовъ со временемъ распространенія въ значительномъ количествѣ разныхъ возмутительныхъ и другихъ преступныхъ сочиненій, тайно печатаемыхъ, первоначальное запирательство Рымаренко и Маркова, а потомъ разнорѣчивыя и изворотливыя объясненія ихъ по предмету заказа прессовъ и противуправительственное направленіе Рымаренко, ясно видимое изъ найденныхъ у него при обыскѣ бумагъ, навлекаютъ подозрѣніе на Рымаренко въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, а на Маркова, по близкому знакомству съ Рымаренко, въ знаніи сего. Сверхъ того, всѣ эти обстоятельства представляютъ достаточное основаніе къ принятію въ отношеніи Рымаренко и Маркова въ администра-

тивномъ порядкѣ одной изъ мѣръ, указанной въ примѣч. къ 62 ст. улож., а именно: Рымаренко, какъ личность, представляющуюся по дѣлу весьма упорною и вреднаго образа мыслей, надлежитъ выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, а Маркова отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненія Маркова въ заказѣ вдовѣ унтеръ-офицера Андреевой пальто и шапокъ съ особыми знаками, то по сему предмету онъ, какъ совершенно неизобличенный, долженъ быть отъ суда освобожденъ.

9. Студентъ М.-Х. академіи Мультановскій обвиняется въ участіи съ Рымаренко въ заказѣ станковъ. Основаніемъ къ обвиненію сему послужило токмо то, что онъ жилъ вмѣстѣ съ Рымаренко, что Марковъ писалъ къ нему записку о платежѣ денегъ за станокъ, и что, по показанію Маркова, онъ будто бы сказывалъ ему, что первый станокъ увезенъ студентомъ Гюбнеромъ. Но Мультановскій ни въ какомъ участіи съ Рымаренко и Марковымъ въ заказѣ станковъ, ни даже въ знаніи о томъ не сознался, и самими ими, кромѣ вышеизъясненнаго показанія Маркова, не оговоренъ, а посему по обвиненію этому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ, равно какъ и по обвиненію въ заказѣ Андреевой пальто и шапокъ, по непредставленію ею никакихъ противу него доказательствъ.

10. Сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ должно быть отложено впредь до полученія окончательныхъ свѣдѣній отъ министра иностранныхъ дѣлъ насчетъ помѣщика Черкесова, вызываемаго изъ-за границы, отъ котораго слѣдуетъ отобрать по сему дѣлу показаніе.

11. Бывшій студентъ Москов. у. Ольшевскій виновенъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Разсказъ дяди Кузьмича», съ намѣреніемъ напечатать и распространить его, что доказывается тѣмъ, что на самомъ сочиненіи отмѣчено его рукою «отдать въ корректуру» и означено, сколько экземпляровъ этого сочиненія и куда слѣдуетъ ихъ разослать. Принимая во вниманіе, что одно намѣреніе напечатать и распространить сочиненіе возмутительнаго содержанія составляетъ лишь преступный умыселъ на это преступленіе и что за подобный умыселъ въ законахъ не опредѣлено какого-либо особаго наказанія (9 и 123 ст. улож.), правит. сенатъ находитъ, что Ольшевскій долженъ быть подвергнутъ наказанію лишь за сочиненіе упомянутаго возмутительнаго воззванія, а именно, на основ. 3 ч. 285 ст. улож. По этой статьѣ, виновные въ составленіи возмутительныхъ сочиненій, но не изобличенные въ зло-

умышленномъ распространеніи оныхъ, подлежатъ заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. При несовершеннолѣтіи Ольшевскаго наказаніе это, на основ. 5 п. 152 ст. улож. по прод. 1863 г., должно быть уменьшено для него одною степенью, по отсутствію уменьшающихъ вину его обстоятельствъ, и назначено въ средней мѣрѣ по неискренности его въ сознаніи (10 п. 145 ст.) съ сокращеніемъ на одну треть, согласно примѣчанію къ ст. 147 улож. по тому же продолженію (высоч. указъ 17 апрѣля 1863 г.). По симъ основаніямъ Ольшевскій подлежитъ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ (1 степень 39 ст. улож.), а по освобожденіи изъ крѣпости, согласно высоч. повелѣнію, послѣдовавшему въ отношеніи его по дѣлу о происходившихъ въ СПБ. университетѣ безпорядкахъ, выслать на мѣсто родины съ отдачею тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненій, взведенныхъ на него, Ольшевскаго, въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, то онъ долженъ быть по сему предмету отъ суда освобожденъ, такъ какъ доносъ сей произведеннымъ прав. сенатомъ слѣдствіемъ не подтверждается.

12 и 13. Студенты СПБ. у. Кемарскій и Ткачевъ, обвиняемые въ знаніи и участіи съ Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ его, въ преступленіяхъ сихъ не сознались. Ольшевскимъ не оговорены и другихъ доказательствъ противъ нихъ въ дѣлѣ нѣтъ, а потому ихъ слѣдуетъ отъ суда освободить. Но изъ нихъ Ткачевъ виновенъ въ имѣніи у себя возмутительной статьи «Что нужно народу», полученной будто бы имъ отъ неизвѣстнаго, и недонесеніи о томъ кому слѣдуетъ. За таковой проступокъ онъ, на основ. 285 ст. и 138 ст. 1 ч. XV т. св. закон. угол., долженъ подлежать заключенію въ крѣпости въ теченіе года съ смягченіемъ наказанія сего по несовершеннолѣтію его, на основ. 152 ст. улож. по прод. 1863 г. и высоч. указа отъ 17 апрѣля 1863 г., т. е. онъ долженъ быть заключенъ въ крѣпость на три мѣсяца; по обвиненію же ихъ вслѣдствіе доноса кол. рег. Кучинскаго, какъ доносъ сей слѣдствіемъ не подтвердился, слѣдуетъ отъ суда освободить.

и 14. Обстоятельства дѣла, относящіяся до студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ слѣдствіемъ не подтвердившіяся, должны быть оставлены безъ послѣдствій.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правит. сенатъ полагаетъ:

1. Бывшаго студента Петра Баллода, 24 лѣтъ, за принятіе участія въ заговорѣ противу правительства, за заведеніе тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противу правительства воззваній, за печатаніе и распространеніе ихъ посредствомъ подкидыванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

2. Кандидата СПБ. у. Дмитрія Писарева, нынѣ 23 лѣтъ, за составленіе противу правительства и Государя Императора сочиненія, лишить нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54, правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, а по предмету покушенія распространить это сочиненіе оставить въ сильномъ подозрѣніи, ходатайство же его о смягченіи ему наказанія оставить безъ уваженія.

3. Бывшаго студента СПБ. у. Евгенія Печаткина, 24 лѣтъ, по предмету участія съ студентомъ Баллодомъ и Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительной статьи подъ заглавіемъ «Къ русскому народу» и за посѣщеніе студента Ольшевскаго посредствомъ обмана, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

4. Бѣжавшаго за границу губ. секр. Николая Жуковскаго за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

5. Бывшаго студента Москов. у. Леонида Ольшевскаго, нынѣ 23 лѣтъ, за сочиненіе возмутительнаго воззванія заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать его на мѣсто родины съ отдачей тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненіямъ, взведеннымъ на него въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, отъ суда освободить и,

6. Бывшаго студента СПБ. у. Петра Ткачева, 19 лѣтъ, по обвиненіямъ въ сообщничествѣ съ студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ и въ посѣщеніи Ольшевскаго во время нахожденія его во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ съ преступною цѣлью отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ кому слѣдуетъ, заключить въ крѣпость на три мѣсяца.

«Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кн. 2 тома XV, пред-

ставить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ сенатъ опредѣлилъ: а) находившагося за границею съ разрѣшенія начальства студента Павла Мошкалова за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства, б) бывшаго студента М.-Х. академіи Сергѣя Рымаренко, 24 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, в) типографщика купца Илью Маркова, 26 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ знаніи объ участіи бывшаго студента Рымаренко въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненію въ заказѣ пальто и шапокъ съ особыми знаками отъ суда освободить, г) студентовъ Лобанова, Мультановскаго и Кемарскаго отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу освободить, д) сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ отложить до полученія окончательнаго увѣдомленія отъ г. министра иностранныхъ дѣлъ о помѣщикѣ Черкесовѣ и е) обстоятельства дѣла, относящіяся до бывшихъ студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ розыскомъ не подтвердившіяся, оставить безъ послѣдствій, а находящіеся при дѣлѣ станокъ типографскій, шрифтъ и прочее отослать для уничтоженія къ г. СПБ. военному генералъ-губернатору».

28 октября опредѣленіе было возвращено въ сенатъ министромъ юстиціи вмѣстѣ съ предложеніемъ исполнить высочайшее повѣленіе, послѣдовавшее на мнѣніи государственнаго совѣта. Послѣдній вполнѣ присоединился къ заключенію сената, и 16 октября, въ Ниццѣ, Государь положилъ резолюцію: „Быть по сему“, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами».

5 ноября въ 12 час. дня при открытыхъ дверяхъ въ собраніи I отдѣленія 5 департамента всѣмъ упомянутымъ въ опредѣленіи была объявлена высочайшая воля.

М. Лемке.

Къ исторіи „Общества св. Кирилла и Меѳодія".

(1847).

(I. Уставъ и правила. II. Прокламаціи) [1]).

I.

Уставъ славянскаго общества св. Кирилла и Меѳодія. Главныя идеи.

1) Принимаемъ, что духовное и политическое соединеніе славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они должны стремиться.

2) Принимаемъ, что при соединеніи каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, а такими племенами признаемъ: южно-руссовъ, сѣверно-руссовъ съ бѣло-руссами, поляковъ, чеховъ съ словенцами, лужичанъ, иллиро-сербовъ съ хорутанами и болгаръ.

3) Принимаемъ, что каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣдываніямъ и состоянію.

4) Принимаемъ, что правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должно основываться на святой религіи Господа нашего Іисуса Христа.

5) Принимаемъ, что при таковомъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи.

6) Принимаемъ, что долженъ существовать общій славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ.

Главныя правила общества.

1) Установляемъ общество съ цѣлью распространенія вышеизложенныхъ идей, преимущественно посредствомъ воспитанія юношества, литературы и умноженія числа членовъ общества. Общество именуетъ своими покровителями святыхъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія и принимаетъ своимъ знакомъ кольцо или икону съ именемъ или изображеніемъ сихъ святыхъ.

---

[1]) Обществомъ св. Кирилла и Меѳодія называлось, какъ извѣстно, то „сообщество", къ которому принадлежали Шевченко, Костомаровъ, Гулакъ, Бѣлозерскій и др. Уставъ и правила Общества были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" (1893 № 7), а прокламаціи въ печати еще не появлялись и воспроизводятся здѣсь съ подлинниковъ. *Ред.*

2) Каждый членъ общества произноситъ присягу при поступленіи употреблять дарованія, труды, состоянія, общественныя свои связи для цѣлей общества, и ежели бы какой членъ претерпѣлъ гоненіе и даже мученіе за принятыя обществомъ идеи, то, по данной присягѣ, онъ не выдаетъ никого изъ членовъ, своихъ братій.

3) Въ случаѣ членъ попадетъ въ руки враговъ и оставитъ въ нуждѣ семейство, общество помогаетъ ему.

4) Каждый принятый членъ общества можетъ принять новаго члена безъ необходимости сообщать ему объ именахъ прочихъ членовъ.

5) Въ члены принимаются славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званій.

6) Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7) Такъ какъ въ настоящее время славянскія племена исповѣдуютъ различныя вѣроисповѣданія и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то общество будетъ стараться объ уничтоженіи всякой племенной и религіозной вражды между ними и распространять идею о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквахъ.

8) Общество будетъ стараться заранѣе объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности.

9) Какъ все общество въ совокупности, такъ и каждый членъ должны свои дѣйствія соображать съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія; правило же: цѣль освящаетъ средство—общество признаетъ безбожнымъ.

10) Нѣсколько членовъ общества, находясь въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ, могутъ имѣть свои собранія и постановлять частныя правила для своихъ дѣйствій, но дабы они не противорѣчили главнымъ идеямъ и правиламъ общества.

11) Никто изъ членовъ не долженъ объявлять о существованіи и составѣ общества тѣмъ, которые не вступаютъ или не подаютъ надежды вступить въ него.

II.

Изъ рукописей, взятыхъ у членовъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, приводимъ двѣ прокламаціи, изъ которыхъ одна обращена къ украинцамъ, другая—къ великороссіянамъ и полякамъ. Въ связи съ уставомъ и правилами общества онѣ даютъ ясное представленіе о цѣляхъ общества.

1.

Братья украинцы!

Это разсужденіе предлагаемъ вамъ передъ глаза и даемъ на размышленіе: хорошо ли такъ будетъ, какъ эти пункты скажутъ:

1) Мы принимаемъ, что всѣ славяне должны между собою соединиться.

2) Но такъ, чтобъ каждый народъ составлялъ особенную Рѣчь Посполитую и управлялся не слитно съ другими, такъ чтобъ каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство. Такими народами признаемъ: великороссіянъ, украинцевъ, поляковъ, чеховъ, лутичанъ, хорутанъ, иллиро-сербовъ и болгаръ.

3) Чтобъ единствовалъ сеймъ или славянское собраніе, гдѣ бы сходились депутаты отъ всѣхъ республикъ славянскихъ, и тамъ разсуждали бы и рѣшали дѣла, которыя относятся ко всему союзу славянскому.

4) Чтобъ въ каждой республикѣ былъ правитель, избранный на время, и надъ цѣлымъ союзомъ былъ такой же правитель, выбранный на время.

5) Чтобъ въ каждой республикѣ было всеобщее равенство и свобода и никакія различія сословій.

6) Чтобъ депутатами и чиновниками дѣлали не по происхожденію и не по имуществу, а по уму и образованности, народнымъ выборомъ.

7) Чтобъ вѣра Христова была основаніемъ законодательства и общественнаго порядка въ цѣломъ союзѣ и въ каждой республикѣ.

Вотъ, братья украинцы, жители Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, мы даемъ вамъ это на размышленіе; прочитайте со вниманіемъ и пусть каждый думаетъ, какъ достигнуть этого, и какъ бы лучше сдѣлать. Много головъ, много умовъ,—говоритъ пословица. Если вы объ этомъ станете прилежно думать, то когда придетъ пора вамъ заговорить объ этомъ, Господь даруетъ вамъ смыслъ и уразумѣніе.

2.

Братья великороссіяне и поляки!

Сіе глаголетъ къ вамъ Украина, нищая сестра ваша, которую вы распяли и растерзали и которая не помнитъ зла и соболѣзнуетъ о вашихъ бѣдствіяхъ, и готова проливать кровь дѣтей своихъ за вашу свободу. Прочитайте посланіе это братское, обсудите важное дѣло вашего общаго спасенія, возстаньте отъ сна и дремоты, истребите въ сердцахъ вашихъ безразсудную ненависть другъ къ другу, возженную царями и господами, на общую погибель нашей свободы, устыдитесь ярма, которое тяготитъ ваши плеча, устыдитесь собственной своей испорченности, предайте проклятію святотатственныя имена земного царя и земного господина, изгоните изъ умовъ вашихъ духъ невѣрія, занесенный отъ племенъ нѣмецкихъ и романскихъ, и духъ закоснѣлости, вдохнутый татарами, облекитесь въ свойственную славянамъ любовь къ человѣчеству, вспомните также о братьяхъ вашихъ, томящихся и въ шелковыхъ цѣпяхъ нѣмецкихъ, и въ когтяхъ турецкихъ, и да будетъ цѣлью жизни и дѣятельности каждаго изъ васъ: славянскій союзъ, всеобщее равенство, братство, миръ и любовь Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).

Продолженіе.

III.

Извѣстно, какое громадное значеніе для развитія нашего общества имѣло пребываніе нашихъ войскъ за границей послѣ нашествія Наполеона на Россію. Наши офицеры побывали въ Англіи и Франціи и познакомились съ тамошнимъ образомъ правленія. «Каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ», говоритъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ. Русскіе офицеры, просвѣщенные западно-европейскими впечатлѣніями, съ болью въ сердцѣ наблюдали печальныя явленія русской дѣйствительности: крѣпостное право и тяжелое экономическое положеніе народа, строгости военной дисциплины, учрежденіе военныхъ поселеній, стѣсненіе печати цензурою, гоненіе на либеральныхъ профессоровъ. Все это возбуждало и поддерживало оппозиціонное настроеніе общества во вторую половину царствованія имп. Александра I, вызывало мысль о необходимости преобразованія государственнаго строя Россіи и составленіе и обсужденіе проектовъ такого преобразованія. Развитію политической мысли содѣйствовали чтеніе газетъ и сочиненій по государственному праву и знакомство съ польскою и западно-европейскими конституціями. Съ этою цѣлью въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ составились большія библіотеки по вопросамъ государственнаго устройства. «Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба», говоритъ М. А. Фонъ-Визинъ, «съ страстію учились и преимущественно читали сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя, политическія теоріи и системы, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи, завезены были въ Петербургъ и навели нашихъ либераловъ на мысль

учредить тайное политическое общество въ Россіи съ цѣлью ограничить самодержавіе. Въ концѣ 1816 г. эта мысль осуществилась: нѣсколько офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба условились составить тайное общество», которое носило названіе «Союза Спасенія», или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Въ числѣ основателей общества были Никита Мих. Муравьевъ, кн. Трубецкой, бр. Муравьевы-Апостолы и др. Скоро къ нимъ присоединились Пав. Ив. Пестель, Новиковъ, племянникъ извѣстнаго масона, Лунинъ и прочіе. Цѣлью общества, по словамъ Фонъ-Визина, было осуществленіе «нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ» [1]).

Въ началѣ января 1826 г. московскій военный губернаторъ кн. Голицынъ отправилъ государю донесеніе, въ которомъ сообщаетъ, что такъ какъ опекуны, назначенные надъ сумасшедшимъ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, приступили къ снятію печатей съ его дома и имущества, то онъ, Голицынъ, «имѣя причины подозрѣвать, что въ числѣ бумагъ гр. Дмитріева-Мамонова, по прежнему роду жизни его и репутаціи, найтиться могутъ достойныя по внѣшнимъ обстоятельствамъ вниманія правительства, почелъ обязанностью» вытребовать отъ нихъ эти бумаги. Государь приказалъ выслать ихъ въ слѣдственный комитетъ о тайныхъ обществахъ, «гдѣ онѣ удобнѣе могутъ быть разобраны по извѣстной общей связи дѣла». Въ числѣ рукописей гр. Дмитріева-Мамонова оказалось не мало относящихся до масонскихъ ложъ: тутъ же нашелся шифръ для тайной переписки и «проектъ республиканской конституціи».

Гр. Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ заболѣлъ психически въ 1817 г., но въ первое время иногда ему становилось лучше [2]). Ранѣе болѣзни гр. Дмитріева-Мамонова М. Ѳ. Орловъ задумалъ вмѣстѣ съ нимъ и Н. И. Тургеневымъ завести общество «Русскихъ Рыцарей», но предположеніе это осуществлено не было.

Принадлежность къ масонству могла сблизить гр. Дмитріева-Мамонова съ другимъ масономъ, Николаемъ Новиковымъ, который сначала состоялъ въ Саксоніи при ген.-адъютантѣ Репнинѣ, а потомъ, когда послѣдній сдѣлался малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, былъ правителемъ его канцеляріи. Изъ показанія Пестеля видно, что Новиковъ завелъ въ Малороссіи масонскую ложу [3]).

Этотъ Новиковъ, какъ было уже упомянуто, одинъ изъ первыхъ

---

[1]) О Союзѣ Спасенія см. въ моей статьѣ „М. А. Фонъ-Визинъ" въ сборникѣ „Обществен. движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка, т. I. Декабристы. Составили В. И. Семевскій, В. Я. Богучарскій, П. Е. Щеголевъ", Спб., 1901, стр. 16—22. Тамъ же напечатаны записки Фонъ-Визина.

[2]) Д. В. Давыдовъ въ письмѣ къ П. Д. Киселеву (1819 г.) называетъ Мамонова „бѣшенымъ" и говоритъ о немъ и М. Ѳ. Орловѣ, какъ о врагахъ абсолютизма въ Россіи. „Сочиненія Д. В. Давыдова", 1895 г., т. III, 233—234.

[3]) Съ Новиковымъ находился въ сношеніяхъ и М. Ѳ. Орловъ.

примкнулъ къ «Союзу Спасенія», который окончательно образовался въ началѣ 1817 г. Въ своемъ показаніи Пестель говоритъ, что первую мысль о республиканскомъ правленіи возбудилъ въ немъ проектъ конституціи Новикова. Дѣлая очеркъ развитія своихъ политическихъ взглядовъ, Пестель сообщаетъ: «Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія припоминать и съ ними соглашаться». «Отличительная черта конституціи Новикова», по свидѣтельству Пестеля, «заключалась въ томъ, что она была республиканская, и верховная власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному... Много было сходства съ американскою конституціею. Новиковъ имѣлъ порученіе основать управу тайнаго общества въ Малороссіи, но это ему не удалось.

До сихъ поръ проектъ конституціи Новикова не былъ извѣстенъ. Мы полагаемъ, что та схема республиканской конституціи, которая сохранилась въ бумагахъ гр. Дмитріева-Мамонова и есть проектъ Новикова. Очень возможно, что онъ не былъ развитъ имъ подробнѣе. Пестель нигдѣ не говоритъ, чтобы Новиковъ давалъ ему читать свой проектъ; это объясняется вѣроятно тѣмъ, что дѣло не пошло далѣе чернового наброска, который, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно интересенъ для исторіи развитія политическихъ идей того времени.

Подобно конституціи Никиты Муравьева, народное вѣче [1]) дѣлится здѣсь на двѣ палаты, хотя и съ иными названіями—палату вельможъ и палату мѣщанъ. «Палата вельможъ состоитъ изъ 221 наслѣдственныхъ вельможъ государства, владѣющихъ удѣлами неприкосновенными, inaliénables, въ тѣхъ областяхъ, отъ коихъ они *наслѣдственными представителями и депутатами*» [2]). Далѣе, авторъ перечисляетъ сначала «наслѣдственныхъ представителей»: 150 вельможъ отъ Московскаго царства, 20—отъ Новгородскаго, 20—отъ Кіевскаго, 1—отъ Владимірскаго, 5—отъ Казанскаго, 5—отъ Астраханскаго, 10—отъ Сибирскаго и 10—отъ Херсонскаго [3]). Въ составъ «палаты наслѣдственныхъ представителей» входили еще 442 «простыхъ» дворянина, «не наслѣдственныхъ, но избранныхъ представителей, въ числѣ коихъ должны быть представители Польскаго царства sous le patronat des pairs de Kiof et de Wolhynie [4]), депутаты лифляндскаго, курляндскаго и финляндскаго шляхетства подъ патронатомъ Новгородскаго царства, грузинскіе депутаты подъ протекторатомъ Астраханскаго царства. Сверхъ этого

[1]) Авторъ пишетъ „народная веча“.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Нѣкоторыя изъ этихъ цифръ первоначально были иныя. Далѣе, зачеркнуто слѣдующее продолженіе списка: 5 вельможъ отъ Грузіи, 10—отъ вел. княжества Смоленскаго, 5—отъ государства Псковскаго, 5—отъ Малой Россіи, 5—отъ Бѣлой Россіи, 10—отъ Чермной Россіи, или южной Польши, 20—отъ вел. княжества Нижегородскаго, 5—отъ вел. кн. Ярославскаго, 5—отъ вел. кн. Рязанскаго, 5—отъ вел. кн. Пермскаго.

[4]) Подъ покровительствомъ кіевскихъ и волынскихъ вельможъ.

въ палатѣ вельможъ должны были засѣдать 10 депутатовъ русскаго рыцарства [1]) и 6 депутатовъ отъ вольныхъ городовъ [2]), а всѣхъ членовъ 679». Въ проектѣ не объяснено, какъ образуются «неприкосновенные удѣлы» вельможъ,—будутъ ли это ихъ собственныя наслѣдственныя имѣнія, сдѣланныя неотчуждаемыми, или эти имѣнія будутъ пожалованы вельможамъ подобно тому, какъ Мордвиновъ предлагалъ надѣлить по 10.000 душъ крестьянъ 50 членовъ его «Государственной Думы», которую первоначально онъ предполагалъ назвать «Думою Вельможъ» или «Верховною Палатою». Возможно, что аристократическіе элементы разсматриваемаго проекта объясняются вліяніемъ Мордвинова или кн. Ник. Григ. Репнина (родного брата декабриста Волконскаго), который въ 1810—12 г. былъ посланникомъ въ Испаніи, а въ 1816 г.—военнымъ губернаторомъ (т. е. генералъ-губернаторомъ) Малороссіи и правителемъ канцеляріи котораго служилъ Новиковъ. Хотя испанская конституція 1812 г. была основана на однопалатной системѣ, но на мысль объ учрежденіи «неприкосновенныхъ удѣловъ» могли навести кн. Репнина майораты испанскихъ грандовъ, а также и то, что онъ самъ сдѣлался владѣльцемъ крупныхъ имѣній своего дѣда Н. В. Репнина, фамилію котораго онъ и сталъ носить. Участіе депутатовъ отъ 6 вольныхъ городовъ, которое предлагалось въ изложенномъ проектѣ, напоминаетъ о предположеніи Н. С. Мордвинова относительно представительства отъ главныхъ портовыхъ городовъ.

Нижняя палата, по этому проекту, носитъ названіе «палаты мѣщанъ» (т. е. горожанъ, отъ польскаго «miasto»—городъ). Это названіе также подтверждаетъ наше предположеніе о составленіи разсматриваемаго проекта Новиковымъ: онъ, какъ житель Кіева, употребилъ тутъ слово «мѣщане» не въ великороссійскомъ смыслѣ низшаго класса городского населенія, а въ смыслѣ горожанъ вообще. «Такъ называемые мѣщане», сказано въ проектѣ, «должны составиться изъ депутатовъ городовъ», которые «могутъ быть избираемы» изъ дворянъ, духовныхъ лицъ, мѣщанъ, купцовъ всѣхъ гильдій, мастеровыхъ и «поселянъ». Каждый городъ долженъ избирать по три депутата: по одному дворянину, по одному купцу или духовному лицу и по одному ремесленнику или поселянину, а эти трое избираютъ четвертаго не изъ своей среды, все равно изъ какого сословія, который и является «народнымъ представителемъ». Авторъ проекта полагалъ, чта такихъ представителей будетъ около 3.000 чел. О цензѣ для участія въ выборѣ народныхъ представителей и для того, чтобы быть выбраннымъ въ палату мѣщанъ, не упоминается, но, какъ только что было указано, выборы предполагались не прямые, а двухстепенные, какъ это мы находимъ и въ «Русской Правдѣ» Пестеля. Есть еще слѣдующая оговорка на французскомъ языкѣ: «Духовенство не имѣетъ депутатовъ, такъ

[1]) Далѣе пояснено, что „русскіе рыцари"—„оберегатели конституціи", „вѣчевая стража", „находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая отъ него".

[2]) Кіева, Астрахани, Казани, Одессы, Новгорода и Ярославля. Эти депутаты должны были засѣдать въ палатѣ вельможъ, хотя бы они были и не дворяне.

какъ это не государственное сословіе, а классъ служителей государства (serviteurs de l'État): они служатъ при алтаряхъ, какъ артиллеристъ при своей пушкѣ, какъ деревенскій мэръ наблюдаетъ за чистотою улицъ и безопасностью населенія». Такимъ образомъ, депутаты отъ духовенства не составляютъ особой палаты, какъ это было во французскихъ генеральныхъ штатахъ. Взгляды автора проекта на духовенство, какъ на служителей государства, напоминаютъ о такомъ же отношеніи Пестеля къ этому сословію.

Вельможи должны быть православнаго исповѣданія, такъ же какъ и депутаты рыцарства; но прочіе 400 дворянъ въ «камерѣ» вельможъ и народные представители въ нижней «камерѣ» могутъ быть католическаго, реформатскаго и лютеранскаго исповѣданій съ тѣмъ только, чтобы иновѣрцы были депутатами не отъ великороссійскихъ городовъ, а отъ тѣхъ, гдѣ ихъ исповѣданіе преобладаетъ: такимъ образомъ, отъ польскихъ городовъ можетъ быть депутатомъ католикъ или уніатъ, а отъ остзейскихъ губерній—лютеранинъ.

Въ каждой палатѣ предсѣдательствуетъ избранный на одинъ годъ большинствомъ голосовъ посадникъ изъ числа вельможъ или «верховныхъ рыцарей». Одинъ изъ двухъ имперскихъ посадниковъ имѣетъ главное начальство надъ войсками, другой—судъ и расправу, подобно римскимъ консуламъ. Переизбраніе посадниковъ на слѣдующій годъ ни въ какомъ случаѣ не допускается. Терминъ «посадникъ» встрѣчается также въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля (см. ниже) [1]).

Раздѣленіе Россіи по этому проекту на 8 царствъ, и кромѣ того царство Польское, Курляндію, Лифляндію, Финляндію и Грузію, нѣсколько напоминаетъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Авторъ наброска предлагаетъ также введеніе суда присяжныхъ. Войско, по его мнѣнію, должно быть трехъ родовъ: 1) «большая дѣйствующая армія», 2) «народная стража», или національная гвардія и 3) «вѣчевая стража», находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая непосредственно отъ него,

Послѣ изложенія устройства народнаго вѣча въ этомъ наброскѣ есть такая замѣтка, написанная частью по-русски, частью по-французски: «Конституція гишпанскихъ кортесовъ» (т. е. испанская конституція 1812 г.) «весьма мудро писана, но не вся годится для насъ!—и видите, любезный другъ, плачевный примѣръ того, что щадить Т. (тирановъ) значитъ приготовлять, ковать на себя оковы болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, которыя хотятъ скинуть.—Что же кор-

---

[1]) Въ излагаемой схемѣ мы не находимъ одной черты, указанной Пестелемъ относительно конституціи Новикова, а именно, что предсѣдатель „особаго сословія“, которому принадлежала верховная власть, имѣетъ два голоса. Но такъ какъ Новиковъ на словахъ сообщалъ Пестелю содержаніе своей конституціи, то могъ и забыть объ этомъ; во всякомъ случаѣ, эта конституція—республиканская, какъ и конституція Новикова.

тесы! разосланы, распытаны, къ смерти приговариваемы, и кѣмъ же?—скотиною, которому они сохранили корону»[1]).

Время составленія этого наброска точно не извѣстно, но (въ виду начала тяжелой болѣзни Дмитріева-Мамонова въ 1817 г.) можно думать, что онъ былъ написанъ не позднѣе этого времени.

IV.

Мы не будемъ останавливаться на преобразованіи Союза Спасенія въ Союзъ Благоденствія[2]), на объявленіи въ 1821 г. этого союза прекратившимъ свое существованіе[3]) и на образованіи Сѣвернаго и Южнаго обществъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, и приступимъ къ изложенію проекта конституціи, составленнаго однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Сѣвернаго общества, Никитою Мих. Муравьевымъ.

Н. М. Муравьевъ, сынъ преподавателя имп. Александра I и писателя Мих. Ник. Муравьева, родился въ 1796 г. и воспитывался первоначально дома, причемъ воспитателемъ его былъ, по свидѣтельству Вигеля, якобинецъ Магіеръ. «Добродѣтельный отецъ Муравьева», говоритъ Вигель, «былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; мать его была недовольна государемъ и вѣчно роптала на самодержавную власть»... Магіеръ съ младенчества старался якобинизировать его. Никита Муравьевъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ и пріобрѣлъ степень кандидата. 1812-й годъ возбудилъ въ немъ такой пламенный патріотизмъ, что 16-ти лѣтъ онъ поступилъ на военную службу и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ за границею и во вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ[4]). Въ 1820 г. онъ вышелъ въ отставку, но въ слѣдующемъ году возвратился въ военную службу и дослужился до чина штабсъ-капитана гвардейскаго генеральнаго штаба.

Въ своемъ показаніи онъ отмѣтилъ, что «прокламаціи союзныхъ державъ въ 1813 г., предлагавшія народамъ Германіи представительное правленіе вмѣсто награды за ихъ усилія», впервые обратили его вниманіе на этотъ предметъ, а утвердила его въ этомъ направленіи рѣчь государя къ варшавскому сейму (въ 1818 г.), въ которой онъ «объявлялъ свое намѣреніе ввести представительное правленіе» въ Россіи. Однако, еще ранѣе того, на 22-мъ году жизни, Н. Муравьевъ сдѣлался членомъ Союза Спасенія, который

---

[1]) Объ испанской конституціи 1812 г. и разогнаніи кортесовъ въ 1814 г. Фердинандомъ VII см. B a u m g a r t e n „GeschichteS paniens vom Ausbruch der französischen Revolution“, Band. I—II; *Трачевскій* „Испанія XIX в.“, М., 1872 г., т. I.

[2]) См. объ этомъ *Пыпинъ* „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 3-е, Спб., 1900 г.

[3]) См. объ этомъ въ моей статьѣ о М. А. Фонъ-Визинѣ, стр. 29—36.

[4]) „Случай“, говоритъ Вигель, „свелъ его въ Парижѣ съ Сіэсомъ“ (составителемъ французской конституціи 1795 г.) „и съ Грегуаромъ“ (бывшій епископъ и депутатъ въ конвентѣ, издавшій въ 1814 г. сочиненіе о „такъ называемой сенатской конституціи“ этого года: „De la constitution française de l'an 1814“). *Вигель* „Записки“, ч. V, М. 1892, стр. 50.

окончательно организовался въ февралѣ 1817 г. Позднѣе онъ участвовалъ въ выработкѣ устава Союза Благоденствія, но составленная имъ часть оказалась несоотвѣтствующею другимъ частямъ, обработкою которыхъ занимались Мих. Ник. Муравьевъ и кн. Трубецкой, и трудъ Никиты Муравьева поручено было передѣлать Колошину.

Когда весною 1821 г. гвардія выступила въ походъ, Никита Мих. Муравьевъ былъ въ отставкѣ, но осенью онъ вновь вступилъ на службу и отправился въ главную квартиру гвардейскаго корпуса, находившуюся въ Минскѣ. Тамъ онъ началъ проектъ конституціи, но (какъ показалъ на слѣдствіи), не успѣлъ довести его до конца и принужденъ былъ уничтожить рукопись. Однако, въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого сохранилась списанная имъ копія этого первоначальнаго наброска, состоящая изъ 93 статей и замѣтокъ о томъ, что должно слѣдовать далѣе.

Вѣроятно послѣ того, какъ въ 1822 г. Никита Муравьевъ вмѣстѣ съ кн. Оболенскимъ и И. И. Пущинымъ составили думу Сѣвернаго общества, онъ вновь переработалъ свой проектъ, но также не успѣлъ довести его до конца. На слѣдствіи онъ показалъ, что сжегъ его въ 1825 г. Муравьевъ сообщилъ, что, будучи въ Москвѣ, отдалъ одинъ списокъ своей конституціи Пущину, а передъ отъѣздомъ изъ Петербурга далъ копію кн. Одоевскому: «конституція сія», поясняетъ Муравьевъ, «находилась нѣкоторое время у каждаго изъ главныхъ членовъ» общества (хотя и не была докончена). Пущинъ давалъ конституцію Муравьева Штейнгелю, а потомъ Кашкину, который показалъ, что сжегъ рукопись послѣ 14 декабря [1]). Какъ бы то ни было, проектъ Никиты Муравьева во второй редакціи (которую слѣдственной коммиссіи найти не удалось) сохранился и заключаетъ въ себѣ 134 статьи [2]). На допросѣ Никита Муравьевъ согласился изложить свой проектъ конституціи, причемъ особенно подробно сообщилъ свои предположенія объ устройствѣ судебной части, которыя не вошли ни въ первую, ни во вторую редакціи проекта.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность подробно изложить конституціонныя идеи Никиты Муравьева. Кромѣ того, на поляхъ первыхъ двухъ редакцій проекта сохранилось не мало замѣчаній, сдѣланныхъ безъ сомнѣнія различными членами тайнаго общества, и есть еще особая записка неизвѣстнаго съ замѣчаніями на этотъ проектъ.

Первая редакція проекта Н. Муравьева носитъ такое заглавіе: «Предположеніе дѣла начертанія устава положительнаго образова-

---

[1]) Николай Бестужевъ получилъ проектъ конституціи Рылѣева и сообщалъ его Торсону. По показанію Н. Бестужева, проектъ былъ „истребленъ потому, что (это) было только первое очертаніе главныхъ положеній, что дума, которая занимается симъ предметомъ, не перестаетъ дѣлать перемѣнъ и поправокъ".

[2]) За сообщеніе написанной рукой Рылѣева копіи этой редакціи проекта и особой записки съ замѣчаніями на него приношу глубочайшую признательность В. Е. Якушкину.

нія, когда Его Имп. В—ву благоугодно будетъ съ помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую имперію». Заглавіе это было написано, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность, если бы проектъ попался въ руки правительства, сослаться на намѣреніе самого государя ввести въ Россіи представительное правленіе и указать на свое желаніе содѣйствовать ему въ осуществленіи этого предположенія. Въ первой редакціи проекта есть «вступленіе», которое во второй отсутствуетъ; приводимъ его цѣликомъ:

«Опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществъ, что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка; нельзя допустить основаніемъ правительства—произволъ одного человѣка; невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности—на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и недостойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они въ такомъ случаѣ внѣ законовъ, внѣ человѣчества! что невозможно имъ ссылаться на законы, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ: или они справедливы,—тогда къ чему же не хотятъ и сами подчиняться онымъ, или они не справедливы,—тогда зачѣмъ хотятъ они подчинять имъ другихъ. Всѣ народы европейскіе достигаютъ законовъ и свободы. Болѣе всѣхъ ихъ народъ русскій заслуживаетъ и то, и другое.

«Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычею сосѣдей и не пользуются независимостью [1]). Народы многочисленные пользуются внѣшнею независимостью, но обыкновенно страждутъ отъ внутренняго утѣсненія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ притѣсненія и гибели сосѣднихъ народовъ.

«Обширность земель, многочисленное войско препятствуютъ однимъ быть свободнымъ; тѣ, которые не имѣютъ сихъ неудобствъ, страждутъ отъ своего безсилія. *Федеральное* или *союзное правленіе* одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило *величіе народовъ и свободу гражданъ.*

«Подъ надзоромъ государя одно законодательное собраніе находится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія общія, для всего государства; частныя распоряженія, касающіяся до областей, предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе *столичнаго,* и такимъ образомъ доставляется благостостояніе цѣлаго и частей».

Вторая, наиболѣе обширная редакція проекта Никиты Муравьева содержитъ въ себѣ 13 главъ: 1) о народѣ русскомъ и правленіи, 2), о гражданахъ, 3) о состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ, 4) о Россіи, 5) о внутреннемъ устройствѣ—

---

[1]) Такую же мысль мы встрѣчаемъ въ „Русской Правдѣ“ Пестеля.

волостномъ и уѣздномъ, или повѣтовомъ, 6) о Народномъ Вѣчѣ, 7) о Палатѣ Представителей, о числѣ и выборѣ представителей, 8) о Думѣ верховной, 9) о власти и преимуществахъ Народнаго Вѣча и составленіи законовъ, 10) о верховной исполнительной власти, 11) о внутреннихъ властяхъ и правительствахъ державъ, 12) о правительствующей власти державъ, 13) объ исполнительной власти державъ [1]). Въ основу изложенія мы положимъ вторую редакцію проекта, отмѣчая лишь важнѣйшія разногласія съ нею первой редакціи.

Первая статья конституціи гласитъ: «Русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семества». Въ первой редакціи на поляхъ есть отмѣтка: «изъ И. К.»; это означаетъ: изъ испанской конституціи. Дѣйствительно, во второмъ пунктѣ конституціи Испаніи 1812 г. сказано: «Испанскій народъ свободенъ и независимъ; онъ не есть и не можетъ быть собственностью какого-либо семейства или лица [2])». Во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестеля (§ 10) также сказано: «Народъ россійскій... составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею-либо собственностью или принадлежностью». Первая статья конституціи Н. Муравьева вызвала слѣдующее замѣчаніе на поляхъ первой редакціи: «не должно быть и предположенія принадлежности». «Источникъ верховной власти», сказано во второй статьѣ, «есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя». Статья эта также представляетъ буквальный переводъ третьяго пункта той же испанской конституціи [3]), при чемъ содержаніе этого пункта навѣяно объявленіемъ правъ человѣка и гражданина во Франціи (п. 3) [4]).

Вторая глава конституціи Н. Муравьева говоритъ о «гражданахъ». «Гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ Уставѣ порядкомъ участвовать въ общественномъ управленіи: посредственно, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей; непосредственно, т. е. быть самому избираемымъ въ какое-либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти». Выборы въ палату народныхъ представителей прямые, кромѣ крестьянъ, изъ числа которыхъ правами гражданства пользуются имѣющіе землю въ «общественномъ владѣніи», т. е. крестьяне «экономическіе» или государственные, удѣльные, вольные хлѣбопашцы и быв-

---

[1]) Въ первой редакціи первыя 5 главъ идутъ въ томъ же порядкѣ, а затѣмъ порядокъ измѣненъ.

[2]) *Baumgarten*, I, 521.

[3]) *Baumgarten*, I, 529—530.

[4]) *Еллинекъ*. „Декларація правъ человѣка и гражданина“, М., 1905 г., стр. 20; *Кокошкинъ* „Тексты конституцій“, Сбор. I, стр. 27—28. Третья статья первой редакціи: „Правленіе Россіи есть уставное“ (т. е. конституціонное) „и союзное“ (т. е. федеральное), во второй редакціи исключена. Тексты французскихъ конституцій можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: L. Tripier, „Les constitutions françaises depuis 1789“. P. 1848, Laferrière Les constitutions d'Europe et d'Amérique. P. 1869.

шіе военные поселяне. Для нихъ установлены двухстепенные выборы.

Чтобы быть гражданиномъ, необходимы слѣдующія условія: 1 возрастъ не менѣе 21 года [1]), 2) «извѣстное и постоянное жительство» [2]), 3) «здравіе ума», 4) «личная [3]) независимость», 5) исправный платежъ общественныхъ повинностей, 6) «непорочность предъ лицомъ закона». Въ первой редакціи къ этому было прибавлено обладаніе имущественнымъ цензомъ: на 500 р. недвижимой собственности и 1000 р. сер. движимой. Во второй редакціи это было исключено, такъ какъ крестьяне, хотя и при двухстепенной системѣ, участвовали въ выборѣ народныхъ представителей безъ такого ценза.Для натурализаціи иностранца требуется жительство въ Россіи въ теченіе семи лѣтъ (по примѣру конституціи Соединенныхъ Штатовъ). Иностранецъ, не пріобрѣвшій правъ гражданства, не могъ исполнять никакой «общественной» или военной должности, не могъ даже служить рядовымъ, не имѣлъ права пріобрѣтать землю. Н. Муравьевъ устанавливаетъ еще, хотя и черезъ извѣстное время, цензъ грамотности для пользованія правами гражданина: «Черезъ 20 лѣтъ по приведеніи въ исполненіе сего устава Россійской имперіи никто, не обучившійся русской грамотѣ, не можетъ быть признанъ гражданиномъ» [4]). Въ числѣ причинъ, влекущихъ за собою временную утрату правъ гражданства, указано, по примѣру французской конституціи 1791 г., нахожденіе при комъ либо въ услуженіи. На основаніи этого далѣе постановлено, что придворные не могутъ ни избирать, ни быть избираемыми.

Глава третья проекта устанавливаетъ права и обязанности русскихъ людей. «Всѣ русскіе равны передъ закономъ» [5]), при чемъ русскими считаются всѣ коренные жители Россіи и дѣти иностранцевъ, въ ней родившіяся и достигшія совершеннолѣтія, если они не заявятъ о нежеленіи быть русскими [6]). Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются [7])

Конституція Муравьева провозглашаетъ свободу устнаго и пе-

---

[1]) Французскія конституціи требовали: 1891 г. — 25-лѣтняго возраста (*Кокошкинъ*, 31), 1793 г.—21-го (п. 4), также и конституція 1795 г. (п. 10); конституція Соединенныхъ Штатовъ—25 лѣтъ (*Брайсъ*, 1, 485).

[2]) Не указано срока жительства, быть можетъ, потому, что во франц. конституціи 1791 г. сказано: „въ теченіе опредѣленнаго закономъ срока".

[3]) Въ первой редакціи прибавлено: „и по имѣнію"

[4]) Требованіе грамотности вѣроятно заимствовано изъ Французской конституціи 1795 г., по которой оно должно было войти въ силу черезъ 9 лѣтъ (п. 16).

[5]) Вѣроятно навѣяна французскою деклараціею правъ (ст. 1). Однако, далѣе было сказано, что „кочующія племена не имѣютъ правъ гражданскихъ"; имъ предоставлялось только право участвовать въ выборахъ волостныхъ старшинъ. Но мы увидимъ, что далеко не одни кочующіе инородцы не пользовались полными правами гражданства.

[6]) Вѣроятно взято изъ французской конституціи 1791 г. (тит. II, п. 2).

[7]) О постановленіяхъ въ конституціи Н. Муравьева относительно крестьянскаго вопроса см. въ моей статьѣ: „Крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка" въ сборн. „Крестьянскій строй", 1905 г., т. I, стр. 219—223.

чатнаго слова. «Всякій имѣетъ право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. Книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ, подвержены обвиненію гражданъ предъ судомъ и подлежатъ суду присяжныхъ»[1]).

По примѣру французскаго законодательства, въ конституціи Н. Муравьева постановлено, что гильдіи въ купечествѣ и цехи въ ремеслахъ уничтожаются, и всякій имѣетъ право заниматься тѣмъ промысломъ, который онъ считаетъ болѣе выгоднымъ.

Конституція Муравьева устанавливаетъ судъ присяжныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ первой редакціи это выражено менѣе опредѣленно: «въ судахъ безопасность, жизнь и собственность обезпечиваются присяжными», но во второй редакціи развито подробнѣе: «всякая тяжба, въ которой дѣло идетъ о цѣнности, превышающей фунтъ чистаго серебра (25.[2]) рублей), поступаетъ на судъ присяжныхъ; всякое уголовное дѣло производится съ присяжными» «Подозрѣваемый въ злоумышленіи можетъ быть взятъ подъ стражу постановленными уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа (подъ отвѣтственностью тѣхъ, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія; въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается». «Заключенный, если онъ не обвиненъ по уголовному дѣлу, немедленно освобождается, если найдется за него порука» [3]). Подземелья и крѣпостные казематы и вообще всѣ, такъ называемыя, государственныя темницы уничтожаются; никто не можетъ быть заключенъ иначе, какъ въ назначенныхъ для этого «общественныхъ темницахъ». Обвиняемые не должны подвергаться заключенію въ однихъ мѣстахъ съ осужденными, заключенные за долги или за легкіе проступки—съ «преступниками и злодѣями». Муравьевъ требуетъ, чтобы тюремное начальство избиралось гражданами изъ «людей добросовѣстныхъ», которые отвѣчали бы за всякій противозаконный и безчеловѣчный поступокъ съ заключенными. «Нынѣшніе полицейскіе чиновники отрѣшаются и замѣняются по выборамъ жителей» [4])

Конституція Муравьева объявляла «право собственности, *заключающее въ себѣ однѣ вещи*», священнымъ и неприкосновеннымъ. Постановленіе это навѣяно декларацією правъ (п. 17) съ прибавкою оговорки, имѣющей тотъ смыслъ, что, въ виду уничтоженія крѣпостного права и рабства, право собственности не можетъ распространяться на людей [5]).

---

[1]) Статья эта навѣяна французскою декларацією правъ (п. 11) и французскою конституцією 1791 г. (тит. III, гл. V, п. 17 и 18).

[2]) Далѣе цѣна фунта серебра опредѣлена въ 20 рублей.

[3]) Три послѣднія статья заимствованы вполнѣ или отчасти изъ французской конституціи 1891 г. (тит. III, гл. V, п. 9, 11, 12).

[4]) Четырехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи.

[5]) Въ первой редакціи было далѣе сказано, что, земли, принадлежащія церквамъ, остаются навсегда за ними", но во второй это было исключено.

Ненавистныя народу и обществу военныя поселенія по конституціи Н. Муравьева немедленно уничтожаются, причемъ «поселенные батальоны и эскадроны» съ родственниками рядовыхъ поступаютъ въ званіе «общихъ владѣльцевъ», т. е. уравниваются съ государственными и удѣльными крестьянами.

На основаніи постановленія, что всѣ русскіе равны передъ закономъ, всѣ чины и сословія уничтожаются: «Раздѣленіе людей на 14 классовъ отмѣняется. Гражданскіе чины, заимствованные у нѣмцевъ и ничѣмъ не отличающіеся между собою, уничтожаются сходственно съ древними постановленіями народа русскаго. Названія и сословія однодворцевъ, мѣщанъ, дворянъ, именитыхъ гражданъ замѣняются всѣ названіемъ гражданина или русскаго».

«Жалованье священно-служителямъ будетъ производиться и впредь» [1]); они освобождаются отъ постойной и подводной повинностей [2]). При изложеніи своей конституціи, по требованію слѣдственной коммиссіи, Н. Муравьевъ упомянулъ, какъ объ общемъ правилѣ, что «въ мирное время безденежный постой войскъ и взиманіе подводъ возбраняются».

Гильдіи и цехи уничтожаются, и граждане получаютъ право составлять всякаго рода общества и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого позволенія или утвержденія, лишь бы только ихъ дѣйствія не были противозаконны.

Согласно принципамъ англійской конституціи постановлялось, что «никакое нарушеніе закона не можетъ быть оправдано повелѣніемъ начальства. Сперва называется нарушитель закона, потомъ подписавшій противозаконное повелѣніе».

Конституція Н. Муравьева предоставляла гражданамъ и право петиціи: они «имѣютъ право обращаться со своими жалобами и желаніями къ народному вѣчу, къ императору и къ правительствующимъ сословіямъ державъ» (см. ниже) [3]).

Устанавливалась также вѣротерпимость: „никто не можетъ быть безпокоиваемъ въ отправленіи своего богослуженія по совѣсти и чувствамъ своимъ, лишь бы только не нарушалъ законовъ природы и нравственности“ [4]).

Свобода и правильность выборовъ охранялись слѣдующею статьею конституціи: „Всякій гражданинъ, который бы насиліемъ или подкупомъ нарушилъ свободный выборъ народныхъ представителей, предается суду [5]).

Изъ введенія къ первой редакціи конституціи мы уже видѣли, что Муравьевъ желалъ обратить Россію въ федерацію. Въ четвертой главѣ онъ устанавливаетъ территоріальное раздѣленіе Россіи „въ

---

[1]) На этотъ пунктъ въ первой редакціи сдѣлано замѣчаніе: „жалованье получаютъ только городскіе, сельскіе же имѣютъ земли по 30 десятинъ на причтъ приходскій“.

[2]) На поляхъ второй редакціи прибавлено: „ото всѣхъ податей“.

[3]) Трехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи конституціи.

[4]) Статья эта навѣяна французскою декларацією правъ.

[5]) Двухъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи.

законодательномъ и исполнительномъ отношеніяхъ". Въ первой редакціи такихъ державъ (въ число ихъ царство Польское не входило) предполагалось 14 и двѣ области — Донская и Славянская, въ которой находилась столица всего государства Нижній-Новгородъ[1]). Финляндія не составляла по первой редакціи отдѣльной державы. По второй редакціи Россія раздѣлялась на 13 державъ (причемъ Финляндія составляла отдѣльную Ботническую державу) и двѣ области. Державы и области дѣлились на 569 уѣздовъ, или повѣтовъ, а тѣ раздѣлялись на волости отъ 500 до 1500 жителей м. п. Въ судебномъ отношеніи державы дѣлились на округи, равныя тогдашнимъ губерніямъ. Столицею, по второй редакціи, являлась, повидимому, Москва; по крайней мѣрѣ, Муравьевъ назвалъ ее столицею при изложеніи своего проекта во время слѣдствія. Остзейскій край составлялъ Балтійскую державу со „столицею" Ригою, западный край—Западную державу со столицею Вильною, Кавказъ также образовалъ особую державу, Сибирь раздѣлялась на двѣ державы. На мысль о желательности введенія въ Россіи федеративнаго строя, безъ сомнѣнія, навела Н. Муравьева конституція Соединенныхъ Штатовъ, которою онъ вообще во многомъ руководился при составленіи своего проекта.

Административная власть въ уѣздѣ по конституціи Н. Муравьева принадлежитъ тысяцкому[2]), который выбирается на одинъ годъ гражданами, имѣющими недвижимой собственности на 500 руб. или движимой на 1.000 руб. „Тѣ, которые пользуются землями въ общественномъ владѣніи", т. е. перечисленные выше разряды крестьянъ, въ отличіе отъ лицъ, имѣющихъ права гражданства по имущественному цензу, пользуются не прямымъ избирательнымъ правомъ, а лишь двухстепеннымъ: не участвуя „каждый лично въ выборѣ тысяцкаго, *народныхъ представителей* и другихъ чиновниковъ"[3]), они имѣютъ право всѣмъ обществомъ выбрать одного „избирателя" отъ 500 жителей мужского пола; избиратели, какъ уполномоченные отъ общества, подаютъ голоса наравнѣ съ прочими гражданами[4]). Впрочемъ, каждый изъ „общихъ владѣльцевъ", имѣющій указанный выше имущественный цензъ, участвуетъ въ выборахъ непосредственно и зато не избираетъ уполномоченнаго отъ общества.

Чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ тысяцкіе, нужно обладать очень крупнымъ имущественнымъ цензомъ, а именно 30.000 руб. въ недвижимомъ имѣніи, или 60.000 руб. въ движимомъ[5]). Въ число

---

[1]) Этотъ городъ и по „Русской Правдѣ" Пестеля дѣлался столицею Россіи.

[2]) Въ своемъ показаніи во время слѣдствія Н. Муравьевъ пояснилъ, что тысяцкій—то же, что исправникъ.

[3]) Слово „чиновникъ" употреблялось тогда въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ теперь: чиновниками называли и офицеровъ.

[4]) Въ первой редакціи не указанъ размѣръ ценза, необходимаго для участія въ выборахъ тысяцкаго, но пользующіеся землями „въ общественномъ владѣніи" также устранены отъ прямого участія въ выборахъ тысяцкаго и народныхъ представителей. Это вызвало слѣдующее замѣчаніе: „неравенство правъ и, слѣдовательно, различіе состоянія".

[5]) Такъ какъ дѣлались указанія на слишкомъ высокій цензъ для тысяцкаго, то,

обязанностей тысяцкаго входитъ созывъ гражданъ для выбора народныхъ представителей, выборныхъ членовъ думъ державныхъ и проч. и предсѣдательство въ выборныхъ собраніяхъ.

Тысяцкій былъ также обязанъ составлять списки гражданъ, имѣющихъ движимое и недвижимое имущество извѣстной цѣнности. Относительно раздѣленія гражданъ на разряды, первая и вторая редакція проекта Н. Муравьева значительно различаются. Въ первой редакціи сказано, что тысяцкій «дѣлаетъ исчисленіе всѣхъ тѣхъ, которые въ уѣздѣ пользуются правами гражданства и раздѣляетъ ихъ на четыре списка»: 1) Гражданъ, имѣющихъ на 500 руб. с. недвижимаго имущества или на 1.000 руб. движимаго; они могутъ быть присяжными и избирателями. 2) Имѣющихъ на 2.000 руб. с. недвижимаго или на 4.000 движимаго имущества; они могутъ кромѣ того быть *народными представителями и членами палаты выборныхъ державныхъ законодательныхъ собраній.* 3) Имѣющихъ на 15.000 руб. с. недвижимаго или на 30.000 движимаго имущества; они могли кромѣ того быть выбраны въ члены державныхъ думъ и въ члены судовъ. 4) Наконецъ, имѣющихъ на 30.000 руб. с. недвижимаго или на 60.000 движимаго имущества; они имѣли право быть выбранными кромѣ того въ члены верховной думы, въ правители державъ, въ намѣстники правителей державъ, въ совѣтники и тысяцкіе.

По второй редакціи проекта Н. Муравьева тысяцкій составляетъ два списка гражданъ уѣзда, которые владѣютъ имуществомъ слѣдующаго размѣра: 1) владѣющіе недвижимымъ имуществомъ на 250 фунтовъ серебра (5.000 руб. с.) или движимымъ на 500 фунтовъ (10.000 руб. с.) могутъ быть присяжными и избирателями; 2) владѣющіе недвижимымъ имуществомъ на 1.500 фунтовъ серебра (30.000 руб. с.) или движимымъ на 3.000 фун. (60.000 руб.) могутъ быть кромѣ того избраны въ члены верховной думы, правители державъ, намѣстники державныхъ правителей, тысяцкіе, члены державныхъ думъ и судовъ и члены совѣтовъ въ державахъ [1]. Это постановленіе второй редакціи вызвало замѣчаніе одного изъ читателей проекта: «почему богатство только опредѣляетъ достоинство правителей? Это несогласно съ законами нравственными». Во второй редакціи конституціи Н. Муравьева не установлено имущественнаго ценза для того, чтобы быть народнымъ представителемъ въ палатѣ представителей народнаго вѣча и въ державныхъ палатахъ выборныхъ. Имущественный цензъ для того, чтобы лично быть избирателемъ народнаго представителя, повышенъ сравнительно съ первою редакціею въ 10 разъ. И по второй ре-

---

при изложеніи своего проекта для слѣдственной коммиссіи, Н. Муравьевъ понизилъ его вдвое.

[1]) Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ было менѣе 20 лицъ, имѣющихъ недвижимаго имущества на 30.000 руб. и движимаго на 60.000, дозволялось выбирать на тѣ мѣста, для которыхъ требовался такой имущественный цензъ, и лицъ, приближающихся по своему имуществу къ требуемому состоянію. Всѣ списки должны были быть напечатаны и обнародованы.

дакціи его конституціи, даже въ двухстепенныхъ выборахъ, участвуютъ только крестьяне государственные, удѣльные, вольные хлѣбопашцы и бывшіе военные поселяне. Крѣпостное право, какъ мы знаемъ, уничтожается, однако, бывшіе крѣпостные участія въ выборахъ, хотя бы и чрезъ своихъ уполномоченныхъ, не имѣютъ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что по второй редакціи конституціи крѣпостные получали при освобожденіи только дома и огороды и, слѣдовательно, не имѣли земли «въ общественномъ владѣніи»; лишь въ изложеніи своей конституціи, сдѣланномъ по требованію слѣдственной коммиссіи, Н. Муравьевъ предлагаетъ надѣленіе крестьянъ землею по 2 десятины на дворъ. Какъ бы то ни было, крестьянское населеніе, хотя бы и въ неполномъ составѣ, но болѣе половины его, привлекалось къ участію въ выборахъ народныхъ представителей [1]). Напротивъ, изъ городского населенія могли участвовать въ выборахъ лишь располагающіе имущественнымъ цензомъ въ указанномъ размѣрѣ, но зато эти выборы были прямые. Такимъ образомъ, по конституціи Н. Муравьева оставалась еще весьма значительная часть сельскаго и городского населенія, не пользовавшаяся правами гражданства.

«Народное вече, состоящее изъ верховной думы и палаты народныхъ представителей», сказано въ конституціи Н. Муравьева, «облечено всею законодательною властью» [2]), однако, какъ мы увидимъ ниже, оно не могло издавать «конституціонныхъ законовъ», т. е. измѣнять конституцію, и кромѣ того всякое предложеніе, принятое верховною думою и палатою представителей, нуждалось въ одобреніи императора.

Члены палаты представителей избираются на два года [3]) гражданами державъ изъ лицъ, живущихъ въ это время въ державѣ, по одному представителю на каждые 50.000 жителей муж. пола, не принимая въ расчетъ кочующихъ племенъ [4]). На первые годы было опредѣлено избирать 450 представителей. Если «въ представительствѣ какой-либо державы откроются мѣста» (вакансіи), то исполнительная власть державы немедленно созываетъ избирателей для дополнительныхъ выборовъ. Палата представителей сама избираетъ своего предсѣдателя; она одна имѣетъ право предавать суду сановниковъ имперіи [5]).

Верховная дума, т. е. верхняя палата народнаго вѣча, состоитъ изъ 3 гражданъ отъ каждой державы, 2 отъ Московской области

---

[1]) Ср. *Коппенъ*. „Девятая ревизія. Изслѣдованіе о числѣ жителей Россіи въ 1851 г.“ СПБ. 1857 г. стр. 215—216, ср 199—200.

[2]) Вѣроятно, заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (*Брайсъ*. I, 485), „Народное вѣче“ конституціи Н. Муравьева вообще соотвѣтствуетъ конгрессу конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

[3]) Такой же срокъ установленъ въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и во французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. I, п. 2).

[4]) Въ 1810 г. при выборахъ въ кортесы въ Испаніи также выбирался одинъ депутатъ на 50.000 жит. (*Трачевскій*, I, 170), по конституціи Сѣв.-Америк. Штатовъ 1 на 30.000, по франц. конституціи 1793 г. 1 на 40.000 жителей.

[5]) Статья эта буквально заимствована изъ конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ.

и одного гражданина отъ Донской области—всего 42 члена [1]), которые выбираются не прямыми выборами, а «правительственными сословіями державъ и областей», т. е. палатою выборныхъ и державною думою въ соединенномъ засѣданіи [2]). Немедленно по прибытіи въ столицу членовъ верховной думы они раздѣляются на 3 разряда, по возможности равные, и треть всей думы обновляется каждые два года новымъ избраніемъ. Если же въ продолженіе двухъ лѣтъ откроются «мѣста» смертью членовъ или ихъ увольненіемъ, то исполнительная власть державъ дѣлаетъ временное назначеніе (если бы это случилось въ такое время, когда «правительное собраніе» державы распущено), пока это собраніе не сдѣлаетъ окончательнаго назначенія [3]).

Для того, чтобы быть членомъ верховной думы, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ, 9 лѣтъ быть гражданиномъ Россіи и жить во время выборовъ въ соотвѣтственной державѣ. Эти условія, какъ и многое другое, заимствованы изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, причемъ «держава» вездѣ соотвѣтствуетъ штату. Дальнѣйшее условіе—требованіе имущественнаго ценза—прибавлено самимъ Н. Муравьевымъ; для избранія въ члены верховной думы нужно было имѣть недвижимаго имущества на 1.500 фунтовъ чистаго серебра (30.000 руб.) или движимаго на 3.000 фунтовъ (60.000 р.). Въ первой редакціи конституціи цензъ для избранія въ члены верховной думы предполагалось назначить вчетверо болѣе. «Дума избираетъ сама своего предсѣдателя, намѣстника предсѣдателя и прочихъ своихъ чиновниковъ. Предсѣдатель наблюдаетъ за порядкомъ разсужденій, но не имѣетъ голоса»... Какой-то читатель проекта выразилъ по этому поводу свое недоумѣніе: «за что лишить силы ума достойнаго человѣка, избраннаго думою?» Это объясняется тѣмъ, что по сѣверо-американской конституціи вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ, который долженъ быть предсѣдателемъ сената, не имѣетъ права голоса, за исключеніемъ того случая, когда голоса сенаторовъ раздѣлятся поровну.

Верховной думѣ принадлежитъ право суда надъ министрами, верховными судьями и всѣми прочими сановниками имперіи по обвиненію, возбужденному народными представителями, причемъ обвиненіе должно быть постановлено большинствомъ не менѣе $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ членовъ. Дума не назначаетъ наказанія, а только объявляетъ подсудимаго виновнымъ и лишаетъ его занимаемаго имъ мѣста и званія. Судъ надъ виновнымъ совершается обыкновенно судебнымъ порядкомъ съ присяжными по

---

[1]) По конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ сенатъ состоитъ изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго штата, выбранныхъ законодательными собраніями этихъ штатовъ.

[2]) Въ показаніи во время слѣдствія Никита Муравьевъ говоритъ о 45 членахъ верховной думы, по 2 отъ каждой „области“ (онъ, вѣроятно, не хотѣлъ употреблять здѣсь слово „держава“).

[3]) Статья эта буквально заимствована изъ конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ.

письменному обвиненію, предъявленному верховнымъ блюстителемъ (генералъ-прокуроромъ), который подвергается судебной отвѣтственности, если обвиненіе окажется несправедливымъ. «Изобличенный судомъ государственный сановникъ подвергается казни, опредѣленной законами».

«Дума участвуетъ вмѣстѣ съ императоромъ въ заключеніи міра, въ назначеніи судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ, главнокомандующихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, корпусныхъ командировъ, начальниковъ эскадръ и верховнаго блюстителя». Дѣла эти рѣшаются большинствомъ $^2/_3$ голосовъ [1]).

При составленіи той главы своего проекта, въ которой разсматриваются права и преимущества народнаго вѣча, Н. Муравьевъ сильно пользовался конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Народное вѣче собирается, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, въ первый вторникъ декабря мѣсяца, пока законъ не установитъ другого срока [2]). Повѣрку правильности выборовъ производятъ сами палаты. Каждая изъ нихъ можетъ наказать своихъ членовъ за ихъ непристойное поведеніе и преступленія, но отнюдь не за ихъ мнѣнія; она можетъ исключить ихъ изъ своей среды лишь по постановленію не менѣе $^2/_3$ голосовъ. «Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ измѣны, преступленія и нарушенія общественнаго порядка нельзя брать подъ стражу членовъ народнаго вѣча ни во время засѣданій, ни на пути ихъ въ столицу, ни во время возвращенія ихъ. Нигдѣ нельзя ихъ тревожить за то, что они говорили каждый въ своей палатѣ, и никто не въ правѣ требовать отъ нихъ объясненія рѣчей [3]). Членъ палаты, уличенный въ преступленіи, до приговора судебнаго исключается своею палатою.

Засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но по предложенію императора и извѣстнаго числа членовъ (въ палатѣ представителей—50, а въ верховной думѣ—5) засѣданіе объявляется закрытымъ [4]). Женщины и несовершеннолѣтніе до 17-лѣтняго возраста на засѣданія обѣихъ палатъ не допускаются. Каждая палата ведетъ дневныя записки своихъ засѣданій и отъ времени до времени печатаетъ ихъ, исключивъ изъ нихъ то, что рѣшено оставить въ тайнѣ. Мнѣнія членовъ каждой палаты за или противъ какого либо предложенія должны быть записаны въ журналъ по требованію $^1/_5$ части присутствующихъ членовъ. Члены верховной думы и представители получаютъ за каждый день въ который они присутствовали въ засѣданіи, вознагражденіе, равное 21 золотнику чистаго серебра

---

[1]) Вся эта статья до извѣстной степени навѣяна конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. *Брайсъ*, I, 487, 493.

[2]) Заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Америк. Штатовъ съ замѣною конгресса народнымъ вѣчемъ и понедѣльника вторникомъ, очевидно, для избѣжанія тяжелаго дня.

[3]) Прибавлено карандашомъ: „тамъ произнесенныхъ". Все это заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

[4]) Въ изложеніи своей конституціи, сдѣланномъ во время слѣдствія, Н. Муравьевъ прибавилъ: „Когда дума разсуждаетъ о дипломатическихъ сношеніяхъ и трактатахъ, то ея засѣданія всегда должны быть тайныя".

(5. р. с.). За каждыя 100 верстъ, которыя они проѣзжали отъ своего мѣстожительства и обратно, они получаютъ вознагражденіе, равное 43 зол. сер. (10 р. с.). Опредѣленіе размѣра имущественнаго ценза и денежнаго вознагражденія серебромъ извѣстнаго вѣса объясняется большими измѣненіями курса нашихъ денегъ въ царствованіе Александра I.

Лица, находящіяся на общественной службѣ, не могутъ быть членами ни той, ни другой палаты, пока занимаютъ свою должность, а также въ продолженіи того времени, на которое они избраны, не могутъ быть назначены ни на какую гражданскую должность, которая была учреждена въ то время [1]).

Всякое измѣненіе налоговъ или наборъ ратниковъ обсуждается прежде въ палатѣ представителей, и тѣ измѣненія, которыя въ «предложеніяхъ» (т. е. билляхъ) по этому предмету сдѣлаетъ дума, должны быть допущены палатою представителей [2]). Всякій проектъ закона [3]) прочитывается три раза въ каждой палатѣ. Между двумя чтеніями должно пройти, по крайней мѣрѣ, 3 дня; послѣ каждаго чтенія происходятъ разсужденія. Послѣ перваго чтенія проектъ закона печатается и раздается всѣмъ присутствующимъ членамъ.

Всякое «предложеніе», принятое думою и палатою представителей, нуждается еще въ одобреніи императора, чтобы получить силу закона. Если императоръ не одобритъ его, то отсылаетъ со своими замѣчаніями въ ту палату, въ которую оно сначала поступило. Если обѣ палаты большинствомъ $^2/_3$ голосовъ вновь примутъ предложеніе, то оно становится закономъ. Если императоръ, по прошествіи 10 дней, не возвратитъ представленнаго ему проекта, то послѣдній получаетъ силу закона, за исключеніемъ того случая, когда вѣче въ это время отсрочитъ свои засѣданія [4]). Проектъ, отвергнутый одною изъ палатъ, можетъ быть вновь представленъ только въ слѣдующій «съѣздъ» народнаго вѣча.

Права народнаго вѣча очень широки, оно можетъ постановлять слѣдующіе законы: 1) Издавать уложеніе гражданское, уголовное, торговое и военное, учрежденія по благочиннію и правила судопроизводства и внутренняго управленія присутственныхъ мѣстъ. 2) Въ случаѣ нашествія непріятеля или возмущенія объявлять ту или другую область на военномъ положеніи. 3) Обнародовать законъ о всепрощеніи. 4) Распускать правительственныя собранія державъ, если бы они превысили предѣлы своей власти, и назна-

---

[1]) Эти статьи заимствованы изъ Сѣверо-Американской конституціи.

[2]) Постановленіе относительно предложеній (т. е. биллей) о налогахъ заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Америк. Штатовъ.

[3]) Въ изложеніи для слѣдственной коммиссіи сказано: „Власть предлагать законы имѣютъ министры и члены обѣихъ палатъ. Законъ принимается или отвергается большинствомъ голосовъ".

[4]) Заимствовано изъ Сѣверо-Америк. конституціи съ замѣною правъ президента правами императора.

чать новые выборы. 5). Объявлять войну[1]). 6) Издавать законы относительно сухопутныхъ и морскихъ войскъ, укрѣпленія границъ, набора и внутреней стражи (т. е. милиціи). 7) Устанавливать налоги, дѣлать займы, повѣрять расходы, однимъ словомъ, принимать всѣ финансовыя мѣры. Бюджетъ не можетъ быть утвержденъ болѣе, чѣмъ на два года. 8) Принимать мѣры относительно промышленности и народнаго богатства, почтъ, путей сообщенія и учрежденія банковъ. 9) Покровительствовать наукамъ и искусствамъ, установлять право литературной собственности и привилегіи для изобрѣтателей[2]). 10) Установлять порядокъ службы гражданскихъ чиновниковъ во всѣхъ отрасляхъ управленія. 11) Устанавливать регенство вслѣдствіе «тѣлесной или нравственной» болѣзни императора, его кончины или отреченія, или провозглашать совершеннолѣтняго наслѣдника престола императоромъ. 12) Избирать правителей державъ изъ списковъ кандидатовъ, составленныхъ правительствующими собраніями державъ.

Какъ и американскій конгрессъ, народное вѣче не имѣетъ права ни установлять «новые *конституціонные законы*[3]), ни отмѣнять существующіе». «Право измѣнить Уставъ» (т. е. конституцію) «или избрать другое поколѣніе на царство принадлежитъ народному и державному соборамъ[4]), а не народному вѣчу».

Народное вѣче опредѣляетъ общіе налоги и расходы, предоставляя изданіе распоряженій, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей, правительствующимъ собраніямъ державъ. До будущихъ установленій народнаго вѣча, подати остаются прежнія, за исключеніемъ того, что 1) мѣщане платятъ подушную подать въ размѣрѣ не большемъ, чѣмъ экономическіе и другіе крестьяне[5]); 2) уплатѣ этой подати подлежатъ только имѣющіе отъ 17 до 60 лѣтъ; 3) подушная подать распространяется на всѣхъ гражданъ, такъ какъ всѣ равны передъ закономъ и обязаны нести однѣ и тѣ же повинности. Отъ времени до времени народное вѣче обнародываетъ подробный отчетъ о приходахъ и расходахъ.

Въ главѣ объ общихъ правахъ Н. Муравьевъ устанавливаетъ вѣротерпимость; въ отдѣлѣ о правахъ вѣча онъ говоритъ уже о полной свободѣ совѣсти: «Народное вѣче не имѣетъ власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо вѣроисповѣданіе или *расколъ*. Вѣра, совѣсть и мнѣнія гражданъ, пока оныя не обнаруживаются противозаконными дѣйствіями, не подлежатъ власти народнаго вѣча. Но расколъ, основанный на развратѣ или на дѣйствіяхъ противо-

---

[1]) Въ изложеніи для слѣдственной коммиссіи прибавлено: „по предложенію министровъ“.

[2]) Пункты 5—9 навѣяны Сѣверо-Америк. конституціею. Конституція Н. Муравьева предоставляетъ народному вѣчу титулъ его величества.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) Въ изложеніи для слѣдственной коммиссіи добавлено: „на сей единственно предметъ собираемымъ“.

[5]) Авторъ замѣчанія на поляхъ считаетъ болѣе уравнительнымъ обложеніе мѣщанъ промысловымъ налогомъ.

естественныхъ, преслѣдуется на основаніи общихъ постановленій». Свобода слова и печати также подтверждена правиломъ, что «народное вѣче не имѣетъ власти нарушать свободы рѣчей и книгопечатанія». «Народное вѣче не разсуждаетъ въ присутствіи императора, и въ то время не собираютъ голосовъ [1]). На рѣчь императора предсѣдатели должны отвѣчать, что народное вѣче займется предлагаемыми ему предметами».

Права императора, который «есть верховный чиновникъ Россійскаго правительства», опредѣлены въ главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: 1) Власть его наслѣдственна по прямой линіи отъ отца къ сыну [2]). 2) «Онъ верховный начальникъ сухопутной и морской силы» [3]). 3) «Онъ верховный начальникъ всякаго отдѣленія земскихъ войскъ, поступающаго въ дѣйствительную службу имперіи». 4) Онъ ведетъ переговоры съ иностранными державами и заключаетъ мирные трактаты съ совѣта и согласія верховной думы, но не можетъ безъ согласія народнаго вѣча включать въ нихъ условія о нападеніи на какую-либо страну и не можетъ уступить никакого участка земель, принадлежащихъ Россіи. 5) Назначаетъ посланниковъ и консуловъ, а также чиновниковъ, о которыхъ не упоминается въ этомъ Уставѣ. 6) Назначаетъ судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ съ совѣта и согласія верховной думы. 7) Временно, до окончанія ближайшаго съѣзда думы, замѣщаетъ всѣ мѣста, сдѣлавшіяся свободными въ то время, когда народное вѣче было распущено. 8) Назначаетъ главъ приказовъ (т. е. министерствъ)—казначейскаго (министерства финансовъ), сухопутныхъ силъ (военнаго), морскихъ силъ (морского) и внѣшнихъ сношеній. 9) Доставляетъ народному вѣчу свѣдѣнія о состояніи Россіи и предлагаетъ на его обсужденіе принятіе мѣръ, которыя считаетъ необходимыми. 10) Имѣетъ право созывать обѣ палаты. 11) «Не можетъ употреблять войска» внутри «Россіи въ случаѣ возмущенія, не сдѣлавъ о томъ предложенія народному вѣчу, которое немедленно обязано удостовѣриться посредствомъ слѣдствія въ необходимости военнаго положенія». 12) Если бы обѣ палаты не пришли къ соглашенію относительно времени отсрочки ихъ засѣданій, то можетъ отложить ихъ,

---

[1]) Заимствовано изъ французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. III, отд. IV. п. 8).

[2]) Далѣе, въ этомъ пунктѣ сказано: „но отъ тестя она переходитъ къ зятю". Вѣроятно, тутъ описка и слѣдуетъ читать: „отъ тестя она *не* переходитъ къ зятю", такъ какъ далѣе говорится, что „женщины не слѣдуютъ императорской власти" (заимствовано изъ французской конституціи 1791 г.), „и не доставляютъ никому на оную права посредствомъ брака: общество людей свободныхъ не есть отчина и не можетъ служить вѣномъ. Императорское званіе учреждено наслѣдственнымъ для удобства, а не потому, чтобы оно было въ самомъ дѣлѣ семейственнымъ достояніемъ. Итакъ, по пресѣченіи мужескаго поколѣнія, народъ учредитъ видъ правленія или приступитъ къ избранію другого семейства. Право сіе было провозглашаемо и признано даже тѣми императорами россійскими, которые почитали себя источниками всякой власти и, слѣдовательно, не предполагали никакой власти въ народѣ".

[3]) Противъ этого пункта написано карандашомъ, но потомъ зачеркнуто: „худо вѣрять такую силу такому человѣку, съ которымъ надобно быть въ безпрестанной борьбѣ".

но не болѣе, какъ на 3 мѣсяца. 13) Имѣетъ титулъ его императорскаго величества, но выраженія: „именное повелѣніе, высочайшее соизволеніе, быть посему“ и т. п. уничтожаются, какъ „неприличныя и неимѣющія никакого значенія въ землѣ благоустроенной“. 14) При вступленіи въ правленіе приноситъ посреди народнаго вѣча присягу въ томъ, что будетъ сохранять и защищать конституцію [1]).

„Кабинетъ [2]) уничтожается; ясакъ сибирскихъ инородцевъ и всѣ, такъ называемыя, регаліи поступаютъ въ общественное казначейство, но императоръ получаетъ на содержаніе свое и своего семейства ежегодно изъ общественнаго казначейства сумму, равную“ 2.000.000 р. с., въ которой онъ никому не обязанъ давать отчета. Члены императорскаго семейства не отличаются отъ частныхъ лицъ и не пользуются никакими правами и преимуществами. „Такъ называемый, дворъ не можетъ имѣть существованія, признаннаго законами, въ землѣ, благоустроенной“. Поэтому императоръ можетъ имѣть лицъ, носящихъ придворное званіе, но они не считаются на общественной службѣ и не получаютъ никакого вознагражденія изъ общественнаго казначейства, а императоръ можетъ давать имъ жалованье изъ денегъ, ему отпускаемыхъ [3]). Сверхъ того придворные лишаются „правъ гражданства, т. е. права избирать и преимущества быть избраннымъ въ общественную должность“ на то время, пока они такимъ образомъ находятся въ „частномъ услуженіи“.

Русское общество сильно негодовало на частыя поѣздки императора Александра I за границу. Гр. С. Р. Воронцовъ еще въ 1802 г., по поводу путешествія государя въ Пруссію, въ бесѣдѣ съ гр. П. А. Строгановымъ, сказалъ: „Послѣдній изъ нашихъ подданныхъ знаетъ, что всѣ государи пріѣзжали къ покойной императрицѣ, а теперь русскій императоръ ѣдетъ къ другимъ государямъ“. Затѣмъ Воронцовъ прибавилъ: „лучше, чѣмъ скакать по большимъ дорогамъ, онъ употребилъ бы свое время на изученіе тѣхъ полезныхъ преобразованій, какія нужно произвести“ [4]). Но „скачка“ императора Александра I по большимъ дорогамъ продолжалась во все его царствованіе, а мысль о вредѣ ея для государства проникла и въ средніе классы: на эту тему открыто разсуждали въ началѣ 1820-хъ годовъ купцы гостинаго двора. Поэтому Н. Муравьевъ, желая положить предѣлъ этимъ вѣчнымъ разъѣздамъ, подробно мотивировалъ запрещеніе императору покидать свое отечество. Одною изъ причинъ этого запрещенія было то, что „въ

---

[1]) Многіе пункты относительно правъ и обязанностей императора составляютъ сколокъ съ постановленій о президентѣ Соединенныхъ Штатовъ.

[2]) Учрежденіе, завѣдывающее собственностью государя и принадлежащее теперь къ министерству двора.

[3]) Это постановленіе, вѣроятно, навѣяно правиломъ французской коституціи 1791 г., что король можетъ имѣть наемную стражу, но „оплачиваемую изъ средствъ гражданскаго листа“. (Тит. Ш, гл. П, секц. I, п. 12).

[4]) *Вел. Князь Николай Михайловичъ.* „Гр. П. А. Строгановъ“, II, 276.

отдаленіи изъ отечества императоръ можетъ слѣдовать внушеніямъ иностранныхъ завистниковъ и сдѣлаться орудіемъ ихъ злоумышленій“ (вѣроятно, намекъ на пагубное вліяніе Меттерниха на императора Александра I) [1]). Выѣздъ императора изъ Россіи долженъ былъ считаться оставленіемъ ея навсегда и отреченіемъ отъ своего званія [2]).

Безуміе имп. Павла заставило Н. Муравьева установить въ своей конституціи правила о регентствѣ. Если министры объявятъ о тѣлесной или „нравственной неспособности“ императора и она будетъ признана народнымъ вѣчемъ, его наслѣдникъ, достигшій совершеннолѣтія (18 лѣтъ), занимаетъ мѣсто временнаго правителя (регента), если это временный недугъ, и мѣсто императора, если нѣтъ надежды на выздоровленіе. Если же наслѣдникъ несовершеннолѣтенъ, то мѣсто „правителя Россіи“ занимаетъ предсѣдатель верховной думы, уступая свое прежнее званіе намѣстнику. Затѣмъ, черезъ каждые 4 года, избирается новый правитель: первый разъ думою изъ палаты представителей, во второй—палатою представителей изъ среды верховной думы, и такъ до совершеннолѣтія наслѣдника. Если бы болѣзненный припадокъ или кончина императора случились въ такое время, когда народное вѣче распущено, то главы приказовъ обязаны, подъ своею отвѣтственностью, созвать немедленно обѣ палаты или, по крайней мѣрѣ, верховную думу.

Императоръ подписываетъ только мирные трактаты, отчеты о состояніи Россіи, представляемые народному вѣчу, предложенія законовъ, грамоты посланникамъ и чиновникамъ и законы, утвержденные народнымъ вѣчемъ. Всѣ остальныя бумаги подписываютъ главы приказовъ, каждый по своей части, а иногда всѣ вмѣстѣ, когда дѣло идетъ о постановленіи общемъ для всѣхъ, или когда они подаютъ свое мнѣніе вѣчу. Всѣ гражданскіе чиновники, главы приказовъ, временный правитель и проч. могутъ быть лишены своихъ должностей, если, вслѣдствіе обвиненія палатою представителей, они будутъ уличены думою въ измѣнѣ, расхищеніи общественной казны или какомъ-нибудь преступленіи, или если окажутся неспособными къ исполненію своей должности [3]). При изложеніи правъ и обязанностей русскихъ людей Муравьевъ уже установилъ правило, что никто не можетъ оправдываться приказаніемъ начальства: „сперва наказывается нарушитель закона, потомъ

---

[1]) Читатель, видимо, сочувствовавшій этому постановленію и безъ сомнѣнія имѣвшій въ виду то, что русскія арміи выходили при имп. Александрѣ I изъ предѣловъ Россіи, сдѣлалъ такойв ыходъ изъ приведеннаго постановленія: „слѣдственно, императоръ не можетъ быть главнымъ начальникомъ“ войска.

[2]) Запрещеніе императору выѣзжать за предѣлы государства могло быть заимствовано изъ испанской конституціи. *Гервинусъ*, „Исторія XIX вѣка“, т. II, 1863 г., стр. 112. Во французской конституціи 1791 г. сказано: „если бы король, выѣхавъ изъ королевства, не вернулся въ него послѣ приглашенія законодательнаго корпуса въ опредѣленный въ прокламаціи срокъ, который не можетъ быть менѣе 2 мѣсяцевъ, онъ считается отрекшимся отъ престола“ (тит. III, гл. II, отд. I, п. 7).

[3]) Въ изложеніи для слѣдственной коммиссіи это выражено такимъ образомъ: „министры отвѣтствуютъ за всякое противозаконное велѣніе, ими подписанное“.

подписавшій противозаконное повелѣніе". Далѣе это общее правило примѣняется ко всѣмъ „чиновникамъ исполнительной власти", такъ какъ „въ гражданскомъ быту слѣпое повиновеніе не можетъ быть допущено". „Императоръ не подлежитъ сужденію; если же онъ лично совершилъ какое-либо преступленіе, за которое никто другой не подлежитъ отвѣтственности", то народное вѣче приписываетъ это нравственному недугу и учреждаетъ посредствомъ особаго закона регентство.

Переходя къ установленію «внутреннихъ властей» и «правительствъ» державъ, Н. Муравьевъ говоритъ, что «правительство каждой державы состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга властей, но содѣйствующихъ къ одной цѣли, а именно *правительствующей*, [1]) исполнительной и судной».

Правительствующая власть каждой державы поручена правительствующему собранію, которое, какъ и народное вѣче, состоитъ изъ двухъ палатъ: «палаты выборныхъ» и «думы» [2]). Правительственное собраніе засѣдаетъ въ столичномъ городѣ державы.

Палата выборныхъ составляется изъ членовъ, избираемыхъ гражданами на одинъ годъ.

Въ первой редакціи конституціи для того, чтобы быть «выборнымъ», т. е. членомъ палаты выборныхъ въ какой-либо державѣ, требовался имущественный цензъ: недвижимаго имущества на 2.000 р. или движимаго на 4.000 р. с. По второй редакціи,—чтобы быть «выборнымъ» (также какъ и для того, чтобы быть членомъ палаты народныхъ представителей), имущественнаго ценза не требовалось. Одинъ «выборный» избирался на каждые 10.000 жителей, такъ что въ правительствующихъ собраніяхъ разныхъ державъ и областей (по второй редакціи конституціи) было отъ 15 до 350 выборныхъ.

Державная дума составляется изъ членовъ, избранныхъ на 4 года тѣми же избирателями, которые избираютъ и членовъ палаты выборныхъ этой державы, и на тѣхъ же избирательныхъ собраніяхъ. Ежегодно изъ состава думы выходитъ по жребію четвертая часть членовъ, которая замѣщается выбранными вновь. Чтобы быть членомъ думы, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и владѣть недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ 15.000 р. или движимымъ въ 30 000 р. с. Число членовъ державной думы приблизительно втрое меньше числа членовъ палаты выборныхъ.

Правительствующее собраніе [3]) собирается 2 раза въ годъ. За каждый день засѣданія члены палатъ получаютъ по 8 золотниковъ серебра (2 р. с.). Къ правительствующимъ собраніямъ примѣняются многія правила, установленныя для народнаго вѣча. Собранія эти имѣютъ право: 1) Дѣлать постановленія относительно внутренняго

[1]) Въ первой редакціи вмѣсто слова „правительствующій" употребляется терминъ „законодательный".

[2]) Напомнимъ, что нижняя палата народнаго вѣча должна была называться „палатою народныхъ представителей", а верхняя палата—„верховною думою".

[3]) Иногда оно называется „правительнымъ".

управленія державъ и вообще всякія «сообразныя съ симъ Уставомъ». 2) Установлять налоги «для собственнаго управленія каждой державы» и ея потребностей, какъ-то: дорогъ, каналовъ, строеній, издержекъ на правительствующее собраніе, плату чиновникамъ исполнительной власти, на судебную часть и проч. [1]) 3) Учреждать всякаго рода общественныя и учебныя заведенія и проч. Наконецъ, правительствующее собраніе имѣетъ право просить народное вѣче о созывѣ народнаго собора для измѣненія конституціоннаго устава [2]).

Исполнительная власть каждой державы поручается державному правителю, его намѣстнику и совѣту. Чтобы быть намѣстникомъ, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и имущество недвижимое на 30.000 р. или движимое на 60.000 р. с. Правители избираются народнымъ вѣчемъ на 3 года изъ списковъ кандидатовъ на это званіе, составленныхъ правительствующими собраніями державъ. Выборъ этотъ производится въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ народнаго вѣча и утверждается императоромъ. Въ число обязанностей правителя державъ входитъ: 1) Отсрочка засѣданія обѣихъ палатъ, если онѣ сами не придутъ относительно этого къ соглашенію, но не болѣе, какъ на 90 дней. 2) Начальствованіе надъ «земскимъ войскомъ своей державы». (Однако же, онъ не можетъ безъ согласія правительствующаго собранія посылать это войско за предѣлы державы и велѣть ему дѣйствовать противъ жителей, въ случаѣ ихъ возмущенія, пока правительствующее собраніе не издастъ закона объ объявленіи державы на военномъ положеніи). 3) Назначеніе,

[1]) „Общіе налоги для содержанія войска сухопутнаго и морского, крѣпостей, почтъ, связей съ иностранными государствами, вознагражденіе членовъ народнаго вѣча“, платы высшимъ чиновникамъ, проведенія сообщеній, превышающихъ мѣстныя средства, „однимъ словомъ, для всѣхъ нуждъ и потребностей всей общины Россійской, назначаются народнымъ вѣчемъ“.

[2]) Далѣе, въ первой редакціи слѣдовала статья, во второй исключенная: „Никакая держава не имѣетъ права: 1) заключать какой-либо союзъ, договоръ или трактатъ не только съ иностранными государствами, но даже и съ другою державою Россійскаго Союза; 2) заключать миръ или объявлять войну; 3) чеканить монеты; 4) раздавать титла дворянства и учреждать знаки отличія; 5) налагать податей на ввозъ товаровъ безъ согласія и позволенія народнаго вѣча; 6) содержать въ мирное время войска или вооруженныхъ кораблей безъ позволенія верховнаго народнаго вѣча; 7) начинать войну, непріязненыя дѣйствій, развѣ въ случаѣ непріятельскаго нашествія и когда опасность такъ близка, что никакое медленіе не можетъ быть допущено; 8) отправлять пословъ и депутацій подъ какимъ бы то предлогомъ ни было и входить въ какія бы то ни было сношенія съ иностранными правительствами“. Почти вся эта статья была заимствована изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Исключены были еще двѣ статьи первой редакціи. Въ одной изъ нихъ было, между прочимъ, сказано: „Пользующійся званіемъ гражданина въ одной державѣ долженъ быть признанъ гражданиномъ и во всѣхъ прочихъ. Евреи могутъ пользоваться правами гражданъ въ мѣстахъ, нынѣ ими заселенныхъ, но свобода имъ селиться въ другихъ мѣстахъ будетъ зависѣть отъ особыхъ постановленій верховнаго народнаго вѣча“. Такимъ образомъ, евреямъ, въ отличіе отъ польской конституціи 1815 г. и проекта Новосильцова, предполагалось предоставить политическія права въ чертѣ ихъ осѣдлости, но рѣшить, можно ли уничтожить эту черту и разрѣшить евреямъ право повсемѣстнаго жительства, могло только народное вѣче. Возможность такого ограниченія правъ евреевъ была исключена по второй редакціи.

по представленію своего совѣта, державнаго блюстителя законовъ, державныхъ судей и другихъ чиновниковъ изъ числа лицъ, внесенныхъ въ списокъ. Державный намѣстникъ и члены державнаго совѣта избираются на три года въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ державы большинствомъ $^2/_3$ голосовъ; условія выбора тѣ же, что и для правителя державы.

V.

Мы изложили все то изъ конституціи Н. Муравьева, что было имъ обработано. Впрочемъ, нѣкоторыя черты второй редакціи его проекта (напримѣръ, его взгляды на крестьянскій вопросъ) подверглись дальнѣйшему развитію. Возможно, что онъ набросалъ вчернѣ свои предположенія относительно устройства судебной части, по крайней мѣрѣ, онъ подробно изложилъ ихъ для слѣдственной комиссіи; но нужно замѣтить, что ни подлинника, ни копіи этихъ предположеній (кромѣ того, что было разсказано составителемъ на допросѣ) не сохранилось (вѣроятно, эта часть проекта въ обращеніе не поступала) и что, по словамъ самого Муравьева, его конституція не была закончена. Нарышкинъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ: «Никита Муравьевъ писалъ тогда конституцію, но оная не была принята положительно обществомъ» [1]).

Нѣкоторымъ членамъ тайнаго общества, и всего болѣе Пестелю, конституція Муравьева не нравилась тѣмъ, что устанавливала слишкомъ высокій цензъ. Самъ Н. Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: «Конституцію мою я читалъ только старѣйшимъ членамъ Сѣвернаго общества, и мнѣ казалось, что она была согласна съ ихъ образомъ мыслей. Ее отвергало Южное общество и Пестель, находя, что она узаконяла аристократію».

Пестель въ одномъ изъ первыхъ показаній въ Петербургѣ заявилъ: «Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны, или предлагаемы, или о коихъ было говорено, ни одна не была докончена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было, и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была, такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ. Конституція Никиты Муравьева большей части членовъ весьма не нравилась», потому что не одобряли «два главныя основанія» ея. Пестель, высказываясь за самостоятельное существованіе Польши съ присоединеніемъ къ ней части Западной Россіи, относительно остальной Россіи проявлялъ централистскія стремленія; поэтому, указавъ на то, что у Н. Муравьева «предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ

---

[1]) Александръ Бестужевъ въ письмѣ къ государю изъ крѣпости говоритъ, что конституція Н. Муравьева „была не что иное, какъ опытъ“.

областяхъ Америки», онъ замѣчаетъ, что «это походило на древнюю удѣльную систему [1]) и потому пагубнымъ казалось». А между тѣмъ раздѣленіе Россіи по проекту Муравьева на 13 державъ и 2 области не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ удѣльною системою. Напротивъ, другое замѣчаніе Пестеля совершенно справедливо. «Второе основаніе» (конституціи Муравьева) «состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для вышнихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристократія богатствъ заставляла многихъ, а въ томъ числѣ и меня, противу его конституціи сильно спорить». Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ показаній (13 января 1826 г.) Пестель говоритъ о Н. Муравьевѣ: «Онъ доставилъ ко мнѣ часть конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ не потому, чтобы онъ монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ республиканскаго, ибо онъ былъ въ 1820 г. одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ». Значительно позднѣе (1 апрѣля 1826 г.) Пестель далъ еще болѣе опредѣленное показаніе по этому предмету: онъ заявилъ, что кн. Волконскій привезъ ему конституцію, начатую Муравьевымъ, «о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ своемъ, что пишетъ ее въ монархическомъ смыслѣ ради вновь вступающихъ членовъ: comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде. «Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 г.», продолжаетъ Пестель, «писалъ я съ Давыдовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей». При свиданіи Пестеля съ Муравьевымъ во время пріѣзда перваго въ Петербургъ въ 1824 г. Никита Муравьевъ, по словамъ Пестеля, опять говорилъ, что придалъ монархическія формы своей конституціи «ради вновь вступающихъ членовъ». Рылѣевъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости этого заявленія Пестеля: «Не полагаю», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ показаній, «чтобы Никита Муравьевъ далъ своей конституціи формы монархическія единственно для вновь вступающихъ членовъ, ибо онъ всегда былъ того мнѣнія, что въ Россіи императоръ необходимъ». Однако, Н. Муравьевъ, по его словамъ, дѣйствительно заявлялъ своимъ товарищамъ въ думѣ Сѣвернаго общества, что въ Южномъ обществѣ «у Пестеля принята всѣми

---

[1]) Въ другомъ, позднѣйшемъ показаніи Пестель увѣряетъ, что „мѣстныя правительства" въ державахъ „такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховой власти посему почти ничего не оставалось". Послѣднее утвержденіе несправедливо: центральному законодательному учрежденію было предоставлено широкое поле дѣятельности.

республика», что «явное противорѣчіе Пестелю произведетъ отторженіе Южнаго общества» и что «должно успокоить Пестеля увѣреніемъ, что представительныя понятія служатъ намъ одною завѣсою».

По словамъ Рылѣева, кн. Трубецкой полагалъ, что главнымъ препятствіемъ къ соединенію Сѣвернаго и Южнаго обществъ была конституція Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю, потому что совершенно противорѣчила его образу мыслей. Рылѣевъ держался того мнѣнія, что тайныя общества въ правѣ только разрушить то правленіе, которое считаютъ «неудобнымъ для своего отечества, и потомъ тотъ государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обѣихъ обществъ, представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ проектъ. Насильное же «введеніе» его Рылѣевъ почиталъ «нарушеніемъ правъ народа». Съ этимъ были согласны всѣ члены совѣщанія, собравшагося у Рылѣева во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, по вопросу о соединеніи обоихъ обществъ; изъ нихъ Рылѣевъ называетъ Н. И. Тургенева, Митькова, Трубецкого, Муравьева и Оболенскаго. Въ письмѣ къ имп. Николаю 16 декабря 1825 г. Рылѣевъ также говоритъ: «Приговору Великаго Собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ Уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасность. Проектъ конституціи, составленный Муравьевымъ, должно было представить народному Собору, какъ проектъ». Очевидно, таково мнѣніе наиболѣе видныхъ членовъ Сѣвернаго общества. Рылѣевъ совѣтовалъ Н. Муравьеву сдѣлать въ его проектѣ нѣкоторыя измѣненія, придерживаясь конституціи Соединенныхъ Штатовъ, сохранивъ однако же монархическое устройство.

Н. Муравьевъ показалъ, что во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ въ 1824 г. у нихъ былъ споръ относительно конституціи. Н. Муравьевъ заявилъ ему, что, окончивъ эту работу, онъ намѣренъ распространять ее повсюду, какъ произведеніе неизвѣстнаго, и принимать въ общество всѣхъ тѣхъ, кто будетъ на нее соглашаться. Желательно, прибавилъ Муравьевъ, чтобы она обращалась и внѣ общества, такъ какъ «мы можемъ достигнуть нашей цѣли посредствомъ одного только общаго мнѣнія».

По собственному показанію Н. Муравьева, его дальнѣйшія предположенія состояли въ слѣдующемъ. Онъ желалъ: 1) распространить «между всѣми состояніями людей» множество экземпляровъ своей конституціи, лишь только она имъ будетъ окончена. 2) Произвести возмущеніе въ войскѣ и обнародовать ее. 3) «По мѣрѣ успѣховъ военныхъ» (т. е. распространенія возстанія) во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ приступить къ созыву избирателей, выбору тысяцкихъ, судей, мѣстныхъ правленій, учрежденію областныхъ (т. е. державныхъ) палатъ, а въ случаѣ «великихъ успѣховъ—и народнаго вѣча. 4) Если бы и тогда императорская фамилія не приняла

конституціи, то, какъ крайнее средство, онъ предполагалъ изгнать ее и предложить введеніе республиканскаго правленія [1]).

Извѣстно, что конституцію Муравьева читали кн. Трубецкой, Рылѣевъ, И. И. Пущинъ, баронъ Штейнгель, Н. А. Бестужевъ, Торсонъ, кн. Одоевскій, Нарышкинъ, Кашкинъ и, конечно, многіе другіе: мы приводили выше показаніе автора проекта, что его конституція «находилась нѣкоторое время у каждаго изъ главныхъ членовъ» общества. Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя на поляхъ экземпляровъ двухъ сохранившихся ея редакцій, мы уже привели. Кромѣ того, есть еще особая записка съ замѣчаніями на проектъ конституціи Н. Муравьева, на которыхъ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ они представляютъ интересный матеріалъ для изученія политическихъ идей того времени.

Неизвѣстный авторъ замѣчаній—человѣкъ образованный, знакомый съ англійскою конституціею и съ французскимъ государственнымъ строемъ. Нельзя, однако, предполагать, что эта записка составлена Н. И. Тургеневымъ, такъ какъ и гораздо позднѣе, въ своей книгѣ «La Russie et les Russes», вышедшей въ свѣтъ въ 1847 г., онъ защищаетъ однопалатную систему, между тѣмъ какъ авторъ записки—сторонникъ учрежденія двухъ палатъ. Къ тому же Тургеневъ умѣлъ лучше, чѣмъ авторъ записки, излагать свои мысли.

Первое замѣчаніе въ упомянутой запискѣ направлено противъ устройства верховной думы. Мы видѣли, что по конституціи Н. Муравьева члены верховной думы избирались въ державахъ такимъ же образомъ, какъ и члены палаты представителей, съ тѣмъ только различіемъ, что для того, чтобы быть выбраннымъ въ нижнюю палату, по второй редакціи не было установлено никакого ценза, а чтобы сдѣлаться членомъ верховной думы, нужно было имѣть высокій имущественный цензъ, т. е. обладать недвижимымъ имуществомъ на 30.000 или движимымъ на 60.000 рублей. Авторъ записки начинаетъ съ указанія на то, что въ разсматриваемомъ имъ проектѣ нижней палаты предоставляется право обвинять министровъ, но разсматривать обвиненія должна верхняя палата, и въ случаѣ осужденія она одна имѣетъ право отрѣшить высшихъ государственныхъ чиновниковъ отъ должности и отдать ихъ подъ судъ. Предложеніе закона нижнею палатою поступаетъ на разсмотрѣніе верхней. По этому поводу авторъ замѣчаній говоритъ:

„Предполагается, что члены верхней палаты должны имѣть болѣе свѣдѣній въ государственныхъ дѣлахъ, дабы могли судить поступки человѣка, исполняющаго столь важную государственную должность, какъ министръ, а сіе доказываетъ, что члены верхней палаты должны быть избраны изъ людей, извѣстныхъ по уму, опытности въ государственныхъ должностяхъ и любви къ отечеству... Но какъ выборъ членовъ въ обѣ палаты предоста-

---

[1]) По показанію А. Бестужева, Рылѣевъ говорилъ ему, что „въ думѣ нѣкоторые члены предлагаютъ ввести республиканскую форму правленія въ Россіи, но что это еще одно предположеніе и не извѣстно, будетъ ли принято". Торсону Рылѣевъ говорилъ о вывозѣ императорской фамиліи за границу на корабляхъ, если она не согласится на введеніе конституціи, и о введеніи республиканскаго правленія.

вленъ обществомъ на державныхъ сходкахъ (sic) [1]), то предлежитъ вопросъ, какъ убѣдить гражданъ, чтобы они, справедливо оцѣня достоинства человѣка, предназначили его по способностямъ засѣдать въ той или другой палатѣ, — какъ предупредить, чтобъ купецъ или мужикъ съ большимъ богатствомъ не вошелъ въ сонмъ верховныхъ судей, тогда какъ умнѣйшему, опытнѣйшему и посѣдѣвшему въ государственныхъ дѣлахъ человѣку дверь въ палату останется закрытою (потому только, что онъ не имѣетъ достаточнаго для сего капитала). Тогда и подрядчику [2]) возможно будетъ судить министра, не постигая истинъ правленія; какъ предупредить, что на выборахъ по пристрастію не исключили изъ членовъ высшей палаты человѣка достойнаго и не вмѣстили бы невѣжду. Конечно, никто не можетъ доказать, чтобъ мужикъ не былъ способенъ разсуждать, но многіе ли изъ нихъ могутъ занять мѣсто столь важное, и что послѣдуетъ изъ верхней палаты, если въ оной половина членовъ будетъ собрана изъ людей только богатыхъ, а не такихъ, которые своимъ умомъ, добродѣтелями, опытностью и любовью къ отечеству должны представить собою римскій сенатъ во времена Пирра. Сравненіе гражданъ даетъ [3]) одинаковое право на засѣданіе въ обѣихъ палатахъ, и если въ члены высшей палаты не выбирать по сказаннымъ достоинствамъ, тогда въ чемъ будетъ разность между двухъ палатъ, по существу столь различныхъ; въ такомъ случаѣ оной не будетъ, и не должно давать преимущества членамъ одной судить другую. Для чего предоставлять разсматривать одной здравость сужденія другой, когда члены ихъ равны, и, быть можетъ, еще глупѣйшему достанется судить благоразумнаго. Въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ существованіи двухъ палатъ (ибо переносомъ дѣлъ въ верхнюю только увеличится продолжительность хода дѣлъ). Тогда всѣ сужденія могутъ производиться въ одной палатѣ".

Изъ дальнѣйшаго однако видно, что авторъ замѣчаній не противъ двухпалатной системы, а только противъ предложеннаго Н. Муравьевымъ способа образованія верхней палаты:

„Всякая сила для равновѣсія требуетъ противувѣсія; посему существованіе одной палаты было бы неудобно, и потому предполагаютъ противуположить низшей палатѣ высшую, которая хладнокровно и основательно должна разсматривать иногда пылкія и не всегда справедливыя требованія низшей палаты; сіи разсужденія, рождая мысль, что члены высшей палаты должны состоять изъ людей отличныхъ по уму, заслугамъ, испытанныхъ подъ бременемъ государственныхъ должностей и преданныхъ своей отчизнѣ, заставляютъ предполагать, что не справедливѣе ли будетъ, если въ члены верховной палаты единожды, по общему выбору, назначить людей съ помянутыми качествами, помѣстя въ оные нѣкоторыхъ, хотя бѣдныхъ, но заслуженныхъ, и, опредѣляя ихъ число, постановить закономъ, чтобъ впредь числа сего безъ согласія обѣихъ палатъ не убавлять и не прибавлять; что императоръ и каждая палата можетъ предлагать въ члены на выбылыя мѣста, но, чтобъ быть избрану, должно согласіе трехъ властей. Палата сія составится изъ людей извѣстныхъ и будетъ лавровымъ вѣнкомъ для гра-

[1]) По конституціи Н. Муравьева, члены верхней палаты, т. е. верховной думы, выбираются въ соединенномъ засѣданіи державной думы и державной палаты выборныхъ, а члены палаты народныхъ представителей прямыми выборами. Члены же обѣихъ державныхъ палатъ выбирались однако на державныхъ сходкахъ.

[2]) Лица, принявшія на себя подряды и поставки на общественныя нужды, до исполненія ихъ не могли быть, по конституціи Муравьева, представителями, относительно же членовъ верхней думы этого ограниченія сдѣлано не было.

[3]) То есть можно было бы давать, по конституціи же Н. Муравьева, чтобы попасть въ члены верхней палаты, попагалось имѣть высокій имущественный цензъ, а чтобы пользоваться правомъ быть выбраннымъ въ нижнюю палату, нужно было по первой редакціи конституціи имѣть низшій цензъ, а по второй—его вовсе не требовалось.

ждань отличныхъ добродѣтелей; она, не измѣняясь по волѣ богачей наемными голосами, не вмѣститъ и не потерпитъ въ сонмѣ своемъ невѣждъ и тогда только будетъ твердымъ оплотомъ между деспотизма и своевольства. Но если кто изъ членовъ ея сдѣлается подозрительнымъ, тогда члены низшей палаты должны его, подобно министрамъ, обвинять и требовать суда".

Такимъ образомъ, авторъ замѣчаній предлагаетъ, вмѣсто того, чтобы выбирать членовъ верхней палаты на 6 лѣтъ изъ числа лицъ, обладающихъ высокимъ имущественнымъ цензомъ, не требовать при выборахъ ценза. Онъ желаетъ, чтобы, избравъ членовъ верхней палаты въ первый разъ «общими выборами», предоставить дальнѣйшій выборъ соотвѣтственной палатѣ, съ согласія другой и императора, изъ лицъ хотя бы и бѣдныхъ, и притомъ не увеличивать числа членовъ верхней палаты безъ согласія обѣихъ палатъ [1]). Разъ избранные остаются членами палаты пожизненно, если не лишатся своего званія по приговору суда; отданы подъ судъ они могли быть по требованію нижней палаты.

Почти въ самомъ началѣ излагаемыхъ замѣчаній, послѣ указанія на право верхней палаты судить министровъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ и обсуждать «предложенія законовъ» (т. е. билли), внесенныя на ея разсмотрѣніе нижнею палатою, далѣе сказано: «Во время отсутствія депутатовъ должно оставаться въ столицѣ для совѣщаній по 3 депутата верхней палаты изъ каждой державы». Дѣлая это предложеніе, авторъ замѣчаній, очевидно, имѣлъ въ виду большій количественный составъ верхней палаты, такъ какъ по проекту Н. Муравьева предполагалось всего 42 члена верховной думы. Если бы авторъ замѣчаній желалъ оставить въ верховной думѣ такое же число членовъ, какъ въ проектѣ Н. Муравьева, а не предполагалъ увеличить его, то проще было бы сказать, что при распущеніи нижней палаты вся верхняя продолжаетъ засѣдать. А между тѣмъ онъ далѣе говоритъ: «Присутствіе въ столицѣ нѣкоторыхъ членовъ высшей палаты полезно еще и потому, что они могутъ надзирать за исполненіемъ правосудія, и имъ должно вмѣнить въ обязанность ходатайствовать по жалобамъ, изъ державъ подаваемымъ». Авторъ замѣчаній предлагаетъ также, чтобы въ столицѣ оставалось на время распущенія палатъ и нѣкоторое число членовъ нижней палаты; они, «получивъ какую-либо жалобу, должны настаивать у министровъ (при помощи членовъ высшей палаты) о удовлетвореніи притѣсненныхъ». Кромѣ того, онъ полагаетъ, что остающіеся въ столицѣ члены обѣихъ палатъ могутъ замѣнить сенатъ и «верховный» (т. е. государственный?) совѣтъ.

Не развивая этой мысли, авторъ замѣчаній дѣлаетъ слѣдующее предложеніе:

„Имъ, т. е. членамъ верхней и низшей палаты, временно пребывающимъ въ столицѣ, должно дать право разрѣшать министровъ сдѣлать новый

---

[1]) Извѣстно, что въ Англіи король имѣетъ возможность вліять на направленіе дѣятельности верхней палаты назначеніемъ въ нее членовъ по своему усмотрѣнію.

наборъ войскъ или наложить какую-либо подать, когда непредвидѣнныя обстоятельства, не терпящія отсрочиванія до съѣзда палатъ, потребуютъ ихъ вспомоществованій; имъ дать право разрѣшать министровъ и тогда, если бы сіи потребовали помощи депутатовъ, не объявляя причинъ, которыя до времени должны быть въ секретѣ; но въ такомъ случаѣ по прошествіи срока (опредѣленнаго законами) депутаты должны потребовать у министровъ объясненія, и, по отобраніи оныхъ, на общемъ съѣздѣ или по возвращеніи въ державы отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ; тамъ, въ случаѣ употребленія во зло общей довѣренности, должны быть судимы министры или депутаты, допустившіе сдѣлать вредъ. Но если, по отобраніи объясненій отъ министровъ, окажется, что они съ намѣреніемъ зла требовали безмолвнаго повиновенія, и зло сіе большой важности (какъ-то разрушеніе конституціи или вольности гражданъ), тогда, чтобъ не дать таковымъ министрамъ времени усилиться до съѣзда депутатовъ (что могло бы отложить судъ на годъ и болѣе) и причинить большого вреда, временныя палаты должны немедленно извѣстить въ державы о опасности свободы гражданъ" (чтобы „державныя головы", т. е., очевидно, правители державъ, приняли мѣры и приготовили милицію) „и въ то жъ время требовать отрѣшенія и суда министра, посягнувшаго на таковое злоупотребленіе власти".

Авторъ замѣчаній предлагаетъ также опредѣлить постоянное мѣсто засѣданій палатъ и постановить, чтобы, когда онѣ созваны, ни одинъ вооруженный человѣкъ, хотя бы и по приказу самого императора, не могъ приближаться къ зданію, гдѣ засѣдаютъ палаты, подъ угрозою смертной казни.

Авторъ замѣчаній желаетъ въ промежутки между сессіями палатъ предоставить правительству полную власть въ международныхъ сношеніяхъ, дѣлахъ военныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подъ условіемъ установленія дѣйствительной отвѣтственности министровъ.

„Императоръ долженъ быть представителемъ народа къ чужимъ державамъ, и потому онъ долженъ быть главою политической власти; онъ долженъ имѣть право мира и войны, есть главный повелитель войскъ сухопутныхъ и морскихъ, утверждаетъ производства въ чины, дѣлаетъ награжденія (но не денежныя.. сіи должны утверждать палаты), и потому, чтобы императоръ (при помощи министровъ) могъ свободно дѣйствовать для выгодъ и славы своего народа, то ему должно дать совершенно полную власть... требовать безмолвнаго повиновенія всей имперіи. Онъ и министры (которые должны составлять его совѣтъ) избавляются совѣщаній съ временною палатою, изъ депутатовъ составленною, дабы секретныя дѣла не выходили въ большой кругъ. Но такъ какъ особа императора для народа священна, слѣдовательно, полная власть въ его рукахъ можетъ быть опасна для народа, и какъ ему одному предлежитъ очень много занятій, то, чтобы предупредить всякое злоупотребленіе отъ большой власти или отъ недосмотрѣнія могущихъ пройти во множествѣ дѣлъ, которыя могутъ быть вредны для гражданъ, надлежитъ постановить, *что императоръ долженъ дѣйствовать только чрезъ своихъ министровъ, которые за всѣ дѣла народу должны отвѣчать своею головою* [1]). Но чтобъ министры не могли ссылаться, что злоупотребленіе произошло отъ императорскаго повелѣнія, котораго они не видали, и, такъ сказать, для народа обезпечить министерскую отвѣтственность со стороны императора, надлежитъ постановить, *что ни одно повелѣніе императора безъ подписи министра* (по части котораго дѣло идетъ) не должно быть выполняемо, министерское же безъ подписи императора принимать законнымъ. Если бы кто выполнилъ императорскій указъ безъ

[1]) Курсивъ подлинника.

подписи министра, того должно судить и наказать смертью. Симъ закономъ императору и министрамъ дается полная воля дѣйствовать къ пользамъ и славѣ народа; но сдѣлать что-либо вредное или по деспотическимъ своимъ видамъ министры императору не позволятъ, ибо за сіе ихъ голова есть надежною порукою гражданамъ".

Очень цѣнны тѣ предложенія, которыя дѣлаетъ авторъ замѣчаній относительно постояннаго войска и милиціи:

Число войскъ должно опредѣляться палатами; увеличить или уменьшить оное безъ согласія обѣихъ палатъ позволять не должно. Чтобы войска не были обременительны государству, то число ихъ не должно быть очень велико, но дабы симъ не подвергнуть опасности цѣлость границъ, въ случаѣ непредвидѣнной войны и въ случаѣ обольщенія нѣкоторыхъ строевыхъ линейныхъ полковъ или гвардіи императоромъ, чтобъ противупоставить имъ силу, то кажется необходимо учредить милицію въ каждой державѣ, которой голова есть главный начальникъ милиціи. Въ случаѣ внутреннихъ неустройствъ, когда голова долженъ оставаться въ державѣ, тогда на державномъ выборѣ назначается начальникомъ милиціи другой, который съ оною долженъ выступить, куда велѣно будетъ, но въ случаѣ обереженія границы отъ чужихъ непріятелей начальникъ милиціи долженъ быть утвержденъ императоромъ. Милиція сія должна обучаться извѣстное число дней въ году и получаетъ содержаніе отъ правительства только тогда, какъ соберется въ полки и выступитъ съ своего мѣста. Милиція числомъ должна равняться войскамъ; когда депутаты обѣихъ палатъ объявятъ злоупотребленіе министровъ большой важности (какъ выше сказано), тогда державныя головы должны объявить, чтобы милиція безъ отлагательства была готова собраться и дѣйствовать.

«Офицеры милиціи должны быть изъ владѣльцевъ той же державы. Тогда милиція сія будетъ твердою опорою вольности гражданъ и, бывъ готова всегда поддерживать власть палатъ, даетъ имъ силу требовать отчетовъ отъ министровъ. Милиція сія тѣмъ нужнѣе, что линейныя войска часто бываютъ преклонены за ничтожныя награды на сторону короны и легко дѣйствуютъ противъ гражданъ, съ которыми они считаютъ себя раздѣленными; но милиціонные воины, по своей землѣ и хижинамъ, питаютъ чувства гражданскія, считаютъ воиновъ и правительство своими угнетателями и потому всегда вступаются за своихъ представителей, пекущихся о сохраненіи ихъ выгодъ (въ Англіи милиція есть мечъ парламента). Опредѣляя число войскъ, надлежитъ постановить, *что ни одинъ солдатъ, ни отрядъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ силою входить въ домы гражданъ, или дѣйствовать противъ оныхъ* (хотя бы то самъ императоръ или министръ приказалъ). Въ семъ случаѣ за убійство гражданина должно наказать смертію воина, оное сдѣлавшаго, а потомъ изслѣдовать начальную причину сего убійства и наказать виновныхъ. Но въ случаѣ возмущенія, когда должно употребить войска, тогда временная палата депутатовъ въ столицѣ

или отъ всего государства, или голова въ державѣ, или какое гражданское начальство потребуетъ сей помощи, тогда воины безмолвно должны повиноваться, что приказано будетъ, тогда только за убійства гражданина воинъ не отвѣчаетъ. Сіи мѣры необходимы, потому что, если министръ, войдя въ замыслы императора, вознамѣрится дѣйствовать къ вреду государства или нарушенію постановленій и вольности гражданъ, тогда каждый начальникъ войскъ долженъ не исполнять повелѣнія, воспротивясь же онымъ, дастъ время депутатамъ обѣихъ палатъ, въ столицѣ временно пребывающимъ, потребовать отчета у министра въ подобныхъ поступкахъ, и, въ случаѣ обвиненія, его могутъ предать суду. Въ случаѣ же предательства войскъ депутаты найдутъ твердую помощь въ милиціи.

«Императоръ, какъ глава исполнительной власти, долженъ быть главнымъ начальникомъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ, но ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не долженъ лично командовать войсками, которыя повинуются его повелѣніямъ, только чрезъ министра къ нимъ дошедшимъ. Прочіе члены императорской фамиліи, хотя могутъ засѣдать въ верхней палатѣ, имѣть названіе фельдмаршала, генералъ-адмирала, но не должны имѣть никакой существенной власти; оную имѣютъ министры и, въ случаѣ злоупотребленія таковой довѣренности, отвѣчаютъ своею головою. Императоръ и его фамиліи члены могутъ смотрѣть парады войскъ, флота, но только, когда министръ при нихъ,—безъ онаго членамъ императорской фамиліи быть при войскахъ должно запретить. Тогда войска, не видя такъ часто передъ своимъ фронтомъ ни императора, ни его фамиліи членовъ, привыкнутъ повиноваться своимъ начальникамъ, съ которыми вмѣстѣ станутъ скорѣе выполнять законы, чѣмъ повиноваться прихотямъ деспота.

«Императоръ долженъ имѣть полное право мира и войны, взять на свое содержаніе чужія войска, дать помощь своимъ союзникамъ или по миру согласиться сдѣлать денежныя вознагражденія непріятелямъ, или обязаться платить подать чужой державѣ. Все сіе онъ можетъ сдѣлать, если польза и слава народа того требуетъ, и потому, чтобы таковой трактатъ или объявленіе войны сдѣлать для всего народа обязательнымъ, должно, чтобы оный подписанъ былъ министромъ, который отвѣчаетъ гражданамъ своею головою; ибо для таковыхъ издержекъ понадобятся деньги, которыхъ министры не имѣя, должны требовать отъ палатъ, а сіи, потребовавъ объясненія, если найдутъ, что таковой трактатъ вреденъ для пользы и славы народа, тотчасъ отдадутъ министра подъ судъ и откажутъ въ помощи. Когда жъ утвердятъ палаты, тогда вся нація должна выполнить (хотя бы депутатовъ на державныхъ сборахъ осудили и казнили). Такимъ образомъ, уполномочивая императора, дается ему полная власть дѣйствовать для пользы и славы своего народа, но употребить во зло такую неограниченную довѣренность министры его не допустятъ. Въ Англіи были примѣры, что король по своевольству захотѣлъ объявить войну или оную продолжать вопреки

пользамъ народа; тогда министръ идетъ въ отставку и въ нижнемъ парламентѣ возстаетъ противъ злоупотребленій короля, и тогда нижній парламентъ отказываетъ въ нужныхъ для издержекъ деньгахъ, безъ которыхъ король долженъ отказаться отъ своихъ плановъ» [1]).

Такимъ образомъ, авторъ приведенныхъ замѣчаній возражаетъ противъ имущественнаго ценза, установленнаго для того, чтобы быть выбраннымъ въ члены верхней палаты, т. е. верховной думы, но не распространять этого замѣчанія на принципъ имущественнаго ценза вообще. Правда, чтобы быть выбраннымъ въ нижнюю палату, т. е. въ палату народныхъ представителей, а также чтобы быть членомъ палаты выборныхъ въ державѣ, во второй редакціи проекта Н. Муравьева имущественнаго ценза не требовалось, но, чтобы лично быть избирателемъ, необходимо было, по этой редакціи, обладать недвижимымъ имуществомъ въ 5000 руб. или движимымъ въ 10000 руб. с. Впрочемъ, отъ свободныхъ крестьянъ (при двухстепенныхъ выборахъ) опредѣленнаго имущественнаго ценза не требовалось. Но большинство лицъ свободныхъ профессій требованіемъ высокаго ценза лишались избирательныхъ правъ.

Какія вліянія побудили Н. Муравьева къ установленію высокаго ценза для права быть избирателемъ, а также быть выбраннымъ въ верхнюю думу и занимать указанныя въ его конституціи должности?

По англійской конституціи, для пользованія избирательными правами при выборахъ въ нижнюю палату въ графствахъ, нужно было получать 40 шиллинговъ чистаго годового дохода *съ свободной поземельной собственности* (freehold). Тѣмъ не менѣе политическое господство въ Англіи находилось всецѣло въ рукахъ аристократіи. Низкій цензъ выборщиковъ въ графствахъ, говоритъ проф. Виноградовъ, «обезпечивалъ нѣкоторое участіе людей средняго и даже малаго достатка, хотя архаическое ограниченіе, лежавшее въ понятіи свободнаго держанія» (т. е. предоставленіе политическихъ правъ въ графствахъ лишь поземельнымъ собственникамъ) «исключало большинство населенія, сидѣвшее на копигольдерской, или наемной землѣ. Главною же опорою аристократическихъ интересовъ являлись.... городскія поселенія, мѣстечки, такъ или иначе попавшія въ списокъ избирательныхъ бурговъ. Составъ избирателей въ этихъ мѣстностяхъ былъ очень ограниченъ тѣсными и произвольными рамками корпораціонной системы, а во множествѣ случаевъ дѣло сводилось на безцеремонную фикцію: ничтожныя кучки избирателей пользовались привилегіей продавать свои голоса за чистыя деньги или другія выгоды тому или другому вліятельному патрону. По расчету, сдѣланному въ XVIII вѣкѣ, 154 такихъ патрона, большею частью изъ лордовъ, ставили 356 членовъ палаты общинъ. Въ 1768 г. общее число избирателей въ Англіи не превышало

---

[1]) И выше авторъ замѣчаній для подкрѣпленія своихъ мнѣній указываетъ на многія черты англійскаго государственнаго устройства.

16.000 человѣкъ... Преобладаніе олигархіи обезпечивалось и другими мѣрами. Появилась система цензовъ» (для того, чтобы быть выбраннымъ): «чтобы быть депутатомъ отъ графства, надо имѣть 600 фунтовъ стерлинговъ дохода, депутатомъ отъ города или мѣстечка—300 ф. Для должности мирового судьи обыкновенный цензъ былъ въ 100 ф. дохода. Чтобы быть присяжнымъ, надо было имѣть свободный участокъ, «приносящій 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или капиталъ, приносящій 20 фунтовъ» [1]). Очевидно, англійская выборная система до извѣстной степени повліяла на Муравьева. Правда, во второй редакціи своего проекта онъ отказался отъ установленія ценза, дающаго право быть выбраннымъ въ палату представителей и въ державныя палаты выборныхъ, но онъ сохранилъ имущественный цензъ, чтобы быть избирателями (непосредственно), присяжными, членами верховной думы, правителями державъ, намѣстниками державныхъ правителей, тысяцкими, членами державныхъ думъ, державныхъ судовъ и членами совѣтовъ въ державахъ. Впрочемъ, Н. Муравьевъ нашелъ болѣе удобнымъ опредѣлить цензъ не суммою дохода, а размѣромъ имущества, причемъ сохранилъ тоже отношеніе цѣнности движимаго и недвижимаго имуществъ, какое было установлено въ Англіи для ценза присяжныхъ. Въ пользу подражанія англійскимъ образцамъ могло склонять декабристовъ Сѣвернаго общества и знакомство нѣскольких вліятельныхъ его членовъ съ Мордвиновымъ и Сперанскимъ.

Что касается устройства верховной думы, т. е. верхней палаты народнаго вѣча, то Н. Муравьевъ основалъ его на выборномъ началѣ, но предоставилъ выборъ членовъ думы не прямо избирателямъ, а соединенному собранію державныхъ палатъ, установивъ очень высокій имущественный цензъ для права быть выбраннымъ въ это учрежденіе. Въ Англіи члены верхней палаты были или наслѣдственные, по праву первородства, или по назначенію короля, или потому, что занимали извѣстныя архіепископскія или епископскія кафедры, а 16 шотландскихъ пэровъ—выборные, такъ какъ при присоединеніи Шотландіи къ Англіи шотландскимъ баронамъ было предоставлено представительство въ верхней палатѣ чрезъ выбираемыхъ ими членовъ.

Высокій имущественный цензъ, лишавшій избирательнаго права большую часть городскихъ жителей, и неучастіе въ гражданскихъ правахъ почти половины сельскаго населенія были главными недостатками конституціи Н. Муравьева. Затѣмъ, авторъ изложенныхъ нами замѣчаній на его проектъ основательно указалъ на то, что, принимая принципъ монархическаго правленія, онъ долженъ былъ подробно разработать постановленія объ отвѣтственности министровъ. Что же касается упрека Пестеля, что введеніе представительства не только центральнаго, но и по державамъ, возвращало

[1]) „Политическій строй современныхъ государствъ". Сборникъ статей. Т. I, СБП., 1905 г. стр. 218—219. Ср. *G. Meyer*. Das parlamentarische Wahlrecht. 33, 346—347.

Россію къ удѣльной системѣ, то оно совершенно неосновательно. Мысль о федеративномъ устройствѣ Россіи была еще рѣшительнѣе высказана членами общества Соединенныхъ Славянъ, которые, впрочемъ, стояли, какъ и позднѣйшее Кирилло-Меѳодіевское братство, за республиканское устройство. Въ проектѣ проф. Драгоманова (1884 г.) федеративнаго устройства Россіи члены верхней палаты (союзной думы) выбирались областными думами, но, разумѣется, уже безъ всякаго имущественнаго ценза, а члены нижней палаты (государственной думы)—всеобщею подачею голосовъ.

VI.

5 января 1826 г., въ числѣ другихъ вопросовъ, слѣдственная комиссія спросила Н. Муравьева о составленномъ имъ проектѣ конституціи; онъ отвѣчалъ: „Моя память недостаточна, чтобы представить „конституцію“ въ такомъ точно видѣ, какъ она была написана, но что касается до духа“ ея „и содержанія“, то онъ обязался „сохранить ихъ“ въ своемъ изложеніи и въ непродолжительномъ времени представить его комиссіи. Дѣйствительно, 13 января онъ письменно изложилъ содержаніе своего „конституціоннаго устава“, при чемъ довольно сжато сообщилъ постановленія о раздѣленіи Россіи на 15 областей, обязанностяхъ и правахъ жителей, объ императорѣ, верховной думѣ, палатѣ представителей, составленіи законовъ, о мѣстномъ областномъ управленіи, объ „областныхъ палатахъ“ („областныхъ думахъ“ и „палатахъ выборныхъ“), но подробно изложилъ то, чего нѣтъ во второй редакціи его конституціи, т. е. устройство „судной власти“ и постановленія объ „измѣненіи Устава“ (т. е. конституціи).

Прежде всего Н. Муравьевъ считалъ необходимымъ установить „предѣлы“ судной власти. „Никакой судья“, говоритъ онъ, „и никакое судилище не имѣетъ права толковать законъ, ни рѣшать случаи, имъ не предвидѣнные, однимъ словомъ, не можетъ присвоить себѣ законодательной власти. Исполнительная власть, надзирательная или полицейская, хозяйственная или административная совершенно отдѣлены также отъ судной. Равнымъ образомъ, судилище или судья не долженъ никого обвинять, но дѣйствуетъ только вслѣдствіе жалобы или обвиненія. Всякое судилище или судья, преступившій сіи предѣлы, подвергается взысканію. „Съ другой стороны», продолжаетъ Н. Муравьевъ, „уставъ сей не признавалъ, такъ называемого, полицейскаго суда за малые проступки и предоставлялъ полиціи, уѣзднымъ, городовымъ и волостнымъ правленіямъ только право задерживать виновныхъ и передавать ихъ суду, отъ котораго уже зависѣли также и исправительныя наказанія. Каждая область (т. е. держава) «составляла въ судебномъ отношеніи отдѣльное цѣлое, подраздѣленное на присуды, равные нынѣшнимъ губерніямъ».

Н. Муравьевъ предполагалъ учредить въ каждомъ уѣздѣ совѣст-

ныхъ судей, въ областяхъ—областныхъ, а въ столичномъ округѣ—верховныхъ.

Въ каждомъ уѣздѣ полагался на 4000 душъ одинъ совѣстный судья, избираемый «обыкновенными избирателями». Онъ остается въ своемъ званіи, если окажется «непорочнымъ», до 70-лѣтняго возраста (то же правило примѣняется и къ судьямъ областнымъ и верховнымъ). Совѣстный судья можетъ быть избранъ «изъ всякаго званія», подъ условіемъ совершеннолѣтія, постояннаго жительства въ уѣздѣ и владѣнія движимымъ или недвижимымъ имѣніемъ не менѣе 2000 р. с., такъ какъ, объясняетъ Н. Муравьевъ, «умѣренная собственность, трудомъ, промышленностью и бережливостью пріобрѣтенная», является «вѣрнѣйшимъ залогомъ честности и безкорыстія судьи» [1]).

Всѣ совѣстные судьи равны между собою и власть каждаго простирается на весь уѣздъ. «Всякій съ своею жалобою имѣетъ право идти къ тому изъ нихъ, къ которому имѣетъ болѣе довѣренности, но дѣло, поступившее къ одному изъ нихъ, не можетъ уже быть передано другому, и никто изъ нихъ не имѣетъ пересуда надъ рѣшеніемъ другого... Никто въ уѣздѣ не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ предписанія совѣстнаго судьи», кромѣ случаевъ буйства или насилія. «Чиновники благочинія [2]), захвативъ буйныхъ, испрашиваютъ у совѣстнаго судьи предписанія о содержаніи ихъ подъ стражею, что совѣстный судья обязанъ немедленно исполнить. Совѣстный судья судитъ гласно и явно при открытыхъ дверяхъ; посторонніе могутъ приходить во время его расправы. Судъ его словесный, сколько возможно; онъ имѣетъ право требовать явки свидѣтелей, которые обязаны повиноваться его позывамъ. Буде тяжущіяся стороны довольны его рѣшеніемъ, то оное становится окончательнымъ. Никакое третье лицо не въ правѣ опровергать оное. Никакая должность не совмѣстна съ званіемъ совмѣстнаго судьи. Онъ можетъ однако жъ быть избранъ въ представители, и тогда, по возвращеніи своемъ, вступаетъ опять въ прежнюю должность». Такимъ образомъ, совѣстные судьи Н. Муравьева являются предшественниками мировыхъ судей.

Каждые три мѣсяца въ уѣздномъ городѣ и въ главнѣйшихъ мѣстечкахъ уѣзда происходятъ съѣзды совѣстныхъ судей, въ которые поступаютъ дѣла по апелляціи на рѣшенія отдѣльныхъ судей. На съѣздѣ присутствуютъ тысяцкій (исправникъ) или его помощникъ, уѣздный блюститель (прокуроръ), уѣздный докладчикъ (стряпчій

---

[1]) Сравнительно небольшой имущественный цензъ, установляемый Н. Муравьевымъ для совѣстныхъ судей въ его показаніи на слѣдствіи, показываетъ, что на него произвели извѣстное впечатлѣніе замѣчанія относительно чрезмѣрной высоты имущественнаго ценза во второй редакціи его проекта.

[2]) Во всемъ уѣздѣ и уѣздномъ городѣ такимъ чиновникомъ является выборный тысяцкій; кромѣ того въ городахъ всѣ домовладѣльцы избирали изъ своей среды „чиновниковъ благочинія“ разныхъ степеней, а по деревнямъ всѣ жители муж. пола избирали въ каждомъ десяткѣ дворовъ десятскаго, въ каждой сотнѣ—сотскаго, въ волости—волостного старшину. Названныя городскія и деревенскія власти были подчинены тысяцкому.

казенныхъ дѣлъ), присяжные адвокаты, или стряпчіе и свидѣтели. Жители, безъ различія пола, имѣютъ право посѣщать засѣданія съѣзда. Протоколы и «дѣйствія» его оглашаются, и всякій имѣетъ право «писать свои замѣчанія о правильности сужденія».

Составленіе списка присяжныхъ въ каждомъ уѣздѣ поручается тысяцкому. «Дѣла уголовныя и дѣла гражданскія (если оныя не основаны единственно на актахъ) происходятъ съ присяжными». Присяжные бываютъ двухъ родовъ: «предварительные» и «окончательные». «Первые разсматриваютъ въ уголовномъ дѣлѣ одно обвиненіе, а въ гражданскомъ—одну жалобу; они большинствомъ голосовъ отвергаютъ обвиненія нелѣпыя и тяжбы пустыя и не даютъ хода дѣлу. Вторые рѣшаютъ дѣло по прекращеніи всего пренія, и рѣшеніе ихъ должно быть единодушно».

«Въ каждомъ уѣздномъ городѣ, въ областныхъ и въ столицѣ полагается особое сословіе адвокатовъ» (или стряпчихъ), въ которое поступаютъ люди, получившіе въ университетахъ аттестаты въ томъ, что они имѣютъ надлежащія свѣдѣнія въ юридическихъ и словесныхъ наукахъ. Они обязаны находиться при съѣздахъ совѣстныхъ судей, въ собраніяхъ областныхъ и верховныхъ судей и за извѣстную плату излагаютъ дѣла, вмѣсто тяжущихся, обвиняющихъ или обвиненныхъ... Адвокаты находятся въ вѣдѣніи блюстителей уѣздныхъ, областныхъ и верховныхъ. (Блюститель соединяетъ въ себѣ должность прокурорскую и должность стряпчаго уголовныхъ дѣлъ). Блюститель есть истецъ по дѣламъ правительства. Онъ обвиняетъ въ уголовныхъ дѣлахъ отъ лица правительства и отъ частныхъ лицъ, но не безъ возмездія. Кромѣ сего, полагались еще докладчики въ уѣздахъ, областяхъ и столицѣ (стряпчіе казенныхъ дѣлъ). Докладчикъ есть отвѣтчикъ правительства въ случаѣ частныхъ претензій; онъ же въ случаѣ, еслибъ кто обвиненный не имѣлъ адвоката, обязанъ взять его защиту, но безъ возмездія, яко чиновникъ правительства».

Въ каждой области полагается столько областныхъ судей, сколько въ ней находится «присудовъ» (губерній); они избираются областными палатами изъ списка лицъ, имѣющихъ имущества не менѣе, какъ на 15.000 р. с. Каждые 6 мѣсяцевъ областные судьи объѣзжаютъ свой присудъ и въ каждомъ уѣздномъ городѣ открываютъ засѣданія, на которыя приглашаютъ присяжныхъ. На эти засѣданія собираются совѣстные судьи того уѣзда и подъ предсѣдательствомъ областного судьи рѣшаютъ уголовныя дѣла. Слѣдствіе не производится отдѣльно отъ суда, но всѣ причастные къ дѣлу должны лично явиться въ засѣданіе. «Право обвинять предоставлено всякому, въ особенности же блюстителямъ». Свидѣтелей допрашиваютъ не только судьи, блюститель, присяжные и адвокаты, но, съ дозволенія и подъ надзоромъ судей, и постороннія лица. «Производство уѣздныхъ засѣданій печатается въ общенародное извѣстіе». Дѣло, разсмотрѣнное съ присяжными, рѣшается окончательно, и на него нѣтъ апелляціи или пересуда».

«Областное судилище» принимаетъ жалобы на рѣшенія уѣзд-

ныхъ засѣданій въ томъ только случаѣ, когда, на основаніи приговора «окончательныхъ присяжныхъ», примѣнили къ дѣлу не тотъ законъ, какой слѣдовало. Никакое судебное дѣло не выходитъ за предѣлы области; виновные наказываются въ ней и не высылаются изъ нея. Кромѣ того, областные судьи, на общихъ своихъ собраніяхъ въ областномъ городѣ, судятъ чиновниковъ. Областное судилище судитъ при открытыхъ дверяхъ, и журналы его печатаются.

Всякій, считающій, что онъ неправильно подвергнутъ заключенію совѣстными судьями или лицами, не имѣющими на то права, или подвергающійся безчеловѣчному обращенію въ тюрьмѣ, имѣетъ право жаловаться областнымъ судьямъ, которые обязаны вытребовать его къ себѣ, если жалоба покажется имъ основательною, и удостовѣриться въ этомъ. Право просить у областныхъ судей защиты предоставляется также роднымъ, знакомымъ заключеннаго и, наконецъ, свидѣтелямъ насильственнаго или беззаконнаго поступка.

Наконецъ, учреждается еще «верховное судилище», которое состоитъ изъ 5 или 7 верховныхъ судей, избранныхъ народнымъ вѣчемъ изъ числа лицъ, владѣющихъ имуществомъ не менѣе 15.000 р. Верховные судьи исполняютъ въ столичномъ округѣ тѣ же обязанности, что областные судьи въ своихъ областяхъ. Кромѣ того, верховное судилище судитъ высшихъ чиновниковъ, лишенныхъ ихъ званія верховною думою. Судопроизводство въ немъ и гласное (подобно низшимъ инстанціямъ) и съ присяжными; журналы его также печатаются. Оно получаетъ донесенія и отчеты всѣхъ областныхъ судилищъ и дѣлаетъ замѣчанія тѣмъ изъ нихъ, которыя неправильно толкуютъ законъ. Каждое четырехлѣтіе верховное судилище обязано представить императору и обѣимъ палатамъ систематическій отчетъ о всѣхъ законахъ и постановленіяхъ, вышедшихъ въ продолженіе этого времени, съ примѣчаніями о тѣхъ, которые кажутся ему излишними, темными или противорѣчащими Уставу (конституціи).

При составленіи Н. Муравьевымъ предположеній о судной части значительное вліяніе могла оказать записка Н. И. Тургенева 1822 г., въ основу которой были положены тѣ же основныя начала: словесное и гласное судопроизводство, оглашеніе въ печати производства дѣла и рѣшенія суда, отдѣленіе и независимость судебной части отъ административной, участіе въ судопроизводствѣ адвокатовъ или стряпчихъ, наконецъ, введеніе суда присяжныхъ [1]).

Изложеніе Н. Муравьевымъ проекта его конституціи для слѣдственной коммиссіи заканчивается предположеніями о томъ, какимъ образомъ должно было происходить измѣненіе конституціи или со-

---

[1]) Тургеневъ сообщилъ свою записку Н. С. Мордвинову, который сдѣлалъ изъ нея обширную выписку; она напечатана въ „Архивѣ гр. Мордвиновыхъ" Спб. 1902 г., т. VI, стр. 299—312.

ставленіе совершенно новой. Если бы въ этомъ оказалась необходимость, народное вѣче особымъ закономъ созываетъ съ этой цѣлью «народный соборъ», въ которомъ должно быть столько же членовъ, сколько въ народномъ вѣчѣ, выбранныхъ тѣми же избирателями. Соборъ занимается исключительно этою работою и долженъ окончить ее не позже, какъ въ 6 мѣсяцевъ. Разсужденія его происходятъ гласно и печатаются; все рѣшается большинствомъ $^2/_3$ голосовъ. По окончаніи работы народный Соборъ распускается, и предсѣдатель его представляетъ вѣчу составленный проектъ, который немедленно печатается. Затѣмъ, другимъ закономъ созываются областные соборы для обсужденія принятія или отверженія проекта устава, составленнаго народнымъ соборомъ. Каждая область избираетъ въ свой соборъ двойное число депутатовъ сравнительно съ тѣмъ, которое она имѣла въ народномъ соборѣ. Областные соборы созываются всѣ въ одинъ день, и имъ назначается срокъ, къ которому они должны принять или отвергнуть проектъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, не имѣя права дѣлать новыхъ предложеній. Такъ какъ численность народонаселенія областей весьма не одинакова, то для опредѣленія того, принятъ или отвергнутъ новый уставъ, подсчитывается не число соборовъ, а «$^2/_3$ голосовъ» (большинство не менѣе $^2/_3$ голосовъ?) «наличныхъ членовъ», въ нихъ засѣдавшихъ и принявшихъ то или иное рѣшеніе. Послѣ этого или вводится новый уставъ, или остается въ силѣ прежній. Правила объ измѣненіи Устава навѣяны конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Н. Муравьевъ, быть можетъ, потому особенно подробно изложилъ во время слѣдствія проектируемое имъ устройство судебной части, что, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ декабристовъ, расчитывалъ на возможность осуществленія, при сохраненіи самодержавія, только этой части его проекта. На вопросъ о причинахъ, побудившихъ его вступить въ тайное общество, онъ отвѣчалъ, что былъ проникнутъ «пламеннымъ желаніемъ видѣть Россію на высочайшей степени благосостоянія посредствомъ учрежденій, равно благотворительныхъ для всѣхъ состояній людей, въ оной находящихся, твердаго устройства судебной части въ нижнихъ инстанціяхъ и гласности во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства на подобіе англинскаго“.

Сдѣланное Никитою Муравьевымъ изложеніе его проекта было прочитано имп. Николаемъ. На поляхъ его онъ не написалъ никакихъ замѣчаній, но позднѣе, читая предположенія о государственныхъ преобразованіяхъ, набросанныя въ крѣпости 29 марта 1826 г. другимъ декабристомъ — Батеньковымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло шло объ «обезпеченіи» (гарантіи) и, между прочимъ, упоминалось объ учрежденіи областныхъ палатъ, обращеніи нѣкоторыхъ портовыхъ городовъ въ вольные и особенныхъ правахъ Москвы, имп. Николай написалъ: «Все сіе виды и система Н. Муравьева о федеративномъ управленіи; съ симъ поздравляю тунгузцовъ». Послѣдняя острота совсѣмъ не соотвѣтствовала конституціи Н. Муравьева, такъ какъ кочующимъ народамъ не предоставлялось въ

ней правъ гражданства, т. е. участія въ выборахъ депутатовъ въ центральное и державныя представительныя учрежденія.

Кромѣ проекта конституціи, Н. Муравьевымъ было начато еще одно произведеніе съ цѣлью пропаганды въ низшихъ классахъ общества. Оно называется «Любопытный разговоръ» [1]) и было написано не позже марта 1822 г., такъ какъ на сохранившемся экземплярѣ есть надпись: «l'original a été remis à S. M. le 23 de Mars 1822», что, какъ видно изъ показаній Н. Муравьева, означаетъ передачу оригинала Сергѣю Муравьеву-Апостолу. Авторъ, очевидно, задавался цѣлью сдѣлать свое произведеніе доступнымъ народу. Приведемъ изъ него нѣкоторыя мѣста.

«*Вопросъ.* Всѣ ли люди свободны? *Отвѣтъ.* Нѣтъ, малое число людей поработило большее... Однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ—подлая мысль отказаться отъ природныхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ самимъ Богомъ». Далѣе авторъ указываетъ на то, что нужно добывать свободу и для этого «утвердить постоянныя правила или законы, какъ бывало встарину на Руси», когда «не было самодержавныхъ государей... Государь *самодержавный* или *самовластный*», по опредѣленію автора, «тотъ, который самъ по себѣ держитъ землю, не признаетъ власти разсудка, законовъ божіихъ и человѣческихъ; самъ отъ себя, т. е. безъ причины, по прихоти своей властвуетъ... Отцы наши говорили: *поищемъ себѣ князя, который бы рядилъ по праву*, а не самовластью, своевольству и прихотямъ. Но государи мало по малу всякимъ обманомъ присвоили себѣ власть безпредѣльную, подражая ханамъ татарскимъ и султану турецкому». На вопросъ: «Не самъ ли Богъ учредилъ самодержавіе?» авторъ отвѣчаетъ: «Богъ во благости своей никогда не учреждалъ зла... Злая власть не можетъ быть отъ Бога: всякое древо доброе добры плоды творитъ, всякое же древо, не приносящее плодовъ добрыхъ, будетъ посѣчено и ввергнуто въ огонь». На вопросъ: «есть ли государи самодержавные въ другихъ земляхъ?» авторъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, вездѣ самодержавіе считаютъ безуміемъ, беззаконіемъ, вездѣ постановлены непремѣнныя правила, или законы. *В.* Не могутъ ли быть постоянные законы при самодержавіи? *О.* Самодержавіе, или самовластіе ихъ не терпитъ; для него нуженъ безпорядокъ и всегдашнія перемѣны. *В.* Почему же самодержавіе не терпитъ законовъ? *О.* Потому, что государь властенъ дѣлать все, что захочетъ. Сегодня ему вздумается одно, завтра—другое, а до пользы нашей ему дѣла мало»... На вопросъ о томъ, какое было на Руси управленіе безъ самодержавія, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о вѣчевомъ строѣ, который прекратился благодаря нашествію татаръ, научившихъ нашихъ предковъ безусловно покоряться ихъ тиранской власти. «Народъ, сносившій терпѣливо иго Батыя..., сносилъ такимъ же образомъ и власть князей московскихъ, подражающихъ во всемъ симъ тиранамъ».

---

[1]) Иначе его называли: „Катехизисъ вольнаго человѣка“.

Прочтя этотъ набросокъ, имп. Николай I. написалъ: «quelle infamie!» Рылѣевъ, ознакомившись съ «Разговоромъ любопытнымъ» (какъ онъ заявилъ на слѣдствіи), сказалъ автору: «Напрасно вы не кончите. Такими сочиненіями удобнѣе всего дѣйствовать на умы народа». Но Муравьевъ отозвался недосугомъ и предлагалъ Рылѣеву дописать начатое имъ; тотъ обѣщалъ, но не имѣлъ времени осуществить свое намѣреніе. Въ думѣ Сѣвернаго общества Н. Муравьевъ предлагалъ распространить въ народѣ это сочиненіе наряду съ другими произведеніями въ духѣ общества, но не окончилъ его, такъ какъ занялся своимъ проектомъ конституціи. Братъ Н. Муравьева, Александръ Михайловичъ, въ своей автобіографической запискѣ говоритъ, что начатый его братомъ «Катехизисъ вольнаго человѣка» былъ оконченъ Сергѣемъ Муравьемъ-Апостоломъ. Рукопись наброска Н. Муравьева, какъ мы видѣли, дѣйствительно была передана имъ С. Муравьеву-Апостолу и могла навести его на нѣкоторыя мысли при составленіи имъ его «Православнаго катехизиса» [1]), послужившаго орудіемъ пропаганды при возстаніи Черниговскаго полка.

VII.

Пестель, какъ мы видѣли, свидѣтелствуетъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что въ тайномъ обществѣ было начато составленіе нѣскольких конституцій. Къ числу лицъ, высказывавшихъ свои предположенія о томъ, какова должна быть русская конституція, принадлежалъ служившій подъ начальствомъ Сперанскаго декабристъ Г. С. Батеньковъ, тотъ самый Батеньковъ, который былъ приговоренъ къ 20 годамъ каторжной работы, но вмѣсто того продержанъ все это время въ одиночномъ заключеніи и лишь въ 1846 г. отправленъ изъ Петропавловской крѣпости въ Сибирь. «Я никогда не писалъ конституціи для Россіи», показалъ онъ на слѣдствіи, «и не разсматривалъ даже сего важнаго предмета въ полной связи и подробностяхъ, тѣмъ не менѣе въ головѣ моей рождались въ разное время мысли, относящіяся съ сему предмету».

Батеньковъ полагаетъ, что Россія должна быть наслѣдственною монархіею, но въ ней необходимо «сильное вельможество». Средній классъ, состоящій изъ землевладѣльцевъ, горожанъ и духовенства, можетъ дать еще одинъ элементъ законодательной власти. Законодательная власть, по его мнѣнію, должна состоять изъ: 1) императора, 2) палаты вельможъ (верхней) и 3) палаты по выборамъ отъ средняго сословія (низшей).

Верхнюю палату онъ предполагалъ составить изъ членовъ, большею частью наслѣдственныхъ [2]), но прибавивъ къ нимъ: 1) опре-

[1]) Онъ напечатанъ въ книгѣ проф. *Шимана*. «Убіеніе Павла I и восшествіе на престолъ Николая I. Новые матеріалы». Берл. 1902 г. стр. 409—412.

[2]) Батеньковъ предполагалъ дать государю право возводить въ званіе родовыхъ вельможъ на мѣста тѣхъ, родъ которыхъ прекратится.

дѣленное число лицъ изъ чернаго и бѣлаго духовенства по мѣстамъ, на которыя они назначаются государемъ; 2) лицъ, назначаемыхъ императоромъ пожизненно.

Въ нижней палатѣ [1]) должны быть депутаты: 1) отъ извѣстныхъ городовъ; 2) отъ владѣльцевъ земель; 3) отъ 3 университетовъ — московскаго, виленскаго и дерптскаго [2]) и 4) отъ 3 академій.

Палаты собираются въ Москвѣ по приглашенію государя, если же въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ онѣ не будутъ созваны, то по приглашенію вице-президента верхней палаты.

Полагая, что въ виду обширности государства и разнообразія его климата и нуждъ населенія вся Россія не можетъ быть управляема единообразно, Батеньковъ считалъ необходимыми «частныя палаты въ областяхъ», собираемыя губернаторами.

Исполнительную власть онъ считалъ нужнымъ предоставить: 1) безотвѣтственному государю; 2) установленію, подъ названіемъ верховнаго правительства, отвѣтственному предъ законодательною властью и особенно предъ государемъ и 3) министрамъ, отвѣтственнымъ предъ государемъ, верховнымъ правительствомъ и за указы, исполняемые ими, предъ законодательною властью. Батеньковъ считалъ необходимымъ введеніе суда присяжныхъ.

Онъ указывалъ также на необходимость обезпеченій (гарантій) «неизмѣнности установленнаго порядка», которыя онъ раздѣлялъ на «вещественныя» и «моральныя». Къ числу первыхъ онъ относилъ: 1) «обращеніе военныхъ поселеній въ народную стражу; 2) передачу въ вѣдѣніе города Петропавловской крѣпости; 3) ограниченіе государя въ личномъ командованіи... имъ арміею; 4) учрежденіе родового вельможества»; 5) право вице-президента верхней палаты собирать обѣ палаты, если въ извѣстный срокъ онѣ не будутъ созваны государемъ; 6) независимость трехъ университетовъ и трехъ академій [3]); 7) учрежденіе областныхъ палатъ; 8) обращеніе нѣкоторыхъ портовъ въ вольные города; 9) нѣкоторыя особенныя права города Москвы. Къ числу моральныхъ обезпеченій онъ относилъ: 1) свободу «тисненія», т е. печати; 2) независимость судебной власти. 3) отвѣтственность министровъ и верховнаго правительства и нѣкоторыя другія.

Въ предположеніи Батенькова объ учрежденіи палаты вельможъ преимущественно изъ наслѣдственныхъ членовъ, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть вліяніе идей Н. С. Мордвинова, который былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ декабристовъ.

Изъ записки, найденной въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого

---

[1]) „О палатѣ по выборамъ я не дѣлалъ никогда подробныхъ соображеній", говоритъ Батеньковъ, „ибо зналъ, что для сего нужно имѣть предварительно множество мѣстныхъ свѣдѣній". Противъ этихъ словъ имп. Николай написалъ: „А эти люди хотѣли быть законодателями!!"

[2]) Имп. Николаемъ написано: „Казанск.? Харьковск.?"

[3]) Замѣчаніе имп. Николая: „отъ кого? отъ Бестуж(ева) или даже отъ Рылѣева??"

видно, что предполагалось, чтобы возставшее войско потребовало объявленія отъ сената манифеста, который заключалъ бы въ себѣ: 1) Уничтоженіе бывшаго правленія. 2) Учрежденіе временнаго правленія до установленія постояннаго выборнаго. 3) Свободу «тисненія» и уничтоженія цензуры. 4) Предоставленіе лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій свободнаго отправленія богослуженія. 5) Уничтоженіе права собственности на людей. 6) Равенство всѣхъ сословій предъ закономъ и потому уничтоженіе военныхъ судовъ и всякаго рода особыхъ судныхъ комиссій. 7) Предоставленіе всякому гражданину права заниматься, чѣмъ хочетъ: вступать въ военную и гражданскую службу и въ духовное званіе, торговать оптомъ и въ розницу съ уплатою извѣстныхъ пошлинъ, пріобрѣтать земли и дома въ деревняхъ и городахъ. 8) Сложеніе подушной подати [1]) и недоимокъ по ней. 9) Уничтоженіе монополій на соль, вино и проч., разрѣшеніе свободнаго винокуренія и добыванія соли съ уплатою пошлинъ съ получаемаго продукта. 10) Уничтоженіе рекрутскихъ наборовъ и военныхъ поселеній. 11) Сокращеніе срока военной службы для нижнихъ чиновъ, которое должно было послѣдовать по уравненіи воинской повинности между всѣми сословіями. 12) Увольненіе въ отставку всѣхъ безъ исключенія нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ. 13) Введеніе выборнаго начала при замѣщеніи должностей въ волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ правленіяхъ. 14) Гласность суда. 15) Введеніе присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе.

Должно было быть учреждено временное правленіе изъ 2 или 3 лицъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ министерствъ, государственнаго совѣта, комитета министровъ, арміи и флота. Ему предполагалось поручить приведеніе въ исполненіе нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ выше мѣръ и кромѣ того: 1) образованіе внутренней народной стражи; 2) «уравненіе (sic) рекрутской повинности между всѣми сословіями»; 3) уничтоженіе постоянной арміи; 4) установленіе «порядка избранія выборныхъ въ палату представителей народныхъ», которые должны «утвердить на будущее время имѣющій существовать порядокъ правленія и государственное законодательство» [2]).

Въ своихъ воспоминаніяхъ кн. С. П. Трубецкой говоритъ: предполагалось «полкамъ собраться на Петровской площади и заставить Сенатъ»: 1) издать манифестъ съ описаніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Россія, и съ приглашеніемъ «въ назначенный срокъ выбранныхъ людей отъ всѣхъ сословій для утвержденія: 1) за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ; 2) учредить временное правленіе, пока не будетъ увержденъ новый императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей». Общество

---

[1]) Въ конституціи Н. Муравьева предполагалось распространеніе подушной подати на всѣхъ.

[2]) Въ своемъ показаніи Трубецкой говоритъ, что эта записка не считалась „опредѣлительно принятою; изъ оной возможнымъ полагалось многое устранить, исключая однако жъ собраніе депутатовъ изъ губерній по сословіямъ".

намѣревалось предложить войти въ составъ временнаго правительства Мордвинову, Сперанскому и Ермолову. На это правительство возлагалась обязанность «составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости».

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Семевскій.

Изъ Шлиссельбургскихъ мотивовъ.

(Неизданныя стихотворенія Николая Александровича Морозова, посвященныя товарищамъ по заключенію).

I.

Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ.

(Переданное стукомъ ко дню рожденія).

Пусть нашъ привѣтъ твои невзгоды,
О, милый другъ мой, облегчитъ,
Пусть пролетитъ сквозь эти своды
И свѣтлымъ ангеломъ свободы
Тебя въ темницѣ посѣтитъ!

* * *

И пусть за годы испытанья,
Какъ въ ясный вечеръ послѣ бурь,
Увидишь ты конецъ страданья
И въ блескѣ чуднаго сіянья
Въ грядущемъ вѣчную лазурь!

1886 г.

II.

В. А. Караулову.

Въ годину тяжкаго недуга,
Въ темницѣ мрачной и глухой,
Въ тебѣ судьба дала мнѣ друга
И облегчила жребій мой.

* * *

Съ тѣхъ поръ прошла пора ненастья,
И стала жизнь моя свѣтлѣй,
Ты для меня среди несчастья
Былъ первый вѣстникъ лучшихъ дней.

* * *

И время то мнѣ стало свято,
Съ тобой сроднился я душой,
И буду я любить, какъ брата,
Тебя, товарищъ дорогой.

1888 г.

III.

Людмилѣ Александровнѣ Волкенштейнъ.

(При возвращеніи ея изъ карцера въ старой тюрьмѣ).

Любовью и дружбой въ жилищѣ невзгодъ
Привѣтствуемъ мы твой приходъ.
Пусть въ душномъ туманѣ нависнувшихъ тучъ
Блеснетъ тебѣ радости лучъ,
И прежнее горе потонетъ скорѣй
Въ сіяньи безоблачныхъ дней.
Пусть сумракъ, что въ сердцѣ такъ долго лежитъ,
Какъ лѣтняя ночь пролетитъ!
И жизнь, что въ безмолвьи мучительномъ шла,
Вновь будетъ легка и свѣтла!

1888 г.

IV.

Завѣтъ.

(Посвящается П. С. Поливанову).

Когда овладѣетъ душою печаль,
Ты вспомни, что скрыта грядущаго даль
Въ туманѣ отъ нашего взора.
Что жизнь наша часто мученій полна,
Но вдругъ озаряется счастьемъ она,
Какъ полночь огнемъ метеора.
Не надобно, другъ мой, излишнихъ веригъ!
Вѣдь каждый мучительно прожитый мигъ
На близкихъ тебѣ отзовется!
Всецѣло должны мы для ближняго жить,
Должны для него мы себя сохранить
И бодро съ невзгодой бороться!
Въ тяжелые дни испытаній и бѣдъ
Даетъ намъ Вселенная вѣчный завѣтъ,
Который гласитъ всѣмъ скорбящимъ:
„Во имя надежды! во имя любви
„Въ несчастьи грядущимъ и прошлымъ живи,
„А въ счастьи живи настоящимъ!"

1900 г.

V.

Прости!

(Посвящается Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ передъ ея отъѣздомъ изъ Шлиссельбургской крѣпости),

Пусть, мой другъ дорогой, будетъ счастливъ твой путь
И судьба твоя будетъ свѣтлѣй,
Пусть удастся тебѣ поскорѣе стряхнуть
Злыя чары неволи твоей.
Скоро, милый мой другъ, вновь увидитъ твой взоръ
Лица близкихъ родныхъ и друзей;
Окружитъ тебя безпредѣльный просторъ
И раздолье луговъ и полей!
Ночью встрѣтятъ тебя и развѣютъ твой сонъ
Милліонами звѣздъ небеса,
И увидишь ты вновь голубой небосклонъ
И холмы, и ручья, и лѣса...
Все, чего столько лѣтъ ты была лишена,
Что въ мечтахъ обаянья полно,
Вдругъ воскреснетъ опять, и нахлынетъ волна
Прежнихъ чувствъ позабытыхъ давно!
Пусть же, милый мой другъ, будетъ счастливъ твой путь!
Скоро будешь ты снова вольна!
И успѣешь уставшей душой отдохнуть
Отъ тяжелаго, долгаго сна!

Н. Морозовъ.

1 сент. 1904 г.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(По неизданнымъ источникамъ).

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу декабристовъ, по дѣлу 121-го, имя Пестеля стоитъ на первомъ мѣстѣ, на первомъ мѣстѣ среди тѣхъ пяти «преступниковъ внѣ разрядовъ», которыхъ Верховный Уголовный судъ нашелъ достойными четвертованія.

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе, если не менѣе, виновнымъ, чѣмъ нѣкоторые его товарищи по тайному обществу. Если онъ имѣлъ умыселъ на цареубійство, то этотъ умыселъ раздѣляли съ нимъ очень многіе члены общества. Если онъ управлялъ Южнымъ Обществомъ, то и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ въ управленіи этимъ обществомъ имѣлъ не менѣе важное значеніе, а Рылѣевъ имѣлъ такое же значеніе въ управленіи Сѣвернымъ Обществомъ. Всѣ трое они одинаково были повинны въ составленіи плановъ дѣйствій. Если же Пестель писалъ «Русскую Правду», то Рылѣевъ писалъ революціонные стихи и манифестъ, а Муравьевъ-Апостолъ—свой революціонный «Катехизисъ».

Всѣ трое они были одинаково повинны по всѣмъ этимъ основнымъ пунктамъ обвиненія; но въ числѣ обвиненій, предъявленныхъ Пестелю, не хватало одного, очень важнаго,—непосредственнаго участія въ мятежѣ. Рылѣевъ былъ главнымъ дѣятелемъ возмущенія 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ былъ главнымъ дѣятелемъ возмущенія на Югѣ въ первыхъ числахъ января 1826 года, онъ «лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ» при Бѣлой Церкви (на югѣ отъ Кіева). Пестель же, выдвинутый обвинительнымъ актомъ на первое мѣсто, не принималъ участія ни въ этихъ мятежныхъ дѣйствіяхъ, ни въ непосредственной ихъ подготовкѣ. Онъ былъ арестованъ какъ разъ наканунѣ памятныхъ событій на Сенатской площади, а именно 13 декабря, далеко отъ Петербурга, въ мѣстечкѣ Линцахъ на югѣ Кіевской губерніи, гдѣ стоялъ подъ его командой Вятскій пѣхотный полкъ.

Чтобы возмѣстить недостатокъ важнаго обвиненія въ непосредственномъ участіи въ мятежѣ, Сперанскій, составляя обвинитель-

ный актъ, постарался оттѣнить вящшую виновность Пестеля по другимъ пунктамъ обвиненія. Онъ утверждалъ, что Пестель не только «умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи», но и «*съ хладнокровіемъ* исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ». Онъ утверждалъ, далѣе, что Пестель управлялъ южнымъ тайнымъ обществомъ «*съ неограниченною властію*». Это замѣчаніе о неограниченной власти надъ обществомъ было совершенно неосновательнымъ; оно рѣзко противорѣчитъ фактамъ самостоятельнаго активнаго участія въ южномъ обществѣ Сергѣя Муравьева-Апостола, который въ послѣдній годъ существованія этого общества имѣлъ даже болѣе важное значеніе, чѣмъ Пестель.

Другой обвинитель Пестеля, секретарь слѣдственнаго комитета, Боровковъ, правильно говоря, что онъ «безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ общества съ самаго вступленія въ оное», что онъ «господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ», вмѣстѣ съ тѣмъ крайне преувеличилъ значеніе Пестеля въ обществѣ, когда утверждалъ, что онъ «*самовластно* управлялъ Южнымъ обществомъ» и что онъ «былъ *главою общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій*». Этихъ словъ Боровкова Сперанскій не рѣшился повторить въ обвинительномъ актѣ, какъ ни хотѣлъ онъ ярче оттѣнить преступность Пестеля.

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе виновнымъ, чѣмъ другіе виднѣйшіе декабристы. Но по существу дѣла ему, конечно, принадлежало среди нихъ первое мѣсто. Онъ былъ первымъ изъ нихъ по силѣ дарованій и по силѣ вліянія. Если онъ не принималъ непосредственнаго участія въ мятежѣ, то за то имѣлъ громадное значеніе въ устройствѣ и развитіи тайнаго общества. Онъ не былъ «самовластнымъ главою общества и тайною пружиною всѣхъ его дѣйствій», но несомнѣнно, что въ нѣкоторые важные моменты жизни общества его дѣятельность имѣла рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу заговора. Когда на московскомъ съѣздѣ 1821 года Союзъ Благоденствія былъ закрытъ, Пестель рѣшительно возсталъ противъ рѣшенія съѣзда и немедленно организовалъ изъ членовъ общества, жившихъ на югѣ, Южное Общество, въ видѣ отдѣла Союза Благоденствія, закрытія котораго онъ не признавалъ. Это устройство Южнаго Общества оказало сильное вліяніе на устройство въ Петербургѣ Сѣвернаго Общества также изъ членовъ Союза Благоденствія.

Пестель отнюдь не имѣлъ «неограниченной власти» надъ Южнымъ Обществомъ; онъ имѣлъ въ немъ даже очень незначительную власть, потому что настойчивыя старанія его объ образованіи сильнаго, сплоченнаго общества не увѣнчались успѣхомъ. Но онъ имѣлъ вообще громадное значеніе въ исторіи тайныхъ обществъ, какъ южнаго, такъ и сѣвернаго, не силою власти, которую онъ имѣлъ, какъ одинъ изъ директоровъ, а силою своихъ исключительныхъ дарованій, „силою примѣра“, какъ опредѣлилъ его значеніе Сперанскій.

Одно уже то, что онъ былъ членомъ тайнаго общества, придавало особое значеніе и вѣсъ этому обществу, внушало многимъ увѣренность въ его силѣ и вліяніи. Сила его личности заставляла многихъ преувеличивать значеніе его, какъ главнаго дѣятеля тайнаго общества, держащаго въ рукахъ всѣ нити заговора. Въ Петербургѣ, среди главныхъ дѣятелей общества (какъ Никита Муравьевъ и князь Трубецкой), распространено было преувеличенное мнѣніе о вліяніи Пестеля и значеніи общества, имъ организованнаго на югѣ. Извѣстіе, что Пестель ѣдетъ въ Петербургъ, произвело среди нихъ въ концѣ 1823 года тревогу и смущеніе. Они заранѣе насторожились, опасаясь вліянія Пестеля и его упрековъ въ бездѣятельности. Никита Муравьевъ говоритъ съ княземъ Трубецкимъ, что „для узнанія мыслей и состоянія общества Пестеля надобно показать ему, *что-нибудь здѣсь образованное*“, и спѣшно организуетъ „управу“ изъ трехъ членовъ. Пестель въ началѣ 1824 года пріѣзжаетъ въ Петербургъ, на другой же день по пріѣздѣ является къ князю Трубецкому и осыпаетъ его упреками въ бездѣятельности Сѣвернаго Общества. Въ результатѣ многихъ продолжительныхъ совѣщаній съ петербургскими членами общества Пестелю не удается подчинить ихъ своему вліянію, но въ исторіи общества эти совѣщанія имѣли большое значеніе, заставивъ петербургскихъ членовъ сплотиться и точнѣе выяснить свою программу. Этотъ эпизодъ показываетъ, какъ Пестель, не обладая той «неограниченной властью», которую ему приписывали наивные слѣдователи, тѣмъ не менѣе оказывалъ громадное вліяніе на дѣла общества силою своей личности, «силой примѣра».

Въ запискахъ современниковъ, въ томъ числѣ и не принадлежавшихъ къ тайному обществу, сохранилось нѣсколько замѣчательныхъ отзывовъ о Пестелѣ. Всѣ, и даже враги его, говорятъ о немъ, какъ о личности съ исключительными дарованіями.

Во время невольнаго пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, сюда въ апрѣлѣ 1821 года пріѣхалъ Пестель проѣздомъ, по дѣламъ службы. Онъ навѣстилъ поэта и произвелъ на него сильное впечатлѣніе. «Утро провелъ съ Пестелемъ—записалъ Пушкинъ въ дневникѣ. Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Пушкинъ записалъ въ дневникъ и поразившее его замѣчаніе Пестеля о матеріализмѣ: Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y réfuse.

Начальники второй арміи, въ которой служилъ Пестель, были о немъ самаго высокаго мнѣнія. Начальникъ штаба графъ П. Д. Киселевъ (извѣстный, между прочимъ, какъ сторонникъ освобожденія крестьянъ) не удалялъ отъ себя Пестеля, несмотря на неоднократные совѣты своихъ петербургскихъ друзей, и съ увлеченіемъ вспоминалъ впослѣдствіи о вечерахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Главнокомандующій, графъ Витгенштейнъ говорилъ, что Пестель вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ, и на посту министра и въ командованіи арміей.

Въ запискахъ протоіерея казанскаго собора, Мысловскаго, находимъ не только сочувственный, но прямо восторженный отзывъ о Пестелѣ: «Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа... Быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокій, тактикъ военный превосходный... Никто изъ подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ комиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ вынести тяжесть двухъ альпійскихъ горъ. Въ комиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и съ какимъ-то самомнѣніемъ».

Восторженностью характеристики Пестеля Мысловскій превзошелъ даже его товарищей, декабристовъ. Но записки декабристовъ подтверждаютъ отдѣльными штрихами вѣрность этой характеристики. Онѣ также согласно говорятъ о замѣчательномъ умѣ Пестеля, объ обширности его познаній, о его краснорѣчіи, о силѣ его характера. Князь Оболенскій говоритъ о «свѣтломъ умѣ», объ «убѣдительномъ дарѣ слова» Пестеля и признается, что ему «трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ». Съ записками декабристовъ сходятся и ихъ показанія въ слѣдственной комиссіи. Князь Барятинскій говорилъ здѣсь, что изъ членовъ общества Пестель «безъ сомнѣнія» былъ «всѣхъ болѣе уважаемъ, насчетъ ума и познаній политическихъ».

Это очевидное, безспорное превосходство Пестеля надъ своими товарищами по обществу создало для него тяжелое положеніе въ судѣ. Многіе изъ нихъ, особенно изъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ нему по тульчинской управѣ, въ малодушномъ страхѣ предъ ожидавшимъ ихъ наказаніемъ, старались спасти себя, приписывая свое участіе въ обществѣ единственно гибельному вліянію Пестеля. Они не щадили его, изображая его коварнымъ злодѣемъ, прибѣгавшимъ для завлеченія членовъ къ обманамъ и угрозамъ ядомъ и кинжаломъ.

Комитетъ ставилъ подсудимымъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «Кто изъ членовъ наиболѣе стремился къ распространенію и утвержденію мнѣній, и къ самому начатію дѣйствій общества совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на другихъ?»

— «Какъ мнѣ извѣстно — отвѣтилъ на этотъ вопросъ поручикъ Крюковъ 2-й—*одинъ Пестель*».

— «Полковникъ Пестель — отвѣтилъ командиръ казанскаго пѣхотнаго полка П. В. Аврамовъ—надъ всѣми тульчинскими членами имѣлъ поверхность и, *можно сказать*, *одинъ дѣйствовалъ*».

Къ этому онъ прибавилъ еще слѣдующее гибельное для Пестеля размышленіе:

«Ежеминутно обдумывая горестное мое положеніе, могу сказать, что ввергнутъ въ оное не собственнымъ преступнымъ какимъ-либо желаніемъ, но чрезъ обманъ меня полковникомъ Пестелемъ, злѣйшимъ изъ людей, съ коими я встрѣчался когда-либо въ жизни моей».

Другіе обвиняемые объясняли комитету, какъ поддавались они Пестелю, соглашаясь противъ воли съ его мнѣніями, не имѣя силъ противостоять его авторитету. Одинъ приписывалъ свое участіе въ обществѣ, главнымъ образомъ, его «настоятельству»; другой разсказывалъ, какъ «непримѣтно умы увлечены и приготовлены были вліяніемъ Пестеля».

Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая, надменная увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ силахъ, въ своемъ правѣ на господство надъ другими людьми—таковы основныя черты личности Пестеля, рано создавшія ему славу исключительнаго по своимъ дарованіямъ человѣка.

Вѣра въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣра въ силу разума составляли отличительныя свойства его ума. Подобно французскимъ мыслителямъ и дѣятелямъ XVIII-го вѣка и начала XIX го, онъ въ своихъ рѣшеніяхъ политическихъ вопросовъ не считался съ сложными условіями исторической обстановки и вѣрилъ въ возможность немедленнаго, неуклоннаго осуществленія идеи во всей ея логической чистотѣ. Истинный сынъ своего времени, великой революціонной эпохи, онъ, подобно якобинцамъ и подобно родственному имъ по духу Наполеону, вѣрилъ въ торжество идеи и въ возможность осуществленія своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ революціоннымъ путемъ, вопреки какимъ бы то ни было общественнымъ условіямъ, какимъ бы то ни было условіямъ времени и мѣста.

Этимъ духомъ времени объясняются тѣ положенія Русской Правды, которыя, на первый взглядъ, кажутся странными по своей крайней прямолинейности. На Русскую Правду Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ Временному Верховному Правленію, и онъ полагалъ, существованіе этого наказа—ясной программы новаго республиканскаго строя—должно предупредить всѣ смуты и неустройства, какія обыкновенно сопутствуютъ революціи. «Русская Правда—писалъ онъ — служитъ для Россіи ручательствомъ, что временное верховное правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ такой грамотѣ ввергнулъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междоусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя предъ собою яснаго и полнаго наставленія... Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло».

Свойственная Пестелю непреклонная, фанатическая преданность идеѣ мѣтко охарактеризована въ слѣдующихъ словахъ декабриста Якушкина: «Пестель умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрилъ въ математическую истину. Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть, въ этомъ и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, упорно трудился надъ дѣломъ тайнаго общества. Одинъ разъ до-

казавъ себѣ, что тайное общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе».

«Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался»—говоритъ Якушкинъ. Холодную безстрастность Пестеля отмѣчаютъ и другіе современники. Логическій умъ соединялся въ немъ съ сильно развитой волей, подавлявшей чувство. Сильная воля придавала смѣлость и рѣшительность его дѣйствіямъ. Въ тайномъ обществѣ онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно, даже иногда слишкомъ рѣшительно, до неосторожности. Съ солдатами и офицерами своего полка онъ для поддержанія дисциплины обращался строго, иногда до жестокости, сознательной, по расчету. Въ 1821 году, когда его сдѣлали командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, который считался худшимъ во всей южной арміи, онъ успѣлъ въ короткое время ввести въ немъ желѣзную дисциплину. «Началъ я—разсказывалъ онъ самъ—съ штабъ и оберъ-офицеровъ; строгость противъ нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко батальонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многаго требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты». Когда же, несмотря на всѣ старанія, солдаты, вслѣдствіе «закоренѣлой лѣности», сдѣлали недостаточные успѣхи, онъ послѣ одного смотра подвергнулъ всѣхъ передовыхъ строгому наказанію, по жестокимъ военнымъ правиламъ того времени.

Нескрываемое сознаніе своего превосходства вносило въ отношенія Пестеля къ людямъ черту надменной повелительности. Когда нужно, онъ умѣлъ быть любезнымъ и тонкимъ. Но обыкновенно онъ ждалъ и требовалъ подчиненія, упорно настаивая. Онъ не «обворожалъ» членовъ общества и не всегда ихъ убѣждалъ, но чаще подавлялъ ихъ своей логикой и своею настойчивостью. Въ показаніяхъ декабристовъ, обвинявшихъ Пестеля въ томъ, что онъ подчинилъ ихъ своему вліянію, звучитъ иногда нота старой затаенной обиды.

«Помню— разсказываетъ одинъ изъ тульчинскихъ членовъ, Давыдовъ,—объ одномъ собраніи у князя Волконскаго. Пестель говорилъ о разныхъ предметахъ своихъ проектовъ... Противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мнѣній уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастію, разговорахъ».

Также жаловался на Пестеля Басаргинъ: «Весьма часто, въ нѣкоторыхъ даже ничтожныхъ разговорахъ намъ казалось, что Пестель разсуждаетъ несправедливо, но, не рѣшаясь съ нимъ спорить, мы оставляли его при его мнѣніяхъ, и говорили безъ него о семъ между собою».

Властный характеръ Пестеля явился одной изъ причинъ того разлада между южнымъ и сѣвернымъ обществами, который проявился во время упоминавшихся уже выше переговоровъ его съ членами сѣвернаго общества въ Петербургѣ въ началѣ 1824 г. Главной причиной разлада было коренное различіе программъ: Петербургскіе члены сочувствовали проекту Никиты Муравьева—федеративной конституціонной монархіи. Пестель же настаивалъ

на своемъ проектѣ демократической республики. Соглашенію помѣшало крайнее недовѣріе петербургскихъ членовъ къ властолюбивому директору южнаго общества.

Въ ожиданіи пріѣзда Пестеля въ Петербургъ Никита Муравьевъ предостерегаетъ своихъ товарищей, что онъ «человѣкъ опасный и себялюбивый».

Князь Трубецкой изъ разговоровъ съ Пестелемъ выноситъ убѣжденіе, что онъ «человѣкъ вредный», что «не должно допускать его усиливаться, но стараться всевозможно его ослабить». Совѣщаніе ихъ оканчивается тѣмъ, что они «разстаются другъ другомъ недовольны». Князь Трубецкой далъ понять своему собесѣднику, что подозрѣваетъ его въ личныхъ видахъ, и Пестель, выходя изъ комнаты, сказалъ:

— «Стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и подозрѣваетъ въ другомъ личные какіе виды, а послѣдствіе докажетъ, что таковыхъ видовъ нѣтъ!»

Въ разговорѣ съ третьимъ вліятельнымъ членомъ Сѣвернаго общества, Рылѣевымъ, Пестель, между прочимъ, отозвался о Наполеонѣ, что онъ истинно великій человѣкъ, отличавшій не знатность, а дарованія, и возвысившій Францію. Предубѣжденный Рылѣевъ тотчасъ увидѣлъ въ этихъ словахъ скрытый намекъ на то, что Пестель самъ мечтаетъ быть Наполеономъ, и поспѣшилъ замѣтить ему наставительно:

— «Въ наши дни даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, чѣмъ Наполеономъ».

Безуспѣшность переговоровъ съ членами петербургскаго общества, закончившихся лишь не вполнѣ оформленнымъ соглашеніемъ о единодушномъ дѣйствіи въ случаѣ крайности, безуспѣшность стараній тѣсно объединить оба общества подъ общей директоріей и съ общей программой—была лишь одной изъ крупныхъ неудачъ Пестеля въ его конспиративной дѣятельности. Такихъ неудачъ у него было много. Всѣ силы его ума и воли, вся его настойчивая дѣятельность въ теченіе восьми лѣтъ въ разъ принятомъ направленіи не дала ему того успѣха, въ которомъ онъ былъ такъ твердо увѣренъ долгое время до разочарованій послѣдняго 1825 года.

Говоря такъ, я разумѣю не неуспѣхъ послѣднихъ рѣшительныхъ дѣйствій тайнаго общества, не неудачу мятежа въ Петербургѣ. Эта неудача была случайной. Какъ ни слабы были силы заговорщиковъ, какъ ни малодушенъ былъ князь Трубецкой, котораго главный двигатель возстанія, Рылѣевъ, неудачно выдвинулъ въ роковой день 14 декабря, но неурядица междуцарствія была столь благопріятной для заговора, и новый императоръ проявилъ такую растерянность, несмотря на внѣшнюю помпу театральной рѣшимости, что капризный случай едва-едва не далъ успѣха декабристамъ.

Говоря о неуспѣхѣ дѣятельности Пестеля, я имѣю въ виду не эту неудачу возстанія, а неуспѣшность его настойчивыхъ стараній

образовать сильное сплоченное тайное общество, неуспѣхъ его, какъ пропагандиста и организатора.

Ходившіе среди членовъ сѣвернаго общества слухи о вліяніи Пестеля и о силѣ организованнаго имъ южнаго общества были крайне преувеличены. Въ началѣ 1821 г., какъ мы говорили, тульчинскіе члены общества въ числѣ 9 человѣкъ, согласно рѣшили не признавать постановленія московскаго съѣзда объ уничтоженіи Союза Благоденствія и выбрали единогласно директорами Пестеля и Юшневскаго. Они «раздѣляли всѣ со мной—говорилъ Пестель—и цѣль, и способы достиженія ея безъ изъятія, и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили и то и другое. Въ отношеніи къ помянутому засѣданію начала 1821 г. эти слова Пестеля были совершенно вѣрны. Нѣкоторые изъ обвиняемыхъ, пытавшіеся отрицать справедливость этого обвиненія, тотчасъ же, какъ только слѣдственный комитетъ назначалъ имъ очную ставку съ Пестелемъ, сознавались въ своей винѣ, не допуская до очной ставки. Но не слѣдуетъ заключать изъ этого, что названные тульчинскіе члены и послѣ 1821 г. были настроены такъ же единодушно и рѣшительно, что они составляли тѣсный кружокъ единомышленниковъ, вполнѣ подчинявшихся вліянію выбраннаго ими директора и дѣйствовавшихъ по его указаніямъ. Ничего подобнаго; только что сплотившись, кружокъ началъ распадаться и во всякомъ случаѣ не дѣйствовалъ; единодушія и энергіи хватило только на два засѣданія. Участники Указаннаго собранія одобрили всѣ планы Пестеля о революціи и республикѣ, но это рѣшеніе для большинства было минутнымъ порывомъ. «Происходившее въ семъ совѣщаніи имъ представляется какъ неясный сонъ»—говорилъ впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, Ивашевъ. Самъ Пестель, преувеличивающій въ видахъ самозащиты значеніе организаціи общества, заявляетъ, что «тульчинская управа *съ самаго 1821 г. впала въ бездѣйствіе»*. Вѣрнѣе будетъ сказать, что тульчинской управы, какъ организованнаго сообщества, вовсе не существовало. Члены ея ни разу не собирались на совѣщанія. Часть ихъ скоро отстранилась отъ общества. Нѣкоторые же, вновь принятые члены, не только не дѣйствовали, но и такъ мало знали объ истинныхъ цѣляхъ и планахъ общества, что верховный уголовный судъ причислилъ ихъ къ VII разряду преступниковъ. Одинъ изъ нихъ, подпоручикъ Заикинъ, участвовалъ только въ сокрытіи Русской Правды въ моментъ арестованія Пестеля, но онъ такъ мало зналъ о ея содержаніи, что отнесенъ былъ къ VIII разряду преступниковъ. Подполковникъ П. И. Фаленбергъ, по замѣчанію слѣдственнаго комитета, былъ «столь недѣятельнымъ и уклонившимся членомъ, что даже самое имя его почти забыто въ обществѣ». Этотъ Фаленбергъ такъ мало зналъ о дѣлахъ общества, что держался слѣдующаго страннаго мнѣнія: «Предчувствіе не обманываетъ меня, что всѣ нѣмцы замѣшанные въ ихъ конституціонное общество, будутъ жертвы сего тайнаго общества, они, вѣрно, всего меньше знали о немъ, но были употреблены, какъ машины, для приведенія въ исполненіе тайныхъ

замысловъ». Старанія самого Пестеля по привлеченію новыхъ членовъ оказались очень неудачны: онъ принялъ въ общество одного только предателя Майбороду.

Помимо генералъ-интенданта 2 арміи, Алексѣя Юшневскаго, второго «директора» общества, у Пестеля было только два близкихъ къ нему единомышленника, вполнѣ подчинявшихся его вліянію,— отст. полк. Василіи Давыдовъ и генералъ-маіоръ, князь Сергѣй Волконскій. Они всегда соглашались съ Пестелемъ на засѣданіяхъ общества, но поверхностно усвоенныя ими идеи Пестеля не составляли ихъ твердыхъ убѣжденій. Они относились къ дѣлу слишкомъ пассивно и также почти не дѣйствовали.

«Клянусь—показывалъ Давыдовъ на слѣдствіи—что я и Волконскій не придавали никакой важности симъ рѣчамъ (рѣчамъ Пестеля о цареубійствѣ), и я думаю о Юшневскомъ тоже, почитая все сіе пустыми словами. Конечно, мудрено мнѣ все сіе доказать, но если бы извѣстно было, какъ происходили таковые разговоры, какъ мало, вышедши изъ той комнаты, гдѣ ихъ слышали, о нихъ мы думали, оно бы понятно было... Къ несчастью моему, когда я услышалъ другія рѣчи и мнѣнія (болѣе рѣшительныя, о приступѣ къ дѣйствіямъ), имѣлъ постыдную слабость не возражать, а потакать онымъ, боясь казаться слабымъ и безхарактернымъ, но не вѣрилъ никогда исполненію. Въ послѣдніе времена я началъ образумѣвать, и если бы не такъ скоро открыто было общество, ни меня, ни Волконскаго въ немъ бы не нашли». Это показаніе кажется искреннимъ и прекрасно характеризуетъ отношеніе къ обществу двухъ друзей Пестеля. Давыдовъ и кн. Волконскій были, говоритъ Пестель, руководителями второй управы, правой или каменской (по мѣсту ихъ жительства въ селѣ Каменкѣ), образованной вмѣстѣ съ двумя другими управами, тульчинской и васильковской въ 1823 г. «Каменская управа, признается Пестель, дѣйствовала вяло». Кн. Волконскій и Давыдовъ даже не старались привлекать новыхъ членовъ. Изъ членовъ каменской управы ревностнымъ дѣятелемъ былъ одинъ лишь отставной подполк. А. В. Поджіо, принятый въ 1823 г., «пламенный членъ, неукротимый въ словахъ и сужденіяхъ».

Наиболѣе дѣятельными и вліятельными членами Южнаго общества были, помимо Пестеля, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, подполковникъ черниговскаго пѣхотнаго полка, и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ полтавскаго пѣх. полка. Сергѣй Муравьевъ присоединился къ южному обществу въ 1822 г., а черезъ него въ 1823 г. принятъ былъ М. Бестужевъ. Они не сразу подчинились мнѣніямъ Пестеля. Сначала они, въ особенности С. Муравьевъ, горячо спорили противъ его программы установленія республики путемъ революціи и цареубійства. Но вскорѣ, въ ноябрѣ 1823 г., на съѣздѣ у Давыдова въ Каменкѣ объявили, что перемѣнили мнѣнія и вполнѣ принимаютъ программу Пестеля. Русская Правда, въ краткомъ изложеніи, составила ихъ политическій завѣтъ, который они затѣмъ дѣятельно распространяли среди другихъ членовъ. Въ 1823 г. С. Муравьевъ и М. Бестужевъ объявлены были руководителями василь-

ковской или лѣвой управы. Каменскіе и тульчинскіе члены были слишкомъ пассивны; Муравьевъ же и Бестужевъ слишколъ рвались впередъ и, признавая авторитетъ Пестеля, въ то же время противъ его воли увлекали его за собой. Они, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ членовъ, присоединили къ васильковской управѣ открытое ими общество соединенныхъ славянъ; они же первые начали сношенія съ поляками. Руководимая ими Васильковская управа къ концу 1824 г. была по числу членовъ больше обѣихъ другихъ управъ вмѣстѣ. Она была гораздо дѣятельнѣе, но и гораздо независимѣе отъ директоріи и большей частью только сообщала къ свѣдѣнію директоріи о своихъ дѣйствіяхъ. Въ виду этого, съ цѣлью тѣснѣе сплотить общество и ослабить самостоятельность С. Муравьева, Пестель рѣшилъ раздѣлить съ нимъ высшую власть надъ обществомъ и въ ноябрѣ 1825 г. назвалъ его директоромъ общества, третьимъ членомъ директоріи.

Неуспѣхъ дѣятельности Пестеля отчасти былъ обусловленъ личными его качествами; онъ отталкивалъ многихъ своимъ характеромъ, слишкомъ властнымъ для дѣятеля тайнаго общества, съ выраженными слишкомъ ясно диктаторскими стремленіями. Но главныя причины неуспѣха заключались, конечно, въ неподготовленности той общественной среды, въ которой онъ дѣйствовалъ. Эта неподготовленность общества ярче всего выразилась въ немногочисленности и слабости тѣхъ лучшихъ его представителей, которые были захвачены потокомъ революціоннаго движенія, въ немногочисленности и слабости самихъ декабристовъ.

Всего осужденныхъ по дѣлу 14 декабря было 121 человѣкъ. Но если мы выдѣлимъ изъ нихъ нѣсколько главныхъ дѣятелей, то остальные рядовые декабристы оказываются по большей части стоящими не на высотѣ положенія. Наказаніе, назначенное имъ императоромъ Николаемъ, по большей части было непомѣрно суровымъ въ сравненіи съ ихъ виною. Они, какъ выяснилось на судѣ, или не знали объ истинной цѣли тайнаго общества, или знали, но были совершенно недѣятельными, или разочаровавшись въ успѣхѣ, рано вышли изъ общества. Въ числѣ такихъ разочаровавшихся было нѣсколько замѣчательныхъ личностей, какъ, напримѣръ, Фонъ-Визинъ, авторъ извѣстныхъ записокъ, Бурцовъ, соперникъ Пестеля въ началѣ его дѣятельности въ Тульчинѣ, Лунинъ, выдѣляющійся своей твердостью, рѣшительностью и благородствомъ.

Въ ихъ время конфликтъ между старыми формами власти и обществомъ не достигъ еще той остроты, которая рождаетъ самоотверженность, превращая политику въ религію, которая силою ненависти дѣлаетъ стойкими и такихъ слабыхъ по натурѣ людей, какими были многіе декабристы.

Подъ вліяніемъ мгновеннаго порыва, вызваннаго стеченіемъ обстоятельствъ, декабристы могли перейти къ дѣйствіямъ, какъ то и доказали они въ Петербургѣ и подъ Бѣлою-Церковью. Но раньше, въ тайномъ обществѣ они долгое время ограничивались совѣщаніями, не переходя отъ словъ къ тому дѣлу, на которое настойчиво ука-

зывалъ Пестель, къ дѣлу организаціи и широкаго развитія дѣятельности тайнаго общества.

Среди декабристовъ было два человѣка, которыхъ называли «обреченными», Каховскій и Якубовичъ. Эти «обреченные» являлись въ роли особыхъ героическихъ натуръ. Остальные рѣзко отличали себя отъ нихъ. Въ послѣдующее время, когда въ революціонномъ движеніи «мгновенный порывъ» замѣненъ былъ самоотреченіемъ, каждый революціонеръ смотрѣлъ на себя, какъ на обреченнаго человѣка.

Неподготовленность общественной среды проявилась также и въ отношеніи декабристовъ къ программѣ Пестеля, революціонной и республиканской. Программа эта для большинства казалась слишкомъ радикальной. Петербургскіе члены общества рѣшительно отказались ее принять; большинство же южныхъ членовъ соглашалось на нее лишь подъ вліяніемъ «мгновеннаго порыва», или по настояніямъ Пестеля.

Пестель, больше всѣхъ своихъ товарищей сдѣлавшій для организаціи и развитія общества, также не былъ преданъ своей республиканской идеѣ до самоотреченія, до самопожертвованія во имя общаго блага. Онъ дѣйствовалъ въ тайномъ обществѣ, потому что, по свойству своего ума, твердо вѣрилъ въ успѣхъ своего плана военнаго переворота и военной диктатуры, для утвержденія республики. Онъ не былъ фанатикомъ въ собственномъ смыслѣ слова, но онъ былъ фанатически преданъ своей идеѣ, и эта преданность идеѣ заставила его сдѣлать для общества больше, чѣмъ сдѣлали всѣ его товарищи.

Верховный уголовный судъ, однако, все же присудилъ его къ смертной казни не столько за то, что онъ сдѣлалъ,—потому что онъ сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ могъ бы при другихъ условіяхъ,—сколько за то, чѣмъ онъ былъ. По силѣ характера и силѣ убѣжденія онъ былъ, безспорно, первымъ изъ декабристовъ.

Подробная біографія Пестеля дѣло будущаго. Онъ игралъ такую важную роль въ тайныхъ обществахъ съ перваго образованія въ январѣ 1817 года «Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», что подробная научная біографія его представитъ собою исторію этихъ тайныхъ обществъ во всѣхъ ея основныхъ чертахъ развитія идей и организаціи.

Мы печатаемъ здѣсь показанія Пестеля по его собственноручнымъ отвѣтамъ слѣдственному комитету, хранящимся въ дѣлѣ Государственнаго Архива. Для удобства чтенія мы располагаемъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ и опускаемъ лишь нѣкоторыя незначительныя замѣчанія, которые будутъ напечатаны впослѣдствіи, въ отдѣльномъ изданіи. Эти показанія представляютъ собою въ цѣломъ подробный разсказъ, словами одного изъ главныхъ дѣятелей тайнаго общества, о всей жизни общества. Они содержатъ въ себѣ первосте-

ценный матеріалъ для исторіи общества, превосходящій по своему значенію извѣстныя доселѣ записки декабристовъ.

Эти показанія послужили, между прочимъ, однимъ изъ главныхъ источниковъ извѣстнаго «Донесенія слѣдственной комиссіи», или «Всеподданнѣйшаго доклада Высочайше учрежденной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ», составленнаго графомъ Блудовымъ. Многія мѣста показаній Пестеля дословно повторены въ этомъ докладѣ. Изъ нихъ въ особенности взяты были въ докладъ обстоятельныя разъясненія Пестеля объ организаціи и планахъ общества. Въ цѣляхъ самозащиты отъ личныхъ обвиненій со стороны товарищей, не щадившихъ его въ своихъ отвѣтахъ, Пестель предъ слѣдственнымъ комитетомъ старался оттѣнить силу организаціи общества, чтобы перенести отвѣтственность съ отдѣльныхъ лицъ на всѣхъ вмѣстѣ, на все общество. «Донесеніе» воспользовалось этимъ защитительнымъ маневромъ Пестеля, чтобы преувеличить, въ цѣляхъ обвиненія, организованность общества, и по справедливому замѣчанію Н Тургенева, придало значеніе заговора даже нѣкоторымъ интимнымъ бесѣдамъ лицъ, ни къ чему ихъ не обязывавшимъ.

Пестель, какъ сказано выше, былъ арестованъ въ мѣстечкѣ Линцахъ Кіевской губерніи, въ штабъ-квартирѣ Вятскаго полка 13 декабря 1825 года. Онъ былъ перевезенъ въ Тульчинъ, гдѣ находился штабъ 2-й арміи. Здѣсь начальникъ штаба 2-й арміи, графъ Киселевъ, связанный съ нимъ дружескими отношеніями, задалъ ему длинный рядъ вопросовъ, составленныхъ главнымъ образомъ на основаніи доноса Майбороды. Пестель написалъ на нихъ отвѣты 22 декабря 1825 года, рѣшительно отрицая какую-либо причастность къ тайному обществу и не называя никого изъ его членовъ.

Въ первыхъ числахъ января онъ былъ привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь по вопросамъ, заданнымъ ему генералъ-адъютантомъ Левашевымъ, онъ увидѣлъ, что изъ показаній членовъ общества, арестованныхъ послѣ 14 декабря, слѣдователи знаютъ уже всѣ секреты общества, и въ общихъ чертахъ подтвердилъ справедливость предъявленныхъ ему обвиненій, назвавъ также и имена своихъ товарищей, въ большей части уже арестованныхъ. Этотъ допросъ снятъ былъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, 4 января 1826 года. Въ дополненіе къ устнымъ отвѣтамъ онъ въ ближайшіе дни написалъ еще нѣсколько письменныхъ разъясненій общаго характера о замыслахъ и дѣятельности общества.

Подробныя показанія написаны были имъ позднѣе, въ отвѣтъ на обстоятельные вопросы комитета, отъ 13 января 1826 года, числомъ 55, и отъ 1 апрѣля, числомъ 47. Большую тетрадь отвѣтовъ на вопросы отъ 1 апрѣля Пестель писалъ пять дней, какъ видно изъ даты, 6 апрѣля, обозначенной на ней, вмѣстѣ съ подписью. Въ теченіе апрѣля съ него еще нѣсколько разъ снимали допросъ по отдѣльнымъ вопросамъ процесса (9, 15, 20 апрѣля). Кромѣ того нѣсколько разъ ему дѣлались очныя ставки съ различными обвиняемыми. Печатая всѣ эти показанія, мы вездѣ указываемъ въ скобкахъ ихъ даты, гдѣ только онѣ обозначены.

Всѣ бумаги слѣдствія переданы были Верховному Уголовному Суду, учрежденному указомъ 1 іюня 1826 года и открывшему свои дѣйствія 3 іюня. Существо судебнаго разбирательства свелось къ опредѣленію разрядовъ подсудимыхъ по степени вины каждаго. Для этой работы Верховный Уголовный Судъ избралъ изъ своей среды «разрядную комиссію» подъ предсѣдательствомъ М. М. Сперанскаго, получившаго наибольшее число голосовъ при выборахъ членовъ этой комиссіи. Явившись, такимъ образомъ, главнымъ вершителемъ судьбы различныхъ декабристовъ, Сперанскій выработалъ основанія для сравнительнаго опредѣленія силы вины каждаго изъ нихъ. Эти основанія изложены имъ въ докладѣ Верховнаго Уголовнаго Суда императору Николаю I, не разъ напечатанномъ [1]). По указаніямъ Сперанскаго и частью имъ самимъ составлены были краткія записки о силѣ вины каждаго изъ обвиняемыхъ. Записку о винахъ Пестеля, доселѣ неизданную, мы печатаемъ здѣсь въ приложеніяхъ къ его показаніямъ [2]), а теперь перейдемъ къ отвѣтамъ, которые далъ самъ Пестель на предложенные ему вопросы.

---

[1]) См. этотъ докладъ: Б. Базилевскій, „Госуд. преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ", т. I, 1903 г. стр. 89.

[2]) Въ книгѣ Н. Шильдера, „Императоръ Николай I", напечатана другая записка о винѣ Пестеля, составленная секретаремъ слѣдственнаго комитета Боровковымъ, до учрежденія суда.

I. Біографическія свѣдѣнія.

Имя и отчество мои суть: Павелъ Ивановъ сынъ Пестель. Имѣю отъ роду 32 года, скоро минетъ 33.

Я принадлежу къ лютеранскому исповѣданію и бывалъ у святого причастія каждый разъ, что встрѣчалъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ Петербургѣ, но не бывалъ, когда проводилъ оное въ арміи. Въ семъ году я былъ у исповѣди и у святого причастія, а передъ тѣмъ былъ въ 1820-мъ году. Во все же время пребыванія моего при Второй арміи не былъ, за неимѣніемъ лютеранскаго священника. Въ 1824-мъ же году не былъ потому, что въ то время очень былъ боленъ и не выходилъ изъ горницы.

Нынѣ царствующему Государю Императору я не присягалъ на вѣрное подданство, ибо арестованъ былъ въ Тульчинѣ 13 декабря прошедшаго 1825 года, прежде полученія извѣстія о вступленіи Государя Императора на Всероссійскій престолъ.

До 12-ти лѣтъ возраста воспитывался я въ домѣ у родителей, а въ 1805 году отправился съ моимъ братомъ, что нынѣ полковникъ Кавалергардскаго полка, въ Гамбургъ, а оттуда въ Дрезденъ, изъ коего въ 1809 году возвратились въ родительскій домъ. Въ сіе время отсутствія изъ отечества управлялъ нашимъ воспитаніемъ нѣкто Зейдель, который, вступя въ Россійскую службу, находился въ 1820 году при генералѣ графѣ Милорадовичѣ. Въ 1810-мъ году былъ я опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, откуда выпущенъ въ концѣ 1811 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій, что нынѣ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

О политическихъ наукахъ не имѣлъ я ни малѣйшаго понятія до самаго того времени, когда сталъ готовиться ко вступленію въ Пажескій корпусъ, въ коемъ ихъ знаніе требовалось для поступленія въ верхній классъ. Я имъ тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшаго въ то время сіи науки въ Пажескомъ корпусѣ.

По выходѣ изъ Пажескаго корпуса занимался я наиболѣе военными и политическими науками и особенную имѣлъ склонность къ политическимъ, а потомъ къ военнымъ.

Зимою съ 1816 на 1817 годъ слушалъ я курсъ политическихъ наукъ у профессора и академика Германа въ его квартирѣ на Васильевскомъ острову. Но мало у него тогда почерпнулъ новыхъ

познаній, потому что онъ почти то же читалъ въ лекціяхъ своихъ, что прежде я отъ него слышалъ въ Пажескомъ корпусѣ. Форма преподаванія была другая, но существо предметовъ то же самое.

Я вступилъ въ службу въ 1811 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, изъ Пажескаго корпуса въ лейбъ-гвардіи Литовскій, что нынѣ л.-г. Московскій полкъ. По открытіи кампаніи 1812 года находился я во фронтѣ при полку и былъ съ полкомъ въ сраженіи при селѣ Бородинѣ, гдѣ подъ самый уже вечеръ 26 августа раненъ былъ жестоко ружейною пулею въ ногу съ раздробленіемъ костей и поврежденіемъ жилъ, за что и получилъ золотую шпагу съ надписью за храбрость. Отъ сей раны пролежалъ я до мая мѣсяца 1813 года и, не будучи еще вылѣченъ, но имѣя рану открытою, изъ коей чрезъ весь 1813 годъ косточки выходили, отправился я къ арміи графа Витгенштейна, къ коему назначенъ былъ въ адъютанты. При немъ находился я всю кампанію 1813 и 1814 годовъ, и во всѣхъ былъ сраженіяхъ, гдѣ онъ самъ находился. За Лейпцигское сраженіе получилъ я орденъ святого Владимира четвертой степени съ бантомъ, а за всѣ предшествовавшія дѣла 1813 года, въ коихъ находился послѣ перемирія, былъ произведенъ за отличіе въ поручики. За кампанію 1814 года получилъ орденъ святыя Анны 2 класса. По окончаніи войны въ 1814 году былъ я переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ при прежней должности, въ коей пребывалъ до 1821 года, бывъ переведенъ въ началѣ 1820 года въ Маріупольскій гусарскій полкъ подполковникомъ. Въ 1821 году, когда открывался походъ въ Италію, тогда былъ я переведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ, не оставаясь уже болѣе адъютантомъ. Въ полку, однако-же, я не былъ на лицо, потому что сказанный походъ въ Италію былъ отмѣненъ, а я между тѣмъ употребленъ былъ въ главной квартирѣ 2 арміи по дѣламъ о возмущеніи грековъ и по симъ же дѣламъ былъ трикратно посыланъ въ Бессарабію, представивъ тогда по начальству двѣ большія записки о дѣлахъ грековъ и турокъ, которыя и были отосланы къ министру иностранныхъ дѣлъ. Въ ноябрѣ 1821 года былъ я по старшинству произведенъ въ полковники и въ томъ же мѣсяцѣ назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, коимъ и продолжалъ командовать до 13 декабря 1825 года.—Я никогда не бывалъ передъ симъ ни подъ судомъ, ниже въ какихъ-либо штрафахъ и даже въ продолженіи всей моей службы ни единаго разу не былъ арестованъ и выговора не получалъ; а неоднократно имѣлъ даже важныя порученія, за исполненіе коихъ такъ былъ счастливъ, что всегда отъ начальства одобреніе получалъ. (Показанія въ 8-ми пунктахъ. Пункты 1—6, 8).

II. Революціонныя идеи.

Съ котораго времени и откуда заимствовали первыя вольнодумческія и либеральныя мысли, т. е. отъ внушеній другихъ или отъ чтенія книгъ, и какимъ образомъ мнѣнія сего рода въ умѣ Вашемъ укоренялись?

Я никакого лица не могу назвать, кому бы я могъ именно приписать внушеніе мнѣ первыхъ вольнодумныхъ и либеральныхъ мыслей и точнаго времени мнѣ опредѣлить нельзя, когда онѣ начали во мнѣ возникать: ибо сіе не вдругъ сдѣлалось, а мало по малу и съ начала самымъ для самого себя непримѣтнымъ образомъ. Но слѣдующимъ образомъ честь имѣю Комитету о томъ доложить съ самою чистосердечнѣйшею и полнѣйшею откровенностью.—Когда я получилъ довольно основательныя понятія о политическихъ наукахъ, тогда я пристрастился къ нимъ. Я имѣлъ пламенное рвеніе и добра желалъ отъ всей души. Я видѣлъ, что Благоденствіе и Злополучіе Царствъ и Народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ, и сія увѣренность придала мнѣ еще болѣе склонности къ тѣмъ наукамъ, которыя о сихъ предметахъ разсуждаютъ и путь къ онымъ показываютъ. Но я съ начала занимался какъ сими науками, такъ и вообще чтеніемъ политическихъ книгъ со всею кротостью и безъ всякаго вольнодумства, съ однимъ желаніемъ быть когда-нибудь въ свое время и въ своемъ мѣстѣ полезнымъ слугою Государю и Отечеству. Продолжая такимъ образомъ заниматься, началъ я потомъ уже разсуждать о томъ: соблюдены ли въ Устройствѣ Россійскаго Правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь, однако же, еще Верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобныхъ предметахъ. Я при семъ находилъ тогда много несообразностей по моимъ понятіямъ съ правилами политическихъ наукъ и началъ разные предметы обдумывать: какими постановленіями они могли бы быть замѣнены, пополнены или усовершенствованы. Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, при чемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ скрывающею истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ въ протеченіи времени присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ-то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей, слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія по моимъ понятіямъ составлять предметъ частныхъ неудовольствій и чрезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино представлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства.—Возвращеніе Бурбонскаго Дома на французскій престолъ и соображенія мои въ послѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей: ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при ресторацiи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ

сего сужденія породилась мысль, что революція, видно, не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали сіи, причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ; и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были, очень слабы и темны. Мало по малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время Революціи, заставляли меня искать средство къ избѣжанію подобныхъ, и сіе-то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о Временномъ Правленіи и его необходимости, и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія.— Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ въ республиканской, главнѣйше, слѣдующими предметами и соображеніями:—Сочиненіе Детю де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на меня. Онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ.—Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія.— Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться.— Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ Императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и Англіи конституціи суть однѣ только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность, хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но за то и не можетъ такъ скоро и худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала.—Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе, самого монарха, какъ

то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Происшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей. Изъ сего изволитъ Комитетъ усмотрѣть, что я въ семъ образѣ мыслей укрѣпленъ былъ какъ чтеніемъ книгъ, такъ и толками о разныхъ событіяхъ, а также и раздѣленіемъ со мною сего образа мыслей многими сочленами общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ, и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ Республиканскомъ Правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то, представляя себѣ живую картину всего счастія, коимъ бы Россія, по нашимъ понятіямъ, тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и, можно сказать, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей: обращая при этомъ же большое вниманіе на устраненіе и предупрежденіе всякаго безначалія, безпорядка и междуусобія, коихъ я всегда показывалъ себя самымъ ревностнѣйшимъ врагомъ.—Объявивъ, такимъ образомъ, въ самомъ откровенномъ и признательномъ изложеніи весь ходъ либеральныхъ и вольнодумныхъ моихъ мыслей, справедливымъ будетъ прибавить къ сему, что въ теченіе всего 1825 года сталъ сей образъ мыслей во мнѣ уже ослабѣвать, и я предметы началъ видѣть нѣсколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь. Русская правда не писалась уже такъ ловко, какъ прежде. Отъ меня часто требовали ею поспѣшить и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написалъ въ теченіе цѣлаго года, а только прежде написанное кое-гдѣ переправлялъ. Я начиналъ сильно опасаться междуусобій и внутреннихъ раздоровъ, и сей предметъ сильно меня къ цѣли нашей охладѣвалъ. Въ разговорахъ иногда, однако же, воспламенялся я еще, но не на долго, и все уже не то было, что прежде. Наконецъ, опасеніе, что общество наше открыто правительствомъ, привело меня опять нѣсколько въ движеніе, но и тутъ ничего положительнаго не дѣлалъ и даже по полку оставался на сей счетъ въ совершенномъ бездѣйствіи до самаго времени моего арестованія. (Показанія въ 8-ми пунктахъ. Пунктъ 7-й).

Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись въ умахъ? и кто, гдѣ, началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ Государствѣ?

На сей вопросъ весьма трудно отвѣчать, ибо отвѣтъ мой дол-

женъ будетъ уже выходить собственно изъ круга сужденій о тайномъ обществѣ; не менѣе того, во исполненіе приказанія Комитета постараюсь объяснить, какъ могу.

Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ, политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое.—Происшествія 1812, 13, 14 и 15 годовъ, равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями оныя производить. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и тоже, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противуположностей. Тоже самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать (*fait bouillir les esprits*). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа преобразованія по государству, то нельзя приписать сіе нашему обществу, ибо оно слишкомъ еще было малочисленно, дабы какое-нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распространились, общимъ причинамъ, вышеизложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы точно такъ же, какъ и на умы членовъ общества. Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ тайнаго общества (Показанія 13 января 1826 года, пунктъ 6).

III. Союзъ Благоденствія и Южное Общество.

Съ котораго времени и къ какой масонской ложѣ вы принадлежали, гдѣ были всегдашнія или постоянныя собранія ея членовъ и для чего вы сохранили у себя знаки и патенты общества масонскаго послѣ состоянія запретительнаго повелѣнія верховной власти и послѣ данной вами отрицательной подписки, которыя обязывали васъ немедленно истребить ихъ?

Въ началѣ 1812 года вступилъ я въ масонство и принадлежалъ къ ложѣ въ Петербургѣ подъ названіемъ *Amis réunis*.—Въ 1816-мъ году перешелъ я въ ложу *Трехъ Добродѣтелей*, потому что въ оной употреблялся русскій языкъ, а въ первой: французскій. — Въ концѣ сего же 1816 года или въ первыхъ числахъ 1817-го года оставилъ я совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ онымъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Засѣданія происходили въ Петербургѣ въ особомъ домѣ, обществомъ масонскимъ нанимавшемся.

Въ запретительномъ повелѣніи верховной власти о существованіи масонства не читалъ я приказанія истребить знаки и патенты масонскіе.

Впрочемъ, остались сіи вещи у меня безъ истребленія по забвенію о нихъ. Онѣ валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ, какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ, и никакой въ нихъ не видалъ ни цѣны, ни важности (Первый допросъ въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 года, п. 1).

Кто именно были первоначальные основатели и члены тайныхъ обществъ въ Россіи?

Первыя лица, которыя говорили со мною объ учрежденіи тайнаго общества въ Россіи, были: Новиковъ, Никита Муравьевъ, князь Сергѣй Трубецкой и Федоръ Глинка. Сіе было осенью 1816-го года. Въ генварѣ 1817 года составилось въ Петербургѣ общество *Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества.* Предсѣдателемъ избранъ былъ князь Сергѣй Трубецкой; надзирателями и блюстителями: князь Лопухинъ и Александръ Муравьевъ; секретаремъ Никита Муравьевъ. Прочіе тогдашніе члены были, сколько припомнить могу: Сергѣй Муравьевъ, Матвѣй Муравьевъ, князь Илья Долгоруковъ, князь Шаховской, Федоръ Глинка, Иванъ Шиповъ, Новиковъ, Лунинъ и я: а чрезъ нѣсколько времени Бурцовъ и Михайло Муравьевъ.

Въ скорости послѣ того уѣхалъ я къ своему мѣсту въ первый корпусъ. Послѣ отъѣзда моего узнало наше общество, что подобное составилось въ Москвѣ, въ коемъ были Фонъ-Визинъ, Калошинъ и Якушкинъ. Сей послѣдній пріѣзжалъ въ Петербургъ для соединенія обоихъ обществъ въ одно и имѣлъ о томъ пренія съ княземъ Лопухинымъ, какъ мнѣ потомъ пересказывали. Какимъ образомъ сіе соединеніе совершилось, я уже не знаю, но когда въ концѣ 1817 года пріѣзжалъ я въ Петербургъ, то уже было оное сдѣлано, и большая часть членовъ нашихъ находилась въ Москвѣ съ гвардіею. Тамъ преобразовали общество Сыновъ Отечества въ *военное* общество и раздѣлили членовъ на два отдѣленія. Въ одномъ былъ первенствующимъ членомъ Никита Муравьевъ, а въ другомъ Катенинъ. Сіе недолго продолжалось и учредили въ Москвѣ же *Союзъ Благоденствія съ Зеленою Книгою,* которую и къ намъ въ Петербургъ прислали. Мы ее приняли, и съ того времени началъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, а прежнее устройство съ его статутомъ было уничтожено (Показанія 13 января 1826 г., п. 1).

Первоначальное общество, составившееся въ Петербургѣ въ 1816 году, вы называете обществомъ Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, а капитанъ Муравьевъ—Союзомъ Спасенія, иные же, принадлежавшіе къ сему обществу, не даютъ оному никакого наименованія. Поясните: какъ общество сіе дѣйствительно называлось большею частію членовъ?

Я называлъ первоначальное общество, составившееся въ 1816 году: *Обществомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества,* потому что Уставъ онаго общества, принятый въ началѣ 1817 года, сіе имѣлъ

заглавіе; о наименованіи же общества *Союзомъ Спасенія* никогда я не слыхалъ (Показанія 6 апрѣля 1826 г., п. 1).

Въ разсужденіи цѣли начальнаго общества члены говорятъ различно: одни, что оная была введеніе Монархическаго Конституціоннаго Правленія, другіе освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости, нѣкоторые же, просто введеніе новаго порядка вещей. Поясните: въ чемъ именно заключалась настоящая цѣль перваго общества?

Настоящая цѣль перваго общества была введеніе Монархическаго Конституціоннаго Правленія, а одно освобожденіе крестьяъ отъ крѣпости было цѣлью при самомъ первомъ началѣ и весьма короткое время, но вмѣстѣ съ принятіемъ устава объ устройствѣ общества принята и цѣль Конституціи, о которой говорилось, однако же, членамъ не прежде, какъ во второй степени, а въ первой при начальномъ принятіи говорилось только глухо о введеніи новаго порядка. (Тоже, п. 2).

Нѣкоторые члены показываютъ, что статутъ начальнаго общества отринутъ или уничтоженъ по множеству формъ и клятвъ, въ ономъ предполагавшихся, и потому, что проповѣдывалъ насиліе и слѣпое повиновеніе боярамъ. Поясните, въ какомъ точно духѣ былъ написанъ означенный статутъ и почему дѣйствительно былъ уничтоженъ?

Статутъ перваго общества имѣлъ много клятвъ и формъ, потому что составленъ былъ въ духѣ масонскихъ учрежденій, формъ и клятвъ. Въ скорости по принятіи обществомъ сего статута, разъѣхались члены, составлявшіе оный, то есть князь Трубецкой, князь Долгоруковъ и я; а по сему и находили остальные члены разныя въ немъ недоумѣнія. Вслѣдствіе чего и уничтожили оный въ Москвѣ, когда были тамъ въ 1817 году зимою (Тоже, п. 3).

По объявленіи мнимаго уничтоженія союза Благоденствія въ 1820 или 1821 году, кто именно изъ членовъ онаго на Югѣ остались соединенными, и рѣшились не прекращать своихъ дѣйствій и учредить свою думу? Что побуждало ихъ къ продолженію общества, предлагалъ ли Юшневскій объ опасности такого предпріятія, вы ли убѣдили прочихъ членовъ къ удержанію общества на Югѣ и въ какомъ точно значеніи или духѣ?

Въ первомъ Союзѣ Благоденствія отличались отъ прочихъ членовъ, такъ называемые, *коренные* члены, то есть тѣ члены, которые къ сему союзу принадлежали съ самаго начала его введенія и образованія. Когда зимою съ 1820 на 1821 годъ назначался отъѣздъ въ Москву для совѣщанія о преобразованіи Союза, тогда были къ сему съѣзду приглашены всѣ коренные члены, а Думы должны были назначить депутатовъ. Отъ Тульчинской Думы посланъ былъ Комаровъ, какъ депутатъ, а Бурцовъ поѣхалъ, какъ коренной членъ. По возвращеніи Бурцова и Комарова изъ Москвы, узнали мы все тамъ происшедшее отъ Комарова, прежде нежели Бурцовъ по порученію о томъ въ Думѣ объявилъ. Посему прежде собранія Думы былъ у насъ о томъ разговоръ съ Юшневскимъ. Изъ неудовольствія всѣхъ членовъ нашей Думы о Московскомъ происшествіи видно уже было, что большая часть склонна не признать объявленнаго уничтоженія Союза. По сему обстоятельству говорилъ мнѣ Юшневскій

Павелъ Ивановичъ
ПЕСТЕЛЬ.

прежде собранія думы, что онъ намѣренъ въ оной представить обо всѣхъ опасностяхъ и трудностяхъ предпріятія, дабы испытать членовъ и удалить всѣхъ слабосердыхъ, говоря, что лучше ихъ теперь отъ Союза при семъ удобномъ случаѣ удалить, нежели потомъ съ ними возиться. Когда Дума была собрана и Бурцовъ объявилъ о Московскомъ уничтоженіи Союза, а потомъ вышелъ, и за нимъ Комаровъ, тогда Юшневскій проговорилъ свою рѣчь, которая не только никого не удалила отъ союза, но, напротивъ того, самолюбіе каждаго подстрекнула, и полковникъ Аврамовъ первый сказалъ, что ежели всѣ члены оставятъ союзъ, то онъ будетъ его считать сохраненнымъ въ себѣ одномъ. Послѣ его всѣ члены объявили намѣреніе оставаться въ Союзѣ, и тутъ было замѣчено, что Московская чрезвычайная Дума имѣла порученіе переобразовать Союзъ и потому преступила границы своей власти, объявляя Союзъ уничтоженнымъ, а потому Тульчинская Дума признаетъ союзъ существующимъ съ прежнею цѣлью и въ прежнемъ значеніи. То и другое было подтверждено, и притомъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ образованіи Союза. Всѣ, тогда присутствовавшіе, члены приняли названіе *Бояръ Союза* и выбрали въ предсѣдатели Юшневскаго, меня и Никиту Муравьева, предполагая, что онъ, подобно намъ, не признаетъ уничтоженія Союза, ибо онъ не былъ въ Москвѣ. Вотъ самое вѣрнѣйшее и подробнѣйшее повѣствованіе всего сего происшествія. Вскорѣ послѣ того получили мы извѣстіе отъ Никиты Муравьева, что многіе члены въ Петербургѣ точно такъ же поступили, какъ Тульчинская Дума.

Вотъ начало Сѣвернаго и Южнаго округовъ того же самаго Союза Благоденствія, продолженнаго и притомъ исправленнаго. Членами Тульчинской Управы были тогда Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, адъютанты Крюковъ 1, князь Барятинской и Бассаргинъ, свитской Крюковъ 2, князь Волконскій, Василій Давыдовъ и я. Князь Волконскій и Давыдовъ, хотя и не присутствовали при семъ случаѣ, но узнавъ о происшедшемъ, объявили, что они во всемъ съ Думою согласны и остаются членами общества.

На контрактахъ 1822 года присоединился Сергѣй Муравьевъ къ Южному округу, а чрезъ него въ 1823 году на контрактахъ же былъ принятъ Бестужевъ-Рюминъ, На обоихъ контрактахъ находились Юшневскій, Давыдовъ, князь Волхонскій, Сергѣй Муравьевъ и я.

Въ 1823 году раздѣлился Южный округъ на три управы: *Тульчинская* осталась въ прежнемъ составѣ. Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ съ ихъ членами составили *Васильковскую Управу*, которая называлась *лѣвою*; а Давыдовъ и князь Волконскій составили *Каменскую Управу*, которая называлась *правою*. Всѣ три находились подъ вѣдѣніемъ *Тульчинской Директоріи*.

Каменская управа пріобрѣла только Лихарева, графа Полиньяка и отставного Поджіо. Подполковникъ Янтальцовъ былъ мною въ оную переданъ, а прежде того былъ онъ принятъ въ союзъ полковникомъ Аврамовымъ. По прибытіи маіора Поджіо, брата отставного, изъ Петербурга, гдѣ онъ принятъ былъ въ общество, поступилъ

онъ въ Каменскую управу и принялъ капитана Фохта. Лихаревъ принялъ Бошняка, а чрезъ сего послѣдняго начались сношенія съ графомъ Виттомъ. Князь Волконскій въ 1824 году ѣздилъ на Кавказъ и привезъ оттуда нѣкоторыя свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ.

Маіоръ Поджіо ѣздилъ въ томъ же году осенью въ Орелъ съ намѣреніемъ тамъ видѣться съ какими-то двумя князьями Голицыными, въ отставкѣ находящимися, и посредствомъ ихъ узнать о духѣ войскъ, тамъ расположенныхъ; но возвратясь, говорилъ, что онъ ихъ не засталъ, не видалъ и потому ничего не сдѣлалъ. Какіе же это князья Голицыны, я въ точности не знаю, но полагаю, что одинъ изъ нихъ служилъ прежде въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Генералъ-маіоръ Кальмъ выбылъ съ полкомъ въ 1820 году изъ 2-й арміи въ 1-ю и въ Москвѣ узналъ объ объявленіи, что общество уничтожено. Возвратясь ко второй арміи въ 1821 году, имѣлъ я съ нимъ объ обществѣ разговоры, но онъ скоро заболѣлъ, ѣздилъ потомъ въ чужіе краи и, такимъ образомъ, въ обществѣ съ того времени не участвовалъ.—Вотъ всѣ дѣйствія и происшествія по Каменской управѣ.

Тульчинская управа съ самаго 1821 года впала въ бездѣйствіе, и съ того времени всѣ ея пріобрѣтенія пяти лѣтъ состояли въ нѣкоторыхъ свитскихъ офицерахъ, а именно Фаленбергъ, Бобрищевы-Пушкины 1-й и 2-й, Черкасовъ, Загорѣцкій, Аврамовъ, Заикинъ и покойникъ Филиповичъ. Сверхъ того былъ еще принятъ въ общество маіоръ Мартыновъ 36-го егерскаго полка, который чрезвычайно боленъ и находится при своемъ братѣ, командирѣ Пермскаго полка. Вмѣстѣ съ Лореромъ принялъ я полковника Лемана, а черезъ Майбороду Старосельскаго. Маіоръ Лореръ, принятый въ Петербургѣ княземъ Оболенскимъ и полковникомъ Нарышкинымъ, пріобщенъ былъ къ Тульчинской же управѣ, равно какъ и Леманъ. Лореръ принялъ полковника Канчіалова. Съ Непинымъ же и маіоромъ Раевскимъ никакихъ совершенно не было у насъ сношеній. Объ уничтоженіи общества въ Москвѣ было имъ сообщено покойнымъ капитаномъ Охотниковымъ, находившимся при генералъ-маіорѣ Орловѣ въ Кишиневѣ. Вотъ всѣ дѣйствія и всѣ происшествія по Тульчинской управѣ.

Васильковская управа была гораздо дѣятельнѣе прочихъ двухъ и дѣйствовала гораздо независимѣе отъ директоріи, хотя и сообщала къ свѣдѣнію то, что у нея происходило; но сношенія директоріи съ сею управою были рѣже и затруднительнѣе. Сею управою были приняты полковники Швейковскій, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Враницкой, оберъ-квартирмейстеръ 3 корпуса, Фроловъ, капитанъ Норовъ, что нынѣ въ отставкѣ подполковникомъ, гусарскаго принца Оранскаго полка, ротмистръ Жуковъ, Пыхачевъ, да еще нѣсколько другихъ, о коихъ припомнить не могу, ибо ихъ имена не болѣе, какъ по одному разу слыхалъ. Сія управа пріобщила къ своему составу открытыхъ ею членовъ общества соединенныхъ славянъ, человѣкъ до 15, какъ мнѣ Бестужевъ говорилъ. Сія управа, узнавши образъ мыслей Семеновскихъ солдатъ, имѣла

на нихъ надежду. Она первоначально открыла сношенія съ поляками. Князь Сергѣй Трубецкой, по прибытіи въ Кіевъ, дѣйствовалъ съ сею управою. Къ ней также принадлежалъ Матвѣй Муравьевъ. Вотъ что относится до Васильковской управы.

Въ прошедшемъ году въ ноябрѣ мѣсяцѣ предложилъ я Юшневскому пріобщить Сергѣя Муравьева къ директоріи, ибо смѣшно, говорилъ я, что онъ въ числѣ предсѣдателей, когда его управа гораздо значительнѣе и сильнѣе обѣихъ другихъ вмѣстѣ, да и ради нашей отвѣтственности передъ союзомъ; ибо Васильковская управа гораздо независимѣе прочихъ двухъ дѣйствуетъ, надо, чтобы Сергѣй Муравьевъ принадлежалъ къ директоріи. Юшневскій согласился на то, и тогда былъ Сергѣй Муравьевъ къ директоріи пріобщенъ (тоже п. 19).

Въ отвѣтѣ на 19-й пунктъ вопросовъ (предыдущій) рѣшимость Тульчинскихъ членовъ продолжать дѣйствія общества вы относите къ неудовольствію ихъ, изъявленному по возвращеніи изъ Москвы Комарова и Бурцова, и къ впечатлѣнію, которое сдѣлала на нихъ рѣчь Юшневскаго; но полковникъ Бурцовъ и Юшневскій утверждаютъ, что когда Бурцовъ въ собраніи Тульчинскихъ членовъ объявилъ объ уничтоженіи союза, то вы первые, возвыся голосъ, доказывали, что Московскіе члены не имѣли права прекращать онаго, и что вы рѣшились продолжать его; по отзыву же прочихъ, тутъ присутствовавшихъ, ваши доказательства и вліяніе, и рѣчь Юшневскаго были главнымъ для нихъ убѣжденіемъ.

Комаровъ, прибывъ изъ Москвы, объявилъ намъ объ уничтоженіи союза прежде Бурцова, говоря притомъ, что отъ Московскаго засѣданія поручено Бурцову объявить о томъ думѣ. Посему знали о семъ всѣ члены прежде, нежели дума собралась для выслушанія отъ Бурцова объ объявленіи. Въ сіе время показывали всѣ члены неудовольствіе свое на счетъ уничтоженія союза Московскимъ засѣданіемъ, и изъ сего неудовольствія ихъ, изъявленнаго прежде объявленія Бурцовымъ о разрушеніи союза, видна была склонность ихъ не признавать уничтоженія общества. Когда Бурцовъ объявилъ о семъ думѣ, тогда я, какъ предсѣдатель, сказалъ, что дума будетъ о томъ имѣть свое сужденіе. Послѣ сего Бурцовъ вышелъ, и въ его присутствіи не было никакого сужденія.

Если бы я въ сіе время сталъ говорить въ пользу уничтоженія общества и притомъ бы объявилъ, что оное признаю и отъ общества удаляюсь и отстаю, да если бы къ тому же и Юшневскій меня въ томъ поддержалъ, то я точно полагаю, что мы успѣли бы прочихъ членовъ уговорить общество прекратить и я, конечно, долженъ всегда въ томъ себя упрекать, что сіе не сдѣлалъ. Однако же, прежде еще собранія думы для выслушанія Бурцова показывали уже всѣ члены свое неудовольствіе о томъ, что въ Москвѣ было рѣшено и въ то же время показывалъ и я свое о томъ неудовольствіе, а потому, ежели сіе на нихъ такъ сильно подѣйствовало, какъ они говорятъ, то тѣмъ сильнѣе дѣлается моя скорбь, что однимъ вліяніемъ своимъ вовлекъ ихъ въ несчастный путь тайнаго общества; но, какъ мнѣ кажется, то по ихъ тогдашнему расположенію

духа было достаточно на то рѣшимости въ нихъ самихъ (показанія 6 апрѣля, п. 8).

Въ семъ же пунктѣ (19) отвѣтовъ (см. выше) вы говорите, что Тульчинская дума рѣшилась продолжать Союзъ Благоденствія съ прежнею цѣлію и въ прежнемъ значеніи, но въ чемъ именно то и другое заключалось—не объясняете; полковникъ же Аврамовъ, князь Барятинской, ротмистръ Ивашевъ, штабъ-лѣкарь Вольфъ и другіе показываютъ, что при возобновленіи общества въ Тульчинѣ въ 1821 году принято было цѣлью его разрушеніе существующаго порядка вещей во что бы то ни стало, хотя бы послѣдствіемъ того было упраздненіе престола. Средства же къ достиженію сей цѣли предоставлены избраннымъ предсѣдателямъ (Вамъ и Юшневскому) съ полною надъ членами властію. Здѣсь поясните: а) Кто именно предложилъ цѣль сію и средство къ ея достиженію? b) Кромѣ избранія предсѣдателей и принятія цѣли общества, какія еще въ Тульчинѣ одобрены были предложенія? c) Кто изъ находившихся тамъ членовъ присутствовалъ въ собраніяхъ Думы?

Я въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ не объяснялъ въ подробности прежняго значенія и прежней цѣли, съ коею Тульчинская Управа рѣшилась продолжать Союзъ Благоденствія, потому что они уже были объяснены выше 19 пункта.

Прежнее значеніе было революціонный способъ дѣйствія, а прежняя цѣль была республиканское правленіе, принятое обществомъ въ 1820 году. Сверхъ того, пояснялъ я и то въ 19 пунктѣ, что при рѣшеніи Думы о продолженіи Союза были подтверждены, какъ республиканское правленіе, такъ и революціонный способъ дѣйствія. Симъ не новая цѣль вводилась, но старая, прежде уже принятая продолжалась.

Предсѣдателямъ была дана полная власть для управленія обществомъ до того времени, когда оно дойдетъ до готовности къ дѣйствію, но прежде начатія онаго должны были бояре быть собраны на общее окончательное совѣщаніе, имѣющее предшествовать начатію дѣйствія. Я, какъ предсѣдатель, предлагалъ предметы на совѣщаніе, а мнѣнія заключались по общимъ сужденіямъ. Когда разсуждали о цѣли, тогда первый вопросъ былъ, измѣняетъ ли общество прежнюю республиканскую цѣль или нѣтъ? Всѣ единодушно и безъ противорѣчія подтвердили продолженіе оной, при чемъ я самъ въ пользу оной говорилъ.

Кромѣ избранія предсѣдателей и принятія цѣли общества былъ еще одобренъ и рѣшительный способъ дѣйствія съ упраздненіемъ престола и, въ случаѣ крайности, съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, которыя представятъ въ себѣ непреодолимыя препоны. Члены Тульчинской Думы, бывшіе тогда на лицо, суть: Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, князь Барятинской, Бассаргинъ, Вольфъ и я (показаніе 6 апрѣля, п. 9).

Изъ показаній многихъ, принадлежавшихъ къ Союзу Благоденствія, членовъ извѣстно, что наружною цѣлію сего было распространеніе просвѣщенія въ смыслѣ Союза, дабы общее мнѣніе, постепенно приготовленное, предшествовало мѣрамъ преобразованія въ государствѣ, но что вы, Никита Муравьевъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и нѣкоторые коренные члены, почитая способъ сей слишкомъ медлительнымъ и обширнымъ, желали ускорить исполненіе цѣли своей, и на сей конецъ въ 1821 году были

созваны въ Москву депутаты отъ всѣхъ управъ; увидѣвъ же несогласіе на то большей части прочихъ членовъ, рѣшились объявить уничтоженіе Союза Благоденствія, дабы, избавившись отъ противомыслящихъ членовъ, свободнѣе слѣдовать принятымъ ими началамъ. Объясните: справедливы ли таковыя показанія?

Сіе показаніе несправедливо: 1) Потому что изъ названныхъ здѣсь членовъ союза ни одинъ не былъ въ Москвѣ, а слѣдовательно, и не участвовалъ въ разрушеніи союза; 2) потому что назначеніе съѣзда въ Москвѣ было сдѣлано безъ всякаго участія съ моей стороны, и я о семъ назначеніи узналъ, когда Якушкинъ пріѣхалъ въ Тульчинъ для объявленія объ ономъ и приглашенія туда прибыть; 3) потому что мы не признали сего уничтоженія и укоряли имъ членовъ, оное сдѣлавшихъ, говоря, что они не имѣли на то права; 4) потому что ежели бы имѣли таковую цѣль, то радовались бы уничтоженію союза на мѣсто того, что мы о томъ изъявили недовольство; 5) потому что наружная цѣль Союза Благоденствія была и безъ того за наружную извѣстна, и никакимъ дѣйствіямъ союза не мѣшала, чему служитъ доказательствомъ заключеніе Коренной Думы въ началѣ 1820 года о Республиканскомъ Правленіи.

Настоящая причина разрушенія союза въ концѣ 1820 года состоитъ въ томъ, что члены, тамъ бывшіе, не могли между собою согласиться, что генералъ Орловъ объявилъ свое отступленіе отъ союза, и что всѣ сіи несогласія и разногласія между членами, бывшими на Московскомъ съѣздѣ, ихъ самихъ побудили приступить къ разрушенію союза и объ ономъ объявить. Такъ, по крайней мѣрѣ, я полагаю; но ежели они имѣли сверхъ того еще какія-нибудь причины другія, то мнѣ таковыя остались неизвѣстными до сихъ поръ (показанія 6 апрѣля, п. 7).

Члены, отклонившіеся отъ Союза Благоденствія въ 1821 году, не составили ли особенныхъ отдѣльныхъ обществъ, кромѣ южнаго, гдѣ, въ какое время, и подъ какими наименованіями?

По объявленіи въ 1821-мъ году объ уничтоженіи въ Москвѣ Союза Благоденствія, продолжался оный союзъ въ Тульчинѣ и въ Петербургѣ. О продолженіи онаго въ Петербургѣ увѣдомилъ меня Никита Муравьевъ. Но что касается до членовъ, отклонившихся отъ союза въ Москвѣ, то ничего не могу сказать о томъ, составили ли они особое общество или нѣтъ. Сего не знаю. Наименованіе въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ осталось прежнее, но образованіе общества получило словесныя измѣненія; письменнаго же новаго статута не было (показанія 13 января 1826 г., п. 2).

Вы ли и полковникъ Бурцовъ были начальниками и основателями Союза Благоденствія на югѣ? И кто были первые члены онаго?

Я прежде полковника Бурцова находился въ Тульчинѣ и потому прежде его тамъ дѣйствовалъ. По прибытіи же Бурцова дѣйствовали мы вмѣстѣ. Первоначальные члены были: свитской подполковникъ Комаровъ, докторъ Вольфъ, полковникъ, что нынѣ

генералъ-маіоръ, Кальмъ, полковникъ, что нынѣ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, Краснокуцкой. А потомъ Юшневскій, полковникъ Аврамовъ и адъютантъ Ивашевъ. Черезъ генералъ-маіора же Кальма полковникъ Непенинъ и подполковникъ Хотяинцовъ. Я сихъ членовъ называю первоначальными, потому что они приняты были въ продолженіе 1819 года (тоже, п. 18).

Сіе вновь составленное на Югѣ общество какую въ отношеніяхъ своихъ имѣло разность съ прежде существовавшимъ Союзомъ Благоденствія?

Вся разница состояла въ нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ внутренняго образованія союза и въ томъ, что Южная Управа перестала отъ сего времени считать себя въ зависимости отъ Петербургской. Новаго же общества не составлялось, ибо нельзя принять за новое общество то, что было предложеніемъ и исправленіемъ прежняго Союза Благоденствія (показанія 13 января, п. 20).

Въ чемъ заключалось внутреннее образованіе Южнаго общества и степени, присвоенныя членамъ онаго, т. е. что значили званія *друга, брата, мужа и бояра*, какія имѣли они права, и кому изъ нихъ открывалась главнѣйшая цѣль и планъ общества?

Южный округъ Союза Благоденствія управлялся Главною Управою или Директоріею, члены раздѣлялись на братья, мужья и бояре. Братьями назывались члены, не имѣющіе права принимать другихъ членовъ. Мужья имѣли сіе право. Бояре присоединялись къ Директоріи для рѣшенія важныхъ случаевъ. Друзьями назывались лица, въ союзъ не принятыя, но на которыхъ имѣлись виды. Цѣль и планъ открывались сполна мужьямъ и боярамъ. Каждый членъ долженствовалъ передъ членомъ, имъ принятымъ, таить имена всѣхъ прочихъ ему извѣстныхъ членовъ. Вотъ главныя правила, которыя были постановлены, но ни одно изъ нихъ не было исполняемо (тоже, п. 21).

Вы ли съ Юшневскимъ, или еще кто, кромѣ васъ, составляли ту *невидимую директорію* (directoire occulte), которая таинственно дѣйствовала на всѣхъ прочихъ, и какъ далеко простиралась власть ваша въ дѣлѣ общества?

Точно такъ и члены Директоріи Южнаго округа долженствовали быть извѣстными однимъ боярамъ, но между тѣмъ всѣмъ были извѣстны. Сія Директорія состояла, какъ уже сказано въ 19 пунктѣ, изъ Юшневскаго и меня. Власть наша состояла въ надзорѣ за исполненіемъ установленныхъ обществомъ правилъ, въ сохраненіи связи между членами и Управами, въ назначеніи предсѣдателей по Управамъ, въ принятіи членовъ въ бояре и въ присоединеніи къ Директоріи новыхъ членовъ или предсѣдателей (тоже, п. 22).

Изъ показаній послѣ перваго допроса въ Петербургѣ:

Тульчинская Управа состояла изъ членовъ, коимъ остальныя

части союза почти вовсе не были извѣстны. Равнымъ образомъ, не было имъ сообщено положительно предполагаемые образъ дѣйствія и образъ правленія. Иногда между разговорами было кое что сказано о сихъ предметахъ, но всегда мелькомъ и безъ дальнихъ распространеній. Они находились въ союзѣ, большею частью ничего подробнаго и положительнаго о немъ не зная. Что же касается въ особенности г. Юшневскаго, то онъ все время своего бытія въ союзѣ въ совершенномъ находился бездѣйствіи, ни единаго члена самъ не пріобрѣлъ и ничего для общества никогда не сдѣлалъ. Изъ всего поведенія его видно было, что онъ самъ не радъ былъ, что въ обществѣ находился. Я все сіе объясняю здѣсь, потому что сіе извѣстіе считаю принадлежащимъ къ полному свѣдѣнію объ обществѣ.

Я здѣсь объяснилъ все то, что вспомнить могъ сверхъ показанія, третьяго дня сдѣланнаго. Остается еще только замѣтить, что сношенія между частями союза столь были рѣдки и затруднительны, что невозможно представить въ совокупности полное изложеніе всего состоянія и всѣхъ дѣйствій общества. Я даже увѣренъ, что ни единый членъ союза не имѣетъ полныхъ свѣдѣній о союзѣ. У насъ не было членовъ объѣзжающихъ, и пользовались мы только случайными переѣздами кого изъ членовъ; но таковые случайные переѣзды не всегда бывали своевременны и весьма недостаточны (показанія 7 января 1826 г.).

От всѣхъ ли, вступавшихъ въ общество, требовалась клятва или честное слово въ сохраненіи тайны о существованіи онаго, и къ чему еще обязывала помянутая клятва?

Отъ каждаго новаго члена требовалась или клятва, или честное слово въ сохраненіи тайны и въ елико возможномъ содѣйствіи Союзу. Опредѣлительнаго ничего не говорилось, ибо принимался уже тотъ, коего образъ мыслей былъ сходенъ съ образомъ мыслей Союза. Обыкновенно довольствовались честнымъ словомъ (Показанія 13 января п. 23).

Полковникъ Леманъ показываетъ, что вы, принявъ его въ общество и обязавъ клятвою хранить тайну онаго, грозили ему, что малѣйшая измѣна или нескромность наказаны будутъ ядомъ или кинжаломъ. Нѣкоторые изъ членовъ общества точно такъ же увѣряли принимаемыхъ ими, что *ядъ и кинжалъ* вездѣ найдетъ измѣнника. Поясните: сія угроза была ли общимъ правиломъ для всѣхъ членовъ общества, или позволялась только нѣкотерымъ, и точно ли вы произнесли таковую Леману?

Сіи угрозы не входили въ правила общества съ самаго времени уничтоженія перваго союза въ 1817 году. Въ первомъ же обществѣ входили они въ правила устава, будучи приняты изъ масонскихъ статутовъ и формъ. Можетъ быть, что въ разговорахъ объ обществѣ и о цѣломъ ходѣ онаго съ самаго его начала я о сихъ угрозахъ разсказывалъ полковнику Леману, но при его принятіи и не думалъ ихъ произносить и не клятву съ него бралъ, а честное слово. (Показанія 6 апрѣля п. 27).

На очной ставкѣ 12 апрѣля 1826 года полковникъ Леманъ остался при своемъ показаніи. Полковникъ Пестель, утвердивъ свое показаніе, присовокупилъ, что онъ при пріемѣ Лемана не дѣлалъ ему никакихъ угрозъ, чего не дѣлалъ онъ и другимъ, принятымъ имъ въ общество, но что въ разговорахъ съ нимъ, можетъ быть, разсказывалъ ему о бывшихъ въ прежнемъ обществѣ подобныхъ угрозахъ, но безъ всякаго примѣненія къ Леману.

Не имѣли ли сіи общества высшихъ надъ собою правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или таинственно, и кто были таковыми?

Южный округъ Союза Благоденствія никакихъ не имѣлъ высшихъ надъ собою правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или таинственно, и до отъѣзда моего изъ Петербурга въ 1824 году не имѣлъ также и сѣверный округъ таковыхъ, да и послѣ того не слыхалъ я, чтобы таковые появились или установились въ немъ (Показанія 13 января, п. 4),

Не считали ли общества своими покровителями кого-либо изъ высшихъ лицъ въ государственной службѣ, которыя или знали о существованіи оныхъ; или по правиламъ и образу мыслей подавали надежду на содѣйствіе, или же на одобреніе намѣреній общества?

Я никого не зналъ и теперь не знаю такого лица изъ высшихъ чиновъ въ государственной службѣ; а ежели Петербургскій округъ былъ съ кѣмъ-нибудь изъ таковыхъ лицъ въ сношеніи или получилъ на кого-либо надежду, то сіе должно было случиться незадолго передъ симъ: ибо намъ въ Южномъ округѣ не было ничего о томъ сообщено (Тоже, п. 5).

Нѣкоторымъ членамъ общества вы разсказывали, что многія изъ лицъ, ближайшихъ къ Государю, думаютъ и желаютъ другого образованія въ государствѣ, хотя они и не члены общества; и Василію Давыдову говорили, что Петербургское общество намѣрено назначить членами временнаго правленія адмираловъ Мордвинова и Синявина и что третьимъ членомъ, хотя и предполагаемъ былъ генералъ Раевскій, но отринутъ. Здѣсь поясните: 1., Кто именно изъ лицъ близкихъ къ Государю думалъ и желалъ другого образованія въ государствѣ и какимъ образомъ сдѣлался вамъ извѣстнымъ образъ мыслей ихъ? и 2., Кто сообщилъ вамъ о намѣреніи общества назначить Мордвинова и Синявина членами временнаго правленія и на чемъ именно сіе предположеніе общества основывалось?

Я не знаю никого изъ лицъ близкихъ къ Государю и ничей образъ мыслей мнѣ не извѣстенъ. Я никогда никого изъ нихъ и не называлъ. А разсуждали не я одинъ, но многіе и почти всѣ, что когда революція возьметъ свой ходъ, тогда вѣрно много покажется людей, которые присоединятся къ революціи, особенно при хорошемъ успѣхѣ, а можетъ быть, и изъ высшихъ чиновниковъ. Сіе было одно только гадательное предположеніе, при коемъ никого не называли и никого не имѣли въ виду.

Бестужевъ-Рюминъ въ Кіевѣ съ кн. Трубецкимъ и полковникомъ Брыгинымъ пріѣзжалъ потомъ ко мнѣ въ Линцы и сказывалъ мнѣ,

что онъ отъ Трубецкого и Брыгина извѣстился о намѣреніи Сѣвернаго Общества назначить адмираловъ Мордвинова и Синявина членами временнаго правленія и что прежде хотѣли назначить и Раевскаго, но потомъ его отринули, а производителемъ дѣлъ при нихъ долженствовалъ быть Николай Тургеневъ. Какъ мнѣ сіе сказалъ Бестужевъ, такъ точно и я передалъ Давыдову (показанія 6 апрѣля, п. 24).

До какой степени общества успѣли умножить своихъ сообщниковъ во всѣхъ сословіяхъ и родахъ службы государственной?

Всѣ дѣйствія Союза Благоденствія ограничились до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, однимъ сословіемъ дворянства и службою военною. Ежели и приняты въ общество гражданскіе чиновники, то весьма мало (показаніе 13 января, п. 16).

До какой степени и въ какихъ наиболѣе войскахъ (не исключая и нижнихъ чиновъ) и въ прочихъ государственныхъ сословіяхъ распространенъ былъ преступный духъ преобразованія и безначалія?

Духъ преобразованія былъ духомъ Союза Благоденствія и потому былъ распространенъ тамъ, гдѣ общество имѣло своихъ членовъ и именно между сочленами. Слѣдовательно, наиболѣе въ гвардіи, потомъ въ 3 корпусѣ, потомъ во 2 арміи. Что же до нижнихъ чиновъ касается, то между ими духъ преобразованія не былъ распространенъ, а существовалъ духъ сильнаго недовольствія, изъявляемый особенно Семеновскими солдатами, служащими въ 3 корпусѣ, какъ о томъ я слышалъ отъ Бестужева-Рюмина (тоже, п. 17).

На чемъ именно основалась надежда Южнаго общества на содѣйствіе 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ, т. е. было ли въ предварительныхъ сношеніяхъ съ чинами оныхъ и имѣло ли какое либо удостовѣреніе о ихъ готовности къ произведенію революціи и вообще стремилось ли общество всѣхъ начальниковъ войскъ исподоволь обратить къ своей цѣли?

Общество имѣло желаніе какъ можно болѣе начальниковъ войскъ обратить къ своей цѣли и принять въ свой союзъ, особенно полковыхъ командировъ, предоставляя каждому изъ нихъ дѣйствовать въ своемъ полку, какъ самъ наилучше найдетъ. Желало также и прочихъ начальниковъ въ общество пріобрѣсти: генераловъ, штабсъ-офицеровъ, разныхъ командировъ. Надежда на 3-й корпусъ была двойная: во-первыхъ, на членовъ общества изъ штабсъ- и оберъ-офицеровъ, а во-вторыхъ, на Семеновскихъ солдатъ, которые своимъ жребіемъ весьма недовольны и притомъ вліяніе имѣютъ на другихъ солдатъ. О семъ узнали члены Васильковской Управы во время лагеря 1825 года. Они говорили съ Семеновскими солдатами о ихъ положеніи и замѣтили сильный между ими духъ неудовольствія. Такъ, по крайней мѣрѣ, о семъ мнѣ разсказывалъ Бестужевъ-Рюминъ. На 1 и 2 корпусъ надѣялись потому, что въ оныхъ находятся Семеновскіе солдаты, о коихъ полагали, что они вѣрны въ томъ же

духѣ, какъ и солдаты 3 корпуса. Сношеній съ ними не имѣли, но изъ Семеновскаго происшествія видно было единодушіе прежнихъ солдатъ сего полка (тоже, 28 п.).

Въ позднѣйшихъ показаніяхъ 6 апрѣля 1826 года:

Сіе и нынѣ подтверждаю; другихъ же извѣстій о сихъ солдатахъ я никакихъ не имѣлъ. Если же къ возмущенію готовы были Семеновскіе солдаты 3 корпуса, то по единодушному поведенію ихъ во время Семеновскаго происшествія заключили мы, что надѣяться можно и на тѣхъ, которые находятся въ 1 и 2 корпусахъ. (п. 46).

Извѣстно, что вы со времени вступленія въ командованіе Вятскимъ полкомъ были весьма снисходительны къ нижнимъ чинамъ; но послѣ смотра корпуснымъ командиромъ въ 1823 году въ лагерѣ при г. Барѣ вы вывели цѣлый полкъ за кухни для наказанія тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои замѣчены были нерадивыми или въ ошибкахъ офицерами или унтеръ-офицерами; объясните: отчего произошла въ обращеніи вашемъ съ нижними чинами столь внезапная перемѣна?

Извѣстно начальству, что, когда я вступилъ въ командованіе Вятскимъ полкомъ, то былъ сей полкъ самымъ худшимъ во всей арміи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Въ приказѣ г-на главнокомандующаго въ семъ году поставленъ Вятскій полкъ въ числѣ тѣхъ 6-ти по всей арміи, которые наиболѣе заслужили вниманіе начальства своими успѣхами, при чемъ сказано, что сіи 6 полковъ стали наравнѣ съ лучшими полками въ арміи. Сіе доказываетъ, что средства, мною употребленныя для улучшенія Вятскаго полка по всѣмъ статьямъ, самыя были дѣйствительныя и успѣшныя. Сіи средства состояли въ слѣдующемъ. Началъ я съ штабсъ- и оберъофицеровъ; строгость противу нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко баталіонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многаго требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты. Надобно было дать имъ способъ сдѣлаться въ службѣ свѣдующими, а потомъ уже требовать и взыскивать. Послѣ лагеря 1822 года занялся я особенно унтеръ-офицерами чрезъ всю зиму, собралъ ихъ въ удобныя команды и сдѣлалъ изъ нихъ учителей, а прежде были они сами неучи. Поставивъ такимъ образомъ на должный путь службы офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, оставалось мнѣ ожидать успѣховъ отъ самихъ солдатъ.

Успѣхи были сдѣланы, но недостаточные, и закоренѣлая лѣность все еще оставалась въ дѣйствіи. Сіе понудило меня обратиться къ строгости: испытавъ всѣ средства терпѣнія и поученія и убѣдившись, что одна строгость можетъ искоренить давнишнюю лѣнь и сильное нерадѣніе. Успѣхъ оправдалъ мое соображеніе. Вотъ причины, понудившія меня перемѣнить прежнее мое снисходительное обращеніе на строгое. Наказаніе же велѣлъ я произвести всѣмъ нерадивымъ послѣ осмотра г. корпуснаго командира для того, чтобы убѣдить солдатъ въ важности начальническихъ смотровъ и чтобы они участь

свою видѣли въ своемъ стараніи и въ мнѣніи начальниковъ о нихъ. (Показаніе въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 г., п. 17).

Говорили ли вы часто при офицерахъ своего полка, что если бы командиръ 16 дивизіи желалъ успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, то лучше бы ему употребить офицеровъ, а не нижнихъ чиновъ, коихъ легко можно приготовить предъ самымъ уже дѣйствіемъ; желали ли вы узнавать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковъ духъ въ прочихъ товарищахъ ихъ, и въ разговорахъ вашихъ на счетъ правительства всегда ли открывались слишкомъ вольно и даже дерзко?

Обращеніе мое съ офицерами всегда было строгое, весьма серьезное и бесѣдъ съ ними я никогда не имѣлъ. Въ семъ ссылаюсь я на всѣхъ начальниковъ, коимъ образъ моего обращенія съ офицерами весьма извѣстенъ. Насчетъ правительства никогда ничего не говорилъ дурного; а напротивъ того, всегда вселялъ почтеніе и безприкословіе. Да и не могъ я вселять неуваженіе къ правительству и къ начальству, когда съ большею строгостью самъ требовалъ отъ каждаго исполненія его обязанностей. Дисциплина въ Вятскомъ полку была, могу рѣшительно утверждать, примѣрная и безпрекословная, какъ и быть въ войскѣ должна. О духѣ офицеровъ я по долгу службы обязанъ былъ узнавать для пользы самой службы, и дѣлать сіе отчасти чрезъ баталіонныхъ командировъ, отчасти чрезъ капитана Майбороду, который мнѣ показывалъ большую преданность. Цѣль сихъ узнаваній касалась единственно предметовъ службы, ибо насчетъ либеральныхъ мыслей я совершенно увѣренъ былъ, что таковыхъ никто не имѣлъ.

О командирѣ 16 дивизіи я съ офицерами не говорилъ никогда и даже при всякомъ случаѣ рѣшительно порочилъ всякое отступленіе отъ должнаго порядка. А ежели съ кѣмъ и говорилъ изъ штабъ-офицеровъ или съ Майбородою объ немъ, то сказывалъ, что сей генералъ навѣрно никакого намѣренія зловреднаго не имѣлъ, но думалъ фалантропически обходиться съ солдатами, когда не могутъ они таковаго обращенія понять и перенести (тоже п. 18).

Въ начальныхъ отвѣтахъ, данныхъ въ Тульчинѣ (предыдущіе), вы отрицались, что на приготовленіе нижнихъ чиновъ къ возмутительнымъ дѣйствіямъ никого не соглашали, ни сами никакого направленія солдатамъ не давали; но по изысканнымъ открытіямъ извѣстно:

а., что по вступленіи въ командованіе Вятскимъ полкомъ вы оказывали явное послабленіе нижнимъ чинамъ, но во время ожиданія смотра при г Барѣ, выведя весь полкъ, приказывали бить палками всѣхъ, замѣченныхъ въ ошибкахъ по фронту, и когда удивленные сею перемѣною нѣкоторые офицеры спросили о причинѣ, то вы сказали: „Я хочу дать солдатамъ чувствовать, что чѣмъ далѣе отъ нихъ Государь, тѣмъ начальники къ нимъ снисходительнѣе, но чѣмъ Онъ ближе, тѣмъ имъ хуже".

б., Что послѣ маневровъ 1824 го года, когда вы съ Поджіо, Лореромъ, Фохтомъ и Майбородою разсуждали о средствахъ приготовленія солдатъ къ цѣли общества, и когда изъ нихъ Фохтъ предложилъ свое мнѣніе, чтобы, раздѣливъ солдатъ на гласныхъ и безгласныхъ, стараться привязывать къ себѣ первыхъ, а за ними уже не смѣютъ не итти послѣдніе; тогда вы, одобривъ мысль сію, совѣтовали Майбородѣ привесть оную въ исполненіе и

в., Сему же Майбородѣ по лѣту 1825 г. вы настоятельно поручали на-

чать приготовленіе роты его и доносить вамъ ежедневно о успѣхѣ; но онъ уклонился отъ исполненія того. Обстоятельства сіи показываютъ, что вы точно имѣли намѣреніе развратить солдатъ своего полка, на который по словамъ князя Волконскаго вы много надѣялись.

Вступая въ командованіе Вятскимъ полкомъ, желалъ я довести полкъ кротостью до желаемаго состоянія, но потомъ убѣдился, что сего невозможно по причинѣ закоренѣлой лѣности, въ семъ полку бывшей. Сверхъ того не могъ я по справедливасти сначала строгость употреблять, ибо не были солдаты выучены и не имѣли учителей. Посему и поступалъ я такъ, какъ въ Тульчинскихъ отвѣтахъ показалъ. Послѣ же смотра въ Барѣ корпуснымъ командиромъ рѣшился я свою манеру обращенія перемѣнить, удостовѣрясь, что такъ какъ всѣ средства и способы даны были солдатамъ къ полнымъ познаніямъ по фрунту, одна ихъ лѣность и нерадивость препятствовали желаемымъ успѣхамъ. Послѣдствія оправдали мое заключеніе. Приведенныя здѣсь слова могъ бы я говорить только члену общества; въ 1823 году не былъ принятъ ни Майборода, ни Старосельскій. Я, можетъ быть, впослѣдствіи говорилъ, что нижніе члены взоровъ своихъ не распространяютъ далѣе полкового начальства и что строгость передъ Высочайшимъ смотромъ, усилившаяся во всѣхъ полкахъ отъ стремленія, чтобы все было хорошо, не возбудила мысли у солдатъ, что терпимая ими строгость есть послѣдствіе служебнаго направленія, исходящаго отъ Вышняго и Верховнаго начальства, но что они все приписываютъ полковому. Перемѣнилъ же я свое обращеніе потому, что къ оному служебными причинами принужденъ былъ, впослѣдствіи оправдавшими сію перемѣну. Въ то же время, когда въ лагеряхъ ожидался Высочайшій смотръ, все мое вниманіе и стремленіе общества были единственно на то, чтобы успѣшно смотръ отбыть, и въ то время объ обществѣ мало я и думалъ.

Фохтъ объяснилъ упоминаемое здѣсь мнѣніе, и мы разсуждали, что солдаты послѣдуютъ за тѣмъ начальникомъ, кого лично любятъ, и что дабы на ихъ содѣйствіе и послѣдованіе надѣяться, достаточно ихъ къ себѣ лично привязать, особенно тѣхъ, коихъ Фохтъ называлъ главными. Майборода поѣхалъ въ Москву въ октябрѣ 1825 года и возратился въ маѣ или началѣ іюня 1825 г. Явившись ко мнѣ, отдалъ онъ мнѣ бумаги по службѣ и разсказалъ о Булгари; объ обществѣ же нашемъ мы тутъ ни слова не говорили. Послѣ того имѣлъ я свои причины быть имъ весьма недовольнымъ и съ того времени весьма сухо съ нимъ обходился, такъ что послѣ его возвращенія ни разу съ нимъ объ обществѣ не говорилъ. Сіе яснымъ служитъ доказательствомъ, сколь несправедливо сіе показаніе Майбороды.

Я въ полку ни солдатъ, ни офицеровъ не развращалъ и, за исключеніемъ Майбороды и Старосельскаго, обходился со всѣми прочими такъ, какъ будто бы самъ никогда къ тайному обществу не принадлежалъ и никакихъ намѣреній не имѣлъ. Я въ семъ ссылаюсь на всѣхъ начальниковъ, даже на Лорера и, наконецъ, на

самый полкъ, какъ о томъ объяснялъ въ Тульчинскихъ отвѣтахъ. Преемникъ мой въ Вятскомъ полку увидитъ на дѣлѣ справедливость сихъ словъ моихъ.—Лореръ можетъ также сказать, что я прямой надежды на полкъ не имѣлъ и имѣть не могъ, ибо не таково было мое обращеніе въ полку. Признательно же скажу, что ежели бы я видѣлъ основательное приближеніе времени къ началтію дѣйствія, то, конечно бы, постарался увѣриться въ полкѣ, но до самаго времени моего арестованія ничего мною по полку для цѣли общества предпринято не было (Показанія 6 апрѣля, п. 22).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. П.-Сильванскій.

Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

(*Матеріалы для біографіи*).

I.

Автобіографическія замѣтки [1]).

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ моей юности надъ моей головой блистала счастливая звѣзда. Дѣтство мое было одно изъ самыхъ счастливыхъ, которое выпадаетъ на долю человѣка. Не могу не сравнить его съ лучезарной весной, которая не знаетъ ни бурь, ни непогодъ, въ которой не встрѣчается почти пасмурныхъ дней. Я не подвергался ни ломкѣ, ни вреднымъ вліяніямъ. Родительскій домъ былъ поистинѣ благословенный міръ, въ которомъ царствовало согласіе и любовь всѣхъ членовъ между собою, изъ котораго были исключены пагубныя страсти и дурные примѣры, которые могли бы дѣйствовать развращающимъ образомъ на насъ, дѣтей. Да, счастье нашей семьи было такъ полно, что иногда казалось, что оно польется черезъ край. Бывали минуты, когда дѣтскому сердцу трудно было вмѣстить всю любовь и радость, которыя возбуждало въ немъ окружающее. И теперь, въ зрѣлые годы [2]), я также горячо люблю своихъ милыхъ, умныхъ стариковъ [3]).

---

[1]) Имѣя въ виду собирать и печатать матеріалы для біографій всѣхъ выдающихся дѣятелей освободительнаго движенія въ Россіи, мы помѣщаемъ здѣсь въ качествѣ такихъ матеріаловъ для біографіи знаменитаго дѣятеля партіи „Народной Воли“ А. Д. Михайлова его собственныя „автобіограф. замѣтки“, воспоминанія о немъ А. П. Корбы и его „завѣщаніе“. Рукопись автобіограф. замѣтокъ была передана издателямъ серіи заграничныхъ брошюръ подъ общимъ названіемъ „На родинѣ“ изъ редакціи „Нар. Воли“ и ими напечатана въ 1822 г., откуда мы эти „автоб. зам.“ и перепечатываемъ. „Завѣщаніе“ А. Д. Михайлова было напечатано въ № 3. „Матер. для исторіи Рус. Соц.-Рев. движенія“ (1893 г.), а воспоминанія А. П. Корбы написаны ею лишь въ настоящее время и переданы намъ авторомъ. Всѣ неоговоренныя примѣчанія къ „автоб. замѣткамъ“ принадлежатъ издателямъ „На родинѣ“.

Ред.

[2]) Во время автобіографіи А. Д. имѣлъ только 24 года. На видъ онъ казался, однако, гораздо старше,—лѣтъ 30 и больше. Такъ, лѣтъ около 30, онъ значился всегда и по фальшивымъ паспортамъ.

[3]) Послѣ ареста А. Д., во время заключенія въ крѣпости, родители пріѣзжали навѣстить его, и встрѣча была дѣйствительно самая теплая, родственная.

Мой отецъ воспитывался въ Петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ; у него въ Петербургѣ не было никого изъ близкихъ, и онъ сильно нуждался. Трудно ему было переносить бездомную одинокую жизнь, и онъ утѣшалъ себя мыслью, что когда станетъ на ноги, то найдетъ себѣ любящую жену и обзаведется семействомъ. По окончанiи курса онъ получилъ мѣсто землемѣра въ Курской губернiи и женился въ Путивлѣ на дочери помѣщика изъ семейства Вербицкихъ. Въ Путивлѣ же они остались жить. Въ ихъ союзѣ было много гармонiи: отецъ обладалъ веселымъ безмятежнымъ характеромъ, у матери была глубоко-любящая натура и большая сила воли. Служба отца была тяжелая, онъ постоянно находился въ разъѣздахъ и домой прiѣзжалъ лишь на короткое время на отдыхъ. Со временемъ они прiобрѣли домъ на окраинѣ города съ большимъ и прекраснымъ садомъ,—и тутъ-то мы всѣ и выросли, почти въ деревенской обстановкѣ. Мать сама занималась нашимъ воспитанiемъ; она читала всѣ книги о воспитанiи, которыя въ то время были въ ходу, и выработала на основанiи ихъ систему. Мы пользовались полной свободой, но при всей любви и заботливости, которыми насъ окружали, насъ не баловали и не нѣжили.

Я былъ первенцомъ, и меня и старшую сестру рано начали учить; сначала мать учила сама, а потомъ учитель, который жилъ у нашихъ сосѣдей. Съ сестрой мы были большiе друзья и въ ученiи соревновали другъ другу; она быстрѣе схватывала и понимала, но я глубже усваивалъ преподаваемые предметы и никогда не забывалъ выученнаго. Вскорѣ у меня появились товарищи: сосѣдскiй сынъ, съ которымъ я вмѣстѣ учился, и Александръ Ивановичъ Баранниковъ [1]), который жилъ тоже по сосѣдству съ нами и который остался моимъ другомъ и товарищемъ на всю жизнь.

Въ дѣтствѣ я былъ большой шалунъ. Такъ, теперь помню сцены, которыя повторялись каждый день по дорогѣ изъ дому къ сосѣдямъ, гдѣ я учился. Путь мой лежалъ мимо двора, который славился большими, злыми собаками. Для меня составляло истинное наслажденiе вступать въ борьбу съ злыми животными; я прятался въ высокой травѣ и оттуда кидалъ въ нихъ камни; псы приходили въ ярость, бросались ко мнѣ, и завязывался рукопашный бой! Я отбивался палками, и часто меня спасали отъ явной опасности быть разорваннымъ на части.

Природа мнѣ была дорога [2]) и близка, въ перiодъ ранней юности я былъ настоящимъ деистомъ. Даже въ моментъ моего пере-

---

[1]) Баранниковъ осужденъ по одному процессу съ Михайловымъ въ Особомъ Присутствiи сената, въ февралѣ 1882 г.

[2]) Намъ пришлось слышать отзывъ Желябова, подтверждающiй эти слова. „Михайлова, говорилъ Желябовъ, многiе считаютъ человѣкомъ холоднымъ, съ умомъ математическимъ, съ душою чуждою всего, что не касается принципа. Это совершенно невѣрно. Я теперь хорошо узналъ Михайлова. Это—поэтъ, положительно поэтъ въ душѣ. Онъ любитъ людей и природу одинаково конкретно, и для него весь мiръ проникнутъ какою-то чисто человѣческою, личною прелестью. Онъ даже формалистомъ въ организацiи сдѣлался, именно, какъ поэтъ: организацiя для него—это такая же личность, такой же дорогой для него „человѣкъ“, дѣлающiй притомъ ве-

хода къ соціализму, природа играла нѣкоторую роль, по крайней мѣрѣ, происходило это передъ ея лицомъ. Я и товарищи мои по гимназіи въ Новгородъ-Сѣверскѣ, мы имѣли обыкновеніе собираться для чтенія и бесѣдъ на живописномъ берегу Десны. Любовь къ природѣ какъ-то незамѣтно переходила въ любовь къ людямъ; являлось страстное желаніе видѣть человѣчество столь же гармоничнымъ и прекраснымъ, какъ сама природа, являлось желаніе для этого счастія жертвовать всѣми силами и своей жизнью. Здѣсь, въ виду синяго неба, ясныхъ водъ, рѣки и лѣса, тянувшагося по берегу, я далъ себѣ тайную клятву жить и умереть для народа. Полнота счастья въ родительскомъ домѣ имѣла большое вліяніе на складъ моей жизни, сердце мое не искало личныхъ страстей и сохранило всѣ свои силы для общественной дѣятельности.

Въ 1876 г. я въ первый разъ встрѣтилъ женщину, къ которой почувствовалъ глубокую привязанность, это была незабвенная Ольга Натансонъ. Но она страстно любила своего мужа, съ своей стороны, я безпредѣльно любилъ и чтилъ Марка и дорожилъ его счастьемъ, поэтому мои чувства къ Ольгѣ не перешли за предѣлы живѣйшей дружбы [1]).

Въ періодъ юности и пребыванія въ гимназіи для меня еще не существовало правительства, а было только начальство; но я чувствовалъ уже тяжесть условій русской жизни. Во время моего поступленія въ провинціальную гимназію въ ней царствовалъ хаосъ и нѣмецкій духъ. Начальство часто безъ причины оскорбляло человѣческія чувства дѣтей, стараясь поддерживать дисциплину страхомъ. Большинство учителей манкировало занятіями, когда же наступали экзамены, эта гроза ученической жизни, старалось жать то, чего не сѣяло. Я учился удовлетворительно, но положеніе въ гимназіи меня тяготило и подавляло, я считалъ ее бременемъ. Какъ человѣкъ впечатлительный и привыкшій въ семьѣ къ самой строгой справедливости, я шелъ обыкновенно каждое утро въ гимназію съ внутреннимъ трепетомъ, ожидая непредвидѣнныхъ начальственныхъ криковъ, оскорбленій и наказаній. Такое неудовлетворенное состояніе и нѣкоторая пытливость двинули меня на путь саморазвитія. Лѣтъ съ четырнадцати для меня открылся новый міръ, міръ лите-

---

ликое дѣло. Онъ заботился о ней съ такою же страстной, внимательной до мелочей преданностью, съ какой другіе заботятся о счастіи „любимой женщины".

[1]) А. Д. имѣлъ много хорошихъ товарищей, но въ особенно дружескихъ отношеніяхъ дѣйствительно ни съ кѣмъ не состоялъ. Что касается собственно „сердечныхъ привязанностей", то въ послѣднее время говорили о его близкихъ отношеніяхъ съ г-жею А. (имени ея не называемъ). Насколько это вѣрно—не знаемъ, но дѣйствительно у А. Д. по отношенію къ ней видно было какое-то экстраординарное расположеніе, а г-жа А. относилась къ нему съ уваженіемъ, переходящимъ даже въ нѣкоторое обожаніе. Это во всякомъ случаѣ единственная привязанность А. Д. въ такомъ родѣ (если она здѣсь была). Вообще онъ былъ въ этомъ отношеніи большой идеалистъ и ригористъ. Банальныхъ связей съ женщиной онъ не допускалъ. Намъ лично приходилось слышать отъ него: „Не понимаю, какъ это можно сойтись, не любя. Это просто противно". Впрочемъ, въ „большой публикѣ" А. Д. своего ригоризма не проповѣдывалъ и, на словахъ, незнакомому человѣку могъ показаться даже немножко циникомъ.

ратуры. Потребность въ умственной жизни и любознательность нашли въ немъ полное удовлетвореніе. Отправивъ тяжелыя гимназическія обязанности, свободное время я проводилъ за книгами, или старался вырваться въ поле или въ лѣсъ и наслаждаться свободой и природой. Самообразованіе дало мнѣ много. Въ послѣднемъ классѣ, хотя условія уже измѣнились къ лучшему съ перемѣною начальства, я сталъ выше многихъ по развитію. Во мнѣ явилось неотразимое желаніе приносить другимъ пользу. Это пробужденіе общественныхъ чувствъ замѣчалось не у одного меня; нѣсколько близкихъ товарищей отвѣчали мнѣ по своему развитію и направленію. Въ личныхъ отношеніяхъ я былъ большой и непреклонный идеалистъ, въ общественной дѣятельности я всегда оставался практикомъ съ постоянными организаціонными стремленіями. Эта организаторская страсть проявилась во мнѣ еще въ 5 классѣ гимназіи: съ 3-мя или 4-мя товарищами мы задумали издавать журналъ, я принималъ дѣятельное участіе въ сношеніяхъ кружка для этого. Дѣло наше прогорѣло; изданъ былъ только первый номеръ рукописнаго журнала, и то въ немногихъ экземплярахъ, но зато съ той поры моей жизни не было періода, въ который я что-нибудь, во имя чего-нибудь, не организовалъ.

Вслѣдъ за журналомъ я участвовалъ въ организаціи кружка самообразованія, потомъ въ тайной гимназической библіотекѣ. Затѣмъ насталъ періодъ недовольства окружающею жизнью и начальствомъ, недовольства уже вполнѣ сознательнаго (это относится уже къ 7-му классу). Отсюда истекла дѣятельная агитація среди высшихъ классовъ гимназіи и организація протестовъ противъ учителей идіотовъ и самодуровъ.

Ко времени пребыванія въ 7-мъ классѣ также относится организація кружка полуреволюціоннаго, имѣвшаго цѣлью помогать пропагандистамъ деньгами (хотя о пропагандистахъ мы имѣли тогда такое же понятіе, какъ о какихъ-нибудь иностранныхъ партіяхъ) и распространять въ народѣ популярныя изданія, ради его просвѣщенія. Первая изъ этихъ цѣлей осталась для насъ недостижимой, а вторую задачу мы выполняли очень удачно: черезъ насъ въ народъ проникло множество хорошихъ книгъ, на многія сотни рублей. Мои усилія были направлены къ тому, чтобы создать правильныя отношенія въ кружкѣ, ввести въ него строгіе принципы обязательности и т. д. Болѣе широкая дѣятельность этого кружка связана съ 8-мъ классомъ гимназіи, когда мы начали читать запрещенныя изданія, присланныя мнѣ изъ Москвы. Манкируя занятіями латинскимъ языкомъ, я передъ окончательными экзаменами долженъ былъ уволиться изъ гимназіи и держать ихъ въ другой (въ Немировской безъ древнихъ языковъ). Это дало мнѣ возможность за три мѣсяца пребыванія въ новой для меня гимназіи организовать тамъ кружокъ, на подобіе нашего. Въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи время нашего пребыванія окрещено навсегда начальствомъ «нашествіемъ пропагандистовъ». Лучшіе мои товарищи тогдашняго времени жестоко поплатились за свою незначительную политическую

дѣятельность. Любовинъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь, Москотинъ тоже, третій отдѣлался двумя годами тюрьмы. Если вспомнить, что они ничего не сдѣлали, то невольно спрашиваешь себя: какой же кары найдетъ меня достойнымъ русское правительство?

Какъ только я очутился осенью 1875 г. въ Петербургѣ, то сейчасъ же началъ общественную дѣятельность. Я чувствовалъ себя свободнымъ и самостоятельнымъ—гимназическія узы пали. Со страстію я отдавался организаціи студенческихъ кружковъ саморазвитія и помощи пропагандистамъ. Усиліями нѣсколькихъ человѣкъ, мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ Технологическій Институтъ, составился студенческій союзъ съ кассой и федеративными кружками въ Медицинской Академіи, въ Павловскомъ училищѣ, въ Университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ волненіямъ въ Технологическомъ Институтѣ я относился индифферентно, ибо не видѣлъ отъ нихъ пользы; но когда закрыли первый курсъ и требовали подачи новыхъ прошеній, изъ 140 человѣкъ только я и мои товарищи отказались исполнить эти требованія, ибо начальство думало этимъ... [1]) студентовъ. За то я поплатился высылкой на родину, пробывъ въ Петербургѣ только три съ половиной мѣсяца. Я чувствовалъ себя хорошо, удовлетворительно, хотя испытаніе для тогдашняго моего умственнаго и нравственнаго состоянія было порядочное.

На родинѣ я просидѣлъ не болѣе мѣсяца и удралъ въ Кіевъ, за что меня полиція въ Кіевѣ часто тягала по участкамъ. Въ Кіевѣ я встрѣтился въ первый разъ съ настоящими радикалами, и притомъ всѣхъ трехъ направленій: пропагандистовъ, бунтарей, и якобинцевъ. Познакомившись съ ихъ программами, я не присталъ ни къ одной изъ нихъ. Я искалъ солидной силы, опредѣленной и энергической дѣятельности; въ Кіевѣ же больше препирались о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣйствовали.

Работали немногія единицы, но тѣ сторонились мало знакомыхъ людей. Собравъ съ цвѣтовъ краснорѣчія весь медъ и вполнѣ сознавая большую пользу, которую принесло мнѣ знакомство съ теоріей революціонной партіи, рѣшившись посвятить себя этой партіи (въ томъ смыслѣ кіевскія знакомства имѣли для меня большое значеніе), я тѣмъ не менѣе не былъ доволенъ. Съ одной стороны, я видѣлъ великія цѣли и громадныя задачи, а съ другой—кучки людей, неорганизованныя, несплоченныя, безъ единаго общаго плана, безъ опредѣленныхъ практическихъ задачъ. Я ясно сознавалъ безплодность такого положенія вещей. Доля организаціоннаго чутья, присущая мнѣ, тогда еще неопытному юношѣ, подсказывала мнѣ, что не въ выработкѣ наивѣрнѣйшей теоріи, а въ совершенно организованномъ дѣлѣ сила. Рѣшивъ свое отношеніе къ партіи, меня тянуло не въ народъ, что было даже обязательно тогда для каждаго неофита, нѣтъ, въ моей головѣ родились смѣлые до дерзости планы—обще-русской организаціи силъ соціально-революціонной

---

[1]) Слово не разобранное въ рукописи.

партіи. Родились эти планы и поглотили меня вполнѣ. Но я удивляюсь и теперь, какъ такой юнецъ, какимъ я былъ тогда, безъ извѣстности въ революціонномъ мірѣ, безъ опытности могъ такъ нахально-смѣло отдаться всецѣло такимъ задачамъ, отдаться почти безъ поддержки, по собственной инициативѣ и на свой страхъ.

Объ совершенныхъ организаціяхъ партія тогда не думала. Ее интересовалъ народъ, принципы дѣятельности, теоріи. Конечно, мои планы не могли осуществиться въ Кіевѣ, гдѣ уже личная враждебность кружковъ одного къ другому мѣшала этому. Тамъ много было генераловъ и адъютантовъ при нихъ, но не было солдатъ, почти не было дѣятельныхъ революціонныхъ силъ. Но помимо своей воли я принужденъ былъ находиться съ полгода въ Кіевѣ, а сложа руки я сидѣть не могъ. Еще съ первыхъ дней пребыванія тамъ (зима и лѣто 1875—76 гг.), при помощи и участіи студентовъ—своихъ бывшихъ товарищей по гимназіи, мнѣ удалось сплотить студенческій кружокъ самообразованія на подобіе С.-Петербургскаго, съ кассой помощи революціи, но онъ не могъ поглотить всѣхъ моихъ силъ, а потому я сдѣлалъ попытку положить начало замышляемой широкой, сплоченной и дисциплинированной организаціи. Мои мысли и мысли одного якобинца совпали; онъ познакомилъ меня съ Давиденко (казненнымъ) и еще кой съ кѣмъ. Якобинца, какъ человѣка и революціонную силу, я игнорировалъ, но въ Давиденко я видѣлъ рѣшительнаго человѣка, сблизился съ нимъ, и вотъ насъ четыре человѣка задумали покорить революцію міра. Я не могъ вѣрить въ попытку, но для опыта прежде всего принялся за выработку самого себя, чему и отдался горячо. Былъ основанъ этотъ маленькій кружокъ, и стали разрабатывать планы. Дѣла мы не сдѣлали, но планы въ нашихъ головахъ выяснились. Въ Кіевѣ же весной 1875 г. я познакомился съ Гольденбергомъ, который меня полюбилъ и съ большой охотой водилъ со мною дружбу. Какъ человѣкъ добрый, преданный дѣлу, онъ мнѣ нравился, но глупость его часто меня бѣсила и смѣшила; у насъ установились нехорошія, протекторскія отношенія, что меня часто смущало и было для меня непріятно, но онъ былъ ими доволенъ. Здѣсь же въ кружкѣ пропагандистовъ я познакомился съ Дмитріемъ Андреевичемъ Лизогубомъ, но знакомство у насъ было шапочное (онъ вращался въ кружкѣ Колодкевича, который тогда сидѣлъ въ тюрьмѣ и пользовался уже большой популярностью). Здѣсь я познакомился съ Стефановичемъ, капитаномъ (казненнымъ)[1]) и со многими другими бунтарями; нѣсколько недѣль они пользовались всей своей ордой (съ револьверами, сѣдлами и проч.) моей квартирой. Я видѣлъ, что они приготовляются къ битвѣ, это ясно было и по ихъ внѣшности, и по ихъ настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя доходили въ принципахъ до крайностей; свое дѣло они отъ меня скрывали. Я же

[1]) Кличка Чубарова, повѣшеннаго въ Одессѣ въ 1879 году. *Ред.*

былъ поглощенъ своими планами, склонности къ которымъ въ нихъ не замѣчалъ.

Лѣтомъ 1876 г. мнѣ разрѣшили вернуться въ Петербургъ, куда несли меня мечты. Возвращался я въ него уже соціалистомъ-революціонеромъ. При посредствѣ нѣкоторыхъ кіевскихъ знакомыхъ, я прямо попалъ въ революціонные кружки и въ мѣсяцъ, въ два я имѣлъ уже возможность прикладывать всѣ свои силы къ завѣтнымъ планамъ, которые нашли благодарную почву въ настроеніи петербургскихъ революціонныхъ сферъ. Черезъ посредство самарскихъ особъ, я познакомился со многими видными тогдашними дѣятелями и былъ ими принятъ очень дружелюбно, даже какъ-то «не въ примѣръ прочимъ» дружелюбно и довѣрчиво, чему я былъ чрезвычайно радъ. Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболяшинъ и его компанія: Михаилъ Поповъ съ компаніей, Ив—ъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ [1]) и ея друзья, потомъ Андріанъ Михайловъ и нѣкоторые другіе. Особенно я подружился съ Оболяшинымъ, Ольгой Натансонъ и еще съ нѣкоторыми. Эти нѣсколько человѣкъ вполнѣ были со мной одномыслящи, но, такъ какъ среди нихъ были люди во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ самымъ дѣятельнымъ ихъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное, на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ, я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ задачамъ.

Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніе проекта организаціи революціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитія организаціи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ членовъ нашего общества было много губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества; но недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соотвѣтственно мысли организаціи. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать намъ справедливость—едва ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю непріятностей, иногда насмѣшекъ! [2]). Но все-таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязанности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это

---

[1]) Урожденная Шлейснеръ.

[2]) См. примѣчаніе I, стр. 165.

теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ же кружкѣ могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала насъ— эти принципы восторжествовали. Я часто горячился въ этой борьбѣ, но Оболяшинъ изумлялъ всѣхъ своимъ стоическимъ хладнокровіемъ, логикой и непреклонностью; онъ былъ вообще замѣчательный діалектикъ; онъ принималъ обиды, какъ Сократъ, я же, напротивъ, поднимался на дыбы, но въ настойчивости не отставалъ отъ него.

Въ 1877 г. весной почти весь кружокъ народниковъ, мѣстнымъ своимъ составомъ, вмѣстѣ съ десятками связанныхъ съ ними людей, двинулись въ народъ, такъ какъ тамъ, въ организаціи народныхъ вожаковъ и мѣстныхъ экономическихъ протестахъ были всѣ его надежды. Въ Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани, на Уралѣ, въ Ростовѣ, на Кубани, и вообще на юго-восточныхъ окраинахъ образовался рядъ поселеній; но центръ былъ Саратовъ, въ него попалъ я и Ольга. Мы располагали также самыми незначительными матеріальными средствами, именно около 5000 рублей въ предѣлахъ года. Собралось туда (въ Саратовъ) около 20 человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 5—6 изъ основного кружка, а остальные изъ различныхъ мѣстностей, привлеченные связями съ основнымъ кружкомъ. Народъ былъ разнокалиберный, мало знакомый между собой. Пришлось не мало потратить усилій на обработку этого матеріала въ организаціонномъ смыслѣ, и опять горячѣе и настойчивѣе другихъ вели эту работу я и Ольга [1]). Но Ольга скоро уѣхала въ Петербургъ, остался я одинъ и распинался за интересы центра въ то время, когда, вслѣдствіе долгаго разобщенія съ Петербургомъ, стала рости мѣстная обособленность, за которую стали нѣкоторые изъ членовъ центра и многія мѣстныя самолюбія. Страстное отношеніе и настойчивость побѣдили и здѣсь, и Саратовъ до лѣта 1879 г. оставался мѣстной группой организаціи народниковъ. Впрочемъ, судьба сильно разгромила его еще въ концѣ 1877 г., но и послѣ въ Саратовской губ. поселеній оставалось довольно, и если бы Петербургъ не былъ

[1]) А. Д. отличался рѣдкими способностями организатора. Съ одной стороны, онъ былъ убѣжденъ въ необходимости „совершенной“, какъ онъ выражался, организаціи и вѣрилъ, что такая организація можетъ легко справиться съ правительствомъ. Этимъ объясняется то свѣтлое чувство счастья, которое сквозитъ въ замѣткахъ, и которое происходитъ отъ сознанія, что въ Россіи положено начало такой „совершенной организаціи“. Съ другой стороны, А. Д. прекрасно понималъ основанія организаціи: единство, дисциплина, хорошій составъ центра, конкретность цѣлей и строгая конспирація—составляли для него символъ вѣры. Все это были для него рѣшенные вопросы, надъ которыми раздумывать не приходилось. Сверхъ того, онъ и по личнымъ свойствамъ былъ какъ нельзя лучше приспособленъ къ созданію организаціи. Необыкновенно дѣятельный, въ высшей степени практичный, наконецъ, — не связанный никакими личными страстями и стремленіями,—онъ въ то же время умѣлъ чрезвычайно мѣтко опредѣлять людей, оцѣнивать положенія, умѣлъ одинаково хорошо и повиноваться, и приказывать. Чувство мѣры, присущее всякому хорошему организатору и подсказывающее ему, что можно требовать отъ людей, чего нѣтъ—у А. Д. было въ высшей степени развито. Поэтому у него не было „безполезныхъ“ людей; онъ всякаго умѣлъ утилизировать, пристроить къ дѣлу, сообразно со способностями.

увлеченъ жизнью въ борьбу съ правительствомъ, саратовская группа сдѣлала бы при поддержкѣ центра многое. Въ Саратовѣ я жилъ весну, лѣто и часть осени, и то не постоянно. Временами я путешествовалъ по Саратовской губ. и заводилъ знакомства съ крестьянами и отыскивалъ мѣста для поселеній, а на зиму окончательно поселился у раскольниковъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Къ дѣятельности среди раскольниковъ я относился чрезвычайно любовно и рѣшился побѣждать всякія трудности. Мнѣ пришлось сдѣлаться буквально старовѣромъ, пришлось взять себя въ ежевыя рукавицы, ломать себя съ ногъ до головы [1]). Я долженъ былъ во всемъ поддѣлываться подъ эту среду, чтобы, стоя на одной съ нею почвѣ, имѣть возможность вліять на нее. Если мнѣ многое въ приготовительныхъ работахъ удалось въ сравнительно короткій промежутокъ времени, то только благодаря одной чертѣ моего характера, именно отдаваться всякому дѣлу всецѣло, всей душой, всѣми помыслами. Это мнѣ помогло въ два, три мѣсяца стать неузнаваемымъ раскольникомъ, а кто знаетъ старовѣровъ, тотъ понимаетъ, что это значитъ.

Для интеллигентнаго человѣка это значитъ исполнять 10.000 китайскихъ церемоній и исполнять ихъ естественно. Преодолѣніе происходило, вслѣдствіе сознанія необходимости, даже съ нѣкоторою пріятностью, а главное съ громадной пользой для развитія воли и умѣнья владѣть собою. Это была прекрасная и необходимая для меня школа, къ сожалѣнію, только кратковременная. Міръ раскола плѣнилъ меня своею самобытностью, сильнымъ развитіемъ духовныхъ интересовъ и самостоятельно-народной организаціей. Это могучее государство въ государствѣ чиновничьемъ. Меня сильно манили тайники народно-общиннаго духа, область истинно народной жизни и народнаго творчества. У меня образовались уже прочныя связи. Я могъ проникнуть уже и въ сибирскіе тайные скиты, и къ астраханскимъ общинамъ (коммунистамъ), и къ бѣгунамъ, и въ Преображенское кладбище. Но увы! Пришлось все бросить. Я видѣлъ, что

Говорить въ подробностяхъ о его идеалахъ организаціи — безполезно, такъ какъ эти идеалы, за которые прежде приходилось выносить столько борьбы, теперь, можно сказать, стали общепризнанными. Но А. Д. принадлежитъ въ нашемъ движеніи великая заслуга—быть въ числѣ самыхъ умныхъ и энергичныхъ проводниковъ этой новой организаціонной идеи.

[1]) Мы знали А. Д. въ моментъ его возвращенія въ Петербургъ. Онъ дѣйствительно былъ съ головы до ногъ „старовѣромъ“ и даже въ спорахъ съ радикалами постоянно сбивался нечаянно на цитаты изъ разныхъ сектантскихъ „цвѣтниковъ“. Въ силу сектантства онъ глубоко вѣрилъ; религіознымъ въ формальномъ смыслѣ слова онъ не былъ и тогда, но, однако, имѣлъ какую-то особую подкладку въ міросозерцаніи, которая очень приближалась къ религіи. „Богъ—это правда, любовь, справедливость, и я въ этомъ смыслѣ съ чистой совѣстью говорю о Богѣ, въ котораго вѣрю“. Онъ увѣрялъ, что всѣ основатели великихъ религій, Христосъ даже, именно въ этомъ смыслѣ понимали Бога. Но все-таки, спрашивали его, что такое справедливость, любовь и т. д.? Есть ли это нѣчто личное, нѣкоторое существо, или отвлеченный принципъ?“ Не помнимъ, чтобы А. Д. давалъ на это вполнѣ рѣшительный отвѣтъ. У него была какая-то идея (смутная для постороннихъ, потому что онъ мало говорилъ объ этомъ, а, можетъ быть, смутная и для него самого)—что идеалы соціальной революціи должны создать людямъ нѣкоторую новую религію, которая бы такъ же поглощала все существо человѣка, какъ это дѣлали старыя.

дѣла центра не блестящи, что организація расширяется медленно, а главное были плохи финансы, и остановился вслѣдствіе этого притокъ силъ въ народъ. Въ Саратовѣ наши положительно голодали.

Въ началѣ апрѣля 1878 г. я вернулся въ Петербургъ, имѣя, впрочемъ, намѣреніе образовать новую группу для отправленія въ расколъ. Благопріятныя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ раскольничьей среды, еще наполняли меня, и мнѣ трудно было сразу отрѣшиться отъ начатой дѣятельности, но кипучая жизнь Петербурга вскорѣ потребовала всѣ мои силы, и съ работой въ народѣ пришлось разстаться сначала фактически, а впослѣдствіи и принципіально по мѣрѣ того, какъ успѣшность борьбы съ правительствомъ становилась очевидной. Здѣсь окончательно выработана программа народниковъ (въ апрѣлѣ и маѣ 1878 года) и уставъ организаціи. Въ то же время возникла мысль объ новой организаціи общества «Земля и Воля» и объ органѣ. Въ эту же весну я участвовалъ въ многочисленныхъ демонстраціяхъ, имѣвшихъ тогда мѣсто, и частью организовалъ ихъ. Затѣмъ, вполнѣ сочувствуя борьбѣ съ правительствомъ, я сталъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ террористическихъ актахъ и освобожденіяхъ. Въ концѣ сентября 1878 года я былъ посланъ въ Землю Войска Донского съ прокламаціями для организаціи дѣла среди казаковъ, при помощи радикаловъ, жившихъ на Дону, но вслѣдствіе погрома 13 сентября въ Петербургѣ, я возвратился сюда. Дѣла я засталъ въ печальномъ положеніи: мои лучшіе друзья, вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе выдающіеся дѣятели, погибли; связи почти цѣликомъ были утрачены; но энергическими усиліями 4—5 человѣкъ въ короткое время намъ удалось поставить дѣла на прежнюю высоту и даже дать имъ новый розмахъ. Въ концѣ октября я былъ задержанъ на квартирѣ Трощанскаго, но успѣлъ бѣжать (случай этотъ описанъ въ № 1 «Земли и Воли») [1].

Въ то время была устроена типографія, и №№ «Земли и Воли» стали выходить правильно. Я участвовалъ тогда въ рабочей группѣ, которая возбудила и поддержала нѣсколько стачекъ. Во время Соловьевскаго покушенія я находился на площади и видѣлъ, какъ послѣ выстрѣловъ царь упалъ и поползъ на четверенькахъ. Позднѣйшая моя дѣятельность извѣстна теперешнимъ моимъ товарищамъ [2].

Оглядываясь назадъ, я могу сказать, что жизнь моя безпримѣрна дѣловымъ счастьемъ. Я не знаю человѣка, котораго бы судьба такъ щедро наградила дѣловымъ счастьемъ. Передъ моими глазами прошло почти все великое нашего времени въ Россіи. Лучшія мои мечты нѣсколько лѣтъ осуществляются. Я жилъ съ лучшими людьми и всегда былъ достоинъ ихъ любви и дружбы. Это великое счастье для человѣка [3].

1880 г. февраль.

---

[1]) См. примѣчаніе II, ст. 167.

[2]) См. примѣчаніе III, ст. 168.

[3]) Обвинительный актъ по дѣлу, по которому осужденъ Михайловъ, и нѣкоторыя объясненія, данныя Александромъ Дмитріевичемъ на судѣ, напечатаны въ янв. кн. „Былого“ См. „Процессъ 20 народовольцевъ въ 1882 г.“). *Ред.*

Примѣчаніе I. Такимъ остался А. Д. до конца дѣятельности. Онъ очень хорошо понималъ, что въ Россіи осторожность, осмотрительность и практичность составляютъ для существованія революціонной организаціи необходимое условіе. Этихъ качествъ онъ требовалъ отъ каждаго революціонера. Будучи самъ чрезвычайно осмотрителенъ и практиченъ, онъ постоянно замѣчалъ ошибки другихъ, указывалъ ихъ, конечно. Если же ошибки происходили отъ „распущенности“, отъ того, что человѣку становилось скучно или невыносимо постоянно слѣдить за малѣйшимъ своимъ поступкомъ,—то А. Д., для котораго такая ломка самого себя не казалась невыносимой, если это нужно „для дѣла“, уже просто возмущался. Онъ считалъ это нечестностью, недостаточностью преданности. Въ позднѣйшія времена (народовольческія уже) А. Д, напримѣръ, не находилъ достаточно рѣзкихъ, циничныхъ словъ для одного товарища, который иногда заходилъ провѣдать жену свою, находившуюся подъ надзоромъ. „Онъ шляется къ женѣ, гдѣ его стерегутъ и могутъ забрать; наконецъ, его могутъ прослѣдить и на другія квартиры“. Это для него было просто подлостью, тѣмъ болѣе огорчительной, что она исходила отъ человѣка, котораго онъ глубоко уважалъ. Противъ подобной неряшливости А. Д. „немолчно лаялъ“. постоянно и всю жизнь оставался какимъ-то ревизоромъ революціонной конспираціи. Онъ даже самъ говорилъ совершенно серьезно: „Ахъ, если бы меня назначили инспекторомъ для наблюденія за порядкомъ въ организаціи“.

Тамъ, гдѣ А. Д. имѣлъ такое право наблюденія, онъ превратилъ это право въ обязанность для себя. Сплошь и рядомъ онъ слѣдилъ по улицамъ за товарищами, чтобы убѣдиться въ ихъ осторожности. Одинъ такой случай мы помнимъ съ А. Квятковскимъ, который, однако, замѣтилъ слѣженіе, чѣмъ несказанно обрадовалъ А. Д. Но зато бѣда, если кто-нибудь позволялъ прослѣдить себя. Упреки сыпались градомъ А. Д. буквально „пилилъ“ людей ежедневно и ежеминутно за такія провинности. Иногда онъ на улицѣ совершенно неожиданно заставлялъ васъ читать вывѣски и разсматривать физіономіи на разныхъ разстояніяхъ: „Ты не можешь прочесть? Ну, братъ, очки покупай непремѣнно“. И потомъ уже дохнуть не дастъ, пока не купишь очковъ. Одинъ близорукій заявилъ, что докторъ запретилъ ему носить очки, подъ страхомъ ослѣпнуть совсѣмъ. А. Д. не умилостивился. „Ну, откажись отъ такихъ дѣлъ, гдѣ нужно посѣщать конспиративныя квартиры. Дѣлай что-нибудь другое“. На бѣду оказалось, что человѣкъ нуженъ именно въ „такихъ квартирахъ“... „Ну, такъ непремѣнно очки или пенсне. Это обязательно“.—„Покорно благодарю, я не желаю ослѣпнуть“. А. Д. вспылилъ: „Ослѣпнешь, тогда выходи въ отставку. Намъ изъ-за твоихъ глазъ не проваливать организацію“, и потомъ обратился ко всѣмъ товарищамъ съ предложеніемъ: „обязать NN носить очки такого-то номера“. Такъ слѣдилъ А. Д. за всѣмъ образомъ жизни товарищей. Войдетъ въ квартиру, сейчасъ осмотритъ всѣ углы, постучитъ въ стѣну, чтобы убѣдиться достаточно ли толста, послушаетъ, не слышно ли разговора въ сосѣдней квартирѣ, выйдетъ для того-же на лѣстницу. „У васъ народу столько бываетъ, а ходъ всего одинъ: это невозможно“.. Еще хуже, если квартира безъ воды: значитъ дворникъ будетъ лишній разъ шляться. За „знаками“, т. е. сигналами безопасности, которые снимаются, если квартира въ опасности—А. Д. слѣдилъ страшно. „Вашего знака не видно, у васъ вовсе нельзя устроить знака, что это за комната? Какъ къ вамъ ходить? Одинъ товарищъ даже смѣялся по этому поводу, увѣряя, что въ исторіи будетъ отмѣчено со временемъ: „и пріиде дворникъ и учреди знакъ“ (дворникъ это прозвище А. Д.). Впрочемъ, ни шутки, ни насмѣшки, ни брань—нисколько не смущали А. Д. при исполненіи своихъ обязанностей“! Онъ не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія, не обижался, не сердился. Иногда случалось, что хозяева расхаенной имъ квартиры не хотѣли даже говорить съ нимъ, и онъ все таки преспокойно заходилъ въ свое время посмотрѣть, все ли благополучно, и весьма внимательно объяснялъ свои соображенія нахмуреннымъ хозяевамъ: „Ну, что, вы кончили? Больше ничего?“ торопятъ они его, чтобы поскорѣе убрался. „Да, я кончилъ, только теперь уже время обѣдать. Я бы остался“. Не должно, однако, думать, чтобы А. Д. выкидывалъ такія штуки на зло. Нѣтъ, онъ просто не хотѣлъ допустить мысли, чтобы кто-нибудь смѣлъ нравственно, передъ собственной совѣстью, сердиться серьезно за исполненіе человѣкомъ обязанности охранять безопасность организаціи. Соблюдать осторожность скучно,

выслушивать замѣчанія еще скучнѣе: поэтому можно быть въ дурномъ расположеніи духа, это понятно; но сердиться за это именно на него, А. Д., совершенно несправедливо, и порядочный человѣкъ самъ будетъ стыдиться, если позволитъ себѣ поссориться изъ-за совершенно дѣльныхъ указаній. Такъ разсуждалъ А. Д. и не хотѣлъ, съ своей точки зрѣнія, обижать людей, принимая въ серьезную сторону ихъ рѣзкіе отвѣты, насмѣшки, грубости. Въ общей сложности, это благородное отношеніе къ людямъ и къ дѣлу вполнѣ оцѣнивалось всѣми, и А. Д., хотя ежедневно ругался и ссорился съ 20 человѣками среднимъ числомъ, пользовался такимъ уваженіемъ, какъ никто.

Изъ конспираціи А. Д. создалъ цѣлую науку. Онъ очень ловко гримировался; выработалъ въ себѣ способность однимъ взглядомъ отличать знакомыя лица въ цѣлой толпѣ. Петербургъ онъ зналъ, какъ рыба свой прудъ. У него былъ составленъ огромный списокъ проходныхъ дворовъ и домовъ (штукъ 300), и онъ все это помнилъ наизусть. Покойный Халтуринъ передавалъ намъ однажды, какъ онъ слѣдилъ за А. Д. (у Халтурина тоже были эти привычки—контролировать другихъ): тотъ немедленно замѣтилъ его. Халтуринъ съ пріятной улыбкой знатока разсказывалъ, до чего ловко А. Д. изыскивалъ случаи посмотрѣть позади себя, совершенно естественно, то будто взглянуть на красивую барыню, то поправивши шляпу и т. д., въ концѣ концовъ, онъ исчезъ—„чортъ его знаетъ, куда онъ дѣвался"... А нужно сказать, что Халтуринъ тоже былъ мастеръ выслѣживать. Проходными дворами и домами А. Д. пользовался артистически. Одинъ человѣкъ, спасенный А. Д. отъ ареста, разсказывалъ намъ, какъ это произошло. „Я долженъ былъ сбѣжать съ квартиры, и скоро замѣтилъ упорное преслѣдованіе. Я сѣлъ на конку, потомъ на извозчика. Ничего не помогло. Наконецъ, мнѣ удалось, бѣгомъ пробѣжавши рынокъ, вскочить въ вагонъ съ другой стороны; я потерялъ изъ виду своего преслѣдователя; но не успѣлъ вздохнуть свободно, какъ вдругъ входитъ въ вагонъ шпіонъ, прекрасно мнѣ извѣстный; онъ постоянно присутствовалъ при всѣхъ проѣздахъ царя и выслѣдилъ меня на мою квартиру, откуда я сбѣжалъ. Я былъ въ полномъ отчаяніи, но въ это же мгновеніе совершенно неожиданно вижу—идетъ по улицѣ А. Д. Я выскочилъ изъ вагона съ другого конца и побѣжалъ вдогонку. Догналъ, прохожу быстро мимо и говорю, не поворачивая головы: „Меня ловятъ". А. Д., также не взглянувши на меня, отвѣтилъ: „иди скоро впередъ". Я пошелъ. Онъ, оказалось, въ это время осмотрѣлся, что такое со мной дѣлается. Черезъ минуту онъ догоняетъ меня, проходитъ мимо и говоритъ: „Номеръ 37, во дворъ, черезъ дворъ, на Фонтанку, номеръ 50, опять во дворъ. Догоню" (номера, впрочемъ, я уже позабылъ). Я пошелъ, увидѣлъ скоро номеръ 37, иду во дворъ, который оказался очень тѣснымъ, съ какими-то закоулками, и въ концѣ концовъ—я неожиданно очутился на Фонтанкѣ... Тутъ я въ первый разъ повѣрилъ въ свое спасеніе. Торопясь, я даже не слѣдилъ за собой, а только старался какъ можно скорѣе идти. Скоро по Фонтанкѣ оказался крутой заворотъ, а за нимъ номеръ 50, прекрасное мѣсто, чтобы исчезнуть неожиданно. Вхожу во дворъ, смотрю, а тамъ уже стоитъ А. Д.; оказалось, что домъ также проходной въ какой-то переулокъ. „Выходи въ переулокъ, говоритъ А. Д., нанимай извозчика куда-нибудь но близости отъ такой-то квартиры", самъ же выбѣжалъ на Фонтанку и осмотрѣлся. Пока я нанялъ извозчика, онъ возвратился и отвезъ меня на квартиру... гдѣ я и остался".

Съ этимъ знаніемъ мѣстности и со своей ловкостью А. Д. былъ просто неуловимъ. Прослѣдить его не было возможности. Можно было развѣ взять его на улицѣ, какъ это случилось послѣ злополучной исторіи съ карточками. Но зато сколько разъ онъ уходилъ изъ рукъ полиціи.

Примѣчаніе II. Не имѣя подъ руками № „Земли и Воли", передадимъ этотъ случай по разсказамъ очевидцевъ [1]). А. Д. явился на квартиру Трощанскаго, не зная объ его арестѣ, а между тѣмъ на квартирѣ этой полиція озаботилась оставить засаду. А. Д. былъ немедленно арестованъ. Когда его вывели на улицу, чтобы препроводить въ часть, А. Д. вырвался и пустился бѣжать. Полиція, разумѣется, пустилась догонять. Но А. Д. началъ громко кричать: „лови, держи"

---

[1]) См. № 1 „Земли и Воли" въ книгѣ Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ". *Ред.*

и этимъ увлекъ за собою много прохожихъ, которые побѣжали вмѣстѣ съ нимъ ловить воображаемаго злоумышленника. Такимъ образомъ, А. Д. до нѣкоторой степени затерся въ толпѣ и успѣлъ шмыгнуть въ переулокъ, а затѣмъ въ первый попавшійся дворъ. Разумѣется, выигрышъ времени состоялъ всего въ нѣсколькихъ минутахъ, и полиція скоро сообразила, что человѣкъ, свернувшій въ переулокъ, именно и есть настоящій бѣглецъ. Между тѣмъ, дворъ, куда свернулъ А. Д., оказалось, къ несчастью, не имѣлъ никакого другого выхода. Преслѣдователи толпились на улицѣ и, очевидно, должны были скоро толкнуться и въ этотъ дворъ, а А. Д. стоялъ безсильно передъ высокой стѣной, преграждающей путь куда-нибудь дальше. „Я готовъ былъ, разсказывалъ А. Д., бить со злости эту проклятую стѣну". Однако, онъ скоро нашелъ способъ перелѣзть черезъ нее въ другой дворъ и такимъ образомъ благополучно скрыться.

Случаевъ такого экстраординарнаго спасенія въ жизни А. Д. было нѣсколько. Приведемъ еще одинъ изъ нихъ, основываясь на разсказахъ очевидцевъ, а отчасти и самого А. Д.

Однажды въ 1879 г. швейцаръ квартиры, гдѣ проживалъ А. Д., сдѣлалъ на него доносъ (благодаря безтактности одного товарища А. Д.), вслѣдствіе чего за нимъ началось слѣженіе. А. Д. скоро замѣтилъ это, тѣмъ болѣе, что зналъ въ лицо шпіона, котораго къ нему приставили. Но А. Д. жилъ подъ прекраснымъ, подлиннымъ, хотя и чужимъ, видомъ; онъ зналъ, что ничего особеннаго за нимъ полиція замѣтить не могла. Поэтому, хотя онъ и рѣшилъ съѣхать съ квартиры съ тѣмъ, чтобы поселиться подъ другимъ видомъ, но въ то же время онъ считалъ совершенно излишнимъ бѣжать, такъ сказать, со скандаломъ. Намѣренія арестовать его онъ со стороны полиціи не предполагалъ. Такимъ образомъ, онъ самымъ благороднымъ манеромъ собралъ пожитки, нанялъ извозчика и отправился на вокзалъ. Оказалось, что шпіонъ проѣхалъ слѣдомъ за нимъ. Это немного обезпокоило А. Д., но онъ все таки ограничился тѣмъ, что изъ предосторожности отдалъ на вокзалѣ товарищу (бывшему тамъ согласно условію) разныя бумаги и деньги. Разумѣется, это было сдѣлано осторожно, въ темномъ закоулкѣ. Самъ же А. Д. отправился все таки брать билетъ и сдавать багажъ. Между тѣмъ вокзалъ началъ принимать очень зловѣщій видъ. Появилось нѣсколько шпіоновъ; они, видимо, стерегли А. Д., ожидая чего-то. Онъ все это наблюдалъ, сохраняя, однако, замѣчательно спокойный видъ, такъ что шпіоны, очевидно, оставались въ полной увѣренности, что онъ ничего не замѣчаетъ. Когда А. Д. сѣлъ въ вагонъ, одинъ шпіонъ остался у вагона, а другой подошелъ и сказалъ что-то жандарму. А. Д. быстро и незамѣтно перешелъ въ другой вагонъ (дѣло было ночью). Между тѣмъ на платформѣ вдругъ появился самъ Кириловъ, начальникъ III отдѣленія. Кириловъ, начавшій свою карьеру простымъ шпіономъ, въ это время былъ уже генералъ и очень старъ, но любилъ въ особенныхъ случаяхъ лично руководить человѣческой травлей. Появленіе его, какъ А. Д. прекрасно зналъ, всегда означало неизбѣжный арестъ. Нужно было спасаться. А. Д. вышелъ на площадку вагона и сталъ въ густой тѣни, а Кириловъ что-то сказалъ своимъ шпіонамъ; вѣроятно, приказалъ арестовать. Но тѣ тутъ только замѣтили, что А. Д. исчезъ. Началась бѣготня. Одинъ прошелъ весь поѣздъ изъ конца въ конецъ, имѣя наивность даже звать А. Д., вѣроятно, въ расчетѣ, что онъ самъ себя чѣмъ-нибудь нечаянно выдастъ. Между тѣмъ, пробилъ третій звонокъ. Кириловъ, очевидно, получилъ отъ шпіоновъ ручательство, что А. Д. долженъ находиться въ поѣздѣ, хотя и неизвѣстно гдѣ. Два шпіона вскочили въ вагонъ, надѣясь на ходу хорошенько осмотрѣть вагоны, а А. Д., какъ только поѣздъ тронулся, соскочилъ со ступенекъ вагона и черезъ дворъ вышелъ на улицу. Отъ шпіоновъ съ пути была прислана Кирилову телеграмма съ извѣстіемъ объ отсутствіи А. Д., а въ Москвѣ, немедленно по прибытіи поѣзда, былъ заарестованъ его багажъ. Въ чемоданѣ, между прочимъ, нашли прекрасный револьверъ Смита и Вессона, а также стилетъ. Этимъ и ограничилась добыча Кириловской экспедиціи.

А. Д. всегда старался узнавать въ лицо шпіоновъ и пользовался для этого всѣми случаями. Это знакомство, вмѣстѣ со способностью необыкновенно хорошо запоминать лица и бысто замѣчать ихъ въ цѣлой толпѣ, очень помогало А. Д. скрываться отъ всякихъ преслѣдованій, и онъ на улицѣ вообще считалъ себя настолько гарантированнымъ отъ ареста, что позволялъ себѣ показываться въ самыя опасныя мѣста. Такъ, напримѣръ, во время взятія первой типографіи

„Народной Воли“, когда въ Саперномъ переулкѣ стоялъ цѣлый взводъ полиціи и шпіоновъ, А. Д. ходилъ туда посмотрѣть, что дѣлается. На его глазахъ арестовано было нѣсколько зѣвакъ, онъ же остался цѣлъ и невредимъ. Точно также онъ всегда охотно брался провѣрить, есть ли слѣженіе за данной квартирой, и въ этомъ случаѣ на его свидѣтельство можно было полагаться почти съ безусловнымъ довѣріемъ. Отъ его вниманія не ускользало ни одно подозрительное обстоятельство; но ни одно обстоятельство онъ также не преувеличивалъ. Его оцѣнка каждаго даннаго положенія вещей отличалась замѣчательной точностью и производилась всегда необыкновенно быстро, совершенно будто у него въ головѣ находились какіе-то вѣсы, которые механически и съ моментальной быстротою показывали ему сравнительную тяжесть фактовъ.

Примѣчаніе III. Эта дѣятельность намъ извѣстна лишь въ общихъ чертахъ. Вскорѣ послѣ покушенія Соловьева на жизнь Александра II, съ А. Д. случилась исторія, о которой мы упомянули выше. Ускользнувъ на вокзалѣ отъ рукъ Кирилова, А. Д. не остался, однако, въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько дней, измѣнивши наружность, всетаки уѣхалъ на югъ, гдѣ долженъ былъ хлопотать о полученіи денегъ Лизогуба. Въ это же время А. Д. сблизился съ Желябовымъ. Затѣмъ наступилъ Липецкій съѣздъ, въ которомъ А. Д. принималъ самое дѣятельное участіе, какъ горячій сторонникъ измѣненія общей дѣятельности партіи и улучшенія ея организаціи. Съ Липецкаго съѣзда А. Д. отправился, въ качествѣ члена „Земли и Воли“, на Воронежскій съѣздъ, гдѣ старался отстоять террористическую дѣятельность, но въ то же время предупредить разрывъ кружка. Послѣ съѣзда А. Д. прибылъ въ Петербургъ и участвовалъ черезъ нѣсколько времени на такъ называемомъ Петербургскомъ съѣздѣ, который состоялъ собственно изъ делегатовъ двухъ группъ, на которыя раскололась „Земля и Воля“. Здѣсь А. Д. энергически отстаивалъ интересы будущей „Народной Воли“, а затѣмъ по распоряженію И. К. отправился въ Москву, гдѣ организовывалъ взрывъ царскаго поѣзда и рядомъ съ этимъ занимался организаціей Московскаго кружка „Народной Воли“. Послѣ 19 ноября А Д. оставался въ Москвѣ, при своей группѣ, пока не былъ вызванъ въ Петербургъ по случаю ареста Квятковскаго и другихъ проваловъ, угрожавшихъ безопасности организаціи. Съ этого времени дѣятельность А. Д. имѣла, главнымъ образомъ, организаторскій характеръ. Въ дѣлѣ 5 февраля онъ не принималъ никакого особеннаго участія. 28 ноября 1880 г. А. Д. былъ арестованъ по слѣдующему поводу: онъ заказалъ карточки нѣкоторыхъ казненныхъ революціонеровъ въ фотографіяхъ Александровскаго и Таубе; онѣ обѣ находятся рядомъ на Невскомъ проспектѣ, между Троицкимъ и Новой улицей. Карточки, разумѣется, были отдаваемы имъ, какъ принадлежащія будто бы его родственникамъ. Но фотографы, вѣроятно, имѣли уже ихъ, такъ что немедленно узнали Квятковскаго и Прѣснякова, и одинъ изъ нихъ (именно Александровскій) донесъ объ этомъ въ полицію. Полиція отрядила двухъ агентовъ въ обѣ фотографіи, при чемъ въ одной агентъ находился въ качествѣ якобы швейцара. Когда А. Д. явился за своими карточками, онъ замѣтилъ странное поведеніе фотографа, который не давалъ карточекъ, подъ, очевидно, пустыми предлогами, и убѣжалъ куда-то (оказалось предупредить полицію). А. Д., не дожидаясь дальнѣйшаго, сказалъ, что онъ не имѣетъ времени дожидаться, и ушелъ. Швейцаръ, мимо котораго онъ проходилъ, держалъ себя еще болѣе по-дурацки: старался уговорить А. Д. не уходить, дѣлалъ движенія какъ будто имѣлъ желаніе схватить его, и т. д. А. Д. опустилъ руку въ карманъ, и швейцаръ (оказалось впослѣдствіи, онъ думалъ, что у А. Д. револьверъ въ карманѣ) оставилъ его въ покоѣ. Странно и невѣроятно, разумѣется, что А. Д., самъ разсказывавшій товарищамъ объ этомъ происшествіи, все таки пошелъ послѣ этого въ фотографію Таубе! Онъ обѣщалъ не ходить, даже въ такихъ словахъ: „Я не дуракъ, не безпокойтесь...“ и все таки черезъ нѣсколько дней пошелъ. Околодочный Кононенко, сильный и смѣлый человѣкъ, все время дежурилъ около подъѣзда фотографіи, переодѣтый въ цивильный костюмъ. Когда А. Д., получивъ карточки, вышелъ на улицу, Кононенко пошелъ за нимъ. А. Д., замѣтивъ слѣженіе, сѣлъ въ конку (по Владимірской улицѣ), куда за нимъ вскочилъ и Кононенко. Около Владимірской церкви А. Д. выскочилъ изъ вагона и хотѣлъ сѣсть на извозчика, но Кононенко бросился на кего и схватилъ его. Тутъ подоспѣли городовые, и А. Д. повели въ часть. Послѣ недолгаго допроса, при чемъ оказалось, что полиція не

имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнія о дѣйствительной личности А. Д., его попросили показать свою квартиру. На дорогѣ А. Д. пытался бѣжать, но его снова поймали. Приведенный на квартиру, А. Д. выставилъ у себя знакъ опасности и затѣмъ послѣ обыска былъ увезенъ въ домъ предварительнаго заключенія; у него было найдено, между прочимъ, значительное количество динамиту.

„Видно на всякаго мудреца довольно простоты", сказалъ А. Д. конвойный жандармъ, когда выяснилась его личность. И, дѣйствительно, ничего не остается больше сказать, видя, при какихъ невѣроятныхъ условіяхъ былъ арестованъ этотъ осторожнѣйшій и осмотрительнѣйшій человѣкъ.

II.

По прочтеніи автобіографіи А. Д. Михайлова [1]).

Трудно добавить что-нибудь существенное къ матеріаламъ, уже извѣстнымъ о личности и дѣятельности А. Д. Михайлова. Его автобіографія и примѣчанія къ ней даютъ совершенно вѣрное представленіе объ этомъ незабвенномъ дѣятелѣ русской революціи.

По натурѣ это былъ цѣльный, уравновѣшенный и жизнерадостный человѣкъ. Самый процессъ жизни доставлялъ ему наслажденіе, никогда не омрачавшееся ни бурями личнаго свойства, ни сильными страстями. Своихъ стариковъ родителей, создавшихъ для него счастливое и безмятежное дѣтство, онъ любилъ горячо и нѣжно, равно какъ и братьевъ и сестру. Обаяніе, которое А. Д. производилъ на людей, сочувствовавшихъ партіи Народной Воли, было очень велико, благодаря привѣтливости его нрава, вниманію, съ которымъ онъ относился къ индивидуальнымъ свойствамъ личности и силѣ воли, которая сознавалась всѣми приходившими съ нимъ въ соприкосновеніе Когда онъ являлся къ лицу состоятельному и предлагалъ ему денежнымъ взносомъ поддержать дѣло народнаго освобожденія, то это лицо чувствовало, что дастъ денегъ и именно столько, сколько укажетъ самъ А. Д, и тугіе, обыкновенно, кошельки развязывались. Между прочимъ, А. Д. удалось получить тѣ сравнительно большія средства, которыя были необходимы для организаціи дѣла 1 марта 1881 года.

Его привязанность къ товарищамъ-революціонерамъ была глубокая и сильная, что не мѣшало его критическому отношенію къ каждому изъ нихъ. Высоко цѣня положительныя стороны характера, ума и дѣятельности товарищей, онъ легко опредѣлялъ слабыя ихъ стороны, которыя могли повредить дѣлу революціи, и всегда открыто и просто указывалъ на нихъ. Если случались неудачи въ революціонныхъ дѣлахъ вслѣдствіе собственной неосмотрительности или промаховъ членовъ партіи, то такія событія глубоко волновали и огорчали его. Не разъ въ такихъ случаяхъ я слышала отъ него восклицаніе: „Несчастная русская революція!"—произнесенное съ особенной горечью.

Онъ очень заботился о томъ, чтобы сохранилась для исторіи память о погибшихъ товарищахъ. Главный архивъ, куда онъ бережно сносилъ письма, воспоминанія и карточки погибшихъ, помѣщался у одного чиновника. Этотъ добрый человѣкъ, вѣроятно, давно умеръ, такъ какъ въ то время былъ уже глубокій старикъ. Послѣ ареста А. Д. Исполнительный Комитетъ рѣшилъ оставить этотъ архивъ на прежнемъ мѣстѣ, а послѣ 1 марта и его проваловъ о немъ забыли. Надо надѣяться, что старичекъ передъ смертью передалъ архивъ въ чьи-нибудь вѣрныя руки [2]). Стараніе А. Д. сберечь для потомства карточки товарищей, пав-

---

[1]) Статья эта принадлежитъ Аннѣ Павловнѣ Корба-Прибылевой, одной изъ выдающихся дѣятельницъ партіи Народной Воли. А. П. Корба была приговорена къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ по дѣлу Богдановича, Буцевича, Грачевскаго и др. въ 1883 году.

Ред.

[2]) Мы приняли уже нѣкоторыя мѣры къ разысканію архива, о которомъ говоритъ А. П. Корба, но пока безрезультатно. Очень просимъ лицъ, имѣющихъ какія-либо по этому поводу свѣдѣнія, подѣлиться ими съ нами.

шихъ въ бою, и послужили причиной его собственной гибели. Наканунѣ того дня, когда онъ отнесъ карточки Квятковскаго и Прѣснякова къ фотографамъ на Невскомъ, онъ видѣлся съ нѣсколькими студентами и просилъ ихъ заказать снимки карточекъ въ любой фотографіи. До того времени переснимки часто практиковались и всегда совершались безпрепятственно. Отказъ студентовъ глубоко возмутилъ А. Д.; онъ увидалъ въ немъ проявленіе трусости и нежеланіе подвергать себя малѣйшей опасности. Поддавшись чувству раздраженія, онъ на другой день самъ отнесъ карточки фотографамъ. Когда онъ явился въ указанное время къ одному изъ нихъ, жена фотографа, ставъ за спиною мужа, взглянула въ упоръ на А. Д. и рукой провела по своей шеѣ, давая ему знать что ему грозитъ висѣлица. Онъ ушелъ изъ фотографіи, сказавъ, что вернется на слѣдующій день. Когда онъ сообщилъ объ этомъ Исполнительному Комитету, его разсказъ былъ встрѣченъ возгласами изумленія и недовольства. Ему напомнили его роль оберегателя безопасности партіи и взяли съ него слово болѣе не возвращаться въ фотографію. На другой день, проходя по Невскому мимо проклятаго мѣста, вѣроятно, у него мелькнула мысль, что онъ невѣрно понялъ предупрежденіе жены фотографа, можетъ быть, онъ самъ себя упрекнулъ въ трусости или же вспомнилъ, какъ счастливо онъ уходилъ отъ всѣхъ опасностей, встрѣчавшихся въ его жизни. Какъ бы то ни было, онъ вошелъ въ фотографію, а затѣмъ послѣдовала уже извѣстная сцена его ареста...

* *
*

Начало 1880 г., до весны, я прожила на одной изъ Подъяческихъ улицъ, близъ Сѣнной площади. Комната, которую я занимала, была удобна въ конспиративномъ отношеніи, и у меня помѣщалась часть паспортнаго стола и нѣкоторыя документы Исполнительнаго Комитета. Въ то время А. Д. довольно часто заходилъ ко мнѣ по дѣламъ. Когда же у него бывало свободное время, онъ оставался на часъ или два, и тогда въ разговорѣ чаще всего возвращался къ воспоминаніямъ о друзьяхъ, которые такъ недавно еще были съ нимъ, работали вмѣстѣ съ нимъ, и которыхъ, онъ это зналъ, онъ никогда не увидитъ болѣе. Часто онъ говорилъ съ любовью и восхищеніемъ о Сабуровѣ, тогда еще живомъ и заключенномъ въ Петропавловской крѣпости; о Маркѣ Натансонѣ, объ Ольгѣ Натансонъ, о Зунделевичъ, о Соловьевѣ и многихъ другихъ.

Помню, какъ однажды онъ сказалъ, что изъ всѣхъ личныхъ чувствъ онъ не знаетъ ничего возвышеннѣе и сильнѣе товарищества, и разсказалъ содержаніе старинной славянской легенды, которая ему особенно нравилась и была близка ему. Суть этой легенды состоитъ въ томъ, что герой, сражавшійся за народную свободу, томится въ турецкой тюрьмѣ. Онъ ждетъ, что его освободятъ отецъ съ матерью, но они дряхлы и хилы и не могутъ спасти его; онъ ждетъ, что жена его освободитъ, но она, хотя плачетъ и убивается, не можетъ, однако, его спасти; узнаютъ о его заключеніи товарищи. Они выбираютъ бурную ночь, убиваютъ стражу и выводятъ героя изъ тюрьмы.

* *
*

Какъ-то разъ я вернулась домой и застала А. Д. въ моей комнатѣ. Онъ стоялъ у окна, выходившаго на улицу, и смотрѣлъ на прохожихъ. Услыхавъ шаги, онъ обернулся и, поздоровавшись, сказалъ, что сейчасъ, глядя на людей, толпившихся на улицѣ, онъ думалъ о томъ, что продолжительное одиночное заключеніе для него невозможно. „У меня, говорилъ онъ, умъ такъ созданъ, что самъ изъ себя не родитъ предметовъ для размышленія. Мнѣ необходимы внѣшнія впечатлѣнія для того чтобы мои мысли могли перерабатывать ихъ. Внѣшнія впечатлѣнія это тотъ матеріалъ, которымъ питается мой умъ. Поэтому я увѣренъ, что долго не вынесу одиночнаго заключенія“. Эти его слова оказались,

пророческими. А. Д. не прожилъ въ Петропавловской крѣпости и двухъ лѣтъ послѣ суда. Какъ именно кончилась эта свѣтлая и могучая жизнь, и до сихъ поръ остается необъясненнымъ.

Анна Корба.

III.

Завѣщаніе Александра Дмитріевича Михайлова.

16-го февраля 1882 г.

Завѣщаю Вамъ, братья, не расходовать силъ для насъ, но беречь ихъ отъ всякой безплодной гибели и употреблять ихъ только въ прямомъ стремленіи къ цѣли.

Завѣщаю Вамъ, братья, издать постановленія Исполнительнаго Комитета отъ приговора А . . . . [1]) и до объявленія о нашей смерти включительно (т. е. 26 августа 1876 года до марта 1882 г.). При нихъ приложите краткую исторію дѣятельности организаціи и краткія біографіи погибшихъ членовъ ея.

Завѣщаю Вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпнуть ихъ характерамъ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы.

Завѣщаю Вамъ, братья, установить единообразную форму дачи показаній до суда, при чемъ рекомендую Вамъ отказываться отъ всякихъ объясненій на дознаніи, какъ бы ясны договоры или сыскныя свѣдѣнія ни были. Это избавитъ Васъ отъ многихъ ошибокъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, еще на волѣ установить знакомства съ родственниками одинъ другого, чтобы, въ случаѣ ареста и заключенія, Вы могли поддерживать какія-либо сношенія съ оторваннымъ товарищемъ. Этотъ пріемъ въ прямыхъ Вашихъ интересахъ. Онъ сохранитъ во многихъ случаяхъ достоинство партіи на судѣ. При закрытыхъ судахъ, думаю, нѣтъ нужды отказываться отъ защитниковъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, контролировать одинъ другого во всякой практической дѣятельности, во всѣхъ мелочахъ, въ образѣ жизни. Это спасетъ Васъ отъ неизбѣжныхъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, но гибельныхъ для всей организаціи, ошибокъ. Надо, чтобы контроль вошелъ въ сознаніе и принципъ, чтобы онъ пересталъ быть обиднымъ, чтобы личное самолюбіе замолкло передъ требованіями разума. Необходимо знать всѣмъ ближайшимъ товарищамъ, какъ человѣкъ живетъ, что онъ носитъ съ собой, какъ записываетъ и что записываетъ, насколько онъ остороженъ, наблюдателенъ, находчивъ. Изучайте другъ друга. Въ этомъ сила, въ этомъ совершенство отправленій организаціи.

Завѣщаю Вамъ, братья, установить строжайшія сигнальныя правила, которыя спасали бы Васъ отъ повальныхъ погромовъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, заботиться о нравственной удовлетворенности каждаго члена организаціи. Это сохранитъ между Вами миръ и любовь; это сдѣлаетъ каждаго изъ Васъ счастливымъ, сдѣлаетъ навсегда памятными дни, проведенные въ Вашемъ обществѣ.

Затѣмъ цѣлую Васъ всѣхъ, дорогіе братья, милыя сестры, цѣлую всѣхъ по одному и крѣпко, крѣпко прижимаю къ груди, которая полна желаніемъ, страстью, воодушевляющими и Васъ. Простите, не поминайте лихомъ. Если я сдѣлалъ кому-либо непріятное, то, вѣрьте, не изъ личныхъ побужденій, а единственно изъ-за своеобразнаго пониманія нашей общей пользы и изъ свойственной характеру настойчивости.

Итакъ, прощайте, дорогіе! Весь и до конца Вашъ

Александръ Михайловъ.

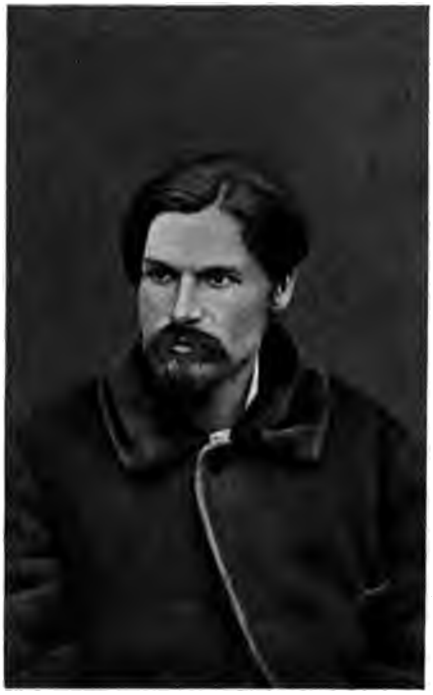
---

[1]) Александру II.

Ред.

Народовольческая пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 году.

Народовольческая организація развивалась, какъ извѣстно, сверху внизъ. Прежде всего возникло центральное ядро, которое тотчасъ же приступило къ поразительнымъ по своей энергіи аггресивнымъ дѣйствіямъ, требовавшимъ отъ только-что зарождавшейся партіи огромнаго напряженія силъ. Казалось бы, народовольцамъ при ихъ малочисленности нельзя было и мечтать о распространеніи своей организаціи теперь же на широкія народныя массы, такъ какъ для этого имъ пришлось бы отрываться отъ преслѣдованія прямой задачи партіи—борьбы съ самодержавіемъ, и отъ дѣятельности въ наиболѣе доступной и близкой для нея средѣ, т. е. въ средѣ интеллигенціи. Однако же, на дѣлѣ было не такъ, и члены Исполнительнаго Комитета направили всѣ усилія къ тому, чтобы не остаться оторванными отъ народа, и прежде всего—отъ наиболѣе культурной и доступной для пропаганды части трудового народа, т. е. отъ городскихъ рабочихъ. Это стремленіе къ сближенію съ массой помимо политическаго расчета, вызывалось уже тѣмъ однимъ, что всѣ первые народовольцы вышли изъ среды народниковъ и, отдаваясь политической борьбѣ, ни одинъ изъ нихъ не отказывался отъ взглядовъ, дорогихъ ему съ молоду; стать народовольцемъ,—это значило для радикала того времени признать необходимость завоеванія русскими соціалистами свободы для соціалистической пропаганды, а слѣдовательно, и политической свободы вообще, такъ какъ при отсутствіи такой свободы, какъ показалъ десятилѣтній опытъ, соціализмъ не можетъ получить сколько-нибудь широкаго распространенія въ народныхъ массахъ; стать народовольцемъ,—это значило, во-вторыхъ, примириться съ необходимостью строго централистической организаціи, стоявшей по своимъ принципамъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ свободолюбивыми взглядами и анархическими привычками радикаловъ прежняго періода. Но какъ ни противорѣчилъ централизмъ укоренившимся привычкамъ, слишкомъ ясно было, что безъ него не обойтись при новой боевой тактикѣ, а тактика эта была слишкомъ обаятельна, чтобы молодежь въ массѣ не увлеклась новымъ направленіемъ. Притокъ молодыхъ силъ, рвавшихся къ дѣлу, явился вторымъ условіемъ, облегчившимъ для народовольцевъ возможность дѣятельности не только въ интеллигентной, но и въ рабочей средѣ. Активная борьба требовала лишь

Степанъ Николаевичъ
ХАЛТУРИНЪ.

нѣсколько десятковъ лицъ, обладающихъ особыми боевыми достоинствами, а куда же было дѣвать эти сотни молодежи, стремившейся какимъ бы то ни было способомъ поработать для дѣла и сослужить свою службу народу? Сплотить ее и направить въ рабочую среду— было естественнѣй всего и правильнѣй всего, и народовольцы такъ именно и поступили. Еще въ 80 году рабочее дѣло велось народовольцами въ Петербургѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, а въ концѣ 80-го начало оно зарождаться и въ Москвѣ.

Руководителемъ всей вообще народовольческой дѣятельности въ Москвѣ былъ въ то время Петръ Абрамовичъ Теллаловъ извѣстный въ кружкахъ подъ именемъ «Петра Николаевича» [1]). Для пропаганды въ разныхъ слояхъ интеллигентнаго населенія въ Москвѣ уже раньше существовала «Городская группа», въ вѣдѣніи которой состояло нѣсколько группъ и кружковъ, преимущественно студенческихъ. Для организаціи рабочихъ рѣшено было образовать, совершенно независимую отъ Городской, «Рабочую группу», частью изъ мѣстныхъ, частью изъ пріѣзжихъ пропагандистовъ, которыхъ П. А. вызвалъ въ Москву съ этой цѣлью. Такимъ образомъ, въ началѣ 81 года прибыли изъ Петербурга занимавшіеся раньше съ тамошними рабочими, но затѣмъ вынужденные перейти на нелегальное положеніе: студентъ Технологическаго Института А. Ф. Борейша и нѣкто Крыловъ, крестьянинъ по происхожденію, сектантъ по вѣроисповѣданію, въ ранней молодости служившій приказчикомъ, а въ послѣднее время занимавшій положеніе управляющаго какимъ-то домомъ въ Петербургѣ. Помимо пропаганды среди рабочихъ, Крыловъ имѣлъ въ виду особую задачу: революціонизированіе раскольничьяго населенія въ Москвѣ и на своей родинѣ—во Владимірской губерніи. Съ этой цѣлью, не ограничиваясь личными сношеніями съ московскими сектантами, Крыловъ (онъ же Воскресенскій, онъ же Ѳеофанъ), написалъ цѣлое посланіе, въ которомъ пытался обосновать соціализмъ на Евангеліи и побудить послѣдователей разныхъ сектъ объединиться въ «Христіанское Братство», представлявшее по идеѣ автора нѣчто среднее между сектой и теперешнимъ Крестьянскимъ Союзомъ. Въ позднѣйшее время Ѳеофанъ не прерывалъ своихъ сношеній съ раскольничьимъ міромъ и настойчиво предлагалъ Рабочей группѣ отпечатать его посланіе и распространить его въ Москвѣ и въ провинціи, но группа отклонила это предложеніе, главнымъ образомъ, въ виду чисто литературныхъ недостатковъ посланія..... Одновременно съ этими двумя лицами, если только не раньше ихъ, изъ Петербурга былъ присланъ въ Москву рабочій, котельщикъ А. В. Скворцовъ, пріятель Тимофея Михайлова; на него возлагались особенно большія надежды, такъ какъ онъ, уроженецъ московской губерніи, работалъ

[1]) Теллаловъ былъ присужденъ къ смертной казни по процессу 17 народовольцевъ въ 1883 г. Смерть была ему замѣнена безсрочною каторгою, послѣ чего Теллаловъ былъ замурованъ въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ и скончался. Редакція очень проситъ доставить ей портретъ П. А. Теллалова.

Ред.

раньше на московскихъ заводахъ и, по слухамъ, пользовался большой популярностью и имѣлъ широкія связи среди замоскворѣцкихъ рабочихъ. Послѣднимъ петербуржцемъ среди членовъ группы былъ студентъ университета Л. М. Коганъ-Беренштейнъ; послѣ «сабуровской исторіи» на актѣ 8-го февраля, гдѣ Б. произнесъ революціонную рѣчь, онъ скрылся изъ Петербурга и направился въ Саратовъ, но такъ какъ его тамъ вскорѣ же выслѣдили, то онъ покинулъ Саратовъ и прибылъ въ Москву, гдѣ вступилъ въ Рабочую группу. Изъ москвичей въ составъ группы должны были войти: ст. унив. И. Ю. Старынкевичъ, который, однако, былъ арестованъ въ мартѣ мѣсяцѣ, т. е. раньше, чѣмъ группа успѣла вполнѣ сформироваться, и студентъ Дьяконовъ, арестованный въ первыхъ числахъ апрѣля, въ самомъ началѣ своей дѣятельности,—при ночной расклейкѣ прокламацій въ фабричномъ районѣ Якиманской части. Фактически успѣли вступить въ группу и проработать въ ней болѣе или менѣе долгое время студ. унив. Г. (единственный, уцѣлѣвшій впослѣдствіи на волѣ), ст. Техническаго Училища А. В. Кирхнеръ, прибывшій изъ Саратова для поступленія въ университетъ И. И. Майновъ и учительница одной городской школы А. В. Орлова. Нѣсколько позже, пока группа продолжала существовать, т. е. до весны 82 года, въ ея составѣ перебывали: ст. унив. Н. Е. Лавровъ, нелегальная Антонина Лисовская, и бѣжавшіе изъ ссылки: И. В. Калюжный, Н. С. Смирницкая, В. А. Панкратьевъ, М. Н. Чекоидзе, а въ самый послѣдній періодъ и нѣкоторые другіе, которыхъ я уже не зналъ.

Приступая къ постановкѣ новаго дѣла, Теллаловъ нашелъ нужнымъ прежде всего развить общій взглядъ на тѣ задачи, которыя должны преслѣдовать народовольцы въ рабочей средѣ, и установить по возможности ясно и опредѣленно внутренній порядокъ группы и ея отношенія къ другимъ органамъ партіи. Естественно, что Исполнительному Комитету, по общему духу народовольческой организаціи, предоставлялась широкая власть: онъ могъ назначать въ составъ группы разныхъ лицъ по своему усмотрѣнію, могъ переводить членовъ группы въ другія мѣстности или поручать имъ другія функціи, сохранялъ за собой постоянное право контроля и указаній, которыя для группы были обязательны: вообще, по отношенію къ нему группа была вполнѣ подчиненнымъ органомъ. Пополнялась группа, помимо назначенія отъ Исполнительнаго Комитета, путемъ кооптаціи, при чемъ для пріема новаго члена требовалось единодушное согласіе всѣхъ наличныхъ членовъ. Былъ установленъ своего рода цензъ: возрастъ не менѣе 20 лѣтъ; не менѣе двухъ лѣтъ принадлежности къ революціоннымъ кружкамъ, и извѣстный уровень знакомства съ теоріей соціализма и литературой рабочаго вопроса, соотвѣтствовавшій среднему уровню наличныхъ членовъ группы. Максимальный составъ группы, въ интересахъ конспиративности, не долженъ былъ превышать числа 15 человѣкъ. Для непрерывности работы предполагалось установить обязательность кандидатуры, т. е. привлеченія каждымъ членомъ группы

къ участію въ его пропагаторской работѣ по меньшей мѣрѣ двоихъ лицъ изъ числа его знакомыхъ, удовлетворяющихъ требованіямъ вступленія въ группу; въ случаѣ ареста пропагандиста, группа могла бы при такомъ порядкѣ тотчасъ же замѣстить убылое мѣсто человѣкомъ уже знакомымъ съ дѣломъ, не теряя связей арестованнаго, что раньше случалось сплошь и рядомъ. Къ сожалѣнію, это постановленіе на практикѣ оказалось трудно-выполнимымъ, такъ какъ полиція арестовала всѣхъ и каждаго, не разбирая, кто кѣмъ числится, а при быстромъ исчезновеніи съ поля дѣятельности самихъ членовъ группы о сколько-нибудь правильной постановкѣ кандидатуры не могло быть и рѣчи.

Вслѣдъ за выработкой устава послѣдовала выработка инструкціи, которая могла бы служить руководствомъ для пропагандистовъ, приступающихъ къ дѣлу. Ближайшей задачей признавалось привлеченіе рабочихъ къ участію въ политической борьбѣ и наряду съ этимъ подготовка ихъ къ дальнѣйшей борьбѣ за соціализмъ. Пропагандистамъ предлагалось указывать рабочимъ прежде всего на полное безсиліе каждаго рабочаго въ отдѣльности передъ лицомъ двойственнаго союза капиталистовъ и правительства, откуда вытекала необходимость для рабочихъ организоваться и вырвать у власти политическую свободу, безъ которой возможны только безрезультатные стихійные бунты, а не планомѣрная соціальная борьба. Такъ какъ для вліянія непосредственно на массу у агитаторовъ того времени не было никакихъ способовъ,—кромѣ развѣ распространенія прокламацій, что и дѣлалось,—то на первыхъ порахъ необходимость заставляла сближаться съ отдѣльными лицами изъ рабочихъ, а затѣмъ уже черезъ нихъ расширять свои связи въ рабочей средѣ. Инструкція рекомендовала каждому пропагандисту возможно обстоятельнѣе знакомиться съ условіями трудовой жизни въ сферѣ его наблюденій, а по возможности съ личнымъ составомъ рабочаго населенія въ этой сферѣ, чтобы дѣйствовать не слѣпо, по случайностямъ встрѣчи съ тѣмъ или инымъ лицомъ, а съ наибольшей экономіей силъ, намѣчая для пропаганды именно тѣхъ рабочихъ, которые пользуются среди товарищей особымъ вліяніемъ или обладаютъ выдающейся энергіей и дарованіями. Такихъ лицъ вовсе не имѣлось въ виду извлекать изъ ихъ среды, направляя непремѣнно на политическій терроръ, наоборотъ,—на нихъ смотрѣли, какъ на авангардъ, который современемъ сумѣетъ увлечь за собою массу и поведетъ ее въ бой.

Такъ какъ группа составилась изъ интеллигентовъ, то труднѣе всего было проникнуть въ рабочую среду и завязать въ ней первыя знакомства. Выполнить эту задачу пропагандистамъ удалось, благодаря содѣйствію нѣсколькихъ рабочихъ, бывшихъ ранѣе членами революціонныхъ кружковъ въ Петербургѣ и въ провинціи, а теперь, частью по случаностямъ ихъ личной судьбы, а частью по приглашенію знакомыхъ изъ членовъ московской группы, находившихся въ Москвѣ и примкнувшихъ къ Народной Волѣ. Кромѣ упомянутаго выше Скворцова, къ числу такихъ рабочихъ принадле-

жалъ одинъ смольнянинъ, родственникъ извѣстнаго Петра Алексѣева, доставившій пропагандистамъ связи съ ткачами, саратовскій наборщикъ А. Масленниковъ, и молодой переплетчикъ С. Логуновъ, успѣвшій набрести при расширеніи своихъ знакомствъ, между прочимъ, на двоихъ рабочихъ-соціалистовъ, вокругъ которыхъ группировался цѣлый кружокъ послѣдователей, стоявшій внѣ всякой связи съ интеллигенціей. Въ кружкѣ этомъ, не имѣвшемъ, впрочемъ, правильной организаціи, читалась исключительно легальная литература, такъ какъ нелегальной неоткуда было достать; революціонное настроеніе поддерживалось въ кружкѣ всецѣло вліяніемъ двоихъ руководителей, рѣзко выдѣлявшихся по своему развитію изъ массы тогдашнихъ рабочихъ. Когда Логуновъ съ ними сблизился, то оказалось, что оба эти лица имѣли связи съ пропагандистами и принадлежали къ соціалистическимъ кружкамъ во времена Долгушина (1874 г.), но послѣ ареста долгушенцевъ и вплоть до встрѣчи съ Лагуновымъ оставались совершенно оторванными отъ движенія, ни разу за все это время не столкнувшись ни съ однимъ соціалистомъ.

Завязавъ первыя знакомства, пропагандисты затѣмъ уже сравнительно легко расширяли свои связи, такъ какъ каждый вновь пріобрѣтенный рабочій въ свою очередь, по ревности неофита, спѣшилъ пріобрѣсти послѣдователей, и къ осени пропаганда велась въ Москвѣ приблизительно на 30 «пунктахъ». Подъ «пунктомъ» подразумѣвался тогда опредѣленный уголокъ дѣятельности: либо мастерская или фабрика, на которой имѣлись связи, либо просто нѣсколько рабочихъ разныхъ профессій, лично знакомыхъ другъ съ другомъ и потому представлявшихъ какъ бы одинъ кружокъ, хотя бы и неорганизованный; совершенно новое знакомство въ такой сферѣ, въ которую ранѣе не было доступа, составляло также новый «пунктъ», а потому опредѣлить общее количество рабочихъ, состоявшихъ въ непосредственной связи съ группой, было бы очень трудно: на иномъ пунктѣ имѣлся всего одинъ человѣкъ, на другомъ было человѣкъ 6—8, а въ общемъ на всѣхъ этихъ тридцати пунктахъ насчитывалось приблизительно человѣкъ 100—120. По новизнѣ дѣла и это казалось уже большимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что рабочая молодежь въ большинствѣ случаевъ относилась къ соціалистической пропагандѣ съ интересомъ и сочувствіемъ, а недовольство своимъ положеніемъ уже было тогда у рабочихъ всеобщимъ. Увѣренность въ возможности болѣе широкаго успѣха росла у пропагандистовъ вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ связей въ рабочемъ мірѣ и особенно усилилась съ пріѣздомъ И. В. Калюжнаго, который сообщилъ, что у него есть надежда склонить къ переходу въ Народную Волю и соединенію съ группой цѣлый кружокъ его пріятелей-народниковъ, самостоятельно занимающихся пропагандой среди слесарей и желѣзнодорожниковъ. Впослѣдствіи И. В. дѣйствительно осуществилъ это соединеніе, хотя у народниковъ распропагандированныхъ рабочихъ оказалось не особенно много.

Повидимому, кромѣ народовольческой группы и кружка народниковъ, пропагандой среди рабочихъ занимались въ то время и

нѣкоторыя лица, дѣйствовавшія вполнѣ самостоятельно. Съ однимъ изъ такихъ лицъ членамъ группы удалось завязать сношенія: оказалось, что подъ вліяніемъ этого одиночки, человѣка уже среднихъ лѣтъ, находилось нѣсколько десятковъ самой разнообразной молодежи изъ интеллигентнаго пролетаріата, рабочихъ, приказчиковъ и даже юнкеровъ; вся эта разнокалиберная и совершенно неорганизованная масса жадно поглощала всякую тенденціозную и нелегальную литературу и, если не особенно разбиралась въ теоріяхъ, то во всякомъ случаѣ обнаруживала опредѣлившееся революціонное и соціалистическое настроеніе...

Пока дѣло шло лишь объ установленіи связей, встрѣчи съ рабочими происходили въ паркахъ, въ загородныхъ мѣстностяхъ и въ простенькихъ трактирахъ, посѣщаемыхъ мастеровыми; впослѣдствіи явилась необходимость имѣть для этого особыя квартиры, т. к. жилища самихъ рабочихъ дѣлали пропаганду на мѣстѣ совершенно невозможной: тамъ обыкновенно въ страшной тѣснотѣ ютилось по нѣсколько десятковъ человѣкъ, въ числѣ ихъ не мало постороннихъ и прямо ненадежныхъ, при которыхъ приходилось держать языкъ за зубами. Въ устраненіе этого неудобства, на средства группы на отдѣльныхъ квартиркахъ поселялись гдѣ одинъ, гдѣ двое распропагандированныхъ рабочихъ; у нихъ собирался маленькій кружокъ, и тамъ велись бесѣды и производились чтенія. Читались книги: Михайлова «Пролетаріатъ во Франціи», Шелгунова «Отечественныхъ Записокъ» о движеніи чартистовъ, переводныя книги: Бехера «Рабочій вопросъ», Торнтона «Трудъ», нелегальное изданіе Лассаля «Трудъ и капиталъ», кромѣ того отдѣльныя произведенія Костомарова, Карновича, Бѣляева, Семевскаго, Мордовцева по исторіи Россіи и въ особенности крестьянства и его борьбы за волю. Считалось необходимымъ знакомить рабочихъ съ исторіей Великой Революціи и съ парижской коммуной, а также съ теоріей цѣнности Маркса, которая излагалась обыкновенно изустно или по одному изъ многочисленныхъ въ то время рукописныхъ конспектовъ, составлявшихся чуть ли не во всѣхъ городахъ, гдѣ только велась пропаганда, и затѣмъ ходившихъ по рукамъ. Для облегченія рабочихъ въ выборѣ чтенія членами группы былъ составленъ особый каталогъ легальныхъ книгъ и журнальныхъ статей по исторіи и рабочему вопросу; кромѣ того пропагандисты записывались въ частныхъ библіотекахъ для чтенія и передавали въ пользованіе рабочихъ свои билеты. Для удовлетворенія разностороннихъ умственныхъ запросовъ, обыкновенно съ внезапной силой пробуждавшихся у рабочихъ при первомъ знакомствѣ съ міромъ идей, имѣлось въ виду привлечь впослѣдствіи побольше интеллигентной молодежи и организовать правильныя занятія съ рабочими по общеобразовательнымъ предметамъ, но на практикѣ это предположеніе въ Москвѣ не успѣло осуществиться, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ подобныя занятія въ то время велись народовольческой молодежью, разумѣется — тайно отъ полиціи.

Многіе изъ фабричныхъ и мастеровыхъ, уходя лѣтомъ и на

большіе праздники на побывку въ свои деревни, просили давать имъ на дорогу книжки и прокламаціи для распространенія среди односельчанъ. Это обстоятельство живо заинтересовало Теллалова, и онъ настаивалъ на томъ, что послѣ того, какъ рабочее дѣло въ Москвѣ упрочится, непремѣнно надо будетъ организовать, независимую отъ Городской и Рабочей группъ, Крестьянскую группу, которая занялась бы агитаціей по селамъ. Кое-кто уже былъ намѣченъ въ эту, еще не существовавшую группу. Теллаловымъ были пріобрѣтены среди уѣздной интеллигенція кое-какія связи, но дальнѣйшаго осуществленія дѣло не получило, и я упоминаю объ этомъ эпизодѣ, чтобы лишній разъ показать неосновательность взгляда на народовольцевъ, какъ на какихъ-то единоборцевъ, оторваннныхъ отъ жизни и игнорировавшихъ въ своей дѣятельности массы. Для организаціи массъ не хватало силъ, не было на лицо надлежащихъ условій, но дѣлать отсюда выводъ, что чего не было на дѣлѣ, къ тому и не стремились,—это большая ошибка.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Теллаловъ предупредилъ пропагандистовъ, что онъ вскорѣ уѣдетъ въ Петербургъ, и ввелъ вмѣсто себя руководителемъ группы Халтурина [1]). Правительственныя репрессіи въ Петербургѣ къ этому времени настолько усилились, что изданіе народовольческой «Рабочей Газеты» рѣшено было перенести въ Москву. Типографію предполагалось помѣстить въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой, а редактированіе газеты возлагалось на Рабочую группу. Вся группа на общемъ собраніи должна была намѣчать содержаніе номера и доставлять матеріалъ, а составленіе статей и подготовка номера возлагалась на особую комиссію изъ трехъ лицъ подъ ближайшимъ руководствомъ Халтурина. Послѣдовавшія вскорѣ пертурбаціи пріостановили, однако, выпускъ «Рабочей Газеты» и, сколько мнѣ помнится, въ Москвѣ не вышло ни одного номера, хотя типографія и была вполнѣ налажена.

Халтуринъ, въ противоположность Теллалову, при всей своей преданности рабочему дѣлу, подъ вліяніемъ быстро развивавшейся правительственной реакціи, стоялъ въ то время на чисто террористической точкѣ зрѣнія. Теллаловъ утверждалъ, что дѣло 1 марта не дало тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидали, всецѣло по слабости народовольческой организаціи, не имѣвшей силъ, чтобы использовать моментъ паники правительства и возбужденія массъ. Отсюда онъ выводилъ заключеніе о необходимости во что бы то ни стало расширять свои кадры и упрочивать организацію съ тѣмъ, чтобы приступить вновь къ террору уже съ пополненными силами. Таковъ же былъ взглядъ и другихъ членовъ Исполнительнаго Комитета, или по крайней мѣрѣ, большинства, опредѣлившаго своимъ вліяніемъ политику момента. Халтуринъ, наоборотъ, считалъ иллюзіей надежду на возможность при данныхъ условіяхъ создать обшир-

---

[1]) Знаменитый Степанъ Халтуринъ. Объ его дѣятельности см. ст. В. Л. Бурцева „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ" въ январьской книжкѣ „Былого". См. также воспроизводившуюся заграницей нѣсколько разъ ст. „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ". *Ред.*

ную и прочную организацію и предпочелъ бы сосредоточить всѣ пригодныя для этого силы на неуклонномъ продолженіи террора. При такомъ настроеніи онъ заранѣе рѣшилъ оставаться въ Москвѣ не дольше декабря, а затѣмъ уѣхать и поставить на очередь какое-нибудь террористическое предпріятіе. Послѣ его отъѣзда дѣятельность группы шла скачками, такъ какъ однихъ членовъ арестовывали въ самой Москвѣ, другихъ Исполнительный Комитетъ переводилъ въ Петербургъ на пополненіе тамошней убыли, и, наконецъ, въ апрѣлѣ 82-го года, съ арестомъ Чекоидзе, Панкратьева и др., народовольческая организація, возникшая въ Москвѣ при Исполнительномъ Комитетѣ перваго состава, была окончательно разбита.

Н. Волковъ.

Петръ Григорьевичъ Каховскій [1]).

Историко-психологическій этюдъ.

II. На сенатской площади.—Маски Николая Павловича,—Каховскій и Николай I.—Въ крѣпости.—Слѣдствіе и судъ.—Казнь.

7.

Тревожную ночь провелъ Каховскій. Казались близкими самыя затаенныя желанія. «Изступленіе», экстазъ, нервная напряженность достигли высшей степени. Поздно вечеромъ, послѣ посѣщенія Рылѣева, Каховскій побывалъ у А. Безстужева, у Панова [2]), у Андреева: у послѣдняго онъ справлялся объ адресѣ Кожевникова. А рано утромъ онъ былъ уже на ногахъ. Въ 7 часовъ его видѣлъ у Рылѣева Оболенскій. При немъ его послали въ л.-гренадерскій полкъ къ Сутгофу. Рано утромъ онъ былъ, по показанію А. Бестужева, въ казармахъ Московскаго полка у Михаила Бестужева на минутку, узнать какъ идутъ дѣла, и сказать: «Господа, не погубите лейбъ-гренадеровъ нерѣшительностью». Вслѣдъ за Якубовичемъ пріѣзжалъ въ гвардейскій экипажъ и Каховскій, чтобы узнать настроеніе общества офицеровъ, Испытывая ихъ рѣшимость, онъ сказалъ:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго времени.

Тутъ въ безумномъ энтузіазмѣ А. П. Бѣляевъ сказалъ ему:

— Нѣтъ, лучше не откладывать, если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе: другого такого случая, можетъ быть, и не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ Каховскій,—станемъ дѣйствовать [3]).

Въ гвардейскомъ экипажѣ произошелъ инцидентъ. Кюхелбекеръ показалъ, что, сходя съ крыльца офицерскихъ казармъ гвардейскаго экипажа, онъ увидѣлъ Каховскаго: онъ бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ гнались солдаты, которые, какъ онъ позднѣе самъ Кюхельбекеру разсказывалъ, сорвали съ него шинель...

Затѣмъ мы видимъ его на Сенатской площади.

---

[1]) Окончаніе. См. „Былое“, январь, стр. 133—170.

[2]) Объ этомъ посѣщеніи Каховскій показывалъ, что онъ, угнетенный предложеніемъ Рылѣева, сказалъ о немъ Панову, не открывая ему сущности. Но Пановъ на допросѣ не припомнилъ этого обстоятельства.

[3]) Воспоминанія А. П. Бѣляева. Русск. Стар. т. XXX. 1881 годъ, мартъ, стр. 496.

Въ одиннадцатомъ часу утра на Сенатской площади показались первые отряды возставшихъ войскъ—роты Московскаго полка во главѣ съ кн. Щепинымъ-Растовскимъ и Безстужевыми. Московцы сейчасъ же построились въ каре. Пустынная до сихъ поръ площадь наполнилась народомъ. Народъ, повидимому, сочувствовалъ возставшимъ. Члены тайнаго общества, не носившіе военнаго мундира, или, какъ выражается донесеніе, люди гнуснаго вида во фракахъ были тутъ же. Тутъ былъ и пріятель Каховскаго Глѣбовъ, и Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Каховскій съ двумя заряженными пистолетами и кинжаломъ все время находился или передъ фронтомъ, или въ рядахъ солдатъ. Онъ агитировалъ и поддерживалъ солдатъ частыми возгласами «Ура, Константинъ!» Изъ всѣхъ заговорщиковъ, бывшихъ въ этотъ день на площади, Каховскій, несомнѣнно, былъ самымъ рѣшительнымъ и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ. Онъ не привелъ въ исполненіе главный свой замыселъ. Николай Павловичъ не подъѣхалъ къ каре возставшихъ, и Каховскій, оставаясь около каре, не имѣлъ возможности стрѣлять «по Государю». Но зато онъ какъ будто поставилъ своимъ долгомъ устранять всякія препятствія, какія только могли помѣшать успѣху дѣла. Когда онъ увидѣлъ, что убѣжденія графа Милорадовича могли поколебать твердое настроеніе солдатъ, онъ пустилъ въ него пулю. Штейнгель оставилъ въ своихъ «Запискахъ» описаніе смерти Милорадовича: «Едва успѣли инсургенты построиться въ каре, какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказалъ ему: «объѣзжай церковь и подъѣзжай къ казармамъ». Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ каре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору. Вдругъ раздался выстрѣлъ, графъ замотался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ лукѣ и въ такомъ положеніи лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностью стараго отца-командира, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ, но что же дѣлать, если онъ отказался: увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе, и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, князь Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ каре, убѣждалъ графа отъѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностью. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на него вниаанія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, наканунѣ вылитую» [1]).

Немного спустя, на площади показались лейбъ-гренадеры, приведенные сюда друзьями Каховскаго—Сутгофомъ, Пановымъ, Кожев-

---

[1]) Общ. движ. въ первую половину XIX вѣка. Томъ I, Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1905. Стр. 441.

никовымъ. Самолюбіе его, какъ заговорщика, должно быть, было удовлетворено. Значительная часть лейбъ-гренадерскаго полка была на лицо. Но вмѣстѣ съ лейбъ-гренадерами пришелъ и ихъ полковой командиръ Стюрлеръ, все время убѣждавшій своихъ солдатъ вернуться въ казармы, и лишь только лейбъ-гренадеры поравнялись съ Московскимъ полкомъ, пуля Каховскаго сразила Стюрлера. Сутгофъ увидалъ, какъ Стюрлеръ повернулъ назадъ, держа себя за бокъ. Сутгофъ бросился съ вопросомъ къ Каховскому: «ты ли выстрѣлилъ?» и получилъ сухой отвѣтъ: «теперь не время объ этомъ говорить». Дѣло, продиктованное логикой возстанія, коснувшись души Каховскаго, не могло не нарушать его равновѣсія. Кн. Одоевскій видѣлъ, какъ выстрѣлилъ Каховскій. У Одоевскаго былъ пистолетъ; одинъ изъ лейбъ-гренадеровъ, не любившихъ своего полковника, счелъ виновникомъ выстрѣла Одоевскаго, выскочилъ изъ толпы и поцѣловалъ его, а Каховскій съ торжественнымъ видомъ показалъ свой пистолетъ и сказалъ, что онъ его ранилъ. Потомъ Каховскій сознался Одоевскому, что онъ имѣетъ на душѣ двухъ и что ему гадко мясничать, и бросилъ пистолетъ со словами «ужъ будетъ съ меня!» [1]).

Еще одно кровавое покушеніе въ этотъ день легло на душу Каховскаго. Онъ ранилъ свитскаго офицера шт.-капитана Гастефера, трудно понять, почему, потому ли, что въ пылу возбужденія онъ заставлялъ его кричать «Ура, Константинъ!» а тотъ отказывался, или потому, что онъ показался подозрительнымъ. Каховскій нанесъ ему рану въ лицо, но сейчасъ же опомнился. Ему стало жаль офицера, и онъ отвелъ его въ каре.

Но Каховскому пришлось быть участникомъ не только кровавыхъ происшествій. Въ числѣ другихъ онъ объяснялся съ митрополитомъ Серафимомъ, явившимся на площадь для увѣщанія мятежниковъ. Онъ встрѣтилъ пріемъ, далеко не ласковый. «Первосвятитель—разсказываетъ діаконъ Прохоръ Ивановъ, сопровождавшіи митрополита,—у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

— Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно трикраты отрекся отъ россійской короны, и онъ ранѣе насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противъ сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните.

Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составилась изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

---

[1]) Такъ показывалъ 1-го мая кн. Одоевскій. Правда, Каховскій рѣшительно отрицалъ истину этого показанія, но вѣдь онъ въ это время запирался даже въ самомъ фактѣ нанесенія ранъ Стюрлеру.

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ! Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты—дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь! Это дѣло не ваше; мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь» [1]).

По показанію Штейнгеля, Каховскій въ отвѣтъ на рѣчь Серафима сказалъ: «полно, батюшка, не прежняя пора обманывать насъ; поди-ка на свое мѣсто!» Серафимъ нашелся отвѣтить только: «Христіанинъ ли ты? по крайней мѣрѣ, поцѣлуй хотя крестъ». Каховскій поцѣловалъ крестъ. Когда Каховскому были прочитаны показанія Штейнгеля, онъ отрицалъ, что имъ были сказаны какія-либо дерзости, и разъяснилъ, что онъ говорилъ митрополиту: «Вы такъ же можете быть обмануты, какъ и прочіе». «Митрополитъ увѣрялъ крестомъ истину словъ своихъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Повѣрь хоть ему»—въ то время я приложился къ кресту. Митрополитъ уговаривалъ не лить крови одноземцевъ, на что я отвѣчалъ: «мы сами сего страшимся, но можемъ быть къ тому вынуждены; просилъ его уговорить противную сторону не нападать, а что мы объявили наши требованія Сенату и никакъ не хотимъ и не съ тѣмъ сошлись, чтобы лить кровь, но лишь желаемъ законнаго порядка».

Вотъ все, что мы знаемъ о дѣйствіяхъ Каховскаго на площади.

Къ вечеру возстаніе было подавлено, мятежники разбѣжались. Начались аресты. Вечеромъ у Рылѣева еще могли собраться коекто изъ заговорщиковъ, Штейнгель, Каховскій, Пущинъ. Каховскій разсказывалъ о своихъ дѣйствіяхъ—объ убійствѣ Милорадовича, о нанесеніи раны свитскому офицеру. Показывая кинжалъ, еще хранившій слѣды крови, онъ обратился съ слѣдующими словами къ Штейнгелю: «Вы, полковникъ, спасетесь, а мы погибнемъ; возьмите этотъ кинжалъ на память обо мнѣ и сохраните его». И въ этотъ моментъ пораженія и подавленности духа дѣйствія Каховскаго казались необыкновенными, вызывающими поклоненіе: кинжалъ становился реликвіей.

„Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды“.

И Штейнгель, почтенный и миролюбивый Штейнгель, взялъ кинжалъ [2]).

---

[1]) Историческій Вѣстникъ, 1905, янв., стр. 169—170.

[2]) Правда, въ своемъ показаніи Штейнгель заявляетъ, что, взявъ кинжалъ на память, онъ положилъ его тихонько на столъ, но сейчасъ же услышалъ выразитель-

Полицiя начала розыски Каховскаго уже вечеромъ 14 декабря. Въ первомъ часу ночи полицеймейстеръ явился къ Гречу и спросилъ у него, гдѣ живетъ Каховскiй. Въ рукахъ у полицеймейстера была записка, на которой былъ написанъ адресъ «у Вознесенскаго моста, въ гостинницѣ Неаполь, въ домѣ Мюссаръ». Гречъ отозвался незнанiемъ. «Знаете ли вы, кто написалъ это? Самъ Государь»— сказалъ полицеймейстеръ Гречу [1]).

Полицiя не нашла Каховскаго дома. Въ ночь на 15-е онъ ночевалъ у Кожевникова. Онъ явился домой 15 декабря и здѣсь былъ арестованъ ожидавшимъ его казакомъ и отвезенъ въ Зимнiй дворецъ. 15 вечеромъ или 16-го утромъ Каховскiй предсталъ передъ Николаемъ Павловичемъ.

8.

Первые дни, первые мѣсяцы своего царствованiя императоръ всероссiйскiй, Николай Первый, всю энергiю, всѣ способности своего духа употребилъ на розыски по дѣлу декабристовъ. Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ—сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающiй, вѣчно ищущiй кого бы предать суду и наказанiю. Но въ первые мѣсяцы царствованiя эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и зловѣщей яркостью. Въ это время въ Россiи не было царя-правителя: былъ лишь царь-сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанiя, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты—вотъ священная задача слѣдователя; и эту задачу въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ исполнялъ русскiй императоръ съ необыкновеннымъ рвенiемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ. Дѣйствительно, Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матерiалъ, который легъ въ основу слѣдствiя, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанiя, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ, отправлялъ съ собственноручными записками допрошенныхъ въ крѣпость и въ этихъ запискахъ тщательно намѣчалъ тотъ способъ заключенiя, который примѣнительно къ данному лицу могъ привести къ обнаруженiямъ, полезнымъ для слѣдственной коммиссiи. За ничтожнѣйшими исключенiями, всѣ декабристы перебывали въ кабинетѣ дворца, передъ ясными очами своего царя и слѣдователя. Первыя сообщенiя по дѣлу каждый изъ нихъ дѣлалъ ему или генералу, сидѣвшему пе-

---

ныя слова Каховскаго: „Такъ вы не хотите взять кинжалъ мой?" На эти слова Штейнгель отвѣчалъ: „Нѣтъ, возьму!" пожалъ руку Каховскаго и ушелъ, поцѣловавъ его въ щеку. Каховскiй рѣшительно отрицаетъ этотъ эпизодъ: нужно думать, что Штейнгель просто изобрѣлъ его, чтобы какъ-нибудь реабилитировать себя въ такомъ непохвальномъ дѣянiи, какъ восхваленiе убiйства.

[1]) Записки Греча, стр., 386.

редъ кабинетомъ, снимавшему допросы и тотчасъ же докладывавшему ихъ государю. Иногда государь слушалъ эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета...

Одного за другимъ свозили въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи замѣшанныхъ въ дѣлѣ и доставляли въ Зимній дворецъ. Напряженно волнуясь, ждалъ ихъ въ своемъ кабинетѣ царь и подбиралъ маски, каждый разъ новыя для новаго лица. Для однихъ онъ былъ грознымъ монархомъ, котораго оскорбилъ его же вѣрноподданный, для другихъ—такимъ же гражданиномъ отечества, какъ и арестованный, стоявшій передъ нимъ; для третьихъ—старымъ солдатомъ, страдающимъ за честь мундира; для четвертыхъ—монархомъ, готовымъ произнести конституціонные завѣты; для пятыхъ—русскимъ, плачущимъ надъ бѣдствіями отчизны и страшно жаждущимъ исправленія всѣхъ золъ. А онъ на самомъ дѣлѣ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ: онъ просто боялся за свое существованіе и неутомимо искалъ всѣхъ нитей заговора съ тѣмъ, чтобы всѣ эти нити съ корнемъ вырвать и успокоиться.

Одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу, простодушный и искренній Гангебловъ въ нѣсколько наивныхъ выраженіяхъ передаетъ впечатлѣніе, которое произвелъ на него царь-слѣдователь. Отмѣтивъ, что членъ слѣдственной коммиссіи военный министръ Чернышевъ не прочь былъ вслухъ прочесть то, чего не было въ бумагѣ, Гангебловъ пишетъ: «Болѣе и чаще всего мнѣ приходили на память вопросы, которые мнѣ были задаваемы самимъ государемъ. Тутъ не могло встрѣтиться ничего подобнаго тому, что при неудачѣ могло бы случиться съ Чернышевымъ. Государь прямо не уличалъ меня въ преступленіи; всѣ его дознанія предлагаемы имъ были въ формѣ вопросовъ, а вопросъ не есть улика. Нельзя не изумиться неутомимости и терпѣнію Николая Павловича. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: не разбирая чиновъ, снисходилъ до личнаго, можно сказать, бесѣдованія съ арестованными, старался уловить истину въ самомъ выраженіи глазъ, въ самой интонаціи словъ отвѣтчика. Успѣшности этихъ допытокъ много, конечно, помогала и самая наружность государя, его величавая осанка, античныя черты лица, особливо его взглядъ: когда Николай Павловичъ находился въ спокойномъ, милостивомъ расположеніи духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда онъ былъ въ гнѣвѣ, тѣ же глаза метали молніи» [1]).

Внѣшними средствами, находившимися въ его распоряженіи, Николай Павловичъ пользовался сообразно съ обстоятельствами. Онъ зналъ, кого нужно приласкать, чтобы заставить говорить, и кого напугать такъ, чтобы онъ говорилъ, почти не останавливаясь.

Съ величайшимъ любопытствомъ слѣдишь за измѣненіями въ пріемахъ Николая Павловича.

Къ наивному, молодому офицеру, пажу ея величества Гангеблову,

[1]) Воспоминанія декабриста А. С. Гангеблова. М. 1888. Стр. 119, 120.

Николай Павловичъ подходилъ съ ухватками ласковой кошки. «Что вы, батюшка, надѣлали?.. Что вы это только надѣлали?.. Вы знаете, за что вы арестованы»?..—говорилъ онъ ему. И взявъ Гагенблова подъ руку, не сводя съ глазъ пристальнаго взора, онъ водилъ его по залѣ. «Я съ вами откровененъ, платите и вы мнѣ тѣмъ же» и т. д. [1]. И всѣ эти обороты для того, чтобы выудить признаніе въ принадлежности къ обществу.

Съ трепещущимъ отъ страха Ѳ. Н. Глинкой царь обошелся иначе. «Послѣ подробнаго вопрошенія, сдѣланнаго ему прозорливымъ испытатемъ въ императорскомъ дворцѣ, государь съ неизъяснимымъ благоволеніемъ изволилъ сказать ему: «Ты можешь оставаться спокоенъ: будь покоенъ» [2]. И этой фразы было достаточно для того, чтобы Глинка исписывалъ цѣлые листы со всевозможными подробностями объ обществѣ.

Николая Бестужева царь принялъ ласково и, замѣтивъ въ немъ чувства страстной любви къ отечеству, сказалъ ему: «Вы знаете, что все въ моихъ рукахъ, что могу простить вамъ, и если бы могъ увѣриться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, то готовъ простить вамъ» [3].

Со Штейнгелемъ, отцомъ не малочисленнаго семейства, человѣкомъ далеко не молодымъ, Николай обошелся иначе, да такъ, что онъ на всю жизнь не забылъ подробностей своей встрѣчи съ царемъ. «Штейнгель, и ты тутъ»? — сказалъ государь. — «Я только былъ знакомъ съ Рылѣевымъ»—отвѣчалъ я.—«Какъ, ты родня графу Штейнгелю»?—«Племянникъ его и ни мыслями, ни чувствами не участвовалъ въ революціонныхъ замыслахъ; и могъ ли участвовать, имѣя кучу дѣтей!»—«Дѣти ничего не значатъ,—прервалъ государь,—твои дѣти будутъ мои дѣти! Такъ ты зналъ о ихъ замыслахъ?»—«Зналъ, государь, отъ Рылѣева».—«Зналъ и не сказалъ—не стыдно ли?»—«Государь, я не могъ и мысли допустить дать кому-нибудь право назвать меня подлецомъ»!—«А теперь какъ тебя назовутъ?»—спросилъ государь саркастически, гнѣвнымъ тономъ. Я нерѣшительно взглянулъ въ глаза государя и потупилъ взоръ. «Ну, прошу не прогнѣваться, ты видишь, что и мое положеніе не завидно», сказалъ государь съ ощутительною угрозою въ голосѣ и повелѣлъ отвести въ крѣпость. Одно воспоминаніе объ этой минутѣ, чрезъ столько лѣтъ, приводитъ въ трепетъ. «Твои дѣти будутъ мои дѣти» и это «прошу не прогнѣваться»—казались мнѣ смертнымъ приговоромъ. *Съ этой минуты я былъ уже не въ нормальномъ положеніи*» [4]. Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Штейнгель не безъ ироніи пишетъ: «Гнѣвъ еще преобладалъ въ государѣ: укоризны, сарказмы напоминали слова Царя-Пророка: «прощеніе царево подобно рыканію льва»,

---

[1]) Воспоминанія А. С. Гангеблова. М. 1888. Стр. 68—73.
[2]) Г. А. I. В. № 82 Дѣло Ѳ. Н. Глинки.
[3]) Записки декабриста (Розена) Лейпц. 1870 г., стр. 109.
[4]) Обществ. движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Составили В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Томъ I. Спб. 1905. Стр. 414.

аставляли сожалѣть о забытiи продолженія этихъ словъ: «яко ва злаку, тако тихость есть» [1]).

— «Говорите всю правду»,—сказалъ Николай Павловичъ Басарну передъ допросомъ,—«а если скроете что-нибудь, то пеняйте себя» [2]).

Методъ устрашенія и стремительнаго нападенія Николай Павловичъ примѣнилъ къ Якушкину, освѣдомившись объ его отказѣ звать соучастниковъ. Разговоръ его съ Якушкинымъ необычайно юкъ и красоченъ.

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноватъ, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе. Мнѣніе людей ы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ, должно асъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить, я ришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно; если не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались, какъ съ свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все же, что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству,—отвѣтилъ я, указывая на Левашова, стоящаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ.

— Назвать, государь, я никого не могу.

Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ» [3]).

Собственноручная записка Николая Перваго, при которой Якушкина препроводили изъ дворца въ крѣпость, была слѣдующаго содержанія: «Присылаемаго Якушкина заковать въ ножныя и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя» [4]). Но Якушкинъ былъ однимъ изъ всѣхъ совсѣмъ немногихъ, на кого не подѣйствовали ухищренія Николая. Правда, примѣненному здѣсь методу нельзя отказать въ значительной долѣ грубости. Животный страхъ смерти, физическихъ мукъ былъ чуждъ декабристамъ. Этимъ страхомъ, быть можетъ, отмѣченъ только одинъ князь С. П. Трубецкой, въ слезахъ цѣловавшій руки Николая Павловича и молившій о жизни «La vie, Sire la vie»! [5]) Трубецкой вы-

---

[1]) Ibid., стр. 449.

[2]) Записки Басаргина М. 1872. Стр. 35.

[3]) Записки И. Д. Якушкина. М. 1905. Стр. 84.

[4]) Госуд. Арх. I. В. № 465.

[5]) Къ этому свидѣтельству Н. И. Греча (Записки о моей жизни. Спб. 1886. Стр. 352) можно отнестись съ довѣріемъ въ виду характера поведенія Трубецкого и въ день 14-го декабря, и затѣмъ во время слѣдствія. Но главное подтвержденіе этому факту находимъ въ запискѣ вел. кн. Михаила Павловича (рук.): „Когда вел. кн. вошелъ къ Государю, была уже поздняя ночь, и здѣсь представилось ему нео-

молилъ себѣ жизнь цѣной подробнѣйшихъ признаній. Его избраніе въ диктаторы—удивительная насмѣшка судьбы надъ декабристами.

Декабристовъ, искреннихъ и увлекающихся людей, энтузіастовъ, можно было поймать на благородство. Нужно было запрятать глубоко свою ненависть къ нимъ, разыграть роль человѣка, заботящагося только о томъ, чтобы родина избавилась, наконецъ, отъ золъ и бѣдствій. И Николай Павловичъ прекрасно разыгрывалъ эту роль. Онъ прикидывался почти ихъ единомышленникомъ. Въ разговорахъ съ ними онъ, очевидно, раздѣлялъ всѣ ихъ мнѣнія о неустройствѣ родины и средствахъ исправленія всѣхъ золъ. Онъ сумѣлъ вселить въ нихъ увѣренность, что онъ-то и есть тотъ правитель, который воплотитъ ихъ мечанія и облагодѣтельствуетъ Россію. Вскрывалось роковое недоразумѣніе: они шли съ оружіемъ въ рукахъ на друга своего дѣла. Вооруженное возстаніе оказывалось не нужнымъ и гибельнымъ. Нужно—это было такъ очевидно—предупредить вспышки въ другихъ мѣстахъ Россіи, лишить возможности дѣйствовать тѣхъ, кто еще оставался на свободѣ. Только такая психологія, созданная подъ впечатлѣніемъ тонкой, артистической игры царя-слѣдователя, объясняетъ буквально взрывъ признаній, раскаяній, оговоровъ, оглашавшихъ царскій кабинетъ въ Зимнемъ дворцѣ. «Опытъ показалъ—писалъ въ первомъ своемъ показаніи 14 же декабря Рылѣевъ,—что мы мечтали, полагаясь на такихъ людей, какъ князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затѣяли чего-нибудь подобнаго на югѣ, я *долгомъ совѣсти и честнаго гражданина* почитаю объявить, что около Кіева въ полкахъ существуетъ общество. Трубецкой можетъ пояснить и назвать главныхъ. Надо взять мѣры, дабы тамо не вспыхнуло возмущенія» [1]). И почти всѣ они на первыхъ же допросахъ спѣшили предупредить возможное возмущеніе и возможныя дѣйствія со стороны остающихся на свободѣ. Они выдавали поголовно всѣхъ соучастиниковъ, казалось, забывъ объ участи, ихъ ожидающей. Правда, Николай Павловичъ усыплялъ ихъ безпокойство, представляя грядущее наказаніе незначительнымъ. Каховскій и Пестель, напр., совершенно не ждали смертной казни. Чрезвычайно характерныя подробности передаетъ Д. И. Завалишинъ объ убѣжденіяхъ, исходившихъ отъ комитета и священника и повторявшихъ, быть можетъ, рѣчи самого Николая. «Неужели же думаете вы,—говорили обвиняемымъ,—что для государя важно наказать нѣсколько человѣкъ? Вотъ онъ не только простилъ Суворова но и произвелъ его въ офицеры, за его откровенность, потому что онъ объяснилъ ему, почему его образъ мыслей былъ республиканскій. На той высотѣ, на которой стоитъ Государь, нельзя ему не видѣть того, что признаетъ и всякій умный и образованный человѣкъ, что если отдѣльныя лица и могутъ быть

жиданное зрѣлище: передъ Государемъ стоялъ и въ ту минуту упадалъ на колѣни, моля о своей жизни, извѣстный кн. Трубецкой"... Въ одной изъ книжекъ „Былого" мы дадимъ характеристику диктатора на основаніи документовъ слѣдственнаго комитета.

[1]) Г. А. I В N 334. Дѣло К. Ѳ. Рылѣева.

виноваты, то были же общія законныя причины неудовольствія, если онѣ могли увлечь такую массу людей вопреки ихъ личнымъ интересамъ. Поэтому ясно, для Государя важнѣе знать общія причины, нежели виновность того или другого лица. Вы знаете, что у высокопоставленныхъ людей въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ политическія соображенія стоятъ выше всего. Вы знаете, что послѣ этихъ соображеній даже прямые участники въ смерти Петра III и Павла не только не подверглись отвѣтственности, но и были возведены на высшія государстсенныя званія. Мы увѣрены, что по раскрытіи всего дѣла будетъ объявлена всеобщая амнистія. Говорятъ уже, что Государь даже выразился, что удивитъ Россію и Европу» [1]). Такъ притуплялось острое чувство отвѣтственности передъ другими членами, чувство боязни передъ карами.

Всѣ письма декабристовъ изъ крѣпости, всѣ показанія переполнены восхваленіями милосердія государя милосердія не грядущаго, а настоящаго. Онъ умѣло возбуждалъ столь свойственное благороднымъ людямъ чувство благодарности.

Тѣмъ, кто смертельно тосковалъ о судьбѣ жены, дѣтей, онъ обѣщалъ свои царственныя заботы и, дѣйствительно, заботился. Заканчивая свое признаніе, 16 декабря Рылѣевъ писалъ царю: «Свою судьбу вручаю тебѣ, государь: я отецъ семейства» [2]). Такъ послѣ этихъ словъ Николай Павловичъ даже 2000 рублей прислалъ женѣ Рылѣева, и Рылѣевъ сталъ его. «Молись Богу за императорскій домъ—писалъ Рылѣевъ женѣ 28 декабря, —я могъ заблуждаться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицей, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ [3]). Императоръ Николай пригрѣлъ дѣтей и повѣсилъ отца.

Тѣмъ, кто страдалъ объ отцѣ или матери, онъ разрѣшалъ писать или давалъ свиданія. И эти разрѣшенія писемъ и свиданій ній онъ удивительно умѣлъ обставлять: заключеннымъ они казались результатомъ глубочайшаго милосердія, а не обычнымъ и должнымъ выраженіемъ человѣческаго отношенія. И опять размягчалось благородное сердце, и развязывался языкъ. Князь Оболенскій на первыхъ допросахъ открылъ многое и многихъ, но не все и всѣхъ. Многіе остались скрыты въ сердцѣ его. «Могъ ли я тою самою рукой—писалъ кн. Оболенскій царю—которая была имъ залогомъ вѣрности, предать ихъ суду, тобою назначенному... Я не въ силахъ былъ исполнить сей жестокой обязанности». Но... царь разрѣшилъ передать кн. Оболенскому письмо его престарѣлаго отца, нѣжно имъ любимаго. Тутъ благодарное сердце не выдержало. «Вѣра, примиривъ меня съ совѣстію моею, вмѣстѣ съ тѣмъ представила высшія отношенія мои; *милосердіе же твое, о Государь, меня побѣдило*. Въ то время, когда я лишился всѣхъ надеждъ,

---

[1]) Записки декабристаД. И. Завалишина. Мюнхенъ 1904, Т. II. Стр. 28.
[2]) Госуд. Арх. I В. № 334.
[3]) Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, изд. подъ ред. М. Н. Мазаева. СПБ. 1893 Стр. 165.

когда темница сдѣлалась мой міръ, а голыя стѣны оной — товарищами моей жизни, маніемъ благотворной руки твоей, письмо отца моего, какъ ангелъ-утѣшитель, принесло спокойствіе и отраду души моей. Благодѣяніе твое, монархъ милосердный, воззрѣніе твое на мольбу семидесятилѣтняго старца—останется незабвеннымъ въ душѣ моей. И потому, видя въ тебѣ ни стараго судью, но отца милосерднаго, я, съ твердымъ упованіемъ на благость твою, повергаю тебѣ жребій чадъ твоихъ, которые не поступками, но желаніями сердца могли заслуживать твой гнѣвъ» [1]). Но какъ актеръ, играющій короля, въ дѣйствительности не имѣетъ въ своей душѣ ничего королевскаго, такъ и Николай Павловичъ, игравшій роль благороднаго гражданина, былъ совершенно чуждъ истинному благородству. И милосердіе оказалось только на словахъ. Взявъ отъ своихъ жертвъ все, что было можно и нужно взять, онъ подвергъ ихъ жесточайшимъ наказаніямъ. Онъ, такъ много выигравшій отъ чувства благодарности, живущаго въ благородномъ сердцѣ, отстранилъ отъ самого себя малѣйшія обязательства признательности и благодарности.

Итакъ, государь выдавалъ себя не за того, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; государь игралъ. Въ дни и мѣсяцы сыска надъ декабристами Николай Павловичъ показалъ свое лицо въ неожиданномъ, зловѣщемъ освѣщеніи. Царь-актеръ, искусно мѣняющій личины... Изъ этой его духовной сущности, открывшейся въ началѣ царствованія, мы должны исходить, если желаемъ понять его личность, его образъ дѣйствія во всей послѣдующей жизни. Онъ всегда умѣлъ провести наблюдателей, которые простодушно вѣрили въ его искренность, благородство, смѣлость; а вѣдь онъ только игралъ. И Пушкинъ, великій Пушкинъ былъ побѣжденъ его игрой. Онъ думалъ въ простотѣ души, что царь почтилъ въ немъ вдохновенье, а духъ державный въ немъ не жестокъ... А для Николая Павловича Пушкинъ былъ просто шалопаемъ, требующимъ надзора. Снисходительность же объясняется исключительно желаніемъ и изъ поэта извлечь возможно большую выгоду...

9.

Каховскій стоялъ передъ «тираномъ», котораго онъ только что собирался поразить для блага родины, передъ царемъ, въ договоръ съ которымъ онъ не вѣрилъ, передъ «врагомъ отечества». Но новый царь явился предъ нимъ какъ бы преображеннымъ, такимъ, какого онъ и встрѣтить не ожидалъ. Такъ же, какъ и Каховскій, онъ болѣлъ несчастіями родины, такъ же, какъ и первый, онъ вѣрилъ въ одни и тѣ же средства избавленія. Многоликій, онъ открылъ одинъ изъ своихъ ликовъ—ликъ царя-гражданина и реформатора. Но этотъ ликъ — лишь маска. Николай Первый въ такой же мѣрѣ могъ быть царемъ-реформаторомъ, въ какой шефъ жан-

---

[1]) Г. А. I. В. № 355. Дѣло кн Оболенскаго. Цѣликомъ письмо напечатано въ нашей книгѣ: „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы". СПБ. 1905. Стр. 22, 23.

дармовъ Бенкендорфъ—поэтомъ и композиторомъ. Помимо гражданина и реформатора, въ Николаѣ Павловичѣ открылся для Каховскаго новый для него человѣкъ, полный благородства, истинной щедрости духа, способный понять сложнѣйшіе и интимнѣйшіе намеки его души. Вотъ тутъ-то, при столкновеніи съ живымъ человѣкомъ, терпѣлъ крушеніе идеалъ политическаго убійства. Казалось легкимъ убить отвлеченнаго человѣка, поработителя свободы, тирана, деспота, и вдругъ почувствовалась вся неизмѣримая тяжесть убійства вотъ этого, стоящаго предъ нимъ человѣка, Николая Павловича Романова, почти такого же, какъ онъ самъ. И Каховскій не имѣлъ силъ даже признаться въ своихъ замыслахъ, когда услышалъ изъ устъ этого человѣка коротенькую фразу: «а насъ всѣхъ зарѣзать хотѣли!»

Между царемъ и государственнымъ преступникомъ произошелъ долгій разговоръ. Каховскій разсказывалъ о неустройствѣ родины, о всѣхъ недостаткахъ, о всякомъ злѣ, словомъ, обо всемъ, что явилось причиною основанія тайнаго общества. Нужно думать, что онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ, пылокъ и одушевленъ. Его письма къ царю и генералу Левашеву, въ которыхъ онъ изложилъ, очевидно, все, что было предметомъ разговора, являются образцомъ эпистолярнаго стиля. Ему казалось, что самъ Николай Павловичъ не могъ бы поступить иначе: — «Взгляните на состояніе народное, что есть у насъ, — писалъ онъ впослѣдствіи (19 марта) царю, — безопасность лицъ и собственность ничѣмъ не ограждена; совершенное отсутствіе закона и справедливости въ судопроизводствѣ, тяжкіе налоги, взимаемые не съ пріобрѣтеній, но разрушающіе капиталы; убитая торговля, сжатое просвѣщеніе, задушенная свобода — вотъ наше богатство, наше достояніе. Государь, станьте частнымъ лицомъ въ государствѣ нашемъ и спросите самого себя, что бы вы произвели на нашемъ мѣстѣ, когда бы подобный вамъ человѣкъ могъ бы располагать вами по своему произволу, какъ вещью».

Слушая рѣчи Каховскаго, царь плакалъ. «Государь, писалъ Каховскій въ томъ же письмѣ.—Что было причиной заговора нашего, спросите самого себя, что, какъ не бѣдствія отечества. Добрый государь, я видѣлъ слезы состраданія на глазахъ вашихъ. Вы—человѣкъ, вы поймете меня! Можно ли допустить человѣку, намъ всѣмъ подобному, вертѣть по своему произволу участью пятидесяти милліоновъ людей? Гдѣ, укажите мнѣ страну, откройте исторію, гдѣ, когда были счастливы народы подъ властью самодержавною, безъ закона, безъ правъ, безъ собственности». Въ отвѣтъ на страстныя рѣчи Каховскаго что могъ сказать Николай Павловичъ? Да только пожалѣть, почему же обо всѣхъ этихъ бѣдахъ не писали государю! «Его Величеству—писалъ Каховскій 24-го февраля генералу Левашову—угодно было сказать мнѣ: «зачѣмъ я не писалъ къ покойному императору о извѣстныхъ мнѣ неустройствахъ? Многіе, очень многіе писали, но не внимали имъ».

Страстнымъ воплямъ Каховскаго о необходимости взяться за

устройство родины Николай Первый противопоставилъ фразу и обольстилъ его фразой. «Я самъ есть первый гражданинъ отечества»— сказалъ онъ Каховскому. И черезъ день послѣ свиданія-допроса тотъ писалъ царю: «Счастливъ подданный, слышавшій отъ своего монарха: «Я самъ есть первый гражданинъ отечества». Дай Богъ, чтобы отечество было у насъ въ совокупности съ государемъ. Я, желающій блага моей милой родинѣ, благословляю судьбу, имѣя случай излить чувства и мысли мои передъ монархомъ моимъ, обѣщающимъ быть отцомъ отечества». Итакъ, царственная игра зашла далеко. Каховскій забылъ свое недовѣріе къ власти, и Николай сталъ для него отцомъ отечества, а то, что было на Сенатской площади, вдругъ оказалось такимъ ненужнымъ, братоубійственнымъ и преступнымъ.

Царь, казалось, подмѣтилъ кое-какія особенности Каховскаго. Онъ почувствовалъ его антипатію къ иностранцамъ и отозвался на нее. «Слава Богу,—писалъ тотъ въ первомъ же письмѣ къ царю— вы не презираете именемъ русскаго. Я замѣтилъ, какъ сказали вы: «Кто можетъ сказать, что я не русскій»! Такъ, государь, вы русскій. Любите народъ свой, а народъ будетъ боготворить въ васъ отца своего». Должно быть,—мы не можемъ утверждать съ достовѣрностью, но письма даютъ право на такое заключеніе,—Каховскій разсказалъ Николаю о своей жизни, и Николай увидѣлъ, какой это былъ одинокій, заброшенный и несчастный человѣкъ; увидѣлъ и сейчасъ же воспользовался этимъ. Послѣ перваго допроса онъ отослалъ Каховскаго въ крѣпость съ слѣдующей запиской: «Присылаемаго Каховскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ, давъ бумагу, пусть пишетъ что хочетъ, не давая сообщаться». Эту записку А. Я. Сукинъ, комендантъ Петропавловской крѣпости, получилъ въ половинѣ 3-го пополудни 16-го декабря. Послѣ второго свиданія-допроса Николай Павловичъ прислалъ слѣдующую записку: «Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью. Адъютанта герцога Александра Бестужева заковать; ибо по всѣмъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. *Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя*» [1]). Сукинъ доносилъ комиссіи: «При Высочайшемъ Е. И. Величества повелѣніи возвращенный арестантъ Каховскій посаженъ въ прежній казематъ, гдѣ и будетъ получать повелѣнное ему лучшее содержаніе» [2]). Каховскій былъ возвращенъ 18-го декабря въ $9^1/_2$ часовъ вечера. Такимъ образомъ, послѣ 14-го декабря Николай Павловичъ становился для Каховскаго до нѣкоторой степени тѣмъ же, чѣмъ былъ для него до 14-го декабря Рылѣевъ: матеріальной поддержкой. И чувство благодарности было приподнято и разрѣшалось отзывчивостью...

Роль царя-реформатора была сыграна съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Вернувшись изъ дворца въ крѣпость и получивъ бумагу, Ка-

---

[1]) Обѣ записки въ дѣлѣ № 465 Г. А. I. В.
[2]) Г. А. I. В. № 35 л. I.

ховскій 17-го декабря набросалъ письмо государю. Онъ началъ съ изложенія причинъ, отторгнувшихъ его отъ монарха. Онъ писалъ о томъ, что страна стонетъ и ропщетъ подъ бременемъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, иногда взыскиваемыхъ даже вдвойнѣ (таковъ подорожный налогъ, уплачиваемый два раза: натурой и деньгами). Онъ указывалъ на стѣсненія торговли, причиняемыя запретительной системой, на вредъ казенныхъ монополій и тарифовъ. Онъ перечислялъ вопіющіе недостатки русскаго судопроизводства: неясность, недостаточность и противорѣчіе существующихъ законовъ, судебную волокиту, необезпеченность чиновниковъ, являющуюся причиной взяточничества. Онъ порицалъ предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ и обижающее русскихъ, и упоминалъ о полнѣйшемъ отсутствіи просвѣщенія.

«Вотъ причины, заканчивалъ Каховскій, великодушный государь, отторгнувшія меня отъ моего монарха.

«Желаю вѣрить, что вы, государь, облегчите участь народа русскаго, вышнимъ промысломъ ввѣреннаго.

«Государь! я не умѣю, не могу и не хочу льстить; *со вчерашняго вечера я полюбилъ васъ, какъ человѣка,* и всѣмъ сердцемъ желаю любить въ васъ моего монарха, отца отечества.

«Вы ко мнѣ милосерды, ваше великодушіе меня обезоруживаетъ: вы умѣли уже нѣсколько меня привязать къ себѣ. Но, государь, что я? 50 милліоновъ ждутъ вашей благости, ждутъ отъ васъ своего счастія. Какое поприще для вашей славы, для вашего величія».

Для человѣка, сильно и тонко чувствующаго, великодушіе царя, котораго только что собирался предать смерти, было дѣйствительно мучительно. Оно не только обезоруживало, оно вызывало сильнѣйшія мученія совѣсти. Отмѣтимъ, что Каховскій не рѣшился съ самаго же начала признаться въ своемъ сокровенномъ замыслѣ. Онъ поистинѣ чувствовалъ себя преступникомъ передъ человѣкомъ, который въ первый же часъ разговора сумѣлъ привязать его къ себѣ. Каховскій былъ, по собственному его выраженію, растерзанъ милосердіемъ къ нему государя. Единственное оправданіе, единственное духовное утѣшеніе въ случившемся онъ видѣлъ лишь въ безкорыстіи и чистотѣ помысловъ, въ глубинѣ своей приверженности къ благу родины.

Царственныя заботы о Каховскомъ были вознаграждены, и сыскъ, произведенный «отцемъ отечества», принесъ благіе плоды. Преступникъ въ порывѣ благодарности и изумленіи передъ мнимымъ величіемъ души не отказалъ царю въ признаніяхъ и открытіяхъ. Онъ открылъ цѣли общества. «Скрытыя намѣренія общества — писалъ онъ въ первомъ показаніи—заключались въ томъ, чтобы даровать каждому гражданину право собственную и личную безопасность оградить законами... Въ душѣ считалъ себя честнымъ. Личнаго намѣренія я не имѣлъ, всѣ желанія мои относились къ отечеству моему. Положеніе государства приводило меня въ трепетъ: финансы разстроенные, отсутствіе справедливости въ судахъ, корыстолюбіе, уничтоженіе внѣшней коммерціи, все сіе предшествовало въ глазахъ

моихъ полному разрушенію. Одно спасеніе полагалъ я въ составленіи законовъ и принятіи оныхъ непоколебимымъ вождемъ, ограждающимъ собственность и лицо каждаго». Вспомнимъ, что подъ закономъ Каховскій разумѣлъ конституцію. Въ здравомъ смыслѣ — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ—«*законъ есть воля народная*!» Каховскій открылъ ближайшіе планы общества, между прочимъ, планъ предполагавшагося занятія дворца Якубовичемъ. Наконецъ, онъ назвалъ членовъ общества, какъ принятыхъ имъ, такъ и извѣстныхъ ему. Онъ заявилъ, что имъ приняты Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, Глѣбовъ. Сохранившіеся официальные документы не передаютъ, очевидно, всѣхъ признаній и открытій, сдѣланныхъ Каховскимъ: часть ихъ не была положена на бумагу. Но замѣтимъ теперь же—его открытія не могли быть такъ подавляющи и всеобъемлющи, какъ, напримѣръ, сдѣланныя князьями Трубецкимъ и Оболенскимъ, Рылѣевымъ Впрочемъ, для объективной оцѣнки дѣйствій Каховскаго это указаніе не имѣетъ значенія. Но Каховскій умолчалъ объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ. Онъ не открылъ ничего о намѣреніяхъ общества устранить царствующую фамилію и о своей роли въ вопросѣ о цареубійствѣ. Для Николая и его слѣдователей какъ разъ этотъ пунктъ и представлялся самымъ существеннымъ.

Больнѣе всего для Каховскаго было назвать другихъ членовъ общества, въ томъ числѣ и принятыхъ имъ. 21 декабря Каховскій писалъ генералу Левашову: «Государь императоръ чрезмѣрно милосердъ ко мнѣ; я не имѣю словъ благодарить его за милостивое его ко мнѣ вниманіе. Положеніе мое облегчено: онъ позволилъ мнѣ писать къ моимъ роднымъ [1]). Ваше превосходительство, есть несчастныя жертвы, которыхъ я губитель; они меньше меня виноваты, я увлекъ ихъ; а положеніе мое облегчено, и не могу раздѣлить съ ними одной участи: это мучительно! Ваше превосходительство! я прибѣгаю къ вамъ съ моею просьбою, сдѣлать милость доложить его величеству: я съ радостью отказываюсь отъ льготъ, отказываюсь писать къ роднымъ моимъ и прошу одной милости: чтобы облегчили судьбу Сутгофа, Панова, Кожевникова, Глѣбова. У нихъ у всѣхъ многочисленныя семейства, которыхъ я убійца. Пановъ имѣетъ невѣсту, онъ помолвленъ, посудите о его положеніи! Ваше превосходительство, вы имѣете сердце, не отриньте мольбу мою. Государь милосердъ; если онъ сострадателенъ ко мнѣ, преступнику, то я надѣюсь, по вашему ходатайству, онъ не откажетъ облегчить положеніе менѣе меня виновныхъ».

---

[1]) Каховскій просилъ нѣсколько часовъ свободы для того, чтобы разыскать слугу Рылѣева и отъ него узнать, кто именно былъ посланъ на югъ. Каховскій дѣлалъ это сознательно, не желая дальнѣйшаго кровопролитія въ случаѣ возстанія на югѣ. Въ Архивѣ крѣпости сохранилась записка ген.-ад. Левашова: „Государь императоръ просьбѣ г. Каховскаго удовлетворить не можетъ, а токмо позволяетъ ему родственникамъ его писать, коего письма присылать сюда. 20 дек. 1825 г.“ Въ крѣпостномъ же спискѣ всѣхъ, кому разрѣшена переписка, Каховскій помѣченъ, какъ арестантъ, не пользующійся правомъ переписки.

Смертныя муки онъ переживалъ въ крѣпости, вспоминая о своихъ признаніяхъ. И онѣ стали особенно тяжелы, когда онъ увидѣлъ, что грозятъ серьезнѣйшія кары и наказанія, о которыхъ онъ какъ-то не думалъ въ первые мѣсяцы. Нужно отмѣтить, что признанія были исторгнуты послѣ какихъ-то увѣреній и ручательствъ, данныхъ ему властями. 14 марта, отвѣчая на вопросы комитета, Каховскій писалъ: «если что показывалъ, показывалъ истину; не для спасенія своего, *но послѣ ручательства оберъ-полицеймейстера и нѣкоторыхъ господъ генераловъ и офицеровъ въ дворцѣ*; я былъ тронутъ до глубины сердца мягкостью обхожденія господина генералъ-адъютанта Левашова и милосердіемъ государя императора». А 19 марта Каховскій писалъ Николаю: «Простите, великодушный Государь! что я преступникъ и смѣю еще просить милости. *Увлеченный чувствами, я сдѣлалъ открытіе о тайномъ обществѣ, не соображаясь съ разсудкомъ, но по движенію сердца, къ вамъ благодарнаго*; и можетъ, то сказалъ, чего бы не открыли другіе члены онаго. Я—преступникъ передъ вами, преступникъ передъ обществомъ, предъ людьми несчастными, мной въ него принятыми. Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели другихъ—мука нестерпимая. Я, растерзанный, у ногъ вашихъ, умоляю: Государь! спасите несчастныхъ! Свобода обольстительна; я, распаленный ею, увлекъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручиковъ: Сутгофа, Панова, подпоручика Кожевникова, прапорщика Жеребцова и генеральнаго штаба прапорщика Палицына. Коллежскій секретарь Глѣбовъ зналъ о существованіи общества, но не принадлежалъ къ оному. Всѣ сіи люди имѣютъ семейства, отцовъ, матерей, а я сталъ ихъ убійцею. Не зная меня, они были бы счастливы. Государь, вы сами отецъ, вы человѣкъ, посудите страданіе несчастныхъ, невинныхъ семействъ. Обманутый Рылѣевымъ, я и ихъ обманывалъ. Я, злодѣй ужасный, всему причиною; пусть на мнѣ кончатся ихъ мученія; а они, исполненные благодарностью, могутъ быть полезнѣе вамъ, отечеству и заслужить свое неблагоразуміе. Спасите ихъ великодушный государь! Я умру, благословляя милосердіе вашего императорскаго величества. Можетъ быть, выраженія мои неприличны, государь; дерзокъ поступокъ, что осмѣлился писать къ вашему величеству. Простите мнѣ то: я не рожденъ у двора, а послѣдовалъ движенію сердца».

Мучительныя опасенія за судьбу выданныхъ имъ товарищей смѣнялись угрызеніями совѣсти, нечистой по отношенію къ царю. Каховскій метался во всѣ стороны. Памятникомъ этихъ душевныхъ волненій остались слѣдующія строки, набросанныя вскорѣ послѣ перваго допроса-свиданія: «Государь! я сдѣлался предъ вами преступникомъ, увлекаясь любовью къ отечеству. Я никогда не могъ принадлежать никакому обществу. Я никогда ничего не желалъ себѣ. Я принадлежу благу общему и всегда готовъ запечатлѣть любовь мою къ отечеству послѣдней каплей крови моей. Намѣренія мои были чисты, но въ способахъ я вижу заблужденіе. Не смѣю просить васъ простить мое заблужденіе; я и такъ растерзанъ

вашимъ ко мнѣ милосердіемъ. Я неспособенъ никому измѣнять; я не измѣнялъ и обществу, но общество само своимъ безуміемъ измѣнило себѣ...

«Государь! отъ васъ зависитъ благоденствіе наше, мы вамъ ввѣрены, я отдаюсь вамъ, я вашъ. Есть существо, проницающее въ изгибы сердецъ человѣческихъ, оно видитъ, что я говорю истину— я вашъ! И благомъ отечества клянусь, я не измѣню вамъ! Мнѣ собственно ничего не нужно; мнѣ не нужна и свобода; я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ; тотъ силенъ, кто позналъ силу человѣчества. Честному человѣку собственное убѣжденіе дороже лепета молвы. Я не говорю за себя: Государь! есть несчастные, которыхъ я увлекъ; спаси ихъ, великодушный монархъ! Спаси дѣтей твоихъ; клянусь, они чисты.

«Желалъ бы еще разъ, государь, говорить съ вами. Мнѣ дорого благоденствіе отечества, я не ищу безпорядковъ и крови. Положитесь на меня, не обману вашу ко мнѣ довѣренность».

Второе свиданіе-допросъ состоялось 18 декабря. Затѣмъ потянулись долгіе мѣсяцы заключенія и нравственныхъ пытокъ. Краснорѣчивы и ярки приведенныя нами свидѣтельства о моральныхъ страданіяхъ Каховскаго. Лучи царскаго милосердія, обольстившаго его, скрылись внезапно и безвозвратно. Осталась вѣра въ искренность реформаторскихъ намѣреній Николая. Каховскій написалъ рядъ писемъ: генералу Левашову и самому царю. Левашову онъ писалъ 24 февраля, 5, 14 марта. Въ этихъ письмахъ, которыя онъ просилъ довести до свѣдѣнія государя, онъ изложилъ свои взгляды на настоящее Россіи и на мѣры къ исправленію неустройствъ. По этимъ письмамъ мы характеризовали выше общественные взгляды Каховскаго. Царю онъ писалъ на другой день послѣ перваго свиданія—16 декабря, затѣмъ—19 марта, 4 апрѣля. Общее содержаніе писемъ къ царю—рѣзкая критика существующаго строя, выясненіе причинъ, создавшихъ тайное общество, смѣлое и несомнѣнно казавшееся Николаю дерзкимъ обличеніе политики покойнаго Александра, характеристика того Николая Павловича, который былъ извѣстенъ декабристамъ, и, наконецъ, горячіе призывы о необходимости учрежденія законовъ, о необходимости конституціи. Мы знаемъ теперь Николая Перваго, знаемъ, какъ онъ относился къ конституціямъ, ко всякому малѣйшему проявленію свободной мысли. И мы можемъ оцѣнить то неизмѣримо грустное и трогательно смѣшное положеніе, въ которое попалъ Каховскій съ своими призывами къ конституціи, обращенными къ императору Николаю. Вѣдь Каховскій хотѣлъ убѣдить царя—ни много, ни мало—въ томъ, что и онъ, царь, на его мѣстѣ не поступилъ бы иначе, а тоже сталъ бы заговорщикомъ и вышелъ на площадь. Ему, державшему подъ гнетомъ безпредѣльнаго самодержавія Россію больше четверти вѣка, Каховскій доказывалъ необходимость ограниченія абсолютизма,

ссылаясь на его собственную психологію! Онъ-то не зналъ этого, мы знаемъ.

Но Каховскій говорилъ царю смѣлымъ и сильнымъ языкомъ. Больше ужъ никогда не слышалъ Николай такихъ смѣлыхъ и дерзкихъ рѣчей, такихъ горькихъ и обидныхъ истинъ. Онъ рѣшительно могъ счесть за обиду нѣкоторыя фразы Каховскаго: «Простите, Ваше Величество, я буду совершенно откровенно говорить: искренность моя есть мое къ вамъ усердіе. Вы были великимъ княземъ, мы не могли судить о васъ иначе, какъ по наружности; видимыя ваши занятія были: фрунтъ, солдаты, и мы страшились имѣть на престолѣ полковника». Каховскій задѣвалъ самое больное мѣсто Николая; дѣйствительно, весь цвѣтъ, все наслажденіе жизни для Николая Павловича—во фрунтовыхъ занятіяхъ. Онъ жизни не могъ представить безъ нихъ. И вдругъ онъ читалъ въ письмахъ Каховскаго слѣдующія тирады: «доложу Вашему Величеству, что вѣсть о смерти императора Александра поразила людей либеральныхъ и благонамѣренныхъ; можно сказать, при семъ извѣстіи общія слова были: «Вотъ въ какомъ мы положеніи, что императора Александра жалѣть должны!» Такъ, Государь, мы равно страшились всѣхъ его наслѣдниковъ,—причина сему вамъ должна быть извѣстна; я только доложу вамъ, что и самые люди, къ Вашему Величеству преданные, не оправдываютъ въ васъ страсти къ фронту. Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропщутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропотъ. Ваше Величество! если бы вы знали, сколь много вы повредили себѣ въ общемъ мнѣніи симъ занятіемъ. Обиженное честолюбіе успокоить трудно—и какія вѣсти, какіо слухи носились по государству. Отъ васъ зависитъ теперь судьба пятидесяти милліоновъ людей, и я усердно желаю, Государь, чтобы вы предпочитали пріятное полезному».

Очень рѣзкой критикѣ Каховскій подвергъ личность покойнаго Александра и его политику. Онъ считалъ его настоящимъ врагомъ отечества и «истинной причиной возстанія 14-го декабря». «Не имъ ли, писалъ Каховскій, раздутъ въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы, и не имъ ли она была такъ жестоко удавлена, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ»... «Быстро двинувъ умы къ правамъ людей и вдругъ перемѣнивъ свои правила, осадилъ ихъ и тѣмъ произвелъ у насъ всѣ заговоры и скопища». Александръ обманулъ свой народъ. «Въ 25-лѣтнее царствованіе покойнаго императора было время и смутное, но большая часть онаго было время мирное. Кончилась война съ Наполеономъ; мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ; съ нетерпѣніемъ ждали закона постановительнаго и преобразованія судопроизводства нашего; ждали и что-жъ: чрезъ 12 лѣтъ ожиданія лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ». Каховскій рѣзко упрекаетъ Александра въ томъ, что онъ предпочиталъ побывать у

развода, чѣмъ посѣтить высшее правительственное мѣсто имперіи— Сенатъ: «Обратить вниманіе на образованіе арміи и не заниматься устройствомъ государства—я нахожу столь же гибельнымъ для государя и отечества, какъ для человѣка частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося о образованіи внутреннихъ своихъ качествъ». Александръ, по мнѣнію Каховскаго, совершенно не желалъ вникнуть въ положеніе народа. Онъ смотрѣлъ лишь войска и не хотѣлъ видѣть, что встрѣчи, устраиваемыя ему,—чисто декоративнаго характера. Цѣлый рядъ обвиненій высказанъ въ письмахъ Каховскаго по адресу покойнаго государя. Обвиненія были общераспространенны, но Николай, должно быть, впервые выслушивалъ ихъ въ такой яркой формѣ.

Пожеланія Каховскаго сводились къ заявленію о необходимости «постановительнаго закона» т. е. конституціи. Въ каждомъ своемъ письмѣ Каховскій неоднократно твердилъ съ воодушевленіемъ и страстью о необходимости для блага русскаго народа дать конституцію.

«Государь!—писалъ онъ въ первомъ же своемъ письмѣ 17-го декабря.—Вѣрьте, я не обману васъ! Могу ошибиться, но говорю, что чувствую: невозможно итти противъ духа времени; невозможно націю удержать вѣчно въ одномъ и томъ же положеніи; зрѣлость даетъ ей силу и возможность; всѣ народы имѣли и имѣютъ свои возрасты. Благодѣтельные правители слѣдовали по теченію возмужалости духа народнаго, и тѣмъ предупреждали зло».

19-го марта Каховскій писалъ: «Цари самовластные много благъ творятъ въ частности; и покойный императоръ много раздавалъ денегъ, орденовъ, чиновъ; но составляетъ ли это пользу общую?.. Нѣтъ, Государь! Не въ частности надо благотворить, но благотворить всему народу, и правленіе будетъ счастливо и покойно, безмятежно»... Ради Бога, ради блага человѣчества, собственнаго вашего блага, оградите себя и отечество закономъ. Вамъ предстоитъ славное поприще! дайте права, уравновѣсьте ихъ и не нарушайте; водворите правосудіе, откройте торговлю, покровительствуйте истинное просвѣщеніе—и вы сдѣлаетесь другомъ и благотворителемъ народа добраго».

14-го апрѣля Каховскій вновь взывалъ къ Николаю. «Дай Богъ, чтобы вы, милосердый государь, основали благоденствіе народное, властвовали не страхомъ, а любовію, и тогда вѣрно отечество будетъ счастливо и покойно».

Каховскій указывалъ на то, что безъ «постановительнаго закона» царь не найдетъ поддержки ни среди окружающихъ, ни въ войскахъ, ни въ церкви. Всѣ эти опоры шатки. Онъ бросалъ въ лицо Николаю ядовитые сарказмы: «какъ вы думаете, государь, если бы васъ не стало, изъ окружающихъ теперь васъ, много ли бы нашлось людей, которые истинно о васъ пожалѣли?» Съ ироніей Каховскій отмѣчалъ, что «не солдаты составляютъ силу и опору троновъ, и тѣ обманываются, которые думаютъ, что можно оградить

себя штыками». «Ошибаются и тѣ, которые полагаютъ, что алтарь—опора трона вашего. 14-го декабря доказало противное».

Каховскій думалъ обольстить Николая историческими перспективами, раскрывающимися передъ русскимъ монархомъ, уничтожившимъ самодержавіе. «Государь, вы одни можете не только въ отечествѣ, и во всей Европѣ перемѣнить систему правленія, спасти троны и равно принести пользу и царямъ и народамъ». Въ письмѣ къ Левашову онъ пробовалъ указать этимъ глухимъ душамъ на судъ исторіи. «Исчезъ обрядъ судить народу умершихъ царей своихъ до ихъ погребенія. Но исторія передаетъ дѣла ихъ на судъ безпристрастнаго потомства. Не всѣ историки подобны Карамзину. Дѣянія вѣка нашего заслуживаютъ имѣть своего лѣтописца—Тацита. Кто знаетъ, можетъ быть, и есть онъ, но таится въ толпѣ народа, работая для вѣковъ и потомства. Онъ возвѣститъ имъ истину: и благословенія и проклятія потомковъ обнаружатъ дѣла, поразятъ и украсятъ вѣнценосцевъ».

Гласъ вопіющаго въ пустынѣ!

Какъ относился къ письмамъ Каховскаго самъ Николай? Онъ не могъ не оцѣнить ихъ дерзости и смѣлости. Положительную часть онъ оставлялъ безъ вниманія. Впрочемъ, онъ—не прочь былъ послушать рѣчи о недостаткахъ государственнаго управленія, но при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы эти рѣчи раздавались только для него одного, а ораторъ находился въ это время за семью замками. Такъ было съ Каховскимъ и другими декабристами, писавшими къ нему изъ крѣпости. Но самая замѣчательная иллюстрація этого болѣзненнаго любопытства Николая выслушивать ту правду, за которую онъ посылалъ на висѣлицу и на каторгу—исторія декабриста Корниловича. Онъ былъ перевезенъ съ каторги въ Петропавловскую крѣпость, и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ давалъ письменныя разъясненія по всѣмъ вопросамъ, касающимся государственной жизни Россіи, какіе только угодно было задавать Николаю Павловичу и Бенкендорфу. Быть можетъ, Николай дѣйствительно извлекалъ изъ ихъ отвѣтовъ практическіе выводы, но о томъ, какъ онъ въ душѣ относился къ откровеннымъ и искреннимъ письмамъ декабристовъ, достаточно ярко свидѣтельствуетъ слѣдующая замѣчательная резолюція, положенная имъ на просьбѣ Г. С. Батенкова о разрѣшеніи ему писать Государю: «*дозволить писать, лгать и врать по волѣ его*» [1]). Необходимо отмѣтить, что резолюція положена 30-го марта 1826 г., т. е. тогда, когда весь матеріалъ слѣдственный былъ собранъ, и декабристы не нужны уже были Николаю.

10.

Но слѣдствіе подвигалось впередъ, выяснялись помыслы декабристовъ объ истребленіи фамиліи, становились извѣстными всѣ

---

[1]) Г. А. I В № 11 л. 21.

фразы и восклицанія, когда либо сказанныя по этому дѣлу. Для царя и его слѣдователей очень скоро выяснилось, что Каховскій не учинилъ полнаго признанія. Прикосновенность его къ неосуществленнымъ замысламъ о цареубійствѣ обнаружилась уже въ самомъ началѣ слѣдствія, рельефнѣе всего изъ показаній Штейнгеля. А относительно убійствъ, совершенныхъ Каховскимъ, комиссія получила совершенно опредѣленныя указанія отъ его товарищей въ самомъ концѣ декабря и январѣ: Оболенскій заявилъ объ убійствѣ Каховскимъ Милорадовича, Одоевскій—Стюрлера, Кюхельбекеръ—о нанесеніи ранъ свитскому офицеру.

Каховскій умолчалъ о своей роли въ замыслахъ на цареубійство и о своихъ покушеніяхъ. Причины запирательства объяснить не трудно Мы уже выяснили, въ какое положеніе онъ былъ поставленъ царемъ: «А насъ всѣхъ зарѣзать хотѣлъ!»—услышалъ отъ него. О покушеніяхъ, не оправданныхъ успѣхомъ возстанія, ему, конечно, было очень тяжело говорить. Но главное, вѣдь онъ не приносилъ раскаянія: подкупленный обращеніемъ Николая, онъ открылъ дѣла общества, переименовалъ нѣкоторыхъ участниковъ—и только. Показанія о цареубійствѣ могли бы, какъ это и было впослѣдствіи, запутать слишкомъ многихъ, а о покушеніяхъ Каховскій могъ и не говорить, полагаясь на скромность товарищей. Мы уже освѣтили нѣсколько переживанія Каховскаго въ тюрьмѣ. Они были ужасны. Его мучительно волновало и то, что онъ сказалъ что-то, и то, что онъ не сказалъ всего о цареубійственныхъ замыслахъ. Къ этимъ мученіямъ присоединились вскорѣ еще новыя. Онъ увидѣлъ, что люди, столь близкіе ему по дѣлу, докладываютъ комиссіи о самомъ сокровенномъ и самомъ преступномъ. Сокровенны—эти замыслы, участниками которыхъ были многіе; преступны—убійства на площади. Когда разсказывали о цѣляхъ общества, то, кажется, вѣрили, что за это могутъ быть лишь незначительныя наказанія.

А тутъ вдругъ убійства, въ которыхъ повиненъ Каховскій, а больше никто. Можно понять, что въ разсказахъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ трудно было иногда удержаться отъ оговоровъ, но зачѣмъ же было оглашать дѣйствія отдѣльнаго лица. Но этого мало: на очныхъ ставкахъ, въ показаніяхъ Каховскій вдругъ увидѣлъ то, чего ужъ онъ никакъ не ожидалъ видѣть: нѣкоторые изъ товарищей передъ комитетомъ доказывали, что они гнушаются поступковъ Каховскаго: у однихъ, быть можетъ, это былъ искренній результатъ прекраснодушія, у другихъ это вызывалось желаніемъ выиграть расположеніе Слѣдственной Комиссіи. Но умышленное или сознательное третированіе казалось чѣмъ-то вопіющимъ Каховскому. Его, русскаго Брута, котораго братски цѣловали передъ совершеніемъ «подвига», назвать убійцей!

Такое поведеніе товарищей страшно раздражало и волновало Каховскаго. Сдержанный въ самомъ началѣ, онъ становился все нервнѣе и нервнѣе; ноты раздраженія въ его показаніяхъ слышались все чаще и чаще. Не забудемъ его особенности доводить все до предѣловъ, до конца.

Необходимо отмѣтить методъ его показаній передъ комиссіей. Онъ началъ съ полнаго отрицанія, на первомъ же допросѣ отозвался полнымъ невѣдѣніемъ. Но, настойчиво отрицая реальный фактъ, онъ не осмѣливался устранить и принципіальную возможность. Наоборотъ, въ то время, какъ его и не спрашивали о принципіальной возможности, онъ самъ выставлялъ ее на видъ. Его спрашиваютъ по поводу несомнѣнно имъ совершенныхъ поступковъ: «Вы это сдѣлали?», а онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, совсѣмъ не я, но я могъ это сдѣлать!» «Если бы видалъ, что успѣхъ зависитъ отъ смерти Милорадовича, то не остановился бы оную произвесть». И точно въ немъ было два я, два человѣка: одинъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что для пользы общей нѣтъ преступленія, и что убійство тирана—высшій подвигъ, а другой боялся сознаться (быть можетъ, даже самому себѣ), что на Сенатской площади декабря 14-го дня онъ собственноручно умертвилъ военнаго губернатора города С.-Петербурга, Милорадовича, тяжело ранилъ командира лейбъ-гренадерскаго полка Стюрлера и нанесъ легкія пораненія штабсъ-капитану Гастеферу. Одинъ Каховскій готовъ принять какое угодно наказаніе за свое принципіальное согласіе на извѣстный актъ, даже убійство, а другой Каховскій гонитъ всякую мысль о карѣ за конкретный поступокъ. Каховскій какъ-то не хотѣлъ понять, что высшій подвигъ любви къ свободѣ необходимо реализируется въ конкретномъ покушеніи на опредѣленное лицо. И знаменательно то, что онъ и умеръ съ вѣрой въ силу этого подвига. Въ этомъ его отличіе отъ другихъ декабристовъ: другіе (Оболенскій, Трубецкой, Рылѣевъ) ясно ощутили эмпирическую сторону подвига и отказались отъ своихъ дерзновеній: «по человѣчеству нельзя»—такъ рѣшали они. А. Каховскій призналъ, что въ данномъ случаѣ энергія была затрачена напрасно, но что «подвигъ»-то не только возможенъ, но и необходимо въ иныхъ случаяхъ и долженъ быть. «Рылѣевъ—пишетъ Штейнгель—объяснилъ о намѣреніи Каховскаго другимъ членамъ общества—и изъ нихъ нѣкоторые ужаснулись самой мысли». А. Каховскій превзошелъ этотъ ужасъ и до конца дней своихъ остался неисправимымъ романтикомъ. Античная идея о низверженіи тирана воскресла въ Каховскомъ, но не умерла въ немъ.

Когда комиссія убѣдилась, что Каховскій не намѣренъ открывать всего, имъ совершеннаго или только извѣстнаго, она оставила его въ покоѣ съ тѣмъ, чтобы, добывъ весь слѣдственный матеріалъ, неопровержимо уличить Каховскаго. При этомъ Николай и комиссія сочли себя, конечно, въ правѣ освободить самихъ себя отъ предупредительности по отношенію къ Каховскому. Мы уже знаемъ, что послѣ признаній Каховскаго Николай Павловичъ приказалъ «Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давая ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью» и принялъ содержаніе его на свой счетъ. Намъ извѣстно также, что на первыхъ порахъ Каховскому было разрѣшено переписываться съ родными. Но, очевидно, очень скоро отношенія вла-

стей къ нему перемѣнились. Изъ списка, составленнаго въ серединѣ февраля 1826 года, видно, что Каховскій былъ однимъ изъ тѣхъ, кому *переписка была запрещена*. А когда уже въ іюнѣ Каховскаго запросили, какъ и чѣмъ онъ думаетъ заплатить свой долгъ портному, онъ въ отвѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи написать къ своему родному брату о присылкѣ ему денегъ. Ему отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Можно съ полной достовѣрностью думать, что за все время заключенія Каховскій не имѣлъ не только личныхъ, а даже письменныхъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ своихъ слѣдователей.

Такая же исторія вышла—надо думать—и съ «повелѣннымъ ему лучшимъ содержаніемъ». Табакъ, который бы долженъ былъ быть отпускаемъ въ числѣ прочаго, что пожелаетъ Каховскій, за счетъ Государя, былъ во всякомъ случаѣ пріобрѣтаемъ имъ за свой счетъ. Изъ вѣдомостей плацъ-адъютанта Подушкина, завѣдывавшаго «комиссіями» арестованныхъ и—кстати сказать—не мало при этомъ попользовавшагося, видно, что онъ получилъ изъ отобранныхъ у Каховскаго при арестѣ восьмидесяти пяти рублей на покупку для него табаку въ разное время сорокъ три рубля 50 коп. [1]). Оставшаяся по смерти Каховскаго сумма въ 41 р. 50 коп. была впослѣдствіи выдана его брату. Можно повѣрить сообщенію Завалишина, что Каховскій находился какъ бы въ постоянной пыткѣ, потому что его больного держали въ сырой ямѣ [2]).

Послѣ первыхъ большихъ допросовъ и признаній Каховскаго комитетъ тревожилъ его только небольшими допросами по отдѣльнымъ пунктамъ. 3 января онъ отвѣчалъ по вопросу, что онъ зналъ и передавалъ Сутгофу о касательствѣ къ обществу высшихъ лицъ: Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова. Затѣмъ Каховскаго спрашивали о принадлежности къ обществу Глѣбова. 14 марта на допросѣ Каховскому были предъявлены показанія Штейнгеля о его роли въ разговорахъ о цареубійствѣ, и Каховскій долженъ былъ понять, что слѣдователямъ его участіе извѣстно. Каховскій отрицалъ свою иниціативу и показывалъ, что онъ «готовъ былъ всегда принести себя въ жертву и для пользы отечества не видалъ преступленія. Но никогда бы не рѣшился убить государя, въ точности не увѣрялъ въ необходимой къ тому потребности для блага общаго». Разоблаченія Штейнгеля ставили Каховскаго въ ужасное положеніе. Процессъ переходилъ съ почвы фактовъ въ область пылкихъ мечтаній, горячихъ рѣчей, страстныхъ фразъ. Приходилось или сознавать недостаточность своихъ прежнихъ показаній, или же впутывать и выдавать тѣхъ самыхъ лицъ, которыя взводили на него обвиненія. Каховскій рѣшилъ запираться; онъ готовъ былъ признать все, что ни предъявятъ ему, лишь бы его не разспрашивали и скорѣй вы-

---

[1]) Г А. I В. № 299 л. 2 и № 293, л. 335 и 336.

[2]) Записки декабриста Завалишина. Мюнхенъ. 1905. т. I. стр. 355. Ко всѣмъ остальнымъ сообщеніямъ Завалишина о Каховскомъ въ этомъ и другихъ мѣстахъ „Записокъ" должно относиться съ полнѣйшимъ недовѣріемъ. То, что онъ передаетъ о признаніи Каховскаго передъ царемъ въ убійствѣ Милорадовича, просто вздорно

несли приговоръ. Мучительно читать его отвѣты комиссіи. 14 же марта Каховскій заканчивалъ свой отвѣтъ: «Показанія мои такъ истинны, какъ святъ Богъ! Я не жилъ увертками и умру съ чистой душой. Не желаю зла и Рылѣеву; я ему нѣсколько обязанъ: онъ долго былъ моимъ пріятелемъ; но меня вынудили говорить, чего бы я не хотѣлъ. Довольно несчастныхъ! Переговаривать чужія пустыя слова, которыя были говорены, какъ говорится всякій вздоръ, я не могу. Пусть что хотятъ на меня показываютъ, я оправдываться не буду; и если что показывалъ, показывалъ истину; не для спасенія своего, но послѣ ручательствъ оберъ-полицмейстера и нѣкоторыхъ господъ генераловъ и офицеровъ во дворцѣ; я былъ тронутъ до глубины сердца мягкостью обхожденія господина генералъ-адъютанта Левашова и милосердіемъ государя императора. Болѣе я ничего не знаю и прошу одной милости—скораго приговора».

Слѣдующій вопросный листъ коммиссіи предлагалъ отвѣтить детально, когда, съ кѣмъ и гдѣ говорилъ Каховскій о намѣреніи общества истребить царствующую фамилію; какимъ образомъ онъ предлагалъ совершить сіе, кто соглашался съ нимъ въ этомъ пунктѣ. На эти вопросы Каховскій отвѣчалъ: «Цѣль общества была: основать правленіе народное, что было извѣстно всѣмъ членамъ онаго. Выдергивать людей по одиночкѣ я не могу; каждый можетъ самъ на себя показать. Я предлагалъ, чтобы идти прямо ко дворцу, назнача къ тому часъ въ ночи, и занять оный. Рылѣевъ съ симъ не согласовался, сказавъ: солдаты прежде объявленія присяги не пойдутъ и послѣ оной тоже. Съ занятіемъ дворца, конечно, царствующая фамилія или была бы истреблена, или арестована. Въ показаніи я невольно увлекся и сталъ вдвойнѣ преступникъ. Рада Бога, дѣлайте со мной, что хотите, и не спрашивайте меня ни о чемъ. Я во всемъ виноватъ; такъ ли было говорено, иначе ли, но мое намѣреніе и согласіе было на истребленіе царствующей фамиліи».

Послѣ этихъ допросовъ и явнаго запирательства комитетъ оставилъ Каховскаго на долго въ покоѣ: очевидно, онъ хотѣлъ собрать подавляющія противъ него улики и обрушиться на него разомъ. 3 мая была дана очная ставка кн. Одоевскому и Каховскому. Одоевскій утверждалъ, что онъ слышалъ, какъ самъ Каховскій говорилъ, что ранилъ Стюрлера. На очной ставкѣ Каховскій рѣшительно отказывался отъ своихъ словъ. 2 мая Каховскому предъявили показаніе Штейнгеля, разсказавшаго комиссіи о сценѣ, происходившей вечеромъ 14 декабря у Рылѣева. Каховскій призналъ только то, что онъ дѣйствительно стрѣлялъ въ Милорадовича, но вмѣстѣ съ другими: чья пуля сразила Милорадовича, онъ, конечно, не можетъ сказать: «кажется, я достаточно имѣлъ честь прежде сего объяснить высочайше учрежденному комитету все, что касается до убійства графа Милорадовича. Но если нужно повтореніе — повторяю: я выстрѣлилъ по Милорадовичу, когда онъ поворачивалъ лошадь; выстрѣлъ мой былъ не первый, по немъ выстрѣлилъ и весь фасъ каре, къ которому онъ подъѣзжалъ. Попалъ ли я въ него, или кто другой, не знаю.—Дѣлалъ я мои показанія безъ вынужде-

нія и не изъ боязни. Вынудить меня говорить противное никто и ничто не въ силахъ. Если я лгу, зачѣмъ меня спрашивать? Ломаться, какъ кн. Одоевскій, и не умѣю, и не хочу; ему допущено было говорить на меня всякій вздоръ, и не принадлежащій къ дѣлу. Онъ меня не могъ оскорбить, не обижаетъ ли болѣе самого себя? Я хранилъ молчаніе изъ уваженія къ мѣсту; и хотя многое хотѣлъ сказать противъ словъ князя Одоевскаго, но мщеніе для меня низко. Одно лишь могу сказать, что я не узнаю его, или никогда не зналъ его, хотя въ продолженіе года рѣдкій день проходилъ, чтобы мы не видались. Совѣсть моя принадлежитъ собственно мнѣ—ее вполнѣ судить можетъ одинъ Богъ. Умереть, какимъ бы образомъ ни было, я умѣю. Просилъ и еще покорнѣйше прошу не спрашивать меня ни о чемъ и дѣлать со мной все, что заблагоразсудится. Не желаю противиться ни мало власти; но какъ мои слова будутъ лишь повтореніе одного и того же, я рѣшился молчать и ни на что возражать и отвѣчать не стану».

Но на очной ставкѣ съ Штейнгелемъ (3 мая) Каховскій отрицалъ правдивость разсказа Штейнгеля. Тогда комитетъ передопросилъ Рылѣева, который подтвердилъ сказанное Штейнгелемъ. «Да, Каховскій вечеромъ 14 декабря, будучи у него въ домѣ, говорилъ, что онъ убилъ Милорадовича и ранилъ свитскаго офицера»—показалъ Рылѣевъ. На очной ставкѣ съ Рылѣевымъ (6 мая) Каховскій имѣлъ еще силы отрицать показанія Штейнгеля и Рылѣева. Рылѣевъ далъ подробныя объясненія о своемъ знакомствѣ съ Каховскимъ; въ первой нашей статьѣ мы приводили обширныя изъ нихъ выдержки. Отстраняя свое участіе въ замыслахъ на цареубійство, Рылѣевъ выдавалъ головой Каховскаго. Въ отвѣтъ на эти извѣты Рылѣева Каховскій разразился цѣлымъ рядомъ обвиненій противъ Рылѣева; на новой очной ставкѣ 8 мая не произошло никакого соглашенія между Рылѣевымъ и Каховскимъ. Они оба остались при своихъ показаніяхъ. 10 мая на очной ставкѣ съ Кюхельбекеромъ Каховскій не сознался въ томъ, что онъ ранилъ свитскаго офицера.

Но дальше нервы Каховскаго не выдержали. Запираться было мучительно. 11-го мая онъ написалъ генералу Левашову письмо съ полнымъ признаніемъ. Два дня это письмо пролежало у него въ камерѣ. Каховскій, очевидно, колебался. Наконецъ, 14-го мая онъ написалъ новое, болѣе подробное признаніе и, приложивъ къ нему первое письмо, подалъ его Левашову.

Комитетъ могъ считать себя удовлетвореннымъ. Одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ далъ сознаніе, лучше котораго комитету и желать было нельзя. Тяжело читать признаніе Каховскаго: слишкомъ уже обнажилъ онъ свою душу. Его изобличенія по адресу Рылѣева, Штейнгеля и другихъ, не возмущаютъ насъ. Послѣ продолжительной тягостной борьбы съ самимъ собою Каховскій заплатилъ имъ тою же монетой: онъ разсказалъ о нихъ то же, что они сообщали о немъ. Возмущаютъ не извѣты Каховскаго, а крайнее обнаженіе души. Оно кажется ненужнымъ и безцѣльнымъ,

но ужъ таковъ былъ Каховскій: во всемъ, что онъ ни дѣлалъ, онъ доходилъ до послѣднихъ глубинъ.

Каховскій началъ свое первое письмо къ Левашову слѣдующимъ образомъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Простите, что до сихъ поръ я имѣлъ низость обманывать Ваше доброе обо мнѣ мнѣніе. Участіе Ваше глубоко впечатлѣлось въ моемъ сердцѣ, и мнѣ совѣстно лгать предъ Вами. Очныя ставки никогда бы не могли меня заставить сознаться; онѣ лишь раздражаютъ самолюбіе; разъ сдѣланное показаніе, конечно, каждый старается удержать, и притомъ показатели, столь низкіе душой, будучи сами виновными и въ намѣреніяхъ, а нѣкоторые и въ дѣйствіяхъ, не устыдились оскорблять меня въ присутствіи комитета, называя убійцею... дѣлаютъ отъ себя столько прибавленій и прибавленій не согласныхъ съ моими правилами, что они меня ожесточили. Я чувствую самъ преступленія мои, могу быть въ глазахъ людей постороннихъ злодѣемъ, но не въ глазахъ заговорщиковъ, раздѣлявшихъ и дѣйствія и намѣренія. Безъ оправданій: я убилъ графа Милорадовича, Стюрлера и ранилъ свитскаго офицера. Кюхельбекеръ говоритъ несправедливо, я ударилъ офицера не изъ за спины, но въ лицо, онъ не упалъ и не могъ примѣтить, кто ударилъ его, это было мгновеніе—я опомнился, мнѣ стало его жаль, и я его отвелъ въ каре. На счетъ показаній о убійствѣ Государя Императора,—все ложь! Я не желаю никому несчастья, Богъ тому свидѣтель!—На меня говорятъ, что я вызывался убить, что стращалъ открыть общество, что я соглашался рѣзать; но все сіе несправедливо. Повѣрьте, я не стану клеветать, мнѣ необходимо погибнуть — неужели я желаю увлечь другихъ! Я могъ быть злодѣй въ изступленіи, но въ груди моей бьется сердце человѣческое...»

Моментами въ сознаніи Каховскаго отодвигалось на дальній планъ главное призваніе его жизни. Онъ какъ будто забывалъ о немъ и начиналъ каяться и разсуждать, какъ обыкновенный человѣкъ. Онъ не разъ называетъ свой поступокъ преступленіемъ. Но мы уже подчеркивали отношеніе Каховскаго, какъ оно окончательно сложилось, къ подвигу своей жизни. Каховскій могъ быть преступникомъ въ глазахъ государя и слѣдователей — онъ сознавалъ это. Онъ могъ быть преступникомъ въ глазахъ общества — но изъ только что приведенной цитаты мы видимъ, что Каховскій даже попытку со стороны нѣкоторыхъ своихъ товарищей оцѣнить его дѣйствія, какъ убійство, считалъ до преступности невозможной. Былъ ли онъ преступникомъ въ собственныхъ своихъ глазахъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ: среди самыхъ интимныхъ своихъ раскаяній онъ все же утверждаетъ, что для блага родины онъ не видитъ преступленія.

Тяжело было положеніе Каховскаго: въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ отторгся отъ своихъ друзей и товарищей по дѣлу. Какъ бы забывая о томъ, что онъ и самъ повиненъ въ извѣтахъ и ого-

ворахъ, онъ съ величайшимъ негодованіемъ протестовалъ противъ подобнаго поведенія своихъ товарищей. «Первое мое письмо—такъ заканчивалъ онъ свое второе и послѣднее признаніе — къ вашему превосходительству я писалъ и еще щадилъ тѣхъ, которые столь низко мнѣ вредили; но разобравъ все, вижу, какъ они гадки, и говорю откровенно, мной руководствуетъ мщеніе. Они хотѣли оклеветать меня и черезъ то спастись—это подло! Вамъ извѣстны, ваше превосходительство, всѣ мои показанія, я болѣе себя открывалъ и щадилъ ихъ — и вотъ какая за то плата — ложь и клевета! Я не боюсь умереть; мои намѣренія были чисты, тому Богъ свидѣтель! Заблужденіе и пылкость сдѣлали меня злодѣемъ, но подлецомъ и клеветникомъ меня никто не въ силахъ сдѣлать. Если нужно, чтобы я все сіе сказалъ имъ въ глаза—я согласенъ; но знаю, что они всѣ запрутся. Сдѣлайте милость, ваше превосходительство! не откажите моимъ покорнѣйшимъ просьбамъ, чѣмъ наичувствительнѣйше меня обяжете. Участіе ваше ко мнѣ, мнѣ драгоцѣнно. Я злодѣй, но будьте увѣрены, имѣю чувство и умѣю быть благодарнымъ».

Каховскій просилъ о позволеніи написать роднымъ: этого позволенія ему не дали.

Всю жизнь Каховскій былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Мечта о подвигѣ, о призваніи Брута скрашивала существованіе. Но судьба безжалостной рукой разбивала надежды Каховскаго. Въ началѣ заключенія мелькнула надежда, что счастье родины, во имя котораго онъ вышелъ на борьбу,—будетъ устроено императоромъ, но эта иллюзія быстро разлетѣлась въ пухъ и прахъ. Оставались еще наслажденія взаимной заговорщической вѣрности и дружбы. Но грубо было разсѣяно и это утѣшеніе. Въ тѣхъ, кто поистинѣ должны были бы быть послѣдними друзьями, Каховскій увидѣлъ враговъ, и вотъ въ послѣдніе мѣсяцы, послѣдніе дни своей жизни Каховскій по прежнему былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Процессъ растерзалъ его душу. Тоска и одиночество заволакивали его существованіе.

11.

Исторія процесса декабристовъ въ общихъ чертахъ извѣстна. Изъ рукъ слѣдственной комиссіи они перешли въ руки верховнаго уголовнаго суда. Но тѣ, кто были членами этого суда поистинѣ не вѣдали, что творятъ: всѣ дѣйствія—даже мельчайшія—суда были заранѣе предопредѣлены Николаемъ Павловичемъ при усерднѣйшемъ содѣйствіи М. М. Сперанскаго. Въ рескриптахъ на имя предсѣдателя суда кн. Лопухина было предписано выбрать комиссіи: ревизіонную и для опредѣленія разрядовъ. Каждой комиссіи были указаны тѣ дѣйствія, которыя она должна была произвести. И тѣ знаменитые три вопроса [1]), предложеніемъ которыхъ былъ исчерпанъ

[1]) Рукою ли подсудимаго писаны допросы? Добровольно ли подписаны? Были ли даны очныя ставки?

весь судъ надъ декабристами, были выработаны не судомъ, а опять таки Николаемъ Павловичемъ совмѣстно съ Сперанскимъ. Вообще самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ процессѣ декабристовъ былъ, конечно, Николай Павловичъ, предусматривавшій всѣ детали.

Извѣстно, что Рылѣевъ, Каховскій, Пестель, Бестужевъ-Рюминъ и С. И. Муравьевъ-Апостолъ были поставлены внѣ разрядовъ и Верховнымъ Судомъ приговорены къ четвертованію. Докладъ былъ представленъ Николаю I. Николай, смягчивъ приговоръ всѣмъ разрядамъ осужденныхъ, въ указѣ Верховному Суду отъ 10-го іюля предоставилъ участь поставленныхъ внѣ разряда рѣшенію суда «и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится». По этому поводу покойный Шильдеръ писалъ:

«Сколько въ рѣшеніи, принятомъ императоромъ Николаемъ относительно лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, принадлежитъ собственному побужденію, и какую роль играло въ этомъ дѣлѣ постороннее вліяніе, не скоро еще опредѣлится съ достаточной ясностью. Разсказываютъ, что когда князь Лопухинъ представилъ приговоръ суда, то государь замѣтилъ: «офицеровъ не вѣшаютъ, а разстрѣливаютъ», не желая поступить съ ними, по его выраженію, какъ съ ворами; но ген.-ад. Бенкендорфъ будто бы настаивалъ на пользѣ примѣра позорнаго наказанія [1]).

Покойный Шильдеръ оказался слишкомъ пристрастенъ къ своему герою. Въ дѣлахъ Государственнаго Архива, при нѣкоторомъ вниманіи, онъ могъ бы найти данныя, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что вся иниціатива рѣшенія суда лежитъ на Николаѣ Павловичѣ и только на немъ. И тутъ, разставаясь съ своими «преступниками», Николай Павловичъ не, могъ не разыграть *комедіи милосердія*. Онъ въ указѣ на докладъ суда явился милосердымъ: смягчилъ наказанія почти всѣмъ, а судьбу поставленныхъ внѣ разрядовъ онъ предоставилъ рѣшенію суда. Итакъ, если судъ все же присудилъ ихъ къ смерти, то въ смерти ихъ винить должны мы судъ, а не Николая I. Въ дѣйствительности же было какъ разъ обратное.

Сохранилась записка, писанная 10-го іюля 1826 года—въ день представленія доклада предсѣдателемъ Верховнаго Суда кн. П. В. Лопухинымъ, слѣдующаго содержанія: «Государь изволилъ отозваться, что докладъ и всѣ приложенія просмотритъ и дастъ по оному свое повелѣніе, но тутъ же присовокупилъ, что если *неизбѣжная смертная казнь* кому подлежать будетъ, *Государь ее самъ не утвердитъ*, а уполномочитъ верховный уголовный судъ окончательно самому разрѣшить тотъ предметъ».

Получивъ Указъ Государя о предоставленіи судьбы пяти поставленныхъ внѣ разрядовъ на окончательное усмотрѣніе суда, кн. Лопухинъ одновременно же 10-го іюля 1826 года получилъ отъ начальника штаба барона Дибича слѣдующее примѣчательное доношеніе:

---

[1]) Н. К. Шильдеръ. Имп. Николай I. T I. Спб. 1903. Стр. 443.

«Милостивый Государь
князь Петръ Васильевичъ!

Въ Высочайшемъ указѣ о государственныхъ преступникахъ на докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда, въ сей день состоявшемся, между прочимъ, въ статьѣ 13-ой сказано, что преступники, кои по особенной тяжести ихъ злодѣяній не включены въ разряды и стоятъ внѣ сравненія, предаются рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

На случай сомнѣнія о видѣ казни, какая симъ преступникамъ судомъ опредѣлена быть можетъ, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ предварить Вашу Свѣтлость, что Его Величество никакъ не соизволяетъ не токмо на четвертованіе, яко казнь мучительную, но и на разстрѣляніе, какъ казнь однимъ воинскимъ преступленіямъ свойственную, ни даже на простое отсѣченіе головы и, словомъ, ни на какую смертную казнь съ пролитіемъ крови сопряженную.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшій слуга баронъ И. Дибичъ».

Послѣ этой бумаги Дибича нѣтъ мѣста сомнѣніямъ въ инициативѣ Николая Павловича.

12.

Единственное милосердіе оказалъ Николай Павловичъ своему подданному Петру Каховскому. Онъ не пролилъ его крови, предавъ казни, съ пролитіемъ крови не сопряженной.

13-го іюля 1826 года, на разсвѣтѣ, на валу кронверка Петропавловской крѣпости Каховскій былъ повѣшенъ...

Послѣ него остались слѣдующія вещи: фракъ черный суконный, шляпа пуховая, круглая, жилетъ черный суконный, косынка шейная черная, ветхая, рубашка холстинная и 41 руб. 50 коп. денегъ.

Вещи и деньги были препровождены 14-го октября 1826 года военнымъ министромъ Смоленскому губернатору для выдачи законнымъ наслѣдникамъ. 27-го ноября вещи и деньги были выданы подъ росписку дворовому человѣку родного брата Каховскаго.

П. Е. Щеголевъ.

Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову.

Изъ цѣлой серіи переданныхъ намъ изъ архива П. Л. Лаврова его дочерью М. П. Нигрескулъ собственноручныхъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову мы помѣщаемъ пока только семь. Въ первыхъ изъ нихъ выражается въ достаточной степени опредѣленное отношеніе Тургенева къ революціонному движенію въ Россіи, въ послѣднихъ—его чувства къ личности одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей этого движенія—Германа Александровича Лопатина.

Въ № 2 «Вѣстника Народной Воли» помѣщена статья Лаврова: «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества», изъ которой мы приведемъ одно мѣсто, служащее прекраснымъ поясненіемъ къ нижепечатаемымъ письмамъ Тургенева.

«Иванъ Сергѣевичъ не былъ никогда ни соціалистомъ, ни революціонеромъ. Онъ никогда не вѣрилъ, чтобы революціонеры могли поднять народъ противъ правительства, какъ не вѣрилъ, чтобы народъ могъ осуществить свои «сны» о «батюшкѣ Степанѣ Тимофеевичѣ»; но исторія его научила, что никакія «реформы свыше» не даются безъ *давленія* (курсивъ подлинника) и энергическаго давленія снизу на власть; онъ искалъ силы, которая была бы способна произвести это давленіе, и въ разные періоды его жизни ему представлялось, что эта сила можетъ появиться въ разныхъ элементахъ русскаго общества. Какъ только онъ могъ заподозрить, что новый элементъ можетъ сдѣлаться подобною силою, онъ сочувственно относился къ этому элементу и готовъ былъ даже содѣйствовать ему въ той мѣрѣ, въ какой терялъ надежду, чтобы то же историческое дѣло могли сдѣлать другіе элементы, ему болѣе близкіе и симпатичные. Поэтому, когда я ему нарисовалъ картину одушевленія и готовности къ самоотверженію въ группахъ молодежи, примкнувшихъ въ Цюрихѣ къ «Впередъ», онъ, безъ всякаго вызова съ моей стороны, высказалъ свою готовность помогать этому изданію, первый томъ котораго былъ уже около полугода въ его рукахъ и программа котораго, слѣдовательно, была ему хорошо извѣстна. На другой же день (21 февр. 1874 г.), я получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ болѣе опредѣленно высказалъ: «я буду давать ежегодно 500 фр. до тѣхъ поръ, пока продолжится ваше предпріятіе, которому я желаю всяческаго успѣха», и прислалъ взносъ за первый годъ. Слѣдующіе два года взносъ происходилъ черезъ посредниковъ, такъ какъ я находился все время въ Лондонѣ. У меня сохранилось очень мало писемъ и записокъ Ивана Сергѣевича изъ этого періода. Въ одной изъ

нихъ (отъ 29 апрѣля 1875 г.) онъ писалъ мнѣ, что думаетъ ѣхать на partridge-shooting и быть проѣздомъ въ Лондонѣ, прибавляя: «Надѣюсь увидать Васъ тамъ и побесѣдовать объ omnibus rebus. На бумагѣ это неудобно исполнить; ограничусь тѣмъ, что нахожу Вашу дѣятельность полезной, несмотря на неизбѣжныя «drawbacks», которыя я очень хорошо видѣлъ самъ. Не помню, помѣшало ли что Ивану Сергѣевичу пріѣхать, или во время его проѣзда черезъ Лондонъ оказалось невозможнымъ или неудобнымъ наше свиданіе, но оно не состоялось. Скорѣе онъ вовсе не пріѣзжалъ, такъ какъ 7 сентября того же года онъ мнѣ писалъ изъ Буживаля о двухъ произведеніяхъ нашей наборни, ему посланныхъ, входя въ довольно подробный разборъ сказки «Мудрица-Наумовна», указывалъ ея литературные недостатки, но говорилъ: «Авторъ—человѣкъ съ талантомъ, владѣетъ языкомъ, и весь его трудъ согрѣтъ жаромъ молодости и убѣжденія». Далѣе, Иванъ Сергѣевичъ еще разъ говоритъ, что у автора «есть и талантъ, и огонь—пусть онъ продолжаетъ трудиться на этомъ поприщѣ».

Въ послѣдніе годы одна книга этого автора появилась на итальянскомъ языкѣ; а переводы на англійскомъ языкѣ появились въ Англіи и Америкѣ; какъ слышно, готовятся ея французскія и нѣмецкія изданія». (стр. 108—110) [1]).

О Гер. Ал. Лопатинѣ Тургеневъ упоминаетъ въ пяти изъ печатаемыхъ писемъ. Послѣднее изъ нихъ (отъ 24 марта 1883 г.), въ которомъ Тургеневъ радуется благополучному возвращенію Лопатина изъ Россіи (Г. А. Лопатинъ бѣжалъ изъ ссылки въ Вологду 22 феврали 1883 года), написано не рукою Тургенева, а рукою его дочери и лишь имъ подписано,—до такой степени Тургеневъ былъ уже тогда боленъ. Въ составленной тѣмъ же П. Л. Лавровымъ и напечатанной въ 1888 году въ Женевѣ краткой біографіи Г. А. Лопатина (приложена въ качествѣ вступленія къ такъ называемому «процессу 21-го»—Г. А. Лопатинъ, П. Ф. Якубовичъ, Н. П. Стародворскій, С. А. Ивановъ и др.), находятся, между прочимъ, такія строки:

«Германъ Александровичъ Лопатинъ былъ моимъ близкимъ другомъ съ начала 1870 г., когда я познакомился съ нимъ. Его жизнь была полна событій и приключеній, которыя вызывали интересъ въ людяхъ, его вовсе не знавшихъ. Среди знавшихъ его въ Петербургѣ, въ Ставрополѣ, въ Иркутскѣ, въ Вологдѣ, въ Ташкентѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Швейцаріи онъ имѣлъ всюду друзей и пріятелей. Онъ велъ обширную переписку. Его разсказы, полные блеска и юмора, чаровали слушателей. Поэтому матеріалъ для его біографіи могъ бы быть очень богатъ и разнообразенъ. Но именно разнообразіе мѣстъ и личностей, среди которыхъ имѣли мѣсто разные эпизоды его жизни, здѣсь представляетъ затрудненіе. Множество лицъ могли бы доставить о немъ въ высшей степени интересныя свѣдѣнія, но каждый могъ бы точно и подробно сообщить лишь немногіе ея эпизоды.

---

[1]) Переведенная на разные языки книга Степняка „Подпольная Россія“. *Ред.*

Лишь самъ Лопатинъ былъ бы способенъ сгруппировать и распредѣлить всѣ эти эпизоды въ надлежащей перспективѣ и гармоніи. Его уговаривали не разъ сдѣлать это. *Уговаривалъ его и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, угадывавшій въ немъ блестящій литературный талантъ*. Уговаривали его и друзья. Ему было все некогда».

Съ этимъ небольшимъ вступленіемъ мы и перейдемъ теперь къ самымъ письмамъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову.

Ред.

I.

48, rue de Douai.

Суббота, 21-го февраля, 74.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, я вчера съ горяча обѣщалъ немножко болѣе, чѣмъ позволяютъ мои средства: 1000 франковъ я дать не могу — но съ удовольствіемъ буду давать ежегодно 500 фр. до тѣхъ поръ, пока продержится Ваше предпріятіе, которому желаю всяческаго успѣха.—500 фр. за 1874-й годъ при семъ прилагаю [1]).

Буду ждать 2-го тома. —Желаю Вамъ счастливаго пути въ Англію — а главное — да поможетъ Вамъ судьба свить себѣ тамъ прочное гнѣздышко. Поклонитесь отъ меня [2]) да Лопатина не забудьте прислать.

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

PS. Я выѣзжаю отсюда 15-го апрѣля.

II.

Парижъ.

50, rue de Douai

Суббота, 5-го декабря, 74.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, виноватъ, что не тотчасъ отвѣчалъ Вамъ и не поблагодарилъ за присылку брошюръ, которыя я прочелъ со вниманіемъ и удовольствіемъ. — Въ Вашей полемикѣ противъ Ткачева Вы совершенно правы; но молодыя головы вообще будутъ всегда съ трудомъ понимать, чтобъ можно было медленно и терпѣливо приготовлять нѣчто сильное и внезапное... Имъ кажется, что медленно приготовляютъ только медленное—въ родѣ постепенныхъ реформъ и т. д. — Но самое впечатлѣніе выносятъ молодые люди изъ чтенія Вашего журнала, который въ большомъ количествѣ проникъ въ Россію и получилъ тамъ авторитетъ и значеніе. Жду съ нетерпѣніемъ третьяго тома. Надѣсь, что онъ въ дѣльности не уступитъ второму.

Меня въ Россіи въ началѣ іюня схватила подагра — и только теперь начинаетъ ослабѣвать. — Это многому и много помѣшало. — Впечатлѣнія, вынесенныя мною съ родины, не могутъ быть вкратцѣ высказаны: въ общей сложности они не дурны—хотя во всѣхъ оффиціальныхъ сферахъ и въ литературѣ утѣшительнаго мало. — Особенно литература находится въ

---

[1]) Рѣчь идетъ о поддержкѣ журнала „Впередъ". *Ред.*
[2]) Слово не разобрано. *Ред.*

совершенномъ упадкѣ—всякія живыя воды въ ней изсякли—это чувствуется всѣми.

Я видѣлъ здѣсь нашего несокрушимаго юношу Л—на [1]; онъ умница и молодецъ по прежнему, и сообщилъ мнѣ много интересныхъ фактовъ — свѣтлая голова!

Я останусь въ Парижѣ до весны; можетъ быть, пріѣду въ Лондонъ на нѣсколько дней въ началѣ будущаго года, но это не навѣрно.

Желаю Вамъ всего хорошаго и дружески жму Вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

III.

Парижъ.
50, rue de Douai.
Понедѣльникъ, 29-го марта, 1875.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, Вы уже вѣроятно знаете отъ Лопатина, что я исполнилъ свое обѣщаніе на нынѣшній годъ и вручилъ ему извѣстную сумму.

Въ Лондонъ я попаду,—если подагра не помѣшаетъ, какъ въ прошломъ году, въ концѣ Августа, проѣздомъ на partridge shooting и надѣюсь увидать Васъ тамъ и побесѣдовать объ omnibus rebus. — На бумагѣ это неудобно исполнить: ограничусь тѣмъ, что нахожу вашу дѣятельность полезной, несмотря на неизбѣжные „drawbacks“ — чему Вы имѣете доказательство.

Съ великимъ удовольствіемъ подношу Вамъ новое изданіе моихъ сочиненій. Здѣсь у меня — пока—нѣтъ ни одного экземпляра—но я уже выписалъ цѣлыхъ три изъ Москвы—и какъ только получу ихъ—одинъ изъ нихъ будетъ немедленно препровожденъ къ Вамъ.

Что касается до послѣдней Вашей просьбы — то, не обинуясь, скажу что исполненіе ея весьма затруднительно: подобныхъ просьбъ (о доставленіи переводной и другой въ такомъ же родѣ работы) — я получаю многое множество, неоднократно принимался хлопотать и до сихъ поръ постоянно претерпѣвалъ фіаско. — Дѣло въ томъ, что переводы съ русскаго здѣсь почти никому не нужны — охотниковъ множество, а вознагражденіе самое ничтожное. Переводы на русскій языкъ тоже недоступны: на эту работу въ самомъ Петербургѣ тоже слишкомъ много предлагается конкурирующихъ рукъ. Но все-таки попытаться можно — и я попытаюсь: но успѣхъ весьма сомнителенъ.

Въ концѣ мая я ѣду въ Карлсбадъ на 6 недѣль — а потомъ опять вернусь сюда.

Желаю Вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья, и крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Лопатина. *Ред.*

IV.

Буживаль.
Bougival (près Paris)
Les Frenès.
Четвергъ, 9-го апрѣля, 75.

Я виноватъ предъ Вами, любезный Петръ Лавровичъ — не торопился отвѣтомъ на Ваше письмо, сопровождавшее посылку двухъ книгъ — я откладывалъ отвѣтъ, потому что мнѣ хотѣлось въ то же время сказать Вамъ мое мнѣніе—если не о Вашемъ сочиненіи, которое требуетъ внимательнаго изученія — то, по крайней мѣрѣ, о „сказкѣ" Вашего молодого пріятеля. Но и эту сказку мнѣ удалось прочесть только на дняхъ.—И вотъ что я имѣю сказать Вамъ.—Авторъ человѣкъ съ талантомъ, владѣетъ языкомъ — и весь его трудъ согрѣтъ жаромъ молодости и убѣжденія. Но тонъ не выдержанъ.—Авторъ не далъ себѣ яснаго отчета—для кого онъ пишетъ— для какого именно слоя читающей публики?—Послѣдствіемъ этого сбивчивость и неровность изложенія.—То для народа писано, то для болѣе—если не образованнаго, — такъ болѣе литературнаго слоя. — Не избѣжалъ также авторъ того, что я готовъ бы назвать пѣвучей, риторической или московской манерой — напр.: самое начало; мнѣ кажется, чѣмъ меньше такихъ уснащиваній — тѣмъ лучше. Но повторяю — у Вашего знакомаго есть и талантъ и огонь—пусть онъ продолжаетъ трудиться на этомъ поприщѣ! [1]).

Вы спрашиваете меня о здоровьѣ и работѣ. Здоровье — недурно; работа — отсутствуетъ. Кажется, я окончательно подалъ въ отставку. — Я остаюсь здѣсь до половины ноября—а тамъ въ Парижъ.

Дружески жму Вашу руку
Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

V.

Парижъ.
50, Rue de Douai
Воскресенье, 7-го января, 77.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ!

На этотъ разъ виноватъ не я, а Сташкевичъ, который до сихъ поръ мнѣ не высылалъ чистыхъ экземпляровъ *первой части* моего романа; о *второй*, которая должна явиться въ февралѣ, и говорить нечего. Полагаю, однако, что они должны прибыть сегодня или завтра; какъ только я получу—то, какъ говаривалъ М. А. Языковъ — *стремглавъ* пошлю одинъ къ Лопатину съ тѣмъ, чтобы онъ также скоропостижно доставилъ его Вамъ.— Въ этомъ прошу Васъ не сомнѣваться.

Поздравляю Васъ съ новымъ *россійскимъ* годомъ — и желаю Вамъ всего хорошаго, хоть предвижу онаго мало.

Искренне преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о нелегальной брошюрѣ для народа „Мудрица Наумовна". Авторъ ея С. М. Кравчинскій-Степнякъ. *Ред.*

VI.

50, Rue de Douai
Paris
Суббота, 12 апрѣля, 79.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ!

Несчастіе, обрушившееся на Лопатина — было неизбѣжно: онъ самъ какъ бы напросился на него. Въ самый день моего пріѣзда я умолялъ его уѣхать на югъ ибо объ его присутствіи въ П. [1]) полиція *знала* (курсивъ подлинника). Что теперь сдѣлать — сказать трудно: черезъ Абазу и т. д. дѣйствовать немыслимо... У меня въ головѣ вертится нѣчто другое— конечно, невѣрное... но попытаться слѣдуетъ.—Л. оскорбилъ лично А. Н.; это не прощается... Очень мнѣ его жаль [2]).

До свиданья; жму Вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

VII.

50, Rue de Douai
Paris.

Любезный П. Л.

Радуюсь благополучному возвращенію Л. и надѣюсь скоро съ нимъ свидѣться, но мнѣ еще такъ плохо, что ранѣе 5 или 6 дней это невозможно. Тогда я дамъ Вамъ немедленно знать [3]).

Жму Вашу руку

Ив. Тургеневъ.

24/III. 83.

---

[1]) Петербургѣ. *Ред.*

[2]) Рѣчь идетъ объ арестѣ Лопатина. Подъ А. Н. надо понимать Александра Николаевича. „Оскорбленіе“, конечно, было оскорбленіемъ въ печати. *Ред.*

[3]) Это и есть то письмо, о которомъ мы упомянули уже выше, какъ о написанномъ рукою дочери Тургенева и имъ лишь подписанномъ. *Ред.*

Первое вооруженное сопротивленіе,— первый военный судъ.

(Процессъ И. М. Ковальскаго.)

> Завѣщаю вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпнуть ихъ характерамъ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы.
>
> *А. Михайловъ. Завѣщаніе.*

Первое вооруженное сопротивленіе было оказано у насъ властямъ революціонерами въ г. Одессѣ, въ домѣ на Садовой улицѣ [1]), 30 января 1878 г. Судились по этому дѣлу Иванъ Мартыновичъ Ковальскій съ товарищами. Такимъ образомъ, изученіе такъ называемаго «процесса Ковальскаго» представляетъ собою громадный интересъ для всякаго, кто желаетъ прослѣдить эволюцію русской революціонной мысли.

Съ другой стороны, Ковальскій съ товарищами были первыми, которыхъ судили военнымъ судомъ по законамъ военнаго времени, и этотъ процессъ далъ первую казнь за общее политическое преступленіе (т. е. не за цареубійство). Несомнѣнно, это первое обращеніе къ услугамъ военнаго суда было дѣломъ случая: въ это время шла война съ Турціей, и Одесскій военный округъ находился на военномъ положеніи. При подобныхъ обстоятельствахъ такое выдающееся «преступленіе», какъ вооруженное сопротивленіе жандармамъ, явившимся для обыска, естественно, должно было быть отдано на разсмотрѣніе военнаго суда. Достаточно вспомнить, что незадолго передъ тѣмъ военному суду былъ преданъ (и повѣшенъ) разбойникъ Лукьяновъ, убившій двухъ женщинъ съ цѣлью ограбленія. Но также несомнѣнно и то, что рано или поздно правительство все равно стало бы предавать военному суду за политическія преступленія, и что указанное стеченіе случайныхъ обстоятельствъ сдѣлало для правительства переходъ въ дѣлахъ о политическихъ преступленіяхъ отъ гражданскаго суда къ военному лишь болѣе быстрымъ. Опытъ примѣненія военнаго суда къ дѣлу Ковальскаго и его товарищей показалъ, что этотъ судъ скоръ, рѣшителенъ и достаточно жестокъ. И это соблазнило агентовъ правительственной власти.

---

[1]) Домъ этотъ сохранился.

Какъ извѣстно, послѣ процесса Ковальскаго чуть не всѣ дѣла по политическимъ преступленіямъ передавались на разсмотрѣніе уже исключительно военному суду и—посыпались казни.

Такимъ образомъ, процессъ Ковальскаго важенъ еще и для характеристики поворотнаго пункта въ судебной политикѣ правительства по отношенію къ политическимъ преступленіямъ [1])

«Въ организаціонномъ отношеніи сѣверъ всегда стоялъ выше юга»,—говоритъ проф. Тунъ [2]), ссылаясь на брошюру «Андрей Ивановичъ Желябовъ. Біографія» (стр. 16).

Въ общемъ это вѣрно; но не слѣдуетъ забывать, что въ Одессѣ, по свидѣтельству того же автора [3]), уже въ 1878 г. имѣлся на лицо «союзъ рабочихъ». Я могу подтвердить, что еще раньше (1875—1876) революціонная организаторская дѣятельность среди рабочихъ г. Одессы шла довольно успѣшно, и уже тогда собирались сходки рабочихъ чуть-ли не въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Я это слышалъ отъ лица, которому не имѣю основанія не вѣрить,—отъ товарища по каторгѣ и ссылкѣ, Ребицкаго (псевдонимъ; свою настоящую фамилію, какъ я слышалъ, онъ недавно обнаружилъ, но я ея не знаю), осужденнаго по дѣлу Заславскаго.—Въ то же время, какъ извѣстно, «Сѣверно-русскій рабочій союзъ» былъ организованъ на сѣверѣ всего лишь въ концѣ 1877 г. [4]), а возваніе «Союза», съ изложеніемъ его программы, было выпущено еще позже—въ 1879 г. [5]).

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка я имѣлъ подъ руками: 1) копію обвинительнаго акта, врученную Кленову, съ отмѣтками и возраженіями послѣдняго на поляхъ; 2) замѣтку Свитыча, сдѣланную для защиты (больше $1^1/_2$ листовъ писчей бумаги убористаго письма); 3) такую же замѣтку, сдѣланную мною; 4) замѣтки, веденныя во время суда моимъ защитникомъ Д. В. Стасовымъ; 5) планъ помѣщенія, гдѣ произошло событіе 30 января, рисованный мною для защиты, 6) почти полный отчетъ о судебномъ засѣданіи въ перепечаткѣ „Новаго Времени" изъ „Вѣдом. Одес. Градоначальства"; 7) № „Вѣдом. Одес. Градоначальства" съ описаніемъ демонстраціи у зданія суда послѣ вынесенія намъ резолюціи; и 8) корреспонденцію „Нов. Времени" съ описаніемъ казни Ковальскаго.

Предупреждаю объ этомъ читателей, чтобы они знали, что я имѣлъ возможность возстановить въ памяти все, происходившее на судѣ, и что если есть разногласіе между моимъ разсказомъ и тѣмъ, что было установлено на судѣ, то это разногласіе должно быть разрѣшаемо въ пользу моего теперешняго воспроизведенія событій 30 января 1878 г., а также предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за нимъ обстоятельствъ. Это предупрежденіе избавляетъ меня отъ необходимости каждый разъ въ текстѣ указывать, что то или другое обстоятельство невѣрно освѣщено слѣдствіемъ или судомъ.

Имѣя въ виду возможно полную характеристику лишь того, что въ процессѣ Ковальскаго является существеннымъ и единственно важнымъ для историка революціоннаго движенія въ Россіи, я обходилъ массу фактическихъ подробностей. Я при этомъ зналъ, что готовится къ печати VII томъ „Государ. преступл. въ Россіи въ XIX в.", гдѣ должны быть помѣщены, между прочимъ, матеріалы по нашему процессу.

[2]) Стр. 129. —Ссылки сдѣланы на московск. изданіе прошлаго года.

[3]) Стр. 85.

[4]) Былое", 1906, I. 175.

[5]) Тунъ, 125.

Не мѣстничествомъ между сѣверомъ и югомъ хочу я, конечно, занять читателя. Мнѣ важно было отмѣтить, что отсутствіе организованности «кружка Ковальскаго» и планомѣрности въ его дѣйствіяхъ объясняется не только молодостью этого кружка, не только тѣмъ, что онъ организовался и дѣйствовалъ на югѣ, но и общими условіями того момента революціонной дѣятельности во всей Россіи.

А моментъ этотъ, въ общихъ чертахъ, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ.

Работа пропагандистовъ къ серединѣ 1877 г. была уже сильно дискредитирована въ глазахъ революціонеровъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ самой Одессѣ дѣйствовали еще тогда такіе «чистые» пропагандисты, какъ Фомичевъ и Попко. Революціонная мысль находилась въ постоянномъ колебаніи между «пропагандою словомъ» и «пропагандою дѣломъ». Уже въ 1876 г. совершены были (и въ той же Одессѣ) два террористическихъ акта, направленные противъ шпіоновъ (Гориновича [1]) и Тавлѣева); но даже убійства шпіоновъ тогда не были еще возведены въ систему, и въ концѣ концовъ они являлись лишь случайно привходящимъ теченіемъ въ руслѣ главной дѣятельности революціонеровъ.

Что касается этой главной дѣятельности, то и здѣсь, какъ извѣстно, происходилъ въ то время если не кризисъ, то поворотъ. Еще въ концѣ 1876 г. мнѣ пришлось въ Петербургѣ отъ студента-медика слышать, что такой-то—«чудакъ» только потому, что не можетъ себѣ представить общество, которое не было бы организовано въ государство. Съ другой стороны, въ томъ же году появилась замѣчательная работа П. Л. Лаврова «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ», гдѣ онъ доказывалъ, что государство сохранится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать и общество. Значитъ, съ одной стороны, революціонная мысль ушла дальше чистаго «впередовства», а съ другой — были еще люди, которымъ все же нужно было еще доказывать, что объектомъ революціонной (созидательной и разрушительной) дѣятельности должна служить не одна соціальная структура общества, но и его политическій строй. Надо вспомнить при этомъ, что съ конца 1875 г. уже дѣйствовала партія «якобинцевъ» съ Ткачевымъ во главѣ (органъ—«Набатъ»),—и здѣсь не представляетъ важности то обстоятельство, что она была слаба: имѣетъ громадное значеніе, что на лицо была «партія», въ программѣ которой такъ рѣзко обозначался политическій элементъ, при чемъ даже шла рѣчь, не больше и не меньше, какъ о «заговорѣ» съ цѣлью «захвата» власти. Для полноты картины добавлю, что даже по выходѣ изъ централки я встрѣтился съ такимъ убѣжденнымъ анархистомъ, какъ М. П. Сажинъ, и что

---

[1]) Я считаю своимъ долгомъ оговориться, что лично для меня, незнакомаго съ подробностями дѣла, не выяснено, можно-ли было къ Гориновичу примѣнить терроръ. Случайно лежавшій въ еврейской больницѣ, въ Одессѣ, рядомъ съ Гориновичемъ, мой знакомый увѣрялъ меня, что Гориновичъ не производилъ впечатлѣніе испорченнаго человѣка.

когда во Мценской пересыльной тюрьмѣ у насъ устраивались общія дискуссіи, то я, защищавшій, въ качествѣ якобинца, необходимость политической борьбы и захвата власти, оставался обыкновенно въ незначительномъ большинствѣ, если не въ единственномъ числѣ.

Изъ этихъ немногихъ фактовъ видно, какое броженіе переживала революціонная мысль въ то время, когда организовался и дѣйствовалъ кружокъ Ковальскаго.

Въ то время, когда началъ группироваться вокругъ Ковальскаго кружокъ, въ Одессѣ было довольно сплоченая группа «бунтарей» съ Дебагорій-Мокріевичемъ и Марусей Ковалевской во главѣ. Но это лишь сильнѣе подтверждаетъ взглядъ, что составъ кружка Ковальскаго чрезвычайно характеренъ, съ только что выясненной токи зрѣнія, для тогдашняго момента.

Что Ковальскій, убѣжденный сторонникъ и страстный пропагаторъ терроризма вообще и вооруженнаго сопротивленія въ частности, не примыкалъ къ существовавшему уже въ то время въ Одессѣ кружку бунтарей,—это я склоненъ объяснять особенностями личнаго характера Ковальскаго. Это былъ фанатикъ-*сектантъ*, въ высшей степени строгій къ себѣ и въ обыденной жизни слѣдовавшій общимъ правиламъ личной морали. При этомъ онъ, авторъ изслѣдованія о сектанствѣ (было напечатано въ «Отеч. Зап.») и вообще интересовавшійся этимъ явленіемъ русской народной жизни, написавшій нѣсколько трактатовъ о революціонномъ движеніи [1]) и корреспондировавшій въ нелегальныя изданія, былъ склоненъ къ философскому мышленію и потому любилъ тихую уединенную жизнь. Наконецъ, въ его натурѣ была какая-то мягкость, а въ манерахъ и движеніяхъ—отсутствіе рѣшительности. Кружокъ бунтарей отличался, en masse, діаметрально противоположными особенностями. Хорошо сплоченное товарищество пріучало себя къ возможности въ каждую минуту, стоя плечо къ плечу, встрѣтить револьверными выстрѣлами и кинжальными ударами врага — полицію и жандармовъ. Это развивало въ членахъ кружка потребность быть постоянно вмѣстѣ, жить казарменною жизнью. Стремясь къ осуществленію въ будущемъ высочайшихъ идеаловъ нравственности, отдавая всѣ свои силы выполненію высшаго назначенія человѣка на землѣ — политической дѣятельности, будучи готовыми въ каждую минуту принести на алтарь служенія народу свою жизнь, члены товарищества совершенно не слѣдили за личною жизнью другъ друга. Наконецъ, какъ на подборъ, все это были люди физически сильные и ловкіе. Вотъ что, въ общемъ приводило иногда даже къ нѣкоторымъ эксцессамъ въ жизни кружка бунтарей. А Ковальскій и одного дня не могъ бы просуществовать въ подобной атмосферѣ. И здѣсь-то, мнѣ кажется, скрыта была внутренняя причина взаимнаго нерасположенія, которое всегда проявлялось въ отношеніяхъ между Ковальскимъ — съ одной стороны, и кружкомъ Дебагорія и

[1]) Захвачены у него при обыскѣ.

Ковалевской—съ другой. Весьма возможно, что не сознавали этого ни тѣ, ни этотъ; и все дѣло сводилось обыкновенно къ столкновеніямъ по поводу незначительныхъ случаевъ революціонной жизни. Но во всякомъ случаѣ я рѣшительно утверждаю, что между Ковальскимъ и кружкомъ одесскихъ бунтарей установились отношенія почти антагонистическія.

Помню, когда я, на вечеринкѣ подъ новый (1878) годъ, сталъ держать рѣчь о необходимости объединить дѣятельность нашего кружка съ дѣятельностью кружка бунтарей, то моя рѣчь ежеминутно встрѣчала ироническія замѣчанія со стороны членовъ этого послѣдняго кружка, и я, какъ сейчасъ, вижу насмѣшливое лицо покойной Маруси Ковалевской, вызывающе обращенное ко мнѣ во все время, пока я говорилъ.

Какъ бы то ни было, а Ковальскому пришлось организовать свой кружокъ рядомъ съ кружкомъ «бунтарей».

Я познакомился съ Ковальскимъ случайно. Еще не принимая активнаго участія въ революціонной работѣ, я привезъ изъ Петербурга отъ воспитанника морского корпуса въ Одессу письмо на имя «Ковальскаго». Я принялся, черезъ знакомыхъ, разыскивать адресата и, конечно, скоро нашелъ Ковальскаго, при чемъ я былъ предупрежденъ, что онъ — нелегальный. Оказалось, впрочемъ, что съ Ковальскимъ, не зная его по фамиліи, я часто встрѣчался въ Одесской публичной библіотекѣ, да и раньше замѣчалъ его фигуру. А не замѣтить ея было нельзя. Невысокаго роста, очень полный, съ рыжей бородой и блѣднымъ лицомъ, онъ останавливалъ на себѣ вниманіе, благодаря особенному блеску глазъ, въ которыхъ свѣтились—умъ, ласка, спокойствіе. Только изрѣдка въ этихъ глазахъ, подъ естественнымъ дѣйствіемъ условій революціонной дѣятельности, загоралась тревога или, по крайней мѣрѣ, желаніе не сказать, даже глазами больше того, что требуется. При ближайшемъ общеніи не трудно было обнаружить въ немъ природный юморъ, сказывавшійся и на выраженіи глазъ, въ которыхъ тогда начинало свѣтиться безобидное лукавство.

Знакомство мое съ Ковальскимъ относится къ концу 1876, а можетъ быть — и къ началу 1877 г. Во всякомъ случаѣ, я помню, что письмо, которое я долженъ былъ ему передать, лежало у меня довольно долго, а изъ Петербурга въ Одессу я пріѣхалъ къ веснѣ 1876 года. Но я, продолжая изрѣдка встрѣчаться съ Ковальскимъ, все еще не принималъ активнаго участія въ революціонной работѣ. Мое сближеніе съ Ковальскимъ и выступленіе на путь активной революціонной дѣятельности, а одновременно съ этимъ—и объединеніе наше на почвѣ практической дѣятельности въ «кружокъ Ковальскаго» произошло постепенно въ теченіе осени 1877 г.

Ближайшимъ поводомъ ко всему этому послужило случайное обстоятельство. Я извѣстенъ былъ въ одесскихъ кружкахъ, какъ радикально настроенный человѣкъ, — и по моимъ знакомствамъ съ группами, стоявшими на порогѣ къ радикализму, и по моей издательской дѣятельности: я издалъ въ Одессѣ брошюру «Мысли Про-

винціаловъ» и задумалъ изданіе періодическаго легальнаго соціалистическаго органа «Эхо» (вышелъ только 1-й вып.; второй былъ не пропущенъ цензурой цѣликомъ). Съ другой стороны, я пользовался довольно большимъ успѣхомъ на сценѣ, какъ любитель. И когда, въ началѣ осени 1877 г., зародилась мысль раздобывать деньги на революціонныя надобности путемъ систематической постановки любительскихъ спектаклей, то было предложено взяться за организацію этого дѣла мнѣ. Благодаря этому, въ кругѣ лицъ, ближе стоявшихъ къ Ковальскому, я сдѣлался своимъ человѣкомъ, и тутъ-то выдѣлился болѣе тѣсный кружокъ, который перешелъ къ активной революціонной работѣ и почти цѣликомъ былъ арестованъ 30 января 1878 г. вмѣстѣ съ Ковальскимъ.

Впрочемъ, на лицо было и обстоятельство менѣе случайнаго характера.

Въ Петербургѣ (въ 1874 и 1875—1876 гг.) я довольно хорошо познакомился съ пропагандизмомъ и перечиталъ не мало книгъ, брошюръ и журналовъ изъ его литературы. Съ нарождавшимися послѣ погрома 1872—1874 гг. теченіями революціонной мысли я былъ знакомъ немного менѣе. И вотъ въ 1877 г., живя съ отцомъ на курортѣ въ Баваріи, я съѣздилъ въ Женеву. Рекомендательное письмо у меня было (не помню—отъ кого) въ редакцію «Набата». Здѣсь, въ теченіе 4—5 дней, у меня шли горячіе дебаты съ якобинцами Григорьевымъ и Френкомъ (Ткачева въ это время въ Женевѣ не было) и, подавленный новыми перспективами, которыя открывались передо мной при знакомствѣ съ «политикой» вообще и «якобинствомъ» въ частности, я тутъ же перешелъ къ «политической» программѣ и исповѣдыванію «неоякобинизма». Я даже подписалъ тамъ обязательства, которыя налагало на меня вступленіе въ ряды якобинцевъ. И изъ Женевы я получилъ обратное рекомендательное письмо къ одесскимъ якобинцамъ, уже какъ членъ партіи. Это повело къ болѣе тѣсному для меня сближенію съ радикальнымъ міромъ родного города.

Въ болѣе тѣсный кружокъ лицъ, группировавшихся около Ковальскаго, кромѣ меня, входило въ сущности немного лицъ.

Сестры Елена и Вѣра Виттенъ—хозяйки квартиры, гдѣ мы обыкновенно собирались, гдѣ содержали свою типографію и гдѣ, наконецъ, были арестованы.

Владиславъ Станиславичъ Свитычъ-Иличъ примкнулъ къ намъ въ самомъ концѣ 1877 г. послѣ побѣга (10-го декабря) изъ Херсонской тюрьмы. Жилъ онъ въ квартирѣ Виттенъ нелегальнымъ, подъ фамиліей Воскресенскаго.

Василія Дмитріевича Кленова я, кажется, уже засталъ въ числѣ знакомыхъ сестеръ Виттенъ и, во всякомъ случаѣ, не помню, при какихъ условіяхъ съ нимъ познакомился.

Леонида Михайловна Мержанова (впослѣдствіи по мужу Абрамовичъ) была старая знакомая Виттенъ и даже жила съ ними на одной квартирѣ.

Александра Владимировна Афанасьева (вдова профессора Кіев-

скаго университета; по второму мужу, теперь также умершему,— Чернявская) была дѣятельнѣйшимъ членомъ кружка.

Такими же дѣятельными и близкими людьми были: Александръ Николаевичъ Акимовъ, морякъ, студентъ Беверлей, Галина Чернявская и Наташа Южакова.

Довольно близки были къ нашей работѣ Николай Ивановичъ Миролюбовъ, Салюня Левандовская и Александръ Алексѣевичъ Алексѣевъ.

Наконецъ, нѣкоторое время вертѣлся около насъ и нѣкій Маркъ, молодой человѣкъ, еврей, якобинецъ по убѣжденіямъ, человѣкъ недалекій. Онъ былъ нелегальнымъ и скоро куда-то исчезъ изъ Одессы.

Чуть-ли не передъ самымъ нашимъ арестомъ появились среди насъ двѣ молоденькихъ дѣвушки, присматривавшіяся и проявлявшія тогда еще мало активности. Это—Христина Гринбергъ и Фани Морейнисъ изъ Николаева.

То, что я говорилъ выше о характерѣ эпохи, какъ нельзя ярче отражалось на составѣ нашего кружка.

Свитычъ явился къ намъ несомнѣннымъ пропагандистомъ и только здѣсь примкнулъ къ идеѣ бунтарства.

Ближе стоялъ, насколько я могу судить по воспоминаніямъ, къ пропагандизму и Беверлей.

Чернявская, Южакова и я были чистѣйшими якобинцами, и мы даже устраивали иногда à part'ныя совѣщанія.

Акимовъ и Афанасьева являлись, въ моментъ моего знакомства съ ними, открытыми, хотя, можетъ быть, и не глубоко вѣрующими бунтарями.

Остальные члены кружка были, какъ кажется, просто «революціонерами» безъ опредѣленной окраски политическихъ убѣжденій.

И лишь стоявшій надъ всѣми нами Ковальскій представлялъ собою чистѣйшій типъ убѣжденнѣйшаго бунтаря, которому эти его убѣжденія достались послѣ долгаго, быть можетъ, мучительнаго и тяжелаго размышленія, возможно даже—не безъ борьбы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы мы были счастливѣе и имѣли возможность нѣсколько дольше находиться въ общеніи на почвѣ практической дѣятельности, то, профильтрованный отъ наиболѣе безразличныхъ элементовъ, нашъ кружокъ пріобрѣлъ бы однородный составъ и получилъ бы болѣе опредѣленную физіономію. Я говорю это на томъ основаніи, что у насъ не сходили съ устъ разговоры о вооруженномъ сопротивленіи. Значитъ, броженіе въ этомъ направленіи происходило довольно значительное. Но пока это были одни разговоры, никого ни къ чему не могшіе подготовить и—обязать.

Необходимо тутъ же отмѣтить, что чаще всего разговоры были именно о вооруженномъ сопротивленіи, и довольно рѣдко—о террорѣ въ смыслѣ убійствъ. Если же кое-когда рѣчь заходила и объ этихъ послѣднихъ, то дальше убійства шпіоновъ наша революціонная мысль не шла.

Для характеристики этой мысли, можетъ быть, не безполезно будетъ отмѣтить такой фактъ.

Когда я уже содержался подъ слѣдствіемъ въ одесской тюрьмѣ, то голова моя стала усиленно работать въ иномъ направленіи, при чемъ мнѣ даже рисовались мелкія подробности. Я себѣ представлялъ дѣло именно такъ, какъ оно было осуществлено впослѣдствіи Логовенко—въ Николаевѣ, Гартманомъ—въ Москвѣ, Желябовымъ—въ Александровскѣ и Богдановичемъ—въ Петербургѣ. Мнѣ казалось возможнымъ подложить подъ рельсы мину и взорвать ее, посредствомъ замыканія электрическаго тока, въ моментъ прохожденія надъ нею поѣзда. Я помню даже такую подробность: мнѣ рисовалось, что кто-нибудь, стоя у поѣзда, поклономъ и снятіемъ шляпы въ моментъ прохожденія поѣзда надъ миною, долженъ былъ бы дать знакъ скрытому гдѣ-нибудь товарищу, чтобы тотъ замыкалъ токъ.

Всѣ эти соображенія я высказывалъ тогда же Федору Курицыну, съ которымъ нѣкоторое время сидѣлъ въ одной камерѣ. Какое употребленіе изъ этого сдѣлалъ Курицынъ, когда превратился въ предателя,—мнѣ неизвѣстно [1]).

Возвращаясь къ вопросу о мѣстѣ, которое занимало вооруженное сопротивленіе въ «программѣ» кружка, напомню, что въ рукописи Ковальскаго, найденной при обыскѣ у него на квартирѣ послѣ ареста, онъ давалъ обоснованіе своей вѣрѣ въ спасительность этого пріема борьбы. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что такъ просто, опредѣленно и рѣшительно смотрѣлъ на дѣло изъ числа членовъ нашего кружка онъ одинъ. По крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы слыхалъ отъ кого-нибудь изъ остальныхъ членовъ что-нибудь подобное.

Вотъ цитата изъ только что упомянутой рукописи: «Въ большинствѣ случаевъ, если мы говоримъ о всякаго рода насиліяхъ, о вооруженномъ сопротивленіи во время арестовъ и пр., то все это у насъ одни слова, и въ этой сферѣ мы останемся чистыми пропагандистами. Мы распропагандировали... ношеніе при себѣ оружія и закупку оружія для возстающаго народа; скажу больше: мы даже добыли не въ маломъ количествѣ это оружіе и раздавали его народу, а было время, когда всякій порядочный революціонеръ обязанъ былъ таскать за собою револьверъ и кинжалъ. Но когда дѣло коснулось факта,—мы стали въ тупикъ... И сказался въ насъ потомокъ Рудиныхъ и Репетиловыхъ: «шумимъ, братецъ, шумимъ,—а толку нѣтъ» («О пріобрѣтеніи и раздачѣ народу оружія»).

Всякій, кто представитъ себѣ то положительное, что скрывается за этою «критикою», тотъ получитъ ясное представленіе объ отношеніи Ковальскаго къ пропагандѣ не словомъ, а дѣломъ,—тотъ пойметъ, что не съ кондачка авторъ цитированныхъ строкъ относился къ необходимости физической силѣ правительства противопоставить такую же физическую силу народа и революціонеровъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о бывшемъ еще недавно старшимъ ветеринарнымъ врачемъ въ Саратовѣ, а нынѣ завѣдывающемъ ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ Федорѣ Курицынѣ. Изъ имѣющихся уже у насъ матеріаловъ видно, что страницы нашего журнала будутъ украшены доблестнымъ именемъ г. Курицына еще не разъ, съ надлежащими къ этому имени коментаріями. *Ред.*

И въ другомъ мѣстѣ той же статьи Ковальскій, дѣйствительно, выражается уже прямо,—ясно и опредѣленно. Онъ говоритъ: «Въ настоящее время, хотя факты эти (сопротивленіе властямъ) и не всегда удачны, но ихъ учащенная послѣдовательность показываетъ, что уже въ достаточной степени созрѣла революціонная атмосфера, чтобы слова и мысли наши переходили въ дѣло, объективируясь въ реальныхъ фактахъ».

Почти то же самое писалъ Ковальскій и въ воззваніи «Голосъ честныхъ людей» (захвачено на квартирѣ Виттенъ, утромъ въ день ареста). Тамъ мы читаемъ: «Теперь послѣдовалъ цѣлый рядъ убійствъ шпіоновъ-предателей; было нѣсколько случаевъ открытаго сопротивленія съ оружіемъ въ рукахъ и много отчаянныхъ побѣговъ изъ-подъ стражи. Все это свидѣтельствуетъ, что уже теперь не тотъ духъ времени, какъ былъ прежде,—что уже настала фактическая борьба соціально-демократической партіи съ этимъ подлымъ правительствомъ русскихъ башибузуковъ».

Мнѣ кажется, послѣ знакомства съ только что приведенными цитатами, читатель долженъ будетъ согласиться съ моимъ заключеніемъ, что, для тогдашняго времени, Ковальскій имѣлъ совершенно опредѣленный и достаточно продуманный взглядъ на дѣло вооруженнаго возстанія противъ правительственной власти и вооруженнаго сопротивленія ей во всѣхъ случаяхъ, когда она проявляетъ насиліе по отношенію къ революціонерамъ.

Кружокъ нашъ не былъ «кружкомъ» въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Не было лицъ, которые могли бы сказать: «мы—члены кружка Ковальскаго». Съ другой стороны, если нужно было посовѣтоваться, то къ отдѣльнымъ лицамъ обращались не потому, что обращаться было обязательно именно къ этимъ лицамъ и именно потому, что они—члены кружка: вопросъ рѣшался степенью вліянія и уваженія, которымъ пользовалось то или другое отдѣльное лицо. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, у насъ не было «собраній» и спеціальной «кассы» («деньги», конечно, были), не было «устава», не было хоть на неопредѣленно продолжительное время, «распредѣленія ролей, не было списковъ (хотя бы въ памяти) членовъ кружка, и мы не составляли звена въ нѣкоторой, областной или общерусской, организаціи.

Единственно, что мы успѣли сдѣлать до ареста, это—организовать маленькую типографію и отпечатать въ ней 2 прокламаціи, изъ которыхъ распространена была одна (по поводу казни разбойника Лукьянова), другую же (о томъ, что Краевъ—шпіонъ) намъ до ареста распространить не удалось. Изъ насъ В. Д. Кленовъ былъ литографскій рабочій. Хотя типографское дѣло не было его спеціальностью, но, естественно, находясь постоянно въ типографіи, онъ имѣлъ возможность хорошо присмотрѣться къ типографской техникѣ [1]). По его указаніямъ были изготовлены распропагандирован-

[1]) Въ революціонныхъ цѣляхъ Кленовъ ходилъ, для ознакомленія съ типографскимъ дѣломъ, въ типографію Исаковича, гдѣ обыкновенно проводилъ часа 2 въ день, занимаясь наборомъ.

ными рабочими для насъ настоящія верстатки. Хотя работа была, очевидно, «домашняя», но верстатки удовлетворяли своему назначенію. Рамки у насъ вовсе не было, и мы страшно мучились, связывая форму. Что касается шрифта, то откуда былъ нами добытъ основной фондъ,—я не помню, а главнымъ поставщикомъ недостающихъ буквъ у насъ состоялъ тотъ же В. Д. Кленовъ, приносившій его изъ типографіи (къ нему даже было предъявлено на судѣ обвиненіе въ «кражѣ» шрифта, и онъ приговоренъ былъ за это преступленіе особо къ 7-ми дневному аресту при полиціи). Но шрифта было очень мало. Отчасти вслѣдствіе этого, отчасти съ цѣлью внести разнообразіе, я покупалъ «передвижныя буквы», мѣдныя, со станочкомъ, которыми можно было набрать и напечатать что-то не болѣе полустроки. Самый процессъ оттискиванія производился примитивнѣйшимъ способомъ, и между нами всегда вызывало хохотъ малѣйшее напоминаніе объ этомъ процессѣ. Формочка устанавливалась на стулъ, на нее накладывали бумагу, а затѣмъ кто нибудь садился и нажималъ бумагу на форму «естественнымъ» прессомъ. Послѣ этого заглавіе и нѣсколько заключительныхъ абзацовъ оттискивались набранными въ станочекъ мѣдными буквами.

Не трудно себѣ представить, насколько аляповато выходили у насъ оттиски.

Первая прокламація наша была составлена по поводу смертной казни надъ разбойникомъ Лукьяновымъ, о которомъ я выше уже упоминалъ. Это былъ, дѣйствительно, какой-то звѣрь: онъ убивалъ свои жертвы ударомъ молотка по головѣ. Такъ поступилъ онъ и въ случаѣ, окончившемся для него присужденіемъ къ смертной казни: онъ тихо подошелъ сзади къ сидѣвшей въ креслѣ, лицемъ къ окну, старушкѣ и двумя ударами молотка раздробилъ ей черепъ. Такимъ же образомъ онъ убилъ и прислугу старушки,—женщину, которая, при томъ, была беременна. За такое звѣрское преступленіе, совершенное, въ добавокъ, въ то время, когда Одесса, по случаю войны съ Турціей, находилась на военномъ положеніи, Лукьянова предали военному суду, который приговорилъ преступника къ смертной казни. Лукьяновъ былъ повѣшенъ.

Мы воспользовались этимъ случаемъ. Не отрицая чудовищности преступленія, совершеннаго Лукьяновымъ, мы въ своей прокламаціи указывали, что гораздо болѣе виновны тѣ, кто грабитъ и разстрѣливаетъ народъ, т. е. агенты правительственной власти, и ихъ-то предлагали судить народнымъ судомъ и предавать смертной казни.

Прокламація была отпечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (что-то штукъ 300) и затѣмъ расклеена на стѣнахъ домовъ 1 декабря, наканунѣ казни Лукьянова.

Въ то время, какъ шла эта работа, за нами начали слѣдить. Что подало ближайшій поводъ къ этому,—я не знаю; но что слѣдили, это несомнѣнно установлено прочитаннымъ на судѣ рапортомъ жандармскаго унтеръ-офицера отъ 2 января 1878 г. о результатахъ его выслѣживанія Кленова. 30 января утромъ, когда сес-

стеръ Виттенъ не было дома, шпіонъ, при содѣйствіи хозяевъ, проникъ въ комнаты, которыя занимали Виттенъ, и безъ труда обнаружилъ, что тутъ—тайная типографія. Между прочимъ, на столѣ была съ вечера оставлена даже кѣмъ-то компрометтирующая насъ бумага—«Голосъ честныхъ людей». Это былъ мотивированный, такъ сказать, подписной листъ. Въ воззваніи къ жертвователямъ указывалось на необходимость революціоннымъ путемъ добиваться коренного измѣненія русскаго государственнаго и соціальнаго строя. Подписи были девизныя или случайныя. Ковальскій, наприм., подписалъ 1 р. подъ псевдонимомъ «Иванъ, непомнящій родства».

Нужно ли было жандармамъ получить непреложное доказательство тому, что въ квартирѣ Виттенъ производится печатанье прокламацій, или на самомъ дѣлѣ тогда жандармы еще не знали, что типографія—именно у Виттенъ,—я не могу сказать. Но достовѣрно извѣстно, что у жандармовъ были въ рукахъ еще болѣе важныя свѣдѣнія. Именно, начальникъ жандармскаго управленія, полк. Кноппъ, въ своихъ показаніяхъ, данныхъ на судебномъ слѣдствіи, говорилъ, что онъ зналъ, что пришедшіе для обыска могутъ встрѣтить вооруженное сопротивленіе, и что именно поэтому онъ послалъ на квартиру Виттенъ восемь нижнихъ чиновъ и при томъ—вооруженныхъ заряженными револьверами, въ то время какъ обыкновенно посылались на обыски человѣка 2 въ формѣ, съ незаряженными револьверами, остальные—переодѣтыми.

Вечеромъ 30 января мы собрались, по обыкновенію, у Виттенъ. Помню, по какому-то случаю Алексѣевъ былъ на этотъ вечеръ нами обложенъ данью въ размѣрѣ 1 бутылки краснаго вина. Стояла на столѣ и водка. Мы,—смѣло можно сказать!—мирно бесѣдовали, когда къ намъ, на 3 этажъ, осторожно, безъ шума, прокрадывались жандармы съ шт.-кап. Добродѣевымъ во главѣ...

Часть квартиры, занимаемая сестрами Виттенъ, отдѣлялась отъ помѣщенія, гдѣ жила квартирная хозяйка, передней и состояла изъ трехъ комнатъ въ рядъ: всѣ они выходили окнами на улицу, а въ средней комнатѣ былъ еще и балконъ. Въ крайней комнатѣ была спальня Виттенъ, въ средней—столовая и «гостиная» (съ піанино), а ближайшая къ сѣнямъ на половину была занята кроватью и вещами Мержановой, на половину же—пуста.

Мы сидѣли за столомъ въ средней комнатѣ и слишкомъ далеки были отъ мысли, что бѣда на носу. Чуть ли не ровно въ 9 час. вечера быстро распахнулась дверь изъ передней въ первую комнату и—зазвякали шпоры девяти паръ жандармскихъ ногъ... Мы вскочили.

Не успѣли мы опомниться,—какъ два жандарма очутились у дверей, ведущихъ въ спальню Виттенъ, а другіе два—у ведущихъ изъ столовой въ комнату Мержановой. Въ этой же послѣдней комнатѣ толпилось еще 4 жандарма и нѣсколько штатскихъ—понятыхъ. Какъ мы узнали послѣ, въ числѣ послѣднихъ были и шпіоны.

Не снимая пальто, съ фуражкой въ правой рукѣ и портфелемъ въ лѣвой, шт.-кап. Добродѣевъ обратился къ намъ съ вопросомъ, кто хозяинъ квартиры. Вѣра Виттенъ (Елены не было среди насъ) попробовала сначала уклониться; но, конечно, въ концѣ концовъ было констатировано, такъ сказать, тутъ же оффиціально, что хозяйка—она. Шт.-кап. Добродѣевъ сказалъ ей, что получилъ приказаніе произвести здѣсь обыскъ.

Въ моментъ появленія жандармовъ въ квартирѣ Виттенъ находились: Вѣра Виттенъ, Ковальскій, Свитычъ, Алексѣевъ, Мержанова, Кленовъ и я.

Добродѣевъ снялъ пальто и усѣлся за столомъ у окна на улицу. Мы расположились у противоположной стѣны, отдѣляемые отъ Добродѣева преддиваннымъ столомъ.

Добродѣевъ, написавши начало протокола, сталъ по очереди каждаго изъ насъ спрашивать объ имени, званіи и мѣстѣ жительства. Эта процедура заняла довольно много времени.

Помню моментъ, когда Ковальскій, уже будучи опрошенъ, стоялъ въ углу комнаты и, приложивъ пальцы рукъ къ губамъ, что-то усиленно соображалъ. Онъ говорилъ впослѣдствіи, что въ эту минуту онъ рѣшилъ вопросъ, не выстрѣлить ли ему въ Добродѣева отсюда, и пришелъ къ заключенію, что это опасно, такъ какъ онъ могъ бы при этомъ ранить кого-нибудь изъ своихъ.

Что касается меня, то долженъ здѣсь сказать, что всегда представлялъ себѣ дѣло совершенно иначе. Я полагалъ, что мы должны были бы постараться не допустить жандармовъ войти въ комнату, открывъ огонь. Стрѣлять же въ упоръ въ стоявшихъ уже въ комнатѣ жандармовъ я для себя считалъ въ ту минуту невозможнымъ. Поэтому мнѣ казалось, что дѣло нами проиграно, и я былъ подавленъ.

Свитычъ былъ болѣе подготовленъ, такъ какъ съ нимъ Ковальскому удалось переброситься нѣсколькими словами.

Когда личности всѣхъ насъ были установлены (Ковальскій имѣлъ паспортъ на имя Бончковскаго), и были записаны наши адреса, то Добродѣевъ заявилъ, что долженъ подвергнуть каждаго изъ насъ обыску. Первымъ онъ подозвалъ Ковальскаго,—очевидно, у него были свѣдѣнія, что Ковальскій будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ случаѣ, если рѣшено оказать сопротивленіе.

Медленно подошелъ Ковальскій къ столу, у котораго сидѣлъ Добродѣевъ. Послѣдній всталъ.

Добродѣевъ, слѣдя за малѣйшими движеніями Ковальскаго, сталъ его спрашивать, нѣтъ ли при немъ «чего-нибудь».

Ковальскій, съ очевиднымъ расчетомъ выиграть время, сталъ переспрашивать, Добродѣевъ, держась на чеку, пояснялъ... Руками онъ дѣлалъ передъ собою мелкія движенія; казалось, онъ боится ихъ опустить, чтобы не открыть грудь и не увеличить разстоянія между ними и Ковальскимъ... Эти нѣсколько секундъ были чрезвычайно томительны.

Наконецъ, Ковальскій, запустившій тѣмъ временемъ руку подъ

пиджакъ, очевидно, успѣлъ уже не только вынуть изъ кабуры револьверъ, но и взвесть курокъ, и медленно,—опять таки стараясь отвлечь вниманіе Добродѣева и выиграть хотя бы еще секунду,—тихо произнесъ:

— Нѣтъ, ничего этого нѣтъ... А вотъ это есть...

При послѣднихъ словахъ, дуло его револьвера было уже направлено на Добродѣева, и звякнулъ курокъ: револьверъ далъ осѣчку.

Въ мгновеніе ока Добродѣевъ, крикнувъ: «жандармы! жандармы!», своею лѣвою рукою высоко кверху приподнялъ правую руку Ковальскаго, а правой рукой схватилъ его за волосы, и въ такомъ положеніи ринулся впередъ, опрокидывая столы. Лампа, стоявшая на столѣ, за которымъ сидѣли мы, и свѣча—на столѣ, на которомъ писалъ Добродѣевъ,—при паденіи на полъ опрокинулись и погасли. Тогда раздались, послѣдовательно одинъ за другимъ два револьверныхъ выстрѣла. Это стрѣлялъ Свитычъ,—очевидно, вверхъ, такъ какъ иначе, несомнѣнно, среди жандармовъ были бы убитые или раненые, чего не случилось.

А въ углу, гдѣ шла борьба между Ковальскимъ и жандармами произошло слѣдующее.

Кто-то изъ жандармовъ успѣлъ вырвать револьверъ изъ рукъ Ковальскаго; воспользовавшись моментомъ, Ковальскій умудрился еще разъ запустить руку подъ пиджакъ и выхватить кинжалъ, которымъ ранилъ въ плечо жандармскаго унтеръ-офицера Телепенко, а Добродѣеву нанесъ ударъ въ лѣвый високъ. Истекающаго кровью, офицера увели внизъ, съ Ковальскимъ же продолжали возиться жандармы. Онъ сопротивлялся, но безъ крика, и его оттащили въ переднюю, гдѣ онъ успѣлъ ранить кинжаломъ еще одного жандарма.

Тѣмъ временемъ я и Свитычъ, считая, что дѣло кончено, выбросили свои револьверы черезъ балконъ на улицу, а въ заднихъ комнатахъ кто-то успѣлъ уже зажечь свѣчи и лампы. Всѣ кинулись сжигать компрометтирующія бумаги. Мы были увѣрены, что Ковальскаго уже увели.

Но не прошло и двухъ минутъ, какъ изъ передней стали раздаваться отчаянные крики Ковальскаго. Я со Свитычемъ бросились туда: на полу бархатался Ковальскій, связываемый жандармами (они обрѣзали для этого шнуры своихъ револьверовъ). Какъ только я и Свитычъ показались на порогѣ передней, жандармы струсили и кинулись внизъ по лѣстницѣ. Чтобы оправдаться передъ начальствомъ, они упорно стояли на томъ, что въ нихъ были тутъ даны выстрѣлы. Впрочемъ, можетъ быть, со страху имъ дѣйствительно показалось, что въ нихъ стрѣляютъ.

Мы развязали Ковальскаго.

Несмотря на то, что во время борьбы Ковальскій жестоко поранилъ себѣ своимъ же кинжаломъ правую руку между большимъ и указательнымъ пальцами, онъ тутъ же заявилъ, что пойдетъ пробиваться. Онъ засучилъ правый рукавъ пиджака и взялъ кинжалъ. Свитычъ подобралъ брошенный жандармами тутъ, въ комнатахъ, револьверъ Ковальскаго и пошелъ поддержать его.

Пока мы продолжали уничтожать въ комнатахъ компрометирующія насъ вещи, со стороны лѣстницы послышался окрикъ Ковальскаго: «коли, стрѣляй!», шумъ, а затѣмъ и шесть послѣдовательныхъ выстрѣловъ. Ковальскимъ тутъ былъ раненъ въ спину кинжаломъ одинъ жандармъ и, пока онъ съ послѣднимъ боролся, его задержали и обезоружили другіе жандармы.

Разстрѣлявъ патроны (пулями были ранены три жандарма и дворникъ), Свитычъ поднялся наверхъ и сталъ помогать намъ въ уничтоженіи бумагъ и шрифта.

Минуты черезъ 2-3 мы услышали, что шумятъ уже на улицѣ: это жандармы тащили отчаянно сопротивлявшагося, избитаго и израненнаго Ковальскаго. Мы всѣ выскочили на балконъ и подняли ужасный крикъ, ругая жандармовъ и приглашая успѣвшую уже собраться публику помочь Ковальскому. Припоминаю, что, въ отвѣтъ на наши крики, жандармы снизу стрѣляли въ насъ.

Ковальскаго, конечно увезли.

А мы остались въ квартирѣ, осажденные жандармами и вызваннымъ съ ближайшей гауптвахты отрядомъ солдатъ. Мы всѣ сбились въ задней комнатѣ и съ минуты на минуту ждали, что придутъ насъ забирать.

Нельзя не преклониться съ чувствомъ умиленія передъ настойчивостью, самоотверженностью и личною храбростью Ковальскаго,— этого перваго героя террористической эпохи русской революціи, при чемъ революціонеру въ первый разъ пришлось открыто поставить на карту, во время самаго совершенія террористическаго акта, свою жизнь, а въ качествѣ эпилога своихъ дѣйствій въ перспективѣ ожидать смертную казнь. Правда, если бы онъ проявилъ больше организаторскаго таланта до рокового дня, да и въ самый моментъ руководи онъ дѣйствіемъ, то, конечно, не остались бы не использованными 4 заряда въ револьверѣ Свитыча (фактъ установленъ на слѣдствіи осмотромъ револьвера), я могъ оказать существенную поддержку,—и эффектъ получился бы гораздо болѣе сильный. Но и при этомъ нельзя не вспомнить, что предпріятіе Ковальскаго было первымъ въ своемъ родѣ по времени, и что если бы Ковальскій былъ на мѣстѣ А. Михайлова, и А. Михайловъ—на мѣстѣ Ковальскаго, то, можетъ быть, Ковальскому принадлежали бы тѣ слова изъ завѣщанія А. Михайлова, которыя взяты мною въ качествѣ эпиграфа къ настоящей статьѣ, а первое вооруженное сопротивленіе, несмотря на общепризнанный выдающійся организаторскій талантъ А. Михайлова, прошло бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также не вполнѣ безупречно съ технической стороны. Развитіе техники подчиняется своимъ особымъ законамъ,—и это въ значительной степени опредѣляетъ характеръ дѣла рукъ человѣческихъ, личныя же качества дѣятеля привходятъ сюда, лишь какъ одинъ изъ факторовъ. Но основныя черты характера Ковальскаго здѣсь вылились, какъ нельзя болѣе, рельефно: онъ возложилъ на себя обязанность—и свято, самоотверженно ее выполнилъ. Онъ настойчиво пускалъ, одно за другимъ, всѣ средства къ сопротивленію, какія только оказывались въ

его рукахъ въ ту или другую минуту, и не сложилъ оружія. Онъ успокоился только тогда, когда физически невозможно было уже сопротивляться. Въ этомъ—его величіе, какъ человѣка, и его заслуга передъ народомъ, какъ революціонера.

Считаю нужнымъ здѣсь именно подвести итоги тому, что сдѣлано Ковальскимъ, такъ какъ въ моментъ, когда его увезли въ тюрьму, въ сущности роль его была сыграна: на судѣ онъ выступаетъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

Итакъ, мы сидѣли и ждали.

Ждать намъ пришлось долго. 6—8 жандармовъ [1]) и съ десятокъ солдатъ казались той сторонѣ недостаточно сильной арміей для того, чтобъ взять бозоружныхъ 5 человѣкъ, изъ которыхъ 2—женщины. Было послано за ротою солдатъ въ казармы, и потому-то намъ долго пришлось просидѣть въ томительной осадѣ.

Наконецъ, мы увидѣли, какъ солдаты, гуськомъ, одинъ за другимъ, бѣгутъ по другой сторонѣ улицы, оцѣпляя домъ, гдѣ мы находились.

Мнѣ припоминается, будто съ балкона мы кричали уже, что сдаемся. Но, впрочемъ, за достовѣрное этого не выдаю.

Но когда послышались отчаянные удары прикладами въ дверь изъ передней, то несомнѣнно мы всѣ громко и много разъ заявляли, что сопротивляться аресту не будемъ. Очевидно, солдатъ смущало то обстоятельство, что дверь, по ихъ предположеніямъ, была заперта; можетъ быть, они даже думали, что мы забаррикадировались. На самомъ же дѣлѣ все сводилось къ тому, что дверь туго отворялась.

Видя, что съ дверью тамъ не могутъ сладить, мы со Свитычемъ направились въ первую комнату, чтобы отворить дверь. Счастье наше, что мы не успѣли дойти до двери: оба мы были бы несомнѣнно убиты, такъ какъ едва мы прошли среднюю комнату и вошли въ первую, дверь, подъ ударами прикладовъ, распахнулась—и раздался залпъ. Свитычъ приподнялъ ногу и оперся о стѣну: у него была прострѣлена нога пулею изъ солдатской винтовки навылетъ. Я почувствовалъ, что меня будто палкой ударило по лѣвой ключицѣ, и инстинктивно прижалъ руку къ раненому мѣсту.

Съ той стороны кричали, чтобы мы сдавались и выходили по одному съ поднятыми руками. Градоначальникъ гр. Левашевъ ругался, какъ извозчикъ. Съ нашей стороны неслись крики, что сдаемся и сопротивляться не будемъ.

Насъ стали выводить по одному, при чемъ съ каждой стороны жандармы держали насъ за руки. У всѣхъ жандармовъ были револьверы со взведенными курками.

Сначала насъ свели въ корридоръ второго этажа и произвели поверхностный обыскъ квартиры. А затѣмъ въ нашемъ присутствіи уже тщательно обыскивали каждый уголъ и каждую вещь.

---

[1]) На смѣну „выбывшимъ изъ строя“ жандармамъ явились новые, которые до того были спрятаны въ засадѣ, на гауптвахтѣ.

Изъ двухъ раненыхъ Свитычъ, конечно, страдалъ гораздо болѣе меня: пуля, при выходѣ, вырвала кусокъ мяса съ ладонь величиною. Но, понятно, и я не особенно хорошо себя чувствовалъ съ засѣвшею въ ключицѣ пулею. Мы потребовали врача.

Былъ приглашенъ случайно проѣзжавшій по улицѣ военный врачъ г. Гуковскій, который наложилъ мнѣ и Свитычу первую повязку.

Для перевозки насъ въ тюрьму были вытребованы арестантскія кареты. Подъ большимъ конвоемъ, часамъ къ 3—4 ночи, доставили насъ къ тюрьмѣ. Старшему конвоиру было, очевидно, приказано предупредить тамъ, что есть два раненыхъ.

— Собакѣ—собачья смерть!—раздалось въ отвѣтъ со стороны тюремщиковъ,—и это было первое привѣтствіе, которымъ насъ встрѣтила тюрьма.

Тѣмъ не менѣе, Свитыча внесли въ камеру солдаты на рукахъ.

Меня помѣстили въ башню, Свитыча—въ общую палату тюремной больницы.

На утро мнѣ удалось проникнуть въ больницу, и я, сидя на постели Свитыча, разговаривалъ съ нимъ.

Между прочимъ,—помню,—на вопросъ, что насъ ждетъ, Свитычъ молча провелъ пальцемъ по шеѣ, желая сказать этимъ: «повѣсятъ!»

Въ то же утро меня позвали въ больницу къ доктору. Тамъ у меня была извлечена пуля, и на рану наложена форменная повязка.

Какъ я послѣ узналъ, за мною, по всей вѣроятности, не слѣдили, такъ какъ съ обыскомъ на мою квартиру пришли уже послѣ того, какъ я былъ захваченъ у Виттенъ. Производившій обыскъ, начальникъ конной жандармской команды, дѣлалъ свое дѣло съ необычайною злобностью. Такъ мнѣ передавали впослѣдствіи мать и сестра. Какой-то пожилой товарищъ прокурора, присутствовавшій, по тогдашнимъ обычаямъ, при обыскѣ, оказался добродушнымъ человѣкомъ и относился къ дѣлу безучастно. Между прочимъ, онъ потихоньку сказалъ сестрѣ, что я арестованъ и что при арестѣ раненъ.

Наоборотъ, арестъ Афанасьевой былъ намѣченъ раньше. Къ ней пришли съ обыскомъ и ее арестовали еще до того, какъ мы были арестованы, и только на другой день мы узнали, что она также арестована.

Насъ допрашивали на другой же день вечеромъ. По странной случайности, товарищемъ прокурора, присутствовавшимъ при допросѣ, оказался бывшій воспитатель въ пансіонѣ при Ришельевской гимназіи, гдѣ я жилъ, будучи гимназистомъ. Во время допроса какъ-то обнаружилось, что онъ меня знаетъ.

— А вы его знаете?—спросилъ допрашивавшій начальникъ жандармскаго управленія, полк. Кноппъ.

Товарищъ прокурора подтвердилъ. Какъ мнѣ показалось, онъ умышленно старался самъ обнаружить это,—повидимому, чтобы предупредить жандармовъ и не дать имъ права заподозрить, что онъ имѣлъ основаніе скрывать о своемъ знакомствѣ со мною.

Помню, что когда Кноппъ зачѣмъ-то вышелъ, то мы съ этимъ

товарищемъ прокурора повели бесѣду. Онъ мнѣ сказалъ, что, судя по тому, что выяснилось, меня ждетъ не очень строгое наказаніе.

Замѣчу здѣсь кстати, что въ присутствіи этого же товарища прокурора (и въ моемъ) пересматривались захваченныя у меня бумаги. Онъ просматривалъ и передавалъ жандарму для уничтоженія. Но какой-то жандармскій офицеръ, изъ любви къ искусству, вторично разсматривалъ тѣ же бумаги и два раза обращался къ полк. Кноппу съ заявленіемъ, что тутъ говорится о «пропагандѣ» и что нужно бы сохранить кое-что. Товарищъ прокурора каждый разъ утверждалъ, что все это—бумаги личнаго и отчасти интимнаго характера, но что если есть сомнѣніе, то онъ ничего не имѣетъ противъ просмотра ихъ жандармами. Кноппъ отвѣчалъ, что разъ товарищъ прокурора бумаги просматривалъ и не нашелъ въ нихъ ничего важнаго, то, значитъ, нечего ихъ и просматривать вторично.

Долженъ сказать, что хотя въ бумагахъ не все относилось къ личной и интимной перепискѣ (рѣчь шла, между прочимъ, въ одной серіи писемъ, дѣйствительно, и о пропагандѣ), но въ нихъ ничего не было такого, что компрометтировало бы меня больше, чѣмъ то, что уже было добыто слѣдствіемъ независимо отъ этихъ бумагъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ рокового для насъ дня былъ арестованъ Эдмундъ Ивановичъ Студзинскій. Онъ всецѣло примыкалъ къ кружку Ковалевской и Дебагорія, и изъ насъ почти никто съ нимъ не былъ даже знакомъ. Но такъ какъ жандармы не знали, куда его дѣть, и обнаружена была чисто внѣшняя связь его съ нашимъ кружкомъ [1]), то дѣло о немъ соединили съ нашимъ. И онъ, дѣйствительно, судился съ нами, благодаря чему пострадалъ гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы пострадать при другихъ обстоятельствахъ.

Что мы будемъ преданы военному суду,—въ этомъ никто, конечно, не сомнѣвался. Но надо было изобрѣсти еще что-нибудь. И вотъ издается распоряженіе, что жандармы, встрѣчающіе, при исполненіи обязанностей, вооруженное сопротивленіе, приравниваются во всѣхъ случаяхъ къ военному караулу, а нападеніе на караулъ, по закону, карается тяжеле, нежели нападеніе на обыкновенный воинскій отрядъ. Сначала это распоряженіе (о нелѣпости этого положенія съ юридической точки зрѣнія я не говорю) насъ не потревожило: законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Но затѣмъ оказалось, что это—не законъ, а «разъясненіе» закона, каковое имѣетъ и обратную силу.

Вообще, за время слѣдствія и сидѣнія до суда настроеніе наше мѣнялось нѣсколько разъ: то намъ казалось, что къ намъ отнесутся легко, то насъ угнетала мысль, что мы будемъ наказаны очень жестоко. Эти измѣненія отчасти объяснялись ходомъ слѣдствія; но въ значительной степени, я думаю, играло здѣсь роль и самовнушеніе, передававшееся отъ одного къ другому.

---

[1]) Намъ подготовляли побѣгъ, и у Студзинскаго были найдены записки изъ тюрьмы Ковальскаго, Афанасьевой и Свитыча.

Помню, что наше настроеніе передъ самымъ судомъ было очень тягостное. Мы были увѣрены, что насъ засудятъ.

Не могу забыть ночи наканунѣ открытія судебнаго засѣданія. Я былъ совершенно убѣжденъ, что буду приговоренъ къ разстрѣлянію. Я мысленно прощался съ жизнью, съ близкими, и одно лишь желаніе покрывало остальныя: я желалъ твердо и мужественно встрѣтить смерть. Я прислонялся къ стѣнѣ и старался представить себѣ, какъ я себя чувствовалъ бы, если бы передо мною выросли 12 солдатъ съ наведенными на меня ружьями. Всѣми силами стараюсь вызвать въ себѣ ощущеніе близости смерти, я надѣялся этимъ путемъ подготовить себя къ предстоящему испытанію. Написалъ я и прощальное письмо къ роднымъ.

Чтобы покончить съ этимъ, скажу, что на судебномъ слѣдствіи сначала наши надежды окрылились; но подъ конецъ, во время пренія сторонъ, для насъ сдѣлалось несомнѣннымъ, что одного-двухъ приговорятъ къ смерти, а остальнымъ каторги не миновать. И наши защитники тогда уже не особенно старались поддерживать въ насъ розовыя надежды.

На время суда, чтобы не возить ежедневно изъ тюрьмы въ судъ и обратно, насъ перевели въ маленькія камеры при военно-окружномъ судѣ.

Перевозили насъ подъ непомѣрно-усиленнымъ конвоемъ. Въ тюремныя кареты были впряжены пожарныя лошади, и мчали насъ, буквально, какъ на пожаръ. Наши кареты оцѣплены были сотнею какихъ-то казаковъ-башкировъ на лошадяхъ, съ пиками, при чемъ дверцы каретъ были отворены, и казаки чуть не въ самую карету вставили свои пики. Это объяснялось боязнью, что будетъ сдѣлана попытка насъ освободить. О томъ, что революціонеры вооружаются по случаю суда надъ нами, до жандармовъ дошли слухи.

Первоначально намъ назначены были казенные защитники. Но бѣдные «кандидаты на военно-судебныя должности» не знали даже, какъ имъ и быть. Совѣсть у нихъ, конечно, кой какая была,—а вмѣстѣ съ тѣмъ они ясно сознавали, что ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать для облегченія нашей участи. На ихъ счастье, не задолго до суда была получена изъ Петербурга телеграмма, что ѣдутъ къ намъ присяжные повѣренные Григорій Васильевичъ Бардовскій и Дмитрій Васильевичъ Стасовъ. Къ нимъ присоединились и два одесскихъ адвоката: присяжные повѣренные Рихтеръ и Слѣпневъ [1]). Такимъ образомъ, въ услугахъ гг. кандидатовъ на военно-судебныя должности надобность уже миновала. Какъ были обрадованы бѣдняги,—и сказать не умѣю.

Процессъ длился 5 дней,—съ 19 по 24 іюля.

На судъ предстали всѣ арестованные 30 января, т. е. всѣ бывшіе въ этотъ вечеръ въ квартирѣ Виттенъ, за исключеніемъ Алек-

---

[1]) Защищали: Г. В. Бардовскій—Ковальскаго и Свитыча, Д. В. Стасовъ—меня и Кленова, г. Рихтеръ—Афанасьеву, Витеннъ и Мержанову, и г. Слѣпневъ—Студзинскаго.

сѣева и Афанасьева, а также Студзинскій. Алексѣевъ былъ освобожденъ до суда за полнымъ отсутствіемъ уликъ, и фигурировалъ на нашемъ процессѣ въ качествѣ свидѣтеля. Впрочемъ, быть можетъ, у слѣдственной власти были и кое-какія положительнаго характера данныя для освобожденія Алексѣева отъ суда. Объ этомъ скажу ниже.

Въ политическихъ процессахъ подсудимые и защита могутъ различнымъ образомъ ставить дѣло.

Можно всѣ силы направить единственно на то, чтобы уменьшить тяжесть обвиненій и, соотвѣтственно съ этимъ, облегчить участь подсудимыхъ. Можно, наоборотъ, не стараясь умалить значеніе фактовъ, воспользоваться процессомъ, если не для пропаганды идей, руководящихъ революціонерами, то для критики существующаго порядка и для оправданія необходимости примѣненія революціонныхъ пріемовъ борьбы.

Какой характеръ носилъ на себѣ нашъ процессъ?

Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что характеръ этотъ былъ довольно неопредѣленный, — что мы не спѣлись, — что, наконецъ, самъ Ковальскій, такъ блестяще выполнившій первую часть задачи, т. е. актъ вооруженнаго сопротивленія,— истина заставляетъ меня сказать и это,—на судѣ растерялся;—что поэтому мы не руководили защитой, а, наоборотъ, шли за нею. Относительно товарищей по процессу я не имѣю опредѣленныхъ свѣдѣній; но о себѣ скажу, наприм., что отъ произнесенія приготовленнаго еще въ тюрьмѣ «послѣдняго слова» меня отговорили, а то «послѣднее слово», которое я началъ на судѣ, мнѣ не удалось окончить, такъ какъ меня остановили свои же. Между тѣмъ, въ первомъ я проводилъ мысль, что считаю судъ въ настоящемъ его видѣ пустой комедіей, а во второмъ,—что до поведенія, которое является предметомъ судебнаго разбирательства, мы были доведены самою администраціею и правительствомъ.

Въ общемъ, очень много времени и силъ было и нами, и защитниками отдано на оспариваніе данныхъ, довольно прочно установленныхъ предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями,—такъ много силъ и въ такой формѣ, что можно было предположить въ насъ желаніе доказать, что никакого сопротивленія вовсе даже и не было.

Вспоминаю два слѣдующихъ факта.

Когда рѣчь зашла о томъ, что револьверъ Ковальскаго далъ осѣчку, т. е. что Ковальскій, значитъ, имѣлъ намѣреніе выстрѣлить въ Добродѣева, то прис. пов. Бардовскій ухватился за неточное выраженіе свидѣтеля (шпіона) и, сбивая его вопросами, сталъ наводить на мысль, что это, можетъ быть, была не осѣчка, а просто лязгъ желѣза о желѣзо. Этимъ имѣлось въ виду представить дѣло въ такомъ видѣ: заподозривъ, что въ него хотятъ выстрѣлить, Добродѣевъ кинулся на Ковальскаго, жандармы—за нимъ,—и Ковальскій былъ поставленъ въ положеніе законной самообороны, или, по крайней мѣрѣ, въ такія условія, при которыхъ дальнѣйшія его

дѣйствія являются заслуживающими лишь слабаго наказанія [1]). Но попросилъ слова обвинитель, товарищъ прокурора,—и, конечно, въ 2 минуты поставилъ свидѣтеля въ возможность доказать съ полною очевидностью, что была именно осѣчка.

Это одно. А вотъ другое.

Не отрицая, что, когда погасли лампы, въ комнатѣ раздались два выстрѣла, защитники старались привести судей къ сознанію, что выстрѣлы могъ произвести и кто-нибудь изъ жандармовъ или шпіоновъ. Когда же было установлено, что это не были выстрѣлы изъ казенныхъ револьверовъ, то сдѣлали попытку доказать, что револьверъ Кольта лежалъ на этажеркѣ, и его-то могъ взять кто-либо изъ пришедшихъ для обыска и дать выстрѣлы [2]).

Болѣе мелкихъ случаевъ, могущихъ доказать справедливость моихъ словъ, было не мало [3]).

Надо добавить къ этому, что Студзинскій все время держался нѣсколько въ сторонѣ, и что въ процессѣ участвовали и лица, которыя, въ глазахъ судей, казались мало интересующимися революціей вообще.

Тѣмъ не менѣе я оскорбилъ бы нынѣ здравствующаго Д. В. Стасова и память Бардовскаго (несчастный сошелъ съ ума), если бы не добавилъ къ сказанному, что оба они сражались за насъ какъ львы, и произнесли, во время пренія сторонъ, замѣчательныя рѣчи. Бардовскій началъ свою огневую рѣчь словами; «за мной стоитъ человѣкъ, дни котораго сочтены обвиненіемъ...» и продолжалъ взывать къ чувству человѣколюбія судей. Д. В. Стасову, по распредѣленію ролей, пришлось разбирать фактическія данныя, служившія прокурору основаніемъ къ обвиненію,—и, конечно, силу его логическихъ построеній, убѣдительность его доводовъ и практическихъ соображеній долго, вѣроятно, помнилъ обвинитель. Обѣ рѣчи произвели сильное впечатлѣніе.

Одесскіе адвокаты, конечно, далеко уступали своимъ петербургскимъ коллегамъ въ силѣ таланта; но и они сдѣлали все, что могли, для облегченія грозившаго намъ наказанія.

Во время суда мы, конечно, имѣли около себя стулья, на которыхъ и сидѣли, когда не приходилось обращаться къ суду. Послѣ совѣщанія судей передъ вынесеніемъ резолюціи, продолжавшагося съ 2 час. дня до 8 ч. 45 м. вечера, мы на мѣстахъ, предназначенныхъ для подсудимыхъ, уже не нашли стульевъ: насъ приказано было удалить немедленно же по прочтеніи резолюціи.

Какъ только раздались слова: «къ смертной казни черезъ разстрѣляніе», съ Афанасьевой сдѣлалась истерика, и она стала кричать: «Шемякинъ судъ! убійцы!» и т. п. На нее кинулся офицеръ,

---

[1]) На этой точки зрѣнія во все время суда, а отчасти—и на слѣдствіи, стоялъ и самъКовальскій.

[2]) И здѣсь самъ Свитычъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія во время суда и слѣдствія.

[3]) См. нашъ процессъ, passim,—въ особенности: первое показаніе Ковальскаго на судѣ и его „послѣднее слово",—рѣчь прис. пов. Рихтера, и др.

насильно отстранившій отъ нее и меня, когда я подошелъ къ ней, чтобы ее успокоить. Всѣ остальные стали заявлять, что желаютъ обжаловать приговоръ. Но предсѣдатель, а за нимъ и судьи, стали быстро удаляться изъ залы, отвѣчая намъ на ходу.

Дѣло въ томъ, что ожидали демонстраціи, а судьи, кромѣ того, боялись, можетъ быть, что въ нихъ изъ публики полетятъ пули.

Какъ извѣстно, демонстрація дѣйствительно была. По условію, присутствовавшій въ залѣ Николай Ивановичъ Миролюбовъ долженъ былъ, въ случаѣ вынесенія смертнаго приговора, столкнуть на улицу стоявшій на окнѣ графинъ съ водой. Онъ такъ и сдѣлалъ. Тогда изъ толпы, окружавшей зданіе суда, раздалось въ войска нѣсколько выстрѣловъ, при чемъ было двое убитыхъ и двое раненыхъ, но не изъ войска, а изъ публики [1]).

Всѣ эти подробности я узналъ, конечно, впослѣдствіи. А когда, послѣ прочтенія приговора, насъ сводили внизъ, въ наши камеры, то до меня донеслись торопливые разговоры о «раненыхъ», о томъ, что ихъ куда-то уносятъ. Тутъ же, будучи посажены въ камеры, мы слышали отъ караульнаго офицера, что произошла вооруженная демонстрація, принесшая съ собою жертвы. Офицеръ прибавлялъ, что, не будь этого Ковальскаго, командующій войсками помиловалъ бы, а теперь—разстрѣляютъ! Конечно, это—однѣ отговорки: разстрѣлять Ковальскаго было предрѣшено.

Онъ, очевидно, сознавалъ это, и тревожнымъ голосомъ, въ которомъ такъ слышалось страстное желаніе жить, спрашивалъ меня, какъ я думаю, разстрѣляютъ его или нѣтъ? Я сказалъ, что ему, вѣроятно, будетъ замѣнена смертная казнь каторгой, но, конечно, я хорошо сознавалъ, что безъ разстрѣла дѣло не обойдется...

На другой день наши камеры обошелъ товарищъ прокурора, поддерживавшій обвиненіе на судѣ. Онъ намъ говорилъ, что командующій войсками имѣетъ власть не только смягчать приговоры, но и пользуется правомъ помилованія. Конечно, никому изъ насъ и въ голову не приходило дѣлать въ этомъ направленіи какіе-нибудь шаги. Помню, я рѣшительно, хотя и въ мягкихъ формахъ, заявилъ ему, что ни съ какими просьбами никуда обращаться не стану.

Тутъ же, т. е. еще въ камерѣ при судѣ, я распрощался со своимъ защитникомъ, Д. В. Стасовымъ. Онъ меня старался поддержать, — онъ говорилъ, что я еще очень молодой человѣкъ и что передо мной будущее. Упадка духа я въ себѣ не ощущалъ, но все же сказалъ Д. В. Стасову, что считаю свою пѣсенку спѣтою. На дняхъ, встрѣтившись съ Д. В. въ Петербургѣ, я напомнилъ ему объ этомъ разговорѣ и долженъ былъ сознаться, что онъ былъ правъ. Какъ ни уродливо сложилась моя жизнь, но все же оказалось далеко не вѣрнымъ, что 28 лѣтъ тому назадъ моя пѣсенка была уже спѣта.

Приговорены мы были такъ: Ковальскій—къ разстрѣлянію, Сви-

---

[1]) См. 2 статьи, озаглавленныя „Одесса во время суда надъ Ковальскимъ“ въ №№ 2 и 5 „Земли и Воли“. Перепечатаны въ книгѣ Базилевскаго „Революціонная журналистка семидесятыхъ годовъ“. *Ред.*

тычъ—на 8 лѣтъ каторжныхъ работъ, я—къ 6 годамъ, а по несовершеннолѣтію—къ 4, Студзинскій и Кленовъ—къ 4 годамъ, Афанасьева и Вѣра Виттенъ—къ ссылкѣ въ Сибирь на житье, Мержанова—къ 3 недѣльному аресту.

Насъ перевезли въ тюрьму съ такими же предосторожностями, какъ везли и на судъ: тюремныя кареты, запряженныя пожарными лошадьми, сотня казаковъ, да еще, на этотъ разъ, — и разставленные на пути патрули: теперь уже у администраціи были реальныя основанія опасаться вооруженной демонстраціи. Ожидали, можетъ быть, и попытки къ освобожденію насъ, или, по крайней мѣрѣ, одного Ковальскаго.

Посадили насъ на этотъ разъ въ подвальный этажъ,—Свитыча съ Ковальскимъ, меня—съ Кленовымъ, а Студзинскаго—отдѣльно.

Утромъ 2 августа меня перевели къ Свитычу.

— Что сей сонъ означаетъ?—обратился я,—помню,—къ Свитычу съ улыбкой, входя, въ его камеру и здороваясь.

— Ивана разстрѣляли!—мрачно отвѣтилъ мнѣ Свитычъ.

У меня сжалось сердце. Я невольно оглянулъ помѣщеніе, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ находился еще нашъ дорогой, теперь погибшій товарищъ. Конечно, выраженіе: «его духъ виталъ надъ нами» какъ нельзя болѣе примѣнимо для характеристики того состоянія, въ которомъ весь день находились я и Свитычъ...

Вечеромъ смотритель тюрьмы принесъ бумагу, гдѣ говорилось, что намъ объявлено о конфирмаціи приговора надъ нами командующимъ войсками, и мы подписали эту бумагу.

Черезъ нѣкоторое время онъ явился опять, и съ заявленіями, какъ *это* ему непріятно, предложилъ намъ снять собственное платье и надѣть арестантское. Я все еще какъ будто не могъ уразумѣть смыслъ происходящаго и спросилъ, нужно ли и бѣлье снимать. Смотритель сказалъ, что нужно. А тутъ въ корридорѣ звякнули и кандалы въ рукахъ стражи... Все сдѣлалось ясно!

Съ новыми заявленіями, какъ это ему непріятно, смотритель позвалъ въ камеру кузнеца...

Черезъ 5 минутъ я былъ форменный каторжникъ,—во всемъ, до нитки, казенномъ арестантскомъ одѣяніи, съ кандалами на ногахъ.

Замѣчательная психологическая подробность: спустя немного времени по уходѣ смотрителя я уснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Конечно, долго спать мнѣ не пришлось.

Въ третій разъ пришелъ смотритель и повелъ вонъ изъ камеры. Подъ громаднымъ карауломъ (хотя разстояніе пустяковое) насъ, четырехъ каторжанъ,—Свитыча, Кленова, Студзинскаго и меня,—доставили на вокзалъ и усадили въ вагонъ подъ конвоемъ жандармовъ съ офицеромъ во главѣ.

Съ локомотива раздался свистокъ,—поѣздъ тронулся...

«Процессъ Ковальскаго» прошелъ всѣ стадіи развитія [1]).

[1]) Къ лицамъ, имѣющимъ фотографическую карточку Ковальскаго, обращаемся съ покорнѣйшею просьбою прислать намъ копію съ нея или оригиналъ для переснятія, который будетъ затѣмъ немедленно возвращенъ по принадлежности. *Ред.*

Михаилъ Васильевичъ
БУТАШЕВИЧЪ-ПЕТРАШЕВСКІЙ.

(Съ карточки, сдѣланной въ Нерчинскѣ около 1855 года).

Передамъ вкратцѣ, что знаю, о дальнѣйшей судьбѣ членовъ кружка Ковальскаго.

Насъ, четырехъ каторжанъ, держали до 11 ноября 1880 года въ Новобѣлгородской центральной каторжной тюрьмѣ (близъ Харькова), послѣ чего, по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе дурного вліянія, оказываемаго на состояніе здоровья заключенныхъ въ этой тюрьмѣ условіями содержанія, мы, вмѣстѣ со всѣми товарищами по заключенію, были высланы въ Сибирь.

Насъ привезли сначала во Мценскую пересыльную для политическихъ тюрьму, гдѣ мы сидѣли до весны 1881 г., когда отправили насъ, наконецъ, въ Сибирь. Тогда былъ возбужденъ вопросъ, засчитывать ли время, проведенное въ пути, въ срокъ пребыванія на каторгѣ. И хотя изъ насъ Кленову, мнѣ и Студзинскому въ дѣйствительности окончился срокъ каторжныхъ работъ еще въ то время, какъ мы сидѣли въ Иркутской тюрьмѣ, но, вслѣдствіе нерѣшенности этого вопроса, насъ погнали дальше, на Кару. Здѣсь, по дѣлу о побѣгѣ изъ Карійской тюрьмы весною 1882 г., насъ, вмѣстѣ съ остальными карійцами, отдали подъ судъ за пособничество бѣжавшимъ. Хотя къ тому времени выяснилось, что мы трое уже окончили срокъ каторги, но насъ продолжали держать въ Карійской тюрьмѣ на положеніи каторжниковъ, и даже примѣнили мѣру, которую можно было примѣнить только къ каторжникамъ,—обрили половину головы. По закону,—какъ странно звучатъ еще до сихъ поръ и даже именно въ настоящую минуту эти слова!—насъ на время слѣдствія должны были бы перевести въ общую тюрьму и содержать на положеніи подслѣдственныхъ. Весною 1883 г. насъ троихъ, т. е. Кленова, Студзинскаго и меня, перевели на поселеніе.

Слѣдуетъ принять во вниманіе то, что, по Уставу о ссыльныхъ, за обычными сокращеніями послѣ перевода каторжниковъ въ разрядъ испытуемыхъ, намъ троимъ приходилось выйти на поселенье черезъ $2^1/_2$ года по вступленіи приговора въ законную силу, вмѣсто 4 лѣтъ, на которыя мы были осуждены. На самомъ же дѣлѣ мы не только не воспользовались узаконенными сокращеніями, но были на каторгѣ почти годомъ больше срока, назначеннаго судомъ.

До сихъ поръ обществу было извѣстно, что административнымъ порядкомъ посылаютъ на извѣстный срокъ въ ссылку. А вотъ вамъ случай, когда въ томъ же административномъ порядкѣ человѣкъ дѣлается каторжникомъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ—поселенецъ. Это, даже въ практикѣ вмѣшательства русской администраціи въ постановленія суда, чрезвычайно рѣдкій, если не единственный случай.

Кленовъ былъ оставленъ въ Верхоленскѣ, а я со Студзинскимъ очутились въ Якутской области. Впрочемъ, Кленова скоро, за какую-то (не помню, какую именно) исторію перевели къ намъ въ Якутскую область, а еще раньше того къ намъ же былъ присланъ съ Кары и Свитычъ.

Одинъ за другимъ мы выѣхали изъ Якутской области въ Иркутскъ,—первыми Свитычъ, Кленовъ и Студзинскій, а я—послѣднимъ. Наоборотъ, въ Россію попалъ я первымъ (въ 1897 г.), за

мной—Кленовъ, а затѣмъ—и Свитычъ. Студзинскій остался въ Сибири (живетъ теперь въ Забайкальѣ).

Сосланная на житье Афанасьева была одно время въ Красноярскѣ, затѣмъ попала въ Якутскую область, оттуда, подвигаясь на западъ, добралась и до Россіи, гдѣ находится и въ настоящее время.

Вѣра Виттенъ также въ Россіи. На поселеніи она была въ западной Сибири.

Мержанова, отсидѣвши 3 недѣли въ тюрьмѣ по приговору суда, вскорѣ была арестована и выслана административно въ Минусинскъ, а оттуда, за какую-то исторію,—въ Абаканскъ. Теперь уже давно живетъ въ Одессѣ.

Судьба арестованнаго съ нами, но выпущеннаго до суда Алексѣева, какая-то странная. Не знаю, когда именно, но онъ принялъ... священство. Сестра моя мнѣ разсказывала, что онъ послѣ этого встрѣчался съ товарищами и жаловался, какъ тяжело быть священникомъ безъ полной религіозной вѣры. Вообще здѣсь что-то или окончательно нелѣпое, или глубоко-трагическое. Вотъ почему я и сказалъ выше, что, быть можетъ, у судебной власти были и положительныя основанія къ освобожденію его отъ суда по нашему дѣлу. Онъ уже давно умеръ [1]).

Изъ непривлекавшихся по нашему процессу членовъ кружка Елена Виттенъ была осуждена впослѣдствіи по другому дѣлу на каторгу и тамъ, разстроивъ въ конецъ и безъ того слабую свою нервную систему, умерла.

Акимовъ былъ арестованъ вскорѣ послѣ нашего процесса и, будучи совершенно больнымъ еще на волѣ, умеръ въ тюрьмѣ (въ Одессѣ, въ такъ называемомъ «№ 5», т. е. въ казармахъ, отведенныхъ для содержанія политическихъ арестантовъ).

Беверлей былъ арестованъ вскорѣ послѣ нашего процесса и сидѣлъ въ Кіевѣ. При попыткѣ къ побѣгу изъ Кіевской тюрьмы былъ убитъ часовымъ.

Галина Чернявская, кажется, ни разу не была арестована, хотя и продолжала революціонную дѣятельность въ рядахъ партіи Народной Воли. Теперь она, въ качествѣ эмигрантки, живетъ заграницей. Впрочемъ, о ней я давно не имѣю свѣдѣній.

Судьба Южаковой—трагическая. Будучи осуждена и выслана въ Западную Сибирь, она тамъ сдѣлала попытку къ побѣгу. Побѣгъ не удался, и ее приговорили къ высылкѣ въ Якутскую область. Вмѣстѣ съ нею сосланъ былъ и рабочій Бачинъ, который помогалъ ей въ устройствѣ побѣга. Они были въ супружескихъ отношеніяхъ. Бачинъ—человѣкъ съ почти ненормальной психикой. Въ Якутской области, на почвѣ ревности, скорѣй не какъ къ женщинѣ, а какъ къ интеллигентному человѣку и «генеральской дочкѣ», совершилось

---

[1]) Интересно отмѣтить, что одна изъ его сестеръ, Анна, будучи въ ссылкѣ (въ Верхоленскомъ округѣ), вышла замужъ за священника-миссіонера.—Другая сестра, Александра, также вращавшаяся въ радикальныхъ кружкахъ, еще до нашего ареста стала отдаляться отъ дѣла. Она умерла вскорѣ послѣ нашего осужденія, очень молодою дѣвушкою.

ужасное дѣло: Бачинъ убилъ Южакову, а самъ, будучи отданъ за это подъ судъ и посаженъ въ Якутскую тюрьму, черезъ мѣсяцъ покончилъ съ собою [1]).

Миролюбовъ былъ въ административной ссылкѣ въ Минусинскѣ, а затѣмъ—въ Абаканскѣ. Возвратился въ Россію лѣтъ 15 тому назадъ и въ 1904 г., въ Одессѣ, покончилъ самоубійствомъ.

Левандовская (по мужу—Бѣлоконская) была въ ссылкѣ въ Сибири (я ее видѣлъ въ Красноярскѣ въ 1881 г.), а теперь давно въ Россіи.

Христина Гринбергъ и Фани Морейнисъ судились и теперь обѣ въ Россіи.

Я—участникъ дѣла, о которомъ пишу. И было бы съ моей стороны непростительною смѣлостью—облачаться въ тогу историка. Поэтому я прошу смотрѣть на эту статью, только какъ на личныя воспоминанія участника. Возможно, что въ ней встрѣчаются даже фактическія неточности, не говоря о неполнотѣ. Исправить ихъ и дополнить мой разсказъ—дѣло историка, котораго ждетъ процессъ Ковальскаго, какъ и все русское революціонное движеніе.

Еще два слова. Русская революція—слишкомъ великое историческое дѣло, она играетъ роль крупнаго фактора въ развитіи міровыхъ событій. Мелочи, характеризующія отдѣльныхъ лицъ, цѣлыя группы дѣятелей, моменты и т. д., не умалятъ и не усилятъ значенія крупнѣйшихъ, единственно важныхъ фактовъ нашей великой революціи. Вотъ почему я считалъ излишнимъ скрывать отъ читателей что-либо, за исключеніемъ того, что не имѣетъ общественнаго значенія.

Н. Виташевскій.

Петербургъ, 3 февраля 1906 г.

---

[1]) Бачинъ—одинъ изъ видныхъ дѣятелей „Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ", который, какъ извѣстно, задавался цѣлью вести дѣло безъ содѣйствія интеллигенціи.—Я встрѣтился съ Бачинымъ въ Иркутской тюрьмѣ зимою 1881—1882 гг., передъ отправкою его въ Якутскую область, и могъ убѣдиться, что если раньше онъ раздѣлялъ только взглядъ своихъ товарищей по „Союзу" на необходимость для рабочихъ устраиваться своими собственными силами, то затѣмъ перешелъ къ недружелюбному,—чтобы не сказать враждебному,—отношенію къ интеллигенціи и къ „бѣлой кости". Трагедія, о которой я говорю въ текстѣ, разыгралась въ томъ же 1882 году и не позже первой половины слѣдующаго, такъ какъ я пріѣхалъ въ Якутскую область въ концѣ іюля 1883 года, а тогда уже не было въ живыхъ не только Южаковой, но и Бачина.

Къ исторіи дѣла Петрашевскаго.

I.

Переписка Николая Павловича съ шефомъ жандармовъ А. Ѳ. Орловымъ.

Извѣстно, что наблюденія за Петрашевскимъ и его кружкомъ начались очень рано и притомъ одновременно съ двухъ сторонъ: министра внутреннихъ дѣлъ и III Отдѣленія. Наблюденія продолжались цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ. Чрезъ своихъ агентовъ правительство знало все, что говорилось на ихъ собраніяхъ. Наконецъ, въ серединѣ апрѣля 1849 года правительство рѣшило ликвидировать «дѣло», оформить его и произвести аресты. Такимъ образомъ, въ теченіе 13 мѣсяцевъ пламенные фурьеристы мечтали о лучшемъ будущемъ, о переустройствѣ всего соціальнаго строя, не подозрѣвая, что они совершаютъ государственное преступленіе, и что каждое ихъ слово дѣлается извѣстнымъ.

21 апрѣля шефъ жандармовъ А. Ѳ. Орловъ представилъ Николаю Первому обзоръ всего дѣла, списки участвующихъ и планъ ихъ арестовъ. Эти документы А. Ѳ. Орловъ сопроводилъ слѣдующей запиской:

Посылаю Вашему Величеству записки объ извѣстномъ дѣлѣ, изъ которыхъ Вы изволите усмотрѣть:

1-е, обзоръ всего дѣла, 2-е, три тетради съ именнымъ спискомъ участвующихъ, и съ описаніемъ дѣйствій каждаго изъ нихъ, и съ означеніемъ ихъ жительства.

Въ обзорѣ Вы изволите усмотрѣть удобнѣйшее средство къ арестованію виновныхъ. Предложеніе это будетъ исполнено, ежели Ваше Величество не сдѣлаете какихъ-либо измѣненій.

По моему мнѣнію, это вернѣйшее и лучшее средство.

Долгомъ считаю присовокупить, что ежели Вы удостоите предположеніе мое Вашимъ утвержденіемъ, то Высочайшая воля Ваша насчетъ Кропотова [1]) должна измѣниться, а потому не прикажете ли доставить его къ Вашему Величеству 23 апрѣля въ 7 часовъ утра или въ другое Вамъ угодное время.

21-го апрѣля. *Гр. Орловъ.*

---

[1]) Кропотовъ—перваго кадетскаго корпуса поручикъ.

Государь положилъ свою резолюцію не на этой запискѣ Орлова, а на другой, въ которой графъ писалъ:

«Я сейчасъ воротился изъ штаба, гдѣ всѣ распоряженія при мнѣ сдѣланы и завтра исполнятся, когда получу разрѣшеніе Вашего Величества».

Именно на этой запискѣ читаемъ слѣдующія характерныя строки, набросанныя Николаемъ I.

«Я все прочелъ; дѣло важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно въ высшей степени преступно и нестерпимо.

«Приступить къ арестованію, какъ ты полагаешь; точно лучше, ежели только не будетъ разгласки отъ такого большого числа лицъ на то нужныхъ.

«Набокова впередъ не увѣдомляй, а гораздо лучше тогда ему дать знать, прямо отъ меня, что и сдѣлай.

«Кропотова я вытребую отъ тебя, когда уже всѣ будутъ взяты.

«Съ Богомъ! да будетъ воля Его!»

Въ самый послѣдній моментъ явилось подозрѣніе, что можетъ пойти ледъ, разведутъ мосты, и, такимъ образомъ, комендантъ крѣпости Набоковъ не будетъ извѣщенъ объ арестахъ. Дубельтъ сообщилъ Орлову о своихъ сомнѣніяхъ.

«Льду на Невѣ нѣтъ, мостъ наведенъ, и мостовые увѣряютъ, что сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ, въ теченіе ночи, не прекратится.

«Я отправлю отношеніе къ Набокову, ежели чуть-чуть будетъ подозрѣніе, что мостъ разведутъ».

Гр. Орловъ сдѣлалъ на этомъ докладѣ слѣдующую помѣту:

«Справедливо по отношенію къ Набокову. Не лучше ли передать Куцынскому, чтобъ онъ его употребилъ, ежели мостъ разведутъ, и ежели нѣтъ, то воротилъ бы тебѣ назадъ.

«Дай Богъ во всемъ успѣха!»

Итакъ, благословеніе Божіе было призвано и Николаемъ I и шефомъ Орловымъ. Въ ночь съ 22-го на 23-го апрѣля аресты были произведены.

23-го апрѣля гр. Орловъ доносилъ:

«Честь имѣю донести Вашему Величеству, что арестованіе совершено, въ III Отдѣленіе привезено 34 человѣка, со всѣми ихъ бумагами. Въ числѣ арестованныхъ находятся всѣ главныя лица и размѣщены по одиночкѣ, не привезено еще 7 человѣкъ самыхъ незначительныхъ по весьма достаточнымъ причинамъ, одинъ изъ нихъ *Плещеевъ* въ Москвѣ, бумаги же его опечатаны, одинъ *Серебряковъ* двое сутокъ не ночуетъ дома, одинъ *Григорьевъ* Конногренадерскаго полка долженъ быть въ Петербургѣ и, наконецъ, четверо: Берестовъ, Ламанскій, Михайловъ, Тимковскій, которыхъ квартиры не были извѣстны. Къ отысканію ихъ квартиръ теперь уже можно принять мѣры и принимаются.

«Теперь остается мнѣ просить Ваше Величество, не благоугодно ли дать повелѣніе о принятіи отъ меня въ С.-Петербургскую крѣ-

пость сихъ арестованныхъ. Предполагаю, получивъ Ваше приказаніе, отправить ихъ сегодня вечеромъ по частямъ.

«Приказанія были исполнены съ точностью и съ большой быстротой, и по моимъ свѣдѣніямъ все совершено съ большой тишиной, безъ всякой огласки и съ наивеличайшей аккуратностью».

Государь положилъ слѣдующую резолюцію:

«Слава Богу! теперь ждать буду, какое послѣдствіе имѣло надъ ними сіе арестованіе, и что при первомъ свиданіи съ главными ты отъ нихъ узнаешь.

Приказаніе г. Набокову далъ».

24-го апрѣля гр. Орловъ сдѣлалъ новое донесеніе:

«Сегодня отъ сильной головной боли я не могу, къ крайнему моему сожалѣнію, явиться къ Вашему Величеству, новаго ничего нѣтъ, все смирно и благополучно.

«Всѣ арестанты отправлены и сданы въ крѣпость. Принималъ ихъ самъ комендантъ и при сдачѣ каждаго находился отъ меня полковникъ.

«Въ принятіи отъ меня каждаго арестанта есть особенныя росписки. Отправленіе началось въ $10^1/_4$ часовъ вечера, кончилось въ 2 часа пополуночи. Отправленіе и сдача ихъ совершены исправно и безъ всякаго приключенія.

«По списку арестованныхъ лицъ остается три невзятыхъ: Плещеевъ, о которомъ писали къ гр. Закревскому, Михайловъ и Тимковскій. Сихъ двухъ послѣднихъ сегодня, вѣроятно, возьмутъ по сдѣланнымъ распоряженіямъ.

«Бумаги и все дѣло сегодня отправлены къ ген.-ад. Набокову».

На этомъ донесеніи Государь сдѣлалъ слѣдующія отмѣтки:

Противъ сообщенія о головной боли онъ написалъ: «Жалѣю, но надѣюсь, что кончится одной воскресной головной болью».

Противъ словъ о лицахъ, еще не взятыхъ, Николай Павловичъ отмѣтилъ: «Надо Закревскому дать понятіе о сдѣланномъ открытіи».

Наконецъ, прочитавъ послѣднія строки, объ отправленіи дѣла къ коменданту Набокову, назначенному предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, Николай Павловичъ приписалъ: «Пора имъ начать».

II.

Письмо М. В. Буташевича-Петрашевскаго съ пути въ каторгу.

Съ пути въ каторжную работу Петрашевскій написалъ письмо Елизаветѣ Анфимовнѣ фонъ-Бееръ. Въ немъ онъ просилъ госпожу Бееръ доставить приложенное письмо его матери. Ни Бееръ, ни мать Петрашевскаго не получили писемъ, имъ адресованныхъ.

Письма были слѣдующаго содержанія:

Любезнѣйшая маменька!

Я назначенъ въ Нерчинскъ, въ каторжную работу съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ. Это вамъ, вѣроятно, извѣстно изъ газетъ, если объ этомъ напечатать почтено удобно. Не буду говорить, что вытерпѣлъ я во время моего содержанія въ крѣпости—это превосходитъ всякое вѣроятіе.

Тоже не дай Богъ терпѣть лихому татарину, что потерпѣлъ я проѣздомъ, не отдыхая ни часу въ теченіе 11 дневнаго пути съ курьеромъ изъ Петербурга въ Тобольскъ. И дальнѣйшее странствіе отъ Тобольска не сладко— а просто мучительно.

Прошу Васъ заранѣе приготовить нѣкоторую сумму денегъ, чтобы не умирать почти съ голоду и имѣть необходимое. Пришлите Medecin de soi même par Raspail edition de 1846 и 1848, по которому я вылечилъ почти разслабленную. Еще Cours de la Chemie Organique au des maladies les hommes et les animaux также соч. Raspail въ III vol.—Еще Cours de Phisiologie одно изъ лучшихъ новѣйшихъ соч. Также Cours d'anatomie. Это послужитъ съ большой пользою, ибо у меня произведенія всѣхъ болѣзней.

Пришлите тоже, что получше есть моей одежды. Вашъ портретъ и сестры Ольги—если можно въ медальонѣ.—Поручите, если можно, это сдѣлать Мальше и перерисовать мой портретъ, который есть у Васъ, и пришлите.

Дай Богъ Вамъ здоровья—напишите о Вашемъ житьѣ-бытьѣ.—Я не пишу, ибо до сихъ поръ нерадостно. Но минута, въ которую раздѣлилъ со мною полуголодный, подобно мнѣ несправедливо угнетенный, кусокъ скуднаго хлѣба, донесенный злою невзгодою съ далекаго Запада въ холодную Сибирь—полна сладости, которой не вкушаютъ властители милліоновъ.

Васъ я цѣлую, поцѣлуйте сестрицу—поблагодарите тѣхъ, кто обо мнѣ не забылъ.

Васъ любящій сынъ

М. Буташевичъ-Петрашевскій.

1849.

Милостивая Государыня

Елизавета Анфимовна!

Надѣясь на Ваше благорасположеніе къ нашему семейству, прошу Васъ покорнѣйше передать это письмо—этимъ Вы весьма обяжете слишкомъ несправедливо обиженнаго.

Желаю Вамъ и всему Вашему семейству всякаго благополучія.

Съ истиннымъ уваженіемъ и почтеніемъ честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнымъ слугой

М. Буташевичъ-Петрашевскій.

Письмо М. Е. Салтыкова къ Н. Г. Чернышевскому.

„Милостивый Государь, Николай Гавриловичъ. Вѣроятно, Вамъ извѣстно, что я вмѣстѣ съ Унковскимъ и Головачевымъ задумалъ издавать съ будущаго года въ Москвѣ журналъ, который будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ. Независимо отъ офиціальной программы, уже поданной въ московскій цензурный комитетъ, мы предполагаемъ съ августа приступить къ печатанію объявленія, въ которомъ съ большою ясностью выразится какъ цѣль изданія журнала, такъ и самое направленіе его. Препровождая при семъ проектъ этого объявленія, [1]) мы просимъ Васъ сообщить намъ Ваше искреннее мнѣніе объ немъ и не оставить насъ Вашими совѣтами. Глубоко цѣня и уважая Вашу честную и общественную дѣятельность, мы заранѣе можемъ ручаться, что замѣчанія Ваши будутъ приняты нами съ величайшею благодарностью. Не думайте, прошу Васъ, чтобы я писалъ это письмо лишь отъ своего имени: А. И. Европеусъ можетъ удостовѣрить Васъ въ противномъ, но дѣло въ томъ, что я и будущіе мои соредакторы покуда разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ по лицу Россіи. Если вы найдете свободную минуту, чтобъ удовлетворить нашей покорнѣйшей просьбѣ, то письмо Ваше прошу адресовать на имя Плещеева, для передачи мнѣ, такъ какъ я на будущей недѣлѣ уѣзжаю изъ Твери въ деревню и не могу еще положительно опредѣлить свой адресъ. Впрочемъ, до 19 числа еще пробуду въ Твери.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте намъ заявить надежду, что, хотя по отношеніямъ своимъ къ „Современнику“ Вы и не можете принять дѣятельнаго участія въ нашемъ журналѣ, но не откажете намъ въ сотрудничествѣ, которое для насъ особенно важно, какъ доказательство Вашей симпатіи къ задуманному нами дѣлу.

„Теперь позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ просьбой, лично до меня относящейся. Н. А. Некрасовъ, съ которымъ я видѣлся въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ, что редакція „Современника“ предполагаетъ находящіеся въ ея распоряженіи три моихъ разсказа раздѣлить на два нумера, т. е. напечатать ихъ въ апрѣльской и майской книжкахъ. По словамъ Некрасова, это сдѣлано въ томъ вниманіи, что разсказы займутъ много мѣста. Но я убѣжденъ, что всѣ разсказы вмѣстѣ взятые не займутъ болѣе $3^1/_2$ печатныхъ листовъ, и если это только возможно, то просилъ бы Васъ убѣдительнѣйше пустить ихъ всѣ въ апрѣльской книжкѣ. Это для меня необходимо по многимъ соображеніямъ, которыя я объяснилъ лично Н. А. Некрасову. Но каково бы ни было рѣшеніе Ваше по этому предмету, во

---

[1]) Рѣчь идетъ о томъ журналѣ, который такъ и не былъ разрѣшенъ Салтыкову, якобы подъ предлогомъ пересмотра цензурнаго устава. Къ сожалѣнію, при письмѣ которое воспроизводится здѣсь съ подлинника, нѣтъ проекта объявленія. Тонъ письма ясно указываетъ на то глубокое уваженіе, которое питалъ М. Е. Салтыковъ къ Н. Г. Чернышевскому.

Мих. Лемке.

всякомъ случаѣ прошу Вашего распоряженія насчетъ высылки ко мнѣ цензорскихъ корректуръ: или въ Тверь, если онѣ уже готовы, или на имя Плещеева, если онѣ будутъ готовы не раньше 19 числа. Я возвращу ихъ съ первой почтой. Еще одна просьба: такъ какъ я выѣзжаю изъ Твери, то нельзя ли прекратить высылку „Современника“ на мое имя, а вмѣсто того прислать мнѣ билетъ на полученіе журнала изъ московской конторы.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

14 апрѣля
1862 г.
Тверь.

М. Салтыковъ.

Къ біографіи Ипполита Никитича Мышкина [1].

(Изъ воспоминаній).

Я въ первый разъ увидѣлъ Мышкина на такъ называемомъ большомъ процессѣ, или процессѣ 193-хъ, гдѣ онъ говорилъ свою рѣчь, въ которой, обращаясь къ судьямъ, бросилъ имъ въ лицо слова, произведшія тогда впечатлѣніе на передовое русское общество вообще, но, главнымъ образомъ, на тѣхъ молодыхъ людей, которые еще только готовились вступить на тотъ путь, по кототому уже шелъ Мышкинъ и былъ остановленъ и посаженъ на скамью подсудимыхъ,—слова: «Это—не судъ, а простая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужою жизнью, истиной и справедивостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества» [2]).

Это—тотъ самый процессъ, сенсаціонные слухи о которомъ, распространившіеся въ Европѣ, побудили англійскій «Times» послать спеціальнаго корреспондента, дабы онъ далъ обстоятельный отчетъ о немъ въ газетѣ. Но, очевидно, процессъ этотъ не оправдалъ ожиданій газеты, ибо корреспондентъ «Times» послѣ двухъ засѣданій уѣхалъ обратно, заявивъ представителямъ защиты о своемъ недоумѣніи, почему этотъ процессъ названъ политическимъ, и за что этихъ молодыхъ людей судятъ. «Я присутствую здѣсь вотъ уже два дня и слышу пока только, что одинъ прочелъ Лассаля, другой везъ съ собой въ вагонѣ «Капиталъ» Маркса, третій просто передалъ какую-то книгу своему товарищу. Что же во всемъ этомъ политическаго, угрожающаго государственной безопасности?» Не знаю, что отвѣтили корреспонденту «Times» представители защиты, но, вѣроятно, напомнили ему, что въ данный моментъ онъ въ Россіи, а не въ Англіи, и что Россія по вопросу безправія и отсутствію гарантіи для неприкосновенности личности въ то время

---

[1]) Статья эта принадлежитъ Михаилу Родіоновичу Попову, проведшему въ Шлиссельбургѣ болѣе 20 лѣтъ и амнистированному лишь послѣ 17 октября 1905 г. *Ред.*

[2]) См. кн. Базилевскаго „Госуд. преступленія въ Россіи“. Томъ третій стр. 310. *Ред.*

могла конкурировать даже съ Турціей.—Да, для англичанина это непонятно. Ему, конечно, казалось страннымъ, что наше правительство не считало даже нужнымъ прикрываться хоть какимъ-нибудь формальнымъ правомъ, хоть какою-нибудь призрачностью закона. Зачѣмъ все это ему? Имѣя въ своемъ распоряженіи покорныхъ судей, которыхъ такъ вѣрно охарактеризовалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ Мышкинъ, русскому правительству и не могла прійти въ голову мысль о какихъ-то еще правовыхъ нормахъ. Достаточно было приказать «правому и справедливому» суду отправить на каторгу молодыхъ людей, предъявленныхъ ему Третьимъ отдѣленіемъ, какъ всѣ статьи закона въ головахъ нашихъ судей становились вверхъ ногами, и г.г. судьи, нимало не затрудняясь, усматривали преступленія, караемыя каторгой вплоть до безсрочной. Безъ всякаго сомнѣнія процессъ 193, по отсутствію наличности преступленія, можно поставить рядомъ съ процессомъ Петрашевцевъ. Но такова ужъ судьба нашего правительства, ему ровно свыше предопредѣлено было накопленіе революціонныхъ чувствъ въ русскихъ гражданахъ. Такимъ средствомъ для этой цѣли и былъ процессъ 193-хъ, который въ ряду прочихъ реакціонныхъ мѣръ правительства, начавшихся сейчасъ послѣ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, имѣлъ, быть можетъ, наибольшее значеніе въ рѣшеніи судьбы Александра II. Мало того, что нѣкоторые изъ молодыхъ людей этого процесса, виновность которыхъ заключалась лишь въ томъ, что они читали Лассаля или имѣли при себѣ въ вагонѣ «Капиталъ» Маркса, посылали на каторгу, но Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ, по личному распоряженію Александра II, должны были весь десятигодичный срокъ отбывать въ центральной тюрьмѣ въ оковахъ. Мышкинъ, со времени этого процесса, въ глазахъ революціонеровъ тогдашняго времени и всей молодой Россіи сталъ яркимъ представителемъ революціонной партіи. Организація «Земли и Воли» вмѣстѣ съ болѣе счастливыми товарищами Мышкина по этому процессу, ускользнувшими отъ каторги, живо интересовались дальнѣйшей судьбой Мышкина. Рѣшено было употребить всѣ силы и средства, имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи, чтобы вырвать его изъ рукъ правительства. На Николаевскомъ вокзалѣ было учреждено дежурство, задачей котораго было слѣдить за отправкой Мышкина изъ Петербурга. Когда стало извѣстно, что Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ назначены въ Харьковскую централку, то рѣшено было организовать его освобожденіе на пути туда. Жандармы перехитрили товарищей Мышкина, поставившихъ себѣ цѣлью его освобожденіе, несмотря на всю ихъ бдительность. Въ то время, какъ слѣдили за пассажирскими поѣздами, отходившими по Николаевской дорогѣ, жандармы увезли Мышкина въ товарномъ поѣздѣ. Этимъ отчасти и объясняется неудачная попытка предпринятаго освобожденія, по случайности выпавшая вмѣсто Мышкина на долю Войнаральскаго, такъ какъ предпринимавшіе освобожденіе, не успѣвъ въ короткое, остававшееся въ ихъ распоряженіи время, изучить неизвѣстную до тѣхъ

поръ мѣстность, поѣхали двумя партіями по разнымъ дорогамъ. Я не вхожу здѣсь въ болѣе подробное описаніе этого предполагаемаго освобожденія. Этому эпизоду изъ русской революціонной дѣятельности 70-хъ годовъ, вѣроятно, современемъ будетъ посвящена въ «Быломъ» отдѣльная статья [1]).

Съ этого времени о Мышкинѣ, какъ и обо всѣхъ другихъ заключенныхъ въ двухъ харьковскихъ централкахъ, до насъ доходили скудныя свѣдѣнія періодами, такъ какъ въ этихъ централкахъ режимъ, по отношенію къ политическимъ заключеннымъ, то ослабѣвалъ, то вновь становился суровымъ, въ зависимости отъ того, кто былъ губернаторомъ въ Харьковѣ, и каково было общее направленіе политики по отношенію къ революціонерамъ. Что касается Мышкина, то я ограничусь тѣмъ, что упомяну о его попыткѣ бѣжать изъ централки. Онъ предполагалъ бѣжать черезъ подкопъ, который началъ вести изъ своей камеры. Вынутую землю изъ подкопа онъ выносилъ въ бадьѣ, извѣстной въ арестантскомъ мірѣ подъ именемъ парашки. Было тамъ правило такое, что выходившій на гулянье заключенный выносилъ съ собой и эту бадью съ нечистотами. Въ этой-то бадьѣ Мышкинъ и выносилъ землю.

Какимъ образомъ была открыта его работа надъ подкопомъ, не знаю, но знаю, что по этому поводу у Мышкина произошло со смотрителемъ централки столкновеніе, закончившееся тѣмъ, что Мышкинъ, на грубость смотрителя, отвѣтилъ пощечиной, за что и былъ переведенъ изъ этой централки въ другую, именно въ ту, гдѣ сидѣлъ Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ.

По какимъ соображеніямъ этотъ инцидентъ имѣлъ такія послѣдствія, трудно сказать. Тѣ времена вообще были чреваты неожиданностями. И переводъ Мышкина былъ такой неожиданностью, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ то, что онъ за оплеуху, данную имъ смотрителю, попалъ въ болѣе сносныя условія. Въ централкѣ, гдѣ сидѣлъ Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ, и куда теперь попалъ Мышкинъ, давался чай, между тѣмъ какъ въ прежней такая роскошь не допускалась. Насчетъ книгъ, гулянья и пр. въ этой централкѣ тоже условія были болѣе льготныя.

Здѣсь Мышкинъ вмѣстѣ съ прочими централистами сидѣлъ до конца 1881 года. Въ концѣ же этого года, во времена либеральныхъ вѣяній Лорисъ-Меликова, или, какъ говорилъ Катковъ, въ эпоху «диктатуры сердца», вмѣстѣ со всѣми товарищами по заключенію Мышкинъ былъ переведенъ сначала въ Мценскую пересыльную тюрьму, а оттуда на Кару.

По дорогѣ на Кару Мышкинъ свою революціонную натуру,— натуру, выкованную молотомъ жизни, проявилъ въ Иркутскѣ. Здѣсь умеръ одинъ изъ централистовъ, Дмоховскій. При его погребеніи

---

[1]) Это было бы крайне желательно, а пока что отсылаемъ интересующихся къ напечатанному въ № 4 „Земли и Воли“ разсказу „Попытка освобожденія Войнаральскаго“. Перепечатанъ въ кн. Базилевскаго „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ стр. 337—344. *Ред.*

Мышкинъ сказалъ въ церкви надъ гробомъ Дмоховскаго рѣчь, которую закончилъ словами: «на почвѣ, удобренной кровью такихъ борцовъ, какъ ты, дорогой товарищъ, расцвѣтетъ дерево русской свободы». На эти слова Мышкина священникъ, отпѣвавшій покойника, отвѣтилъ словами, которыя своей грубостью могли еще лишній разъ засвидѣтельствовать, до какой степени русскіе представители Христа—такъ называемое православное духовенство,—далеки отъ ученія провозвѣстника братства и любви на землѣ. Онъ сказалъ ни больше, ни меньше, какъ три слѣдующихъ слова: «врешь,—не расцвѣтетъ!»

Въ началѣ 1882 года на Кару прибыла партія, состоящая изъ централистовъ и осужденныхъ въ этомъ году по процессамъ: Квятковскаго, Веймара и Щедрина. Въ этой партіи прибылъ и Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ.

Обаятельная личность Мышкина сама по себѣ побуждала меня сблизиться съ нимъ, но было и обстоятельство, способствовавшее еще болѣе тѣсному сближенію. Это былъ побѣгъ, планируемый мной съ группой людей, изъ числа уже сидѣвшихъ тамъ, до прибытія партіи во главѣ съ Мышкинымъ.

Прибывъ на Кару, Мышкинъ примкнулъ къ кружку лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало бѣжать съ Кары. Внѣшнія сношенія, связанныя съ побѣгомъ, выпали на мою долю. Я занималъ на Карѣ должность пекаря, дававшую мнѣ сравнительный просторъ въ этомъ отношеніи. Какъ пекарь, я имѣлъ возможность сноситься съ уголовнымъ міромъ, въ особенности въ первый годъ моего пребыванія на Карѣ, когда я пекъ хлѣбъ въ общей пекарнѣ съ уголовными. На правахъ пекаря я могъ, подъ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей, брать конвой и итти въ то или другое мѣсто Карійскаго промысла. Могъ бывать и въ Карійской больницѣ, куда я доставлялъ хлѣбъ своимъ больнымъ товарищамъ. Больница же представляла такое мѣсто, гдѣ можно было входить въ сношеніе со всѣми карійскими промыслами, расположенными по рѣкѣ Карѣ на разстояніи одинъ отъ другого верстахъ въ 10-ти. Оставаясь на ночь въ больницѣ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, я могъ, переодѣвшись въ казачій мундиръ, бывать не только во всѣхъ палатахъ больницы, но помню, въ 1882 году, вмѣстѣ съ Войнаралѣскимъ, ночь подъ Пасху провелъ въ знакомой семьѣ урядника, состоявшаго въ эту ночь начальникомъ караула въ больницѣ.

Замѣчательный типъ забайкальскаго казака представлялъ этотъ урядникъ. Какъ говорятъ на Карѣ, «фартовый» казакъ былъ урядникъ Косяковъ. Это—смѣсь удали, риска, съ желаніемъ, чтобы въ его карманѣ бряцали деньги, нужныя ему все для той же удали. Онъ рисковалъ не въ видахъ благъ земныхъ,—нѣтъ, это былъ своего рода спортъ. Пускаясь въ предпріятіе съ рискомъ потерять голову, онъ забывалъ все и помнилъ лишь одно—не ударить лицомъ въ грязь и удивить міръ удальствомъ.

— «Косяковъ,—спросилъ я однажды,—не достанешь ли ты гдѣ хорошей стали для ножей?»

— «На что тебѣ лучшей стали, какъ вотъ эта»—указывая на штыкъ, отвѣтилъ онъ, и въ тотъ же вечеръ принесъ мнѣ 3 штыка. Какъ онъ умудрился стянуть ихъ, это только онъ, да, пожалуй, Богъ еще знаетъ. Въ видахъ все того же побѣга, было у насъ дѣло съ евреемъ Лейбой, скупавшимъ на Карѣ хищническое золото. Не говорю увѣренно, такъ какъ Лейба этотъ вмѣстѣ съ другими скупщиками ворованнаго золота былъ высланъ раньше, чѣмъ мое дѣло съ нимъ пришло къ концу, но, по всей вѣроятности, онъ имѣлъ намѣреніе поживиться на счетъ нашего кармана. Далъ я Лейбѣ денегъ на покупку револьвера на пробу; въ этотъ же день отъ одного поляка, бывшаго повстанца 1863 года, съ которымъ у насъ также были сношенія въ видахъ все той же завѣтной цѣли, узнаю, что Лейба уѣзжаетъ и что нужно принять мѣры, чтобы наши деньги не пропали за нимъ. Мархоцкій, такъ звали поляка, побывавъ у Лейбы по этому дѣлу, сообщилъ мнѣ, что револьверъ купленъ, но что онъ, боясь взять его съ собой, оставилъ на промыслѣ Богатый, верстахъ въ 20 отсюда.

Передавъ это, онъ посовѣтовалъ мнѣ переговорить съ нѣкимъ «Махнидралой», доставлявшимъ на Кару контрабандой водку,— онъ сегодня отправляется на Богатый, а отъ него ужъ Лейбѣ не отвертѣться. Иду въ лавочку «Махнидралы» и узнаю отъ его жены, что онъ еще утромъ уѣхалъ на Богатый. Прибѣгаю къ Косякову, передаю ему исторію съ Лейбой. — «А что жъ, поѣдемъ сегодня въ ночь на Богатый, караулъ у меня сегодня «фартовый». Къ утру будемъ здѣсь, — нигдѣ!» Я не могъ согласиться на такую рискованную авантюру, во-первыхъ, потому, что у насъ въ это время по ночамъ шли работы въ подкопѣ; во-вторыхъ, потому, что и Косякова надо было беречь до поры, до времени, и тѣмъ самымъ предпочелъ остроты товарищей насчетъ моего гешефта съ Лейбой. Такъ шли у насъ на Карѣ дѣла въ связи съ нашимъ предполагаемымъ побѣгомъ.

Вѣрны ли были наши расчеты на побѣгъ, нѣтъ ли,—теперь трудно сказать, но тогда мы думали, что всѣ условія для побѣга были благопріятны, и лишь одного изъ условій намъ недоставало,—денегъ, условія безъ котораго всѣ остальныя сводились къ нулю.

Мы и рѣшились выпустить Мышкина, какъ дѣятеля популярнаго въ революціонномъ мірѣ, энергичнаго и человѣка, который отъ разъ намѣченной цѣли не уклонится въ сторону. Рѣшили мы выпустить Мышкина не черезъ подкопъ, который къ этому времени не былъ еще готовъ, да и приготовлялся онъ для побѣга всей нашей группы. Мышкинъ и Хрущовъ (сочетаніе такое оправдывалось тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что Хрущовъ, какъ рабочій, легче могъ найти мѣсто въ Америкѣ въ случаѣ нужды въ средствахъ), бѣжали изъ мастерскихъ, которыя находились внѣ тюремнаго двора, или, говоря языкомъ карійскаго обывателя, за палями [1]), куда они были вынесены, Мышкинъ въ ящикѣ кровати, а Хрущовъ въ сундукѣ.

[1]) Тюрьмы въ Сибири огорожены столбами, называемыми на Карѣ палями, арш. въ 6 вышины, вкопанными безъ просвѣта одинъ около другого перпендикулярно.

На моей обязанности лежало замести слѣды побѣга. Напримѣръ, тотъ конвой, который сопровождалъ несущихъ кровать и сундукъ съ Мышкинымъ и Хрущовымъ, я увелъ въ пекарню, гдѣ и продержалъ до 11 часовъ, до времени смѣны караула. Словомъ, надо было принять всѣ предосторожности, чтобы устранить всякую возможность напасть на слѣды исчезновенія Мышкина изъ тюрьмы. Насколько важна всякая случайность при побѣгѣ, показываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай.

На другой день рано утромъ я по пути въ пекарню зашелъ въ мастерскую осмотрѣть хорошо ли задѣлана въ крышѣ дыра, чрезъ которую вылѣзли изъ мастерской Мышкинъ съ Хрущовымъ. Осмотрѣвъ и убѣдившись, что все маскировано хорошо, я отправился въ пекарню и принялся за свое дѣло съ мыслями о нашихъ бѣглецахъ и пожеланіями имъ всякаго благополучія. Входитъ въ пекарню смотритель и говоритъ мнѣ съ многозначительной улыбкой:

— «Вы здѣсь?»

— «А гдѣ же, Александръ Николаевичъ, я могъ быть, какъ не здѣсь?» отвѣчаю я.

— «А я, знаете, всю ночь почти не спалъ, все безпокоился, не бѣжалъ ли кто изъ тюрьмы. Приходитъ ко мнѣ часовъ въ 12 сотникъ (начальникъ отряда, который составлялъ караулъ политической тюрьмы) и говоритъ: «Александръ Николаевичъ, все ли благополучно у насъ въ тюрьмѣ?»—«А что, спрашиваю я.»—«Да, говоритъ, иду я по корридору и вижу въ окно отъ мастерской по направленію къ сопкамъ пошли два человѣка».—Всталъ я обошелъ вмѣстѣ съ нимъ кругомъ палей, зашли во дворъ, все цѣло, и ничего подозрительнаго. Спросили часовыхъ, говорятъ—все благополучно.—«Не иначе, говорю, какъ вамъ показалось, Сергѣй Васильевичъ».—«А то, знаете, думалъ въ тюрьму идти, повѣрку сдѣлать; хоть и поругаютъ, говорю себѣ, что зря безпокою, а все же буду спокоенъ, а потомъ рѣшилъ,—отложу до утра. Сейчасъ все ходилъ кругомъ палей, ничего, слава Богу, все благополучно. Въ тюрьмѣ-то ваши все еще спятъ. Зашелъ вотъ къ вамъ въ пекарню, и вы на мѣстѣ».

— «Да гдѣ же, Александръ Николаевичъ, былъ бы я, какъ не здѣсь или въ тюрьмѣ?»—вновь спрашиваю я.

— «Ну, слава Богу, слава Богу!»—сказалъ онъ успокоенно.

— «Такъ-то вы всегда, Александръ Николаевичъ, сказалъ въ свою очередь я, вообразите что-нибудь невозможное, а возможное и выпустите изъ вида. Напрасно вашъ сотникъ не попытался задержать этихъ двухъ молодцовъ. Для меня теперь понятно, гдѣ дѣвался давеча топоръ изъ мастерской (взятый Мышкинымъ съ собой). Значитъ, уголовные подбираютъ наши инструменты, оставляемые на окнахъ. На-дняхъ эти два молодца поживились топоромъ, а сегодня пришли посмотрѣть,—нѣтъ ли еще какихъ инструментовъ на окнахъ».

— «А вѣдь это вѣрно!»—подтвердилъ смотритель мою догадку. «Мнѣ, знаете, и въ голову не пришло, а это какъ есть,—это они,

мерзавцы, кромѣ ихъ некому. Надо будетъ сказать, чтобы посматривали. Скажите и вы вашимъ, чтобы не клали инструментовъ на подоконникахъ. Не иначе, какъ это они слямзили топоръ, больше некому».

Такимъ образомъ, мы другъ друга и успокоили. Прошло 19 дней со времени ухода Мышкина и Хрущова изъ тюрьмы. Въ продолженіе 19 дней мы клали въ различныхъ камерахъ 2 чучела, накрывавшіяся одѣяломъ: ихъ при повѣркахъ и засчитывали вмѣсто Мышкина и Хрущова.

19 дней былъ срокъ, раньше истеченія котораго не должны были бѣжать желавшіе использовать этотъ же путь: Юрковскій, Минаковъ, М. Диковскій, Левченко и Баломезъ. Мышкинъ и Хрущовъ въ этотъ срокъ должны были уже пріѣхать во Владивостокъ, гдѣ они предполагали сѣсть на одинъ изъ иностранныхъ пароходовъ и уѣхать въ Америку. Къ несчастью, иностранныхъ пароходовъ во Владивостокѣ не оказалось, и Мышкинъ съ Хрущовымъ рѣшили такъ: Мышкинъ на пароходѣ «Константинъ» отправится въ Одессу, Хрущовъ же до поры до времени останется во Владивостокѣ. Но чтобы сѣсть во Владивостокѣ на русскій пароходъ, отходящій въ Одессу, нужно было засвидѣтельствовать паспортъ во Владивостокскомъ полицейскомъ управленіи. Хрущовъ пошелъ съ паспортомъ въ полицейское управленіе. Просмотрѣвъ паспортъ, полицейскій чиновникъ къ удивленію Хрущова спрашиваетъ: «Вы Хрущовъ? А гдѣ же другой—Мышкинъ?» Понятно, что Хрущова тутъ же арестовали, а Мышкина вслѣдъ за нимъ разыскали.

Объясняется это вотъ чѣмъ. Забайкальскій обыватель отличается удивительной способностью помнить разъ встрѣтившееся ему лицо. Мышкинъ и Хрущовъ, по выходѣ изъ тюрьмы, не нашли парохода на Владивостокъ; оставаться и ждать парохода на берегу Амура было рисковано. Поэтому они рѣшили купить лодку въ ближайшей станицѣ и плыть въ лодкѣ по теченію Амура, затѣмъ пересѣсть на первый догнавшій ихъ пароходъ по пути во Владивостокъ. Зашли въ станицу, торгуютъ лодку. Казаки не признали ихъ за мѣстныхъ жителей. Начались разспросы,—кто, зачѣмъ попали въ эти края? Что отвѣтили Мышкинъ и Хрущовъ,—не помню теперь; но кончился ихъ разговоръ тѣмъ, что ихъ повели въ станичное управленіе, гдѣ атаманъ спросилъ у нихъ паспорта и прописалъ. Дѣло на этотъ разъ обошлось, какъ будто бы, благополучно: лодка была куплена, и они уѣхали, а затѣмъ, какъ и расчитывали, ихъ догналъ пароходъ, на который они пересѣли, бросивъ лодку на произволъ волнамъ амурскимъ и, какъ извѣстно читателю, прибыли во Владивостокъ, сдѣлавъ такимъ образомъ около 3000 верстъ отъ Кары. Когда же въ тюрьмѣ былъ открытъ побѣгъ, то по станицамъ разослали предписаніе задерживать всѣхъ подозрительныхъ людей.

Изъ той станицы, въ которой Мышкинъ съ Хрущовымъ купили лодку, атаманъ сообщилъ въ тюрьму, что недѣли три тому назадъ въ станицу заходило два подозрительныхъ лица, по виду напоминающихъ государственныхъ преступниковъ, и что предъ явленные

Ипполитъ Никитичъ
МЫШКИНЪ.

ими паспорта прописаны въ станичномъ управленiи. Послали въ эту станицу гонца съ карточками 8 бѣжавшихъ. Атаманъ указалъ на карточки Мышкина и Хрущова, при чемъ замѣтилъ и то, что Мышкинъ на карточкѣ въ бородѣ, а въ ихъ станицѣ онъ былъ бритый. Такимъ образомъ, открыто было, подъ какимъ видомъ скрываются Мышкинъ и Хрущовъ, и — само собою понятно, — объ этомъ дано было знать во всѣ полицейскiя управленiя по Амуру вплоть до Владивостока. Вотъ почему, когда Хрущовъ явился во Владивостокѣ въ полицiю, тамъ узнали, что онъ Хрущовъ, и что гдѣ-нибудь тутъ же находится и Мышкинъ. Такимъ образомъ, эта несчастная случайность съ лодкой повела къ тому, что побѣгъ, хорошо задуманный и уже приходившiй къ благополучному концу, такъ печально окончился.

Отъ Нерчинска до Читы по Забайкальской области насъ провожалъ исправникъ Писаревъ. По его словамъ, онъ сопровождалъ Мышкина и Хрущева изъ Владивостока обратно на Кару. Этотъ исправникъ говорилъ намъ, что конвоировали Мышкина матросы, и что начальникъ конвоя, офицеръ, будто бы сказалъ ему, Писареву, что если бы Мышкинъ зналъ положенiе вещей во Владивостокѣ, то ему оставалось бы только сѣсть на какую-нибудь японскую рыбачью лодку, и онъ бы легко добрался до Японiи, а оттуда всѣ пути предъ нимъ были бы открыты.

Послѣ того, какъ побѣгъ въ Карiйской тюрьмѣ былъ обнаруженъ, я, въ числѣ 12 человѣкъ, былъ переведенъ изъ политической тюрьмы въ Нижне-карiйскую, гдѣ просидѣлъ въ одной камерѣ съ Коваликомъ и Студзинскимъ до 1-го iюля. 1-го iюля въ числѣ 8 человѣкъ былъ обратно возвращенъ въ политическую тюрьму. Въ тотъ же день увели меня въ больницу на слѣдствiе. Слѣдствiе имѣло цѣлью выяснить, — какимъ путемъ попали къ намъ въ тюрьму револьверы, найденные при обыскѣ на чердакѣ. Одинъ уголовный, Соколовъ, заявилъ начальству, что онъ не задолго до побѣга былъ свидѣтелемъ такой сцены—будто бы я давалъ часы больничному старостѣ, при чемъ сказалъ: «Вотъ вамъ отъ меня подарокъ! надѣйтесь, что и впредь ваши услуги не останутся безъ вознагражденiя».

Меня предупредили чрезъ уголовныхъ Ниже-карiйской тюрьмы о таковомъ показанiи Соколова, а также и о томъ, что отвѣтилъ на слѣдствiи больничный староста. Слѣдствiе производилъ изъ Верхне-Удинска исправникъ Смирновъ, не знаю, на сколько это было вѣрно, отрекомендовавшiйся мнѣ состоящимъ въ родствѣ съ профессоромъ Драгомановымъ. Смирновъ нашелъ показанiе Соколова незаслуживающимъ довѣрiя. Послѣ слѣдствiя меня завели въ тюрьму лишь затѣмъ, чтобы я взялъ свои вещи, и потомъ вмѣстѣ съ Буцынскимъ увели обратно на Нижнюю Кару.

Въ то время, когда я былъ на слѣдствiи въ больницѣ, привезли въ тюрьму Мышкина и Хрущова, такъ что я имѣлъ время только пожать Мышкину руку и обмѣняться съ нимъ шапкою, ибо въ шапкѣ Мышкина были зашиты 25 руб., которые онъ посовѣтовалъ мнѣ взять на всякiй случай.

До 15 іюля въ Нижне-Карійской тюрьмѣ сидѣли только мы, 8 человѣкъ, назначенные къ увозу въ Петербургъ, именно: я, Щедринъ, Гелисъ, Буцынскій, Игнатъ Ивановъ, Кобылянскій, Волошенко и Павелъ Орловъ.

17 сентября 82-го года я прибылъ въ Петербургъ и вмѣстѣ съ Ивановымъ и Щедринымъ былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Въ 83 году прибыли съ Кары и Мышкинъ вмѣстѣ съ Минаковымъ, Малавскимъ, Юрковскимъ и Долгушинымъ. До 84 года всѣ они содержались въ Трубецкомъ бастіонѣ, а весной 84 года Мышкинъ, Богдановичъ, Минаковъ, Златопольскій и Долгушинъ были переведены въ равелинъ, такъ какъ цынга къ этому времени очистила камеры равелина. До смерти Баранникова, умершаго 9-го августа 83 года, я кое-какъ сносился съ тѣмъ крыломъ равелина, куда посадили Мышкина, но послѣ смерти Баранникова, я былъ отдѣленъ отъ этого крыла двумя камерами, при чемъ въ одной изъ нихъ постоянно толклись жандармы, такъ какъ въ этой камерѣ находилась ванна, въ которой мы разъ въ мѣсяцъ мылись. Такимъ образомъ, мы не знали, кто занялъ камеры Баранникова, Тетерки и Иванова (Ивановъ былъ увезенъ въ Казань). Мышкинъ же зналъ отъ оставшихся живыхъ въ своемъ крылѣ, что въ 12-мъ № сижу я.

Я сталъ замѣчать, что кто-то, проходя мимо моей камеры на прогулку, непремѣнно кашлянетъ. Принявъ это за предупрежденіе о чемъ-то, я сталъ зорко осматривать дворикъ, гдѣ мы гуляли. Въ одинъ день на торцѣ ручки лопаты, данной намъ для перекладыванія песка изъ одной кучи въ другую, я замѣтилъ приклеенную хлѣбомъ записку. Это была записка отъ Мышкина, написанная обожженнымъ концомъ спички, въ которой онъ сообщалъ,—кто сидитъ въ ихъ крылѣ, условился, гдѣ будетъ класть записки, и заключилъ послѣднюю похвалой «Христіанскому чтенію» за то, что оно имѣетъ широкія чистыя поля, удобныя для записокъ. Съ этого времени у меня съ нимъ установилась переписка, какая, конечно, возможна при помощи обугленной спички и нитки. Быть можетъ, способъ переписки при посредствѣ нитки введетъ читателя въ недоумѣніе и онъ спроситъ меня, что еще за ниточная переписка? Дергали мы изъ холщевыхъ портянокъ основу, сучили изъ этой основы нитку любой длины и затѣмъ при помощи навязанныхъ на ниткѣ узловъ передавали слова точно также, какъ передавались нами слова стукомъ въ стѣну, напримѣръ, слово Мышкинъ изображалось такъ: ....., ..., ..., ..., ..., ..., Конечно, вамъ, свободный читателя, такая переписка покажется убійственно скучной, но если бы вы испытали цѣлодневное бездѣлье чередующихся одинъ за другимъ дней въ продолженіе ряда лѣтъ, то, вѣроятно, и вы нашли бы, что такое препровожденіе времени, если и не доставляло особеннаго удовольствія, то все же давало возможность убить праздное время.

Такая переписка похожа на вязанье чулка старушкой, которой не подъ силу всякая другая работа, а время дѣвать некуда. Я, по крайней мѣрѣ, былъ доволенъ, что подвернулась хоть какая-нибудь

работа для моего празднаго ума и праздныхъ рукъ. Пока навьешь нитокъ, нанижешь на нихъ слова, смотаешь нитки въ клубокъ, да привяжешь этотъ клубокъ къ кольцу изъ щетины, добытой изъ матраца, набитаго свиной шерстью (между послѣдней же попадалась и очень хорошая щетина), а день-то и прошелъ, слава Богу! Кольцо изъ щетины дѣлалось для того, чтобы дать возможность нашей своеобразной почтѣ быстро спуститься по ручкѣ къ лопасти лопаты, которая и клалась на кучу песка такъ, чтобы лопасть прикрывала ее.

Я уже сказалъ выше, революціонная натура Мышкина была выкована молотомъ жизни. Говоря такъ, я этимъ хочу выдѣлить Мышкина изъ среды революціонеровъ 70-хъ годовъ.

Большинство революціонеровъ 70 годовъ, при всей ихъ беззавѣтной преданности дѣлу освобожденія русскаго народа, все таки пришли къ необходимости такой дѣятельности,—если позволительно такъ выразиться—головнымъ путемъ. Они вступили на революціонный путь, руководимые благородной мыслью служить благу народа. Конечно, безъ соотвѣтствующей наличности чувствъ, невозможно благородство мысли. Но все же они руководились скорѣе мыслью вывести народъ изъ того жалкаго существованія, въ которомъ онъ находился, чѣмъ чувствомъ мести къ виновникамъ обездоленнаго народа. Только потомъ, только суровый путь, которымъ они рѣшились идти къ своей цѣли, и тѣ жестокія кары, которыя правительство сыпало на нихъ, какъ изъ рога изобилія, выдвинули впередъ революціонныя чувства, желаніе во что бы то ни стало и прежде всего свергнуть деспотическое правительство. Типъ народовольца-террориста—послѣднее изданіе, не только исправленное и дополненное жизнью, но совершенно передѣланное жизнью. Да, только жестокій путь борцовъ 70 годовъ за свободу народа, путь бичей и скорпіоновъ отъ щедротъ правительства вложилъ въ руки революціонера мечъ, которымъ онъ и замѣнилъ мирную пропаганду.

Мышкинъ стоялъ отдѣльной фигурой среди революціонеровъ 70 годовъ. Его революціонное чувство накоплялось суровой дѣйствительностью его жизни. Впечатлительная организація натуры, при богато одаренномъ умѣ, съ самаго дѣтства могла реагировать только отрицательно на ту обстановку, которая выпала на его долю, какъ на сына кантониста. Вотъ почему, когда онъ вступилъ въ ряды борцовъ 70 годовъ, то рядомъ съ его теоретическими обоснованіями ярко выступило накопленное еще въ дѣтствѣ революціонное чувство, и вотъ почему Мышкинъ всегда и прежде всего реагировалъ чувствомъ на окружающее его. Какимъ былъ всегда, такимъ онъ остался и въ равелинѣ, и потомъ въ Шлиссельбургѣ. Въ первыхъ же запискахъ, писанныхъ имъ мнѣ въ равелинѣ, онъ предлагалъ протестовать противъ жестокаго и беззаконнаго обращенія съ нами. Какъ теперь, такъ и тогда было одно средство, къ которому прибѣгали въ борьбѣ съ правительствомъ—это голодовка. Мышкинъ былъ противъ голодовки, какъ средства. «Такой протестъ, писалъ онъ, напоминаетъ мнѣ протестъ некрасовскаго Якова, вѣр-

наго холопа примѣрнаго,—казнись, молъ, моими страданіями. Нашимъ палачамъ и особенно здѣсь въ равелинѣ наша тихая и спокойная смерть, которую они строгимъ соблюденіемъ тайны въ этомъ застѣнкѣ, могутъ съ удобствомъ выдать за смерть отъ естественныхъ причинъ, будетъ только на руку. Нѣтъ, я согласенъ и голодать, но вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ бросать, чѣмъ попало, въ нашихъ палачей, будемъ кричать, бить стекло,—кратко, дѣлать все возможное въ этой обстановкѣ, чтобъ нашъ протестъ сталъ извѣстенъ внѣ стѣнъ застѣнка. Пусть насъ перебьютъ. Во всякомъ случаѣ, такой протестъ тѣмъ удобенъ, что не останется безъ слѣда въ жизни,—перебьютъ насъ, или уступятъ намъ, т. е. дадутъ намъ книги, свиданія съ товарищами и переписку съ родными». Предложеніе Мышкина я передалъ черезъ Фроленко, сидящаго въ нашемъ крылѣ, Тригони, Морозову, Златопольскому и Исаеву, которыми предложеніе это и было принято; но въ виду надеждъ, что въ этомъ году, быть можетъ, насъ увезутъ въ Сибирь, протестъ былъ отложенъ до осени.

Но 1-го августа насъ увезли не въ Сибирь, а въ Шлиссельбургъ, куда попало въ первую голову наше крыло. Первую партію разсадили внизу, одинъ отъ другого черезъ камеру. Меня посадили въ камеру № 17. Тишина была мертвая. Кромѣ бряцанія кандаловъ на моихъ ногахъ да суетни жандармовъ по корридору, я ничего не слыхалъ. На другой день надъ моей камерой справа и слѣва послышался тотъ же звонъ кандаловъ. Я тотчасъ инстинктивно вскочилъ на столъ и сталъ стучать ложкой въ стѣну—«кто?» Справа на мой отвѣтъ ни звука, тамъ въ камерѣ № 28, какъ потомъ ужъ стало извѣстно, когда онъ умеръ въ 88 году, сидѣлъ Арончикъ, помѣшавшійся на томъ, что онъ англійскій лордъ. Потерявъ надежду направо, стучу налѣво. Отвѣтъ былъ: «я—Мышкинъ».—«Отлично, отвѣтилъ ему я, очень радъ, что мы сосѣди!—я—Поповъ». Узнавши о сосѣдствѣ съ Мышкинымъ, я почувствовалъ себя ровно выпущеннымъ на волю. Новая тюрьма, совсѣмъ неизвѣстная, спеціально построенная для насъ, въ первые дни пребыванія въ ней, вызывала тяжелыя думы. Думалось, если вызывающіе ужасъ разсказы на волѣ о Петропавловскихъ мѣшкахъ-казематахъ не удовлетворили чувство мести къ намъ Толстого, то, значитъ, здѣсь, въ этой камерѣ, я буду окончательно замурованъ и ни одного живого слова не услышу до конца моихъ дней. И вдругъ слышу: «я—Мышкинъ».

Обмѣнялись мы нѣсколькими словами, при чемъ Мышкинъ высказалъ свое предположеніе, что прикованныя болтами къ стѣнѣ кровати, вѣроятно, предоставятъ намъ удобство для перестукиванія, и мы рѣшили отложить нашъ разговоръ до вечера, когда кровати будутъ спущены. Я горѣлъ желаніемъ дождаться поскорѣе вечера и провѣрить предположеніе Мышкина. Тѣмъ нетерпѣливѣе я ждалъ провѣрки предположенія, что иначе намъ, сидящимъ въ разныхъ этажахъ, пришлось бы довольно громко стучать и тѣмъ облегчить задачу жандармовъ—слышать нашъ стукъ. Уже и этотъ нашъ ко-

роткій разговоръ не ускользнулъ отъ бдительности жандармовъ, и если Иродъ, которому, я слышалъ, у моей камеры жандармъ докладывалъ, что я стучалъ, отнесся снисходительно,—сказавъ самонадѣянно жандарму: «пускай его стучитъ»—то только потому, что онъ былъ увѣренъ, если не въ невозможности перестукиванія, при размѣщеніи насъ въ шахматномъ порядкѣ, то въ большой трудности. Вечеромъ, какъ только спустили намъ для спанья кровати, я и Мышкинъ сейчасъ же начали стучать въ раму кровати у болта,—и опытъ блистательно оправдалъ предположеніе Мышкина.

Умъ и сердце Мышкина работали въ томъ же направленіи—протестовать во что бы то ни стало. «Теперь, говорилъ онъ мнѣ, не остается у насъ никакихъ надеждъ на увозъ въ Сибирь, въ который я и раньше не вѣрилъ, и въ которомъ теперь должны разочароваться и тѣ, которые до перевода сюда надѣялись на это. Эта тюрьма—наша могила, мы заживо погребены здѣсь, и чѣмъ скорѣе смерть избавитъ насъ отъ такой жизни, тѣмъ лучше для насъ. Завидую я тѣмъ, говорилъ онъ, кто былъ приговоренъ къ смертной казни и помилованъ. Да, я завидую вамъ, Родіонычъ! Вы имѣете нравственное право заявить нашимъ палачамъ, что вы отказываетесь отъ милости и требуете, чтобы надъ вами былъ исполненъ приговоръ суда. Такого права я не имѣю, но я заставлю ихъ казнить меня, если останется только это средство избавить себя отъ варварской пытки надо мной».

Я съ Мышкинымъ были совершенно отрѣзаны отъ остальныхъ товарищей по заключенію. Вверху направо, какъ я уже сказалъ, сидѣлъ Арончикъ, сумасшедшій. Внизу камера № 16 была занята жандармами, и такимъ образомъ я былъ отрѣзанъ отъ Морозова, сидящаго въ 15 №. Мышкинъ сидѣлъ въ 30 № вверху, налѣво отъ меня; съ нимъ рядомъ въ 31 №, какъ оказалось въ 87 году, сидѣлъ Карауловъ, не отвѣчавшій на стукъ Мышкина.

Пока наши попытки снестись съ остальной тюрьмой терпѣли неудачу за неудачей, въ одинъ вечеръ послѣ ужина, часовъ около 10-ти, когда тюрьма была закрыта, раздалось пѣніе. Я сейчасъ же узналъ чудный баритонъ Егора Ивановича Минакова, который пѣлъ свою любимую пѣсню:

Я вынести могу разлуку,
Грусть по родному очагу,
Я вынести могу и муки
Жить въ вѣчно праздной тишинѣ,
Но прозябать съ живой душою,
Колодой гнить, упавшей въ илъ,
Имѣя умъ, расти травою,
Нѣтъ,—это свыше моихъ силъ!

— Это, стучу я Мышкину, поетъ Минаковъ,—я узнаю его голосъ и его любимую пѣсню.

— Нужно поддержать его,—отвѣчаетъ мнѣ Мышкинъ.

Не успѣли мы условиться, какъ намъ поддержать Минакова, какъ загремѣла тюремная дверь въ корридорѣ, и явился Соколовъ, слы-

вшій потомъ въ тюрьмѣ, съ легкой руки Лопатина, Иродомъ. Онъ началъ съ того, что открылъ форточку въ камерѣ Минакова, сидѣвшаго на противоположной сторонѣ отъ меня и Мышкина, въ камерѣ № 1-й, и сказалъ ему громко: «если будешь безобразничать, будешь связанъ!» Въ отвѣтъ также громко сказалъ Минаковъ: «убирайся къ чорту, варваръ!»

Форточка хлопнула, Иродъ нервно прошелъ по корридору, заглянулъ въ стекла камеръ внизу, вбѣжалъ по винтовой лѣстницѣ вверхъ, гдѣ, вѣроятно, продѣлалъ то же самое. Очевидно, онъ провѣрялъ,—какое впечатлѣніе произвело пѣніе Минакова на обитателей тюрьмы.

Минаковъ продолжалъ пѣть. Окончивъ свое дѣло, Иродъ вновь направился къ камерѣ Минакова. Камера отворилась, Минакова начали вязать. Тогда я и Мышкинъ закричали: «Варваръ! Палачъ!» Я прокричалъ въ этотъ же разъ: «Я требую смертной казни, я отказываюсь отъ этой жестокой милости и требую, чтобъ надо мной былъ исполненъ приговоръ суда». Изъ камеры Минакова послышались слова Ирода—«а, ты еще драться!» И затѣмъ отвѣтъ Минакова: «а что же, ты думаешь, палачъ, я позволю бить себя, не отвѣчая тѣмъ же, пока буду имѣть возможность?» Связавъ Минакова, Иродъ помчался опять наверхъ. Открылась форточка Мышкина, и раздался голосъ Ирода: «Если будешь кричать, подыму койку и будешь спать на голомъ полу!» «Убирайся къ чорту, палачъ!»—отвѣтилъ Мышкинъ. Форточка захлопнулась, Иродъ спустился внизъ, открылъ форточку у меня и сказалъ: «Зачѣмъ кричать,—это ни къ чему не поведетъ! Если что нужно,—надо сказать начальству». Я отвѣтилъ ему: «я ужъ сказалъ, что мнѣ нужно, и еще разъ повторяю: передайте кому слѣдуетъ, напримѣръ, варвару, вашему министру внутреннихъ дѣлъ, Толстому, что я отказываюсь отъ милости, считая ее жестокимъ издѣвательствомъ надо мною, и требую, чтобы надо мной былъ исполненъ приговоръ суда—смертная казнь».

«Хорошо, я передамъ коменданту; завтра онъ самъ придетъ».

Вообще Иродъ перетрусилъ въ этотъ разъ. Объяснить это новостью для Ирода, неумѣньемъ найтись, какъ быть въ подобномъ случаѣ, конечно, было бы наивностью съ моей стороны. Потомъ я оцѣнилъ его хорошо и на своей шкурѣ, и по его любимой фразѣ—«я не такихъ усмирялъ!» Да и до протеста Минакова, еще въ равелинѣ, я познакомился съ этой стороной способностей Ирода, когда онъ, замѣтивъ мой стукъ съ Баранниковымъ, ворвался съ жандармами, схватившими меня одинъ за одну, другой за другую руку, чтобъ Иродъ безопасно могъ подойти ко мнѣ и сказать мнѣ только это: «ты не веди со мной борьбы. иначе ты будешь меня помнить!» Только это онъ мнѣ и сказалъ, но по тому, какъ онъ сказалъ, и какъ играла въ это время его физіономія, я вполнѣ понялъ, что предо мною патентованный мастеръ дѣлъ застѣнка.

Въ данный моментъ—самое вѣроятное объясненіе,—онъ еще не имѣлъ полномочій на этотъ счетъ и потому не развернулъ всѣхъ своихъ способностей.

На другой день Иродъ дѣйствительно привелъ ко мнѣ коменданта, которому я повторилъ то, что наканунѣ сказалъ Ироду. На это комендантъ сказалъ:

«Зачѣмъ падать духомъ—не все же будетъ такъ! У нашего Государя милостей много!» Получивъ въ отвѣтъ отъ меня, что я знаю, что такихъ милостей, каковою пользуюсь я, дѣйствительно много, онъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ и ушелъ отъ меня. Минаковъ продолжалъ пѣть, а Иродъ продолжалъ его вязать.

Я и Мышкинъ пришли къ заключенію, что, пока не сговоримся на общій протестъ, единичные протесты не будутъ имѣть такого значенія, изъ-за котораго стоило бы подвергать себя надѣванію горячечной рубахи (въ Шлиссельбургѣ связывали не веревкой, а надѣваніемъ горячечной рубахи). Я прокричалъ черезъ корридоръ Минакову: «Егоръ Ивановичъ! Мы думаемъ, что нужно подождать съ протестомъ въ одиночку, пока не придутъ всѣ къ заключенію, что единственный выходъ изъ нашего положенія или смерть, или добиться болѣе человѣчныхъ условій жизни». На это Минаковъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «другіе, какъ хотятъ, я же жить при такихъ условіяхъ не могу и или добьюсь свиданія съ товарищами, книгъ, табаку, переписки съ родными, или умру».

Какъ трудно было намъ на первыхъ порахъ въ Шлиссельбургѣ сноситься между собою, показываетъ то, что когда на меня надѣвали горячечную рубаху за вышесказанныя слова Минакову, я услышалъ крикъ Кобылянскаго, сидѣвшаго на противоположной сторонѣ вверху—«Долгушинъ, что съ тобой дѣлаютъ, и чего ты добиваешься?» Очевидно, онъ говорилъ по адресу Минакова, принявъ его за Долгушина. Черезъ 2—3 дня Минаковъ прекратилъ пѣть, и я съ Мышкинымъ думали, что Минаковъ тоже пришелъ къ такому же заключенію на счетъ протеста, что и мы. Но мы ошиблись, Минаковъ началъ голодовку. Началъ ли онъ голодовку съ перваго дня протеста, когда пѣлъ, или потомъ,—не знаю. Прошло дней 5—6 съ начала протеста, прихожу я съ гулянья и узнаю отъ Мышкина, что Минаковъ бросилъ въ кого-то чашкой, ибо онъ, Мышкинъ, слышалъ звонъ покатившейся чашки и слова, кѣмъ-то сказанныя Минакову: «за что же ты меня ударилъ,—вѣдь я не сдѣлалъ тебѣ никакого зла».

Оказалось потомъ, что Минаковъ не чашкой бросилъ въ кого-то, а отвѣтилъ пощечиной доктору на заявленіе послѣдняго, что долженъ кормить его насильно по приказанію. Чашка же покатилась по полу потому, что докторъ выронилъ ее изъ рукъ, когда Минаковъ его ударилъ.

Голодовка Минакова прекратилась съ этого дня, и ему, по нашимъ наблюденіямъ, дали кое-что изъ требуемаго, по крайней мѣрѣ, мы слышали, какъ Иродъ, открывая камеру Минакова, каждый разъ распоряжался, чтобы подали то папиросы, то книги.

Спустя недѣлю по прекращеніи Минаковымъ голодовки, часа въ 4 вечера открылась дверь камеры Минакова, и Иродъ сказалъ: «На судъ!» Минаковъ пробылъ въ судѣ часовъ до 10 и былъ

приведенъ въ свою камеру. Еще спустя недѣлю меня съ гулянья увели въ старую тюрьму, гдѣ я просидѣлъ до гулянья слѣдующаго дня. Въ 7-мъ часу утра, сидя въ старой тюрьмѣ, я слышалъ залпъ. По возвращеніи въ тюрьму въ свой 17 №, я узналъ отъ Мышкина, что въ 7 часовъ утра былъ казненъ Минаковъ, и что, идя на казнь, онъ прокричалъ въ корридорѣ: «прощайте, товарищи! меня ведутъ убивать».

Мышкина ужасно мучило то, что на послѣднее прости Минакова никто не отвѣтилъ. «Болѣе всѣхъ я виню себя, говорилъ Мышкинъ. Конечно, объясняется это неожиданностью, незнаніемъ, что Минакова приговорили къ смертной казни, неумѣніемъ сразу найтись. Но все же другіе болѣе, чѣмъ я, могутъ оправдать себя всѣмъ этимъ, такъ какъ многіе, вѣроятно, совсѣмъ не знали, что значилъ крикъ Минакова и какъ нужно было понимать его. А я все же зналъ кое-что и долженъ былъ ожидать казни Минакова. А какъ тяжело было бѣдняку Минакову всходить на эшафотъ съ мыслью, что на его послѣднее прости никто изъ насъ, его товарищей, не откликнулся».

Простучавъ мнѣ это, Мышкинъ бросился къ двери, и я услышалъ: «товарищи! да будетъ всѣмъ намъ стыдно, что мы не отвѣтили на послѣднее прости Минакова. Себѣ я этого никогда не прощу. Какъ тяжело было всходить ему на эшафотъ безъ теплаго сочувственнаго отклика его товарищей. Представьте только это себѣ, и ваша совѣсть также упрекнетъ васъ, какъ моя совѣсть упрекаетъ меня».

Тотчасъ явился Иродъ и прокричалъ Мышкину: «Чего орешь?» «Почему вы не дали намъ проститься съ Минаковымъ?» —отвѣтилъ Мышкинъ Ироду. «А вы кто такіе?» — заоралъ вновь Иродъ. «Мы люди»,—отвѣтилъ ему Мышкинъ,—«а вы наши палачи!» Форточка закрылась, и этимъ закончился протестъ Мышкина.

Дня за 3 до казни Минакова, всѣхъ насъ обошелъ Иродъ съ младшимъ помощникомъ, тѣмъ самымъ Яковлевымъ, который былъ послѣднимъ начальникомъ Шлиссельбургской тюрьмы, при которомъ въ числѣ 8 человѣкъ я вышелъ изъ Шлиссельбургскаго застѣнка. Они опросили насъ,—кто и чѣмъ желаетъ заняться, обѣщали намъ выдать грифельныя доски, занумерованныя тетради и чернила и въ скоромъ времени обѣщали ручныя работы въ камерахъ.

— Напр., какія работы разрѣшатъ намъ?—спросилъ я.

— Напр., — отвѣтилъ Иродъ,—плетенье корзинъ, что-ли, а, можетъ, и еще что». На другой день, возвратясь съ гулянья, мы нашли на стѣнахъ камеръ вывѣшенныя инструкціи, въ которыхъ, между прочимъ, обѣщалось для отличающихся хорошимъ поведеніемъ: бесѣды со священникомъ, чтеніе книгъ изъ тюремной библіотеки, занятія въ камерахъ ручнымъ трудомъ, освѣщеніе камеръ въ неположенное время (послѣдняя изъ льготъ такъ и осталась для насъ загадкой, ибо камеры освѣщались всю ночь) и пр. За нарушеніе порядка въ тюрьмѣ, какъ-то: за пѣніе, крикъ, шумъ, свистъ, — грозили карцеромъ отъ 4 до 8 дней съ лишеніемъ горя-

чей пищи, за болѣе же важные проступки карцеромъ съ наложеніемъ оковъ отъ 4—8 дней и розги, за оскорбленіе дѣйствіемъ начальства — смертная казнь. Нѣкоторыя льготы дѣйствительно дали, хотя и не сразу, а такъ черезъ мѣсяцъ, два по столовой ложкѣ.

Прежде всего ко мнѣ и Мышкину, въ качествѣ льготы за хорошее поведеніе, пришелъ священникъ. Войдя ко мнѣ онъ спросилъ:

— Желаете ли вы, чтобы я отъ времени до времени посѣщалъ васъ? Я отвѣтилъ, что не имѣю ничего противъ, но долженъ предупредить васъ, что я не признаю русской офиціальной церкви, такъ называемой православной, и думаю, что представители этой церкви — представители не Бога на землѣ, а покорные слуги русскаго правительства, тѣ же чиновники, только, вмѣсто вицмундировъ, въ рясахъ. Къ Христу же, какъ къ проповѣднику любви и братства на землѣ, отношусь съ полнымъ уваженіемъ.

Затѣмъ я и священникъ сѣли рядомъ на кровати, а Иродъ противъ насъ на скамьѣ.

— А я, началъ священникъ, вотъ что вамъ скажу на вашъ упрекъ намъ, представителямъ русской церкви: если бы вы знали наше положеніе, вы бы не бросили въ насъ камнемъ!

— Знаю я отлично ваше положеніе, батюшка, я самъ — сынъ священника, прошелъ семинарскія мытарства, знаю также и то, что Христосъ показалъ самъ, какъ нужно служить и бороться за Его ученіе о любви и братствѣ.

Оставивъ слова мои безъ возраженія, онъ началъ свою бесѣду со мной такъ:

— Ваше уваженіе ко Христу насъ сближаетъ, и я надѣюсь, что у насъ есть почва для бесѣды.

— Я тоже такъ думаю, батюшка, — отвѣтилъ я. — Но скажите, пожалуйста, думаете ли вы, что при такой обстановкѣ, указывая рукой на Ирода, возможны душевныя бесѣды? Что касается меня, батюшка, то я говорю вамъ вполнѣ искренно, безъ всякаго намѣренія сказать вамъ непріятное, что мнѣ вчужѣ обидно за васъ. Вамъ, священнику, не довѣряетъ ваше правительство, васъ подъ конвоемъ жандармскаго капитана привели ко мнѣ для духовной бесѣды со мной.

Священникъ промолчалъ на мои слова, но Иродъ, очевидно, хотѣлъ вывести его изъ неловкаго положенія и бухнулъ:

— Это не отъ насъ и не отъ священника зависитъ, — намъ, какъ прикажутъ, такъ мы и должны поступать.—Произошло неловкое молчаніе. Иродъ похлопалъ, похлопалъ глазами и, наконецъ, обратясь къ священнику, сказалъ:

— Можетъ, на этотъ разъ, отецъ Іоаннъ, довольно?

Священникъ поднялся, пожалъ мнѣ руку, пожелалъ здоровья и терпѣнія, и со словами:—«такъ я, съ вашего позволенія, буду по временамъ заходить къ вамъ», вышелъ изъ моей камеры. — Послѣ этого священникъ не былъ у меня ни разу.

Такова же, приблизительно, духовная бесѣда со священникомъ была и у Мышкина.

Чтобы покончить со священникомъ, въ видѣ льготы за хорошее поведеніе, я здѣсь же скажу все относящееся къ этому. Лѣтомъ посѣтилъ насъ Оржевскій, въ то время начальникъ корпуса жандармовъ. На вопросъ его,—не имѣю ли я что заявить ему, я спросилъ,—въ какомъ родѣ могутъ быть мои заявленія?

— Исполняютъ ли по отношенію къ вамъ въ точности все то, что разрѣшено въ вашемъ положеніи, напр., бываетъ ли у васъ священникъ?—спросилъ онъ

— Разъ,—говорю ему,—былъ, но больше не былъ.—Почему, обратился онъ къ Ироду, — батюшка не бываетъ у нихъ? — Да разъ какъ-то былъ онъ у него,—да что батюшка не скажетъ, а онъ все напротивъ, да напротивъ». Оржевскій улыбнулся, я тоже, въ свою очередь, улыбнулся, и тѣмъ кончили мы разговоръ о священникѣ.

Послѣ казни Минакова, Мышкинъ еще больше былъ занятъ мыслями о томъ, какъ устроить сношенія со всѣми товарищами по заключенію и сговориться на общій дружный протестъ. Все бывшее въ нашемъ распоряженіи было использовано въ цѣляхъ этого. Онъ началъ посылать въ корешкахъ книгъ записки, въ той надеждѣ, что, авось, кто-нибудь догадается заглянуть подъ корешокъ и найдетъ тамъ записку. Но черезъ нѣкоторое время я бралъ ту или другую книгу, въ которую онъ вкладывалъ записку, и находилъ записку на мѣстѣ никѣмъ нетронутой.

Мышкинъ съ каждымъ днемъ терялъ надежду на возможность общаго протеста, а теперь и совсѣмъ потерялъ. Все чаще и чаще его разговоръ со мной сосредоточивался на томъ, что онъ видитъ единственный исходъ изъ невыносимаго положенія, изъ положенія, по его словамъ, оскорбляющаго человѣческое достоинство, и этотъ исходъ—смерть. Помню, однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Знаете, о чемъ весь день сегодня я думалъ, Родіонычъ?

— О чемъ?—спросилъ я.

— Я думалъ, какая ужасная тайна—жизнь человѣка! Казалось бы—«ну какая наша жизнь»! Можно ли назвать жизнью наше прозябаніе въ этомъ застѣнкѣ? И однако, я откровенно говорю вамъ: у меня не хватаетъ духа на самоубійство. И сегодня, послѣ долгихъ размышленій на этотъ счетъ, я пришелъ къ печальному выводу—«нѣтъ,—я не могу». Не хотѣлось бы пачкаться съ этимъ ничтожествомъ, нашимъ смотрителемъ, хотя онъ и заправскій палачъ! Да дѣлать нечего, ибо едва ли когда зайдетъ къ намъ кто-либо изъ высокопоставленныхъ палачей. А, между тѣмъ, единственный путь выйти изъ этого невыносимаго для меня положенія—это параграфъ, обѣщающій намъ смертную казнь за оскорбленіе дѣйствіемъ начальствующаго лица.

Я сталъ все больше и больше замѣчать, что у Мышкина созрѣваетъ какое-то рѣшеніе. Въ продолженіе дня онъ все время нервно шагалъ изъ угла въ уголъ своей камеры. Однажды я замѣтилъ,

что у него былъ докторъ, съ которымъ произошелъ какой-то рѣзкій разговоръ. Чтобы опросить въ чемъ дѣло, я окликалъ его нѣсколько разъ, но за шумомъ своихъ шаговъ онъ не слышалъ моего зова, и только вечеромъ, когда мы улеглись, я спросилъ, что произошло у него съ докторомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у него подъ мышкой опухоль, и такъ какъ по болѣзни руки онъ не можетъ брать пищу въ форточку, то заявилъ смотрителю, чтобы ему заносили обѣдъ въ камеру. И вотъ явился докторъ освѣдомиться о болѣзни. При осмотрѣ докторъ не сумѣлъ построить безличнаго вопроса и сквозь зубы проронилъ «ты». Я сказалъ ему: «какъ вамъ не стыдно, докторъ! Ну, пусть бы сказалъ это солдатъ, указывая на Ирода, сказалъ я, а вы человѣкъ образованный, ужели вы до сихъ поръ не поймете, что ваше обращеніе причиняетъ мнѣ душевной боли гораздо больше, чѣмъ ваше лѣченіе утоляетъ мою физическую боль. Затѣмъ заявилъ ему, чтобъ онъ не ходилъ ко мнѣ, если не желаетъ, чтобы я на его оскорбленіе отвѣтилъ оскорбленіемъ».

Подъ Рождество я съ Мышкинымъ всю ночь перестукивались. Это былъ единственный за наше знакомство разговоръ, когда онъ говорилъ мнѣ о своей семьѣ и, главнымъ образомъ, о своей матери. Изъ этого разговора я узналъ, что онъ очень любилъ свою мать, и тутъ же выразилъ свою просьбу, что если онъ умретъ, не увидавшись съ матерью, чтобы я послалъ на имя его брата Гр. Ник. Мышкина письмо матери, въ которомъ бы сообщилъ, что онъ не въ состояніи былъ переживать тѣ оскорбленія, каковымъ подвергало его русское правительство, и что умеръ съ мыслями о ней.

Въ 4 часа утра—часъ, когда Иродъ ежедневно появлялся, чтобы заглянуть къ намъ въ камеры, все ли благополучно,—онъ подошелъ къ моей камерѣ, открылъ форточку и сказалъ: если будешь стучать, будешь связанъ! Я ему отвѣтилъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ: убирайся къ чорту! Къ Мышкину онъ не зашелъ на этотъ разъ. Въ 7 часовъ утра, во время чая, ко мнѣ въ камеру вошли четыре унтера и стали предо мною, а Иродъ, стоя позади ихъ, сказалъ мнѣ:

— Стучать здѣсь не полагается, и если ты будешь продолжать, то будешь наказанъ.

На что я отвѣтилъ ему:

— Дѣлай ты свое дѣло, но оставь меня въ покоѣ, избавь меня отъ своихъ наставленій.

— Читалъ 6 § инструкціи [1]), такъ помни же!—зарычалъ Иродъ. На это я отвѣтилъ ему тѣмъ, что сорвалъ со стѣны инструкцію и бросилъ ему. Жандармы затопали предо мной ногами, дѣлая видъ, что они готовы къ наступленію. Но Иродъ, сдѣлавъ «ш-ш-ш!»—обычное свое объясненіе съ жандармами въ присутствіи нашемъ, вышелъ изъ камеры, жандармы за нимъ.

Послѣ этого инцидента въ моей камерѣ, Мышкинъ весь день, не переставая, ходилъ по своей камерѣ, и когда я попытался по-

---

[1]) §, въ которомъ инструкція грозитъ розгами.

звать его во время обѣда, пользуясь прекращеніемъ его шаговъ на время обѣда, то онъ отвѣтилъ знакомъ «же»—условнымъ знакомъ, что онъ не желаетъ говорить. Во время ужина въ этотъ же день, 25-го декабря, когда открылась камера Мышкина, я услышалъ звонъ тарелки, покатившейся по желѣзнымъ периламъ корридора. Вслѣдъ за этимъ произошла въ камерѣ возня и крики Мышкина: «палачи, разбойники!» Потомъ открылась камера надо мной и туда перенесли Мышкина. Когда дверь закрылась, Мышкинъ простучалъ мнѣ ногою въ потолокъ, что онъ слышалъ, что Иродъ сказалъ мнѣ въ «чай», не отзывался же на мой зовъ изъ боязни, чтобы разговоръ со мной не поколебалъ его рѣшенія сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ.

— «Я бросилъ чашку въ Ирода и сейчасъ связанъ»,—сказалъ Мышкинъ.

Связаннымъ Мышкинъ оставался до чая слѣдующаго дня. Въ «чай» къ нему вошли, развязали и дали чай.

Въ 10 ч. 26-го декабря его повели на предварительный допросъ, который производилъ комендантъ Покрошинскій.

По возвращеніи Мышкинъ разсказалъ мнѣ, что на допросѣ комендантъ былъ чрезвычайно вѣжливъ съ нимъ, и онъ, Мышкинъ, сказалъ ему, что прибѣгъ къ такому средству, чтобъ заставить правительство казнить его, такъ какъ на требованіе—лучше казнить, чѣмъ истязать душу и тѣло,—не обратили вниманія и не исполнили до сихъ поръ этого требованія. Что если и въ этотъ разъ его не казнятъ или не перестанутъ съ нимъ поступать такъ, какъ поступали до сихъ поръ, то онъ будетъ добиваться своей казни всѣми возможными средствами.

Послѣ этого Мышкинъ просидѣлъ до 19 января. Такъ что и я, и онъ думали, что дѣло кончится ничѣмъ.

Въ продолженіе этого времени дали парныя прогулки для 6 человѣкъ, именно, Фроленко и Исаеву, Тригони и Грачевскому, Морозову и Караулову; я же на двѣ недѣли былъ лишенъ прогулокъ.

19 января вечеромъ открылась камера Мышкина, и Иродъ сказалъ ему: «на судъ!» Послѣ этого Мышкинъ уже не возвращался въ тюрьму.

26 января часовъ въ 8 я слышалъ ружейный залпъ.

А 29 іюня я обозвалъ Ирода палачомъ за жестокое обращеніе съ душевно-больнымъ Арончикомъ, за что и былъ уведенъ въ старую тюрьму, сидѣлъ въ той камерѣ, гдѣ передъ казнью находился Мышкинъ, и на крышкѣ стола прочелъ: 26 января—«я, Мышкинъ, казненъ». Очевидно, надпись сдѣлана за часы, быть можетъ, за минуты до смерти...

Такъ прекратилась жизнь одного изъ выдающихся борцовъ за свободу Россіи, Ипполита Никитича Мышкина.

М. Поповъ.

Размолвка съ міромъ [1]).

1.

Я молодъ, и во мнѣ горитъ
Огонь высокихъ вдохновеній,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ:
Ты не погибъ для наслажденій
Но отчего жъ въ душѣ младой
Тоска и хладъ ожесточенья
Уносятъ быстро за собой
Мечты прекрасное видѣнье?
Какой-то адъ во мнѣ кипитъ,
И міръ мнѣ скученъ, и проклятье
На всемъ вокругъ меня лежитъ.
А люди, люди мнѣ не братья.
Уже отвыкъ я видѣть въ нихъ
Высокихъ мыслей вдохновенье.
Я тайну сердца ихъ постигъ,
И приговоръ мой былъ – презрѣнье!

2.

Рожденный съ пламенной душою
Высокой доблести, создалъ,
Одушевляемый мечтою,
Я величавый идеалъ;
Мечты моей изображенье,
Я думалъ, въ людяхъ встрѣчу я,
И долго долго, въ ослѣпленьи
Любилъ, холодный міръ, тебя.
Мечталъ: пожертвую для свѣта
Трудами жизни молодой,
Но не нашелъ себѣ отвѣта
Въ толпѣ безумной и пустой.

---

[1]) Настоящее стихотвореніе Н. П. Огарева воспроизводится мною вполнѣ точно съ имѣющейся у меня подлинной рукописи. До сихъ поръ оно не было извѣстно. Принадлежа къ ранней эпохѣ (1833 г.) жизни поэта, оно недурно иллюстрируетъ его настроеніе того времени.

Мих. Лемке.

Мнѣ жертвовать? Но кто жъ оцѣнитъ
Ту жертву? Кто ее пойметъ?
Здѣсь все цѣной безумной цѣнитъ
Ничтожной выгоды расчетъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . [1])
Какая жъ нужда, что живетъ...
Ничтожной жизнію машины
Которой двигаетъ пружины
Хозяинъ строгою рукой
По злобной прихоти одной? [2])
Такъ эгоизмъ преступной силой
Толпы людей разъединилъ
И непробуднымъ сномъ могилы
Души порывы усыпилъ.

3.

Кто жъ виноватъ, что въ духъ младой
Прокрался хладъ ожесточенья,
И ненависть съ моей душой
Сдружила горькое презрѣнье?
Кто виноватъ? Иль свѣтъ, иль я?
Зачѣмъ не былъ я въ ослѣпленьи
И было чуждымъ для меня
Его порока униженье?
Я виноватъ, но правъ ли ты,
Дитя бездушной суеты?!
Ужель милѣй порокъ ничтожной
Душѣ испорченной твоей,
Чѣмъ голосъ чести благородной!
Скажи, ужели онъ милѣй?
Какъ жалокъ ты, какъ низокъ ты,
Дитя бездушной суеты!
Я не люблю тебя, но мщенье
Не движетъ пылкою душой.
Мой приговоръ тебѣ—презрѣнье,
Прощай, бреди своей тропой.

4.

Но съ юныхъ дней моихъ мечтой
Разстаться ль мнѣ въ самозабвеньи?
Души безжизненный покой
Избрать—и тоже усыпленье,
Вездѣ встрѣчаемое мной,
Поставить цѣлью всѣхъ желаній,
На вѣкъ сокрывъ передъ собой

---

[1]) Въ рукописи точно такое многоточіе. *М. Л.*

[2]) Мнѣ кажется, что „хозяинъ"—это Николай I, „машина"—Россія. Въ 1833—34 году Огаревъ и Герценъ мого думали о свободѣ отъ желѣзнаго гнета „хозяина". *М. Л.*

Прекрасный рой былыхъ мечтаній?
Нѣтъ, нѣтъ, живи, душа моя,
И жаждетъ [1]) сильнаго движенья,
И я прерву вокругъ себя
Тяжелый сонъ успокоенья;
И съ оживленною тоской
Повѣрю вновь мечтѣ святой!
Я молодъ и во мнѣ горитъ
Огонь высокихъ вдохновеній,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ:
Ты не погибъ для наслажденій...

Н. Огаревъ.

[1]) Очевидно, по ошибкѣ, вмѣсто „жажди". *М. Л.*

Отрывки изъ писемъ бывшаго шлиссельбуржца [1].

„...Ты очень интересовалась моей тюремной жизнью, но до сихъ поръ я не имѣлъ возможности удовлетворить твое желаніе, теперь же пользуюсь досугомъ, лучше сказать такимъ положеніемъ, при которомъ я, скоро уже двѣ недѣли, сижу больной въ четырехъ стѣнахъ, безъ книгъ и безъ общества, словно я сижу въ тюрьмѣ на карцерномъ положеніи, а не живу мирно атбасарскимъ обывателемъ.

Въ 1882 г., по мысли, какъ говорятъ, графа Д. А. Толстого, бывшаго тогда мин. вн. дѣлъ, было рѣшено возобновить въ Шлиссельбургской крѣпости тюрьму для государственныхъ преступниковъ, давнымъ давно упраздненную. Въ то время въ Шлиссельбургской крѣпости помѣщался дисциплинарный баталіонъ. Его оттуда перевели и приступили къ работамъ, которыя и были доведены до конца лѣтомъ 1884 года.

Первый контингентъ шлиссельбургскихъ заключенныхъ доставили *содержавшіеся въ Петропавловской крѣпости* (главнымъ образомъ, содержавшіеся въ Алексѣевскомъ равелинѣ) на каторжномъ положеніи, народовольцы, осужденные по процессамъ 82 и 83 годовъ, и *карійцы*, привезенные изъ Сибири: ихъ привезено было всего 14 человѣкъ; въ сентябрѣ 1885 г.: 1. Щедринъ, 2. Поповъ, 3. Игнатъ Ивановъ, 4. Буцинскій, 5. Геллисъ, 6. Кобылянскій, 7. Волошенко, 8. Орловъ; и лѣтомъ 1883 года остальные шесть: 9. Мышкинъ, 10. Юрковскій, 11. Минаковъ, 12. Крыжановскій, 13. Долгушинъ, 14. Малавскій.

Изъ первой партіи трое (Щедринъ, Поповъ и Ивановъ) были посажены въ Алексѣевскій равелинъ, остальные же 5 (Буцинскій, Геллисъ, Кобылянскій, Волошенко, Орловъ)—въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости.

Вторая же партія была помѣщена сначала цѣликомъ въ Трубецкой бастіонъ.

Говорятъ, что выборъ этихъ лицъ было предоставлено сдѣлать Судейкину, который и отобралъ своихъ знакомыхъ по южнымъ процессамъ, а къ нимъ еще прибавилъ Мышкина и Долгушина, изъ которыхъ первый былъ, кромѣ побѣга, преданъ суду еще и за возмутительнаго содержанія рѣчь, сказанную имъ въ церкви иркутскаго острога на похоронахъ Дмоховскаго, а Долгушину набавили 15 лѣтъ за пощечину, данную имъ смотрителю красноярской тюрьмы.

---

[1]) Письма написаны П. С. Поливановымъ въ первые дни по прибытіи въ станицу Атбасаръ, Акмолинской области, куда онъ былъ препровожденъ послѣ освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости, въ которой провелъ 18 лѣтъ. Передъ Шлиссельбургомъ 2 года онъ пробылъ еще въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавл. крѣпости. Воспоминанія П. С. Поливанова объ Алек. рав. напечатаны за границей. Здѣсь печатаются отрывки изъ нѣсколькихъ соединенныхъ вмѣстѣ писемъ.

Ред.

Игнатъ Ивановъ сошелъ съ ума въ Алексѣевскомъ равелинѣ и былъ увезенъ (въ сентябрѣ 1883 г.), послѣ посѣщенія тюрьмы Оржевскимъ и Ганецкимъ (іюль 1883 г.) въ казанскую лечебницу, откуда его, все еще больного, привезли въ октябрѣ 1884 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и доканали...

Волошенко и Орловъ были увезены совершенно больные (цынгой) обратно въ Сибирь.

Остальные же 11 человѣкъ карійцевъ вошли въ составъ первыхъ обитателей Шлюшина [1]), вмѣстѣ съ 11 же народовольцами изъ Петропавловской крѣпости, такъ что при открытіи тюрьмы въ нее были посажены 22 человѣка.

...Насъ перевезли изъ Петропавловки въ Шлиссельбургъ въ два пріема: 12 человѣкъ—2 августа 1884 г., остальныхъ же 10 человѣкъ—4 августа. Для перевозки былъ построенъ особаго рода ковчегъ, который буксировался пароходомъ петербургской рѣчной полиціи. Въ этомъ ковчегѣ вдоль каждаго борта было построено по 6 чулановъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга пустымъ пространствомъ, равнымъ ширинѣ чулана, и чуланы эти были расположены въ шахматномъ порядкѣ, такъ что чулану на одной сторонѣ баржи соотвѣтствовало пустое пространство на другой, и обратно.

Въ глубокую ночь насъ выводили [2]) по одиночкѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, сажали въ карету, гдѣ находились 2 жандармскихъ унтеръ-офицера и Соколовъ (alias „Иродъ", см. „Алексѣевскій равелинъ") и везли къ Невскимъ воротамъ, гдѣ ждалъ цѣлый рой синихъ мундировъ, нижнихъ чиновъ и самъ комендантъ Петропавловской крѣпости—Ганецкій. Высаживаемыхъ изъ кареты арестантовъ сейчасъ же хватали за руки два дюжихъ унтера и вели къ сходнямъ ковчега, гдѣ опять встрѣчала цѣлая толпа жандармовъ, подхватывавшая подъ руки и спускавшая по лѣстницѣ, внизу которой ждали уже новые церберы, которые быстро тащили каждаго въ назначенный ему чуланъ.—Путешествіе это столь оригинально, что заслуживало бы болѣе подробнаго описанія... Процедура эта занимала очень много времени, и ковчегъ тронулся въ путь часовъ въ 7 утра и тащился до Шлиссельбурга часовъ 8.

По прибытіи, столь же торжественнымъ образомъ, начиналась высадка и препровожденіе въ тюрьму, само собою разумѣется, поодиночкѣ, что заняло не мало времени. Когда меня вывели на палубу, я замѣтилъ... [3]) надпись „Государева", группу какихъ-то штатскихъ, среди которыхъ, какъ я потомъ узналъ, былъ и самъ графъ Д. А. Толстой. Каждаго изъ насъ отъ воротъ до самой камеры сопровождало множество жандармовъ. Введя въ камеру, снимали наручники и производили самый тщательный обыскъ, раздѣвъ до гола. Затѣмъ, дверь захлопывали, и вся эта орда отправлялась на пристань за новыми заключенными.

На другой день выводили на дворъ тюрьмы, гдѣ была поставлена наковальня и находился кузнецъ (одинъ изъ шлиссельбургскихъ жандармовъ) съ молотомъ и зубиломъ.

Тюрьма была совершенно новая, съ иголочки, и имѣла весьма щеголеватый видъ: все блеститъ, все лоснится, нигдѣ ни соринки, ни пылинки, но я, право, предпочиталъ допотопныя камеры Алексѣевскаго равелина, съ которыми я сжился, съ которыми было связано столько личныхъ и историческихъ воспоминаній. Эта офиціальная чистота и однообразіе носили такой казарменный, монотонный характеръ, что не могли изгладить мысли, невольно возникавшей въ головѣ каждаго: „это мой гробъ!"...

---

[1]) Шлиссельбургъ.
[2]) Изъ Алекс. рав. Петр. крѣп.
[3]) Не разобрано нѣсколько.

Бѣлье было изъ той же убійственной дерюги, какую мы носили въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Только послѣ 3—4-й стирки оно становилось удобоносимо и не рѣзало, не кололо тѣла. Платье было обычное, арестантское, изъ сермяжнаго сукна самаго низшаго достоинства (шапка, армякъ, куртка, штаны), которое очень мало защищало и отъ холода, и отъ сырости. Я сказалъ „обычное" арестантское платье, но скорѣе бы нужно было сказать „необычное". До 1888 г. насъ одѣвали въ какіе-то шутовскіе костюмы: на шапкѣ были вшиты крестъ-на-крестъ двѣ черныя полосы, а у сѣрой куртки вшиты черные рукава. Говорили мнѣ, что такой костюмъ гдѣ-то полагается носить „отцеубійцамъ".—Не пришили ли эти черные рукава по мысли Петра Николаевича Дурново, чтобы дать почувствовать весь ужасъ 1 марта, всю глубину преступности людей, лишившихъ жизни отца русскаго народа?...

Постельное бѣлье было тонкое, какъ и въ Алексѣевскомъ равелинѣ, одѣяло байковое, новое, совершенно приличное. Въ камерѣ оказалась, сверхъ ожиданія, вещь, считающаяся необходимой въ человѣческомъ обиходѣ, а именно—кусокъ *мыла*, котораго намъ не давали въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а затѣмъ, вскорѣ явился новый, пріятный сюрпризъ: часа въ 4 мнѣ дали кружку *чаю* и кусокъ *сахару*. Почти два года я его не пилъ,—этой роскоши въ Алексѣевскомъ равелинѣ не полагалось,—и для меня было большимъ наслажденіемъ умыться по-человѣчески, съ мыломъ, и выпить потомъ горячаго и крѣпкаго чаю, который въ первый разъ оказалъ на меня очень сильное дѣйствіе: достаточно было одной кружки, чтобы вызвать сердцебіеніе и большую испарину.

Нашей тюрьмой завѣдывало жандармское Управленіе Шлиссельбургской крѣпости, состоявшее изъ начальника управленія (комендантъ), въ то время [1]) полковника Покрошинскаго; старшаго помощника (смотритель),—капитана Соколова [2]), и младшаго помощника (экономъ), поручика Яковлева,—нынѣ (въ 1902 г.) уже полковникъ и комендантъ Шлиссельбургской крѣпости...

...Шлиссельбургская крѣпость находится на небольшомъ островѣ, лежащемъ у истока Невы изъ Ладожскаго озера, что представляетъ, такимъ образомъ, удобство въ смыслѣ изоляціи государственной тюрьмы, какое трудно найти при иныхъ условіяхъ. Сообщеніе съ городомъ совершается на катерѣ, стоящемъ не у крѣпости, а у городской пристани. Катеръ ходитъ въ опредѣленные часы, а въ случаѣ какой-либо экстренной надобности вызывается сигнальнымъ флагомъ. Зимой сообщеніе совершается по льду, но рукавъ Невы между крѣпостью и городомъ имѣетъ столь быстрое теченіе, что не замерзаетъ иногда всю зиму. Во всякомъ случаѣ сообщеніе по льду продолжается не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году, да и тогда сношенія крѣпости съ внѣшнимъ міромъ подвергаются строгому и бдительному контролю.

Какъ я уже сказалъ выше, крѣпость и находящаяся въ ней тюрьма находится въ вѣдѣніи жандармскаго управленія Шлиссельбургской крѣпости, которое состоитъ изъ: 1) начальника управленія (комендантъ), 2) старшаго помощника (смотритель), 3) младшаго помощника (экономъ), 4) начальника команды и 5) помощника начальника команды младшаго офицера.

Два послѣднихъ офицера не имѣли никакого отношенія къ заключеннымъ, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, при отсутствіи обоихъ

---

[1]) Въ 1884 году.

[2]) Онъ же, по прозванію заключенныхъ, „Иродъ", бывшій смотритель Алексѣевскаго равелина и переведенный вмѣстѣ съ заключенными въ Шлиссельбургскую крѣпость въ 1884 г. Прозваніе свое получилъ за жестокое обращеніе и безсердечіе. Уволенъ отъ должности послѣ самосожженія Мих. Фед. Грачевскаго, облившаго себя керосиномъ изъ лампы въ октябрѣ 1887 года въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости.

помощниковъ коменданта, одинъ изъ нихъ,—обыкновенно, младшій офицеръ,—временно назначался въ тюрьму.

Первыя три лица составляютъ тюремный комитетъ, на засѣданія котораго могутъ быть приглашены врачъ и священникъ, но лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Въ сущности, всѣми дѣлами вѣдаетъ начальникъ управленія, а прочія лица являются лишь исполнителями.

Докторъ, носящій званіе старшаго врача шлиссельбургскаго жандармскаго управленія, живетъ въ крѣпости, но священникъ живетъ въ городѣ, откуда и призывается для совершенія службъ въ крѣпостной церкви, куда заключенные доступа не имѣютъ. Одно время былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ церкви гдѣ-нибудь въ предѣлахъ тюремной территоріи, спеціально для заключенныхъ; стали было даже составлять планы и чертежи, но такъ какъ изъ заключенныхъ не нашлось ни одного охотника ходить въ церковь, и постройка послѣдней явилась бы поэтому несообразной, то проектъ этотъ былъ отложенъ.

Кромѣ врача имѣется и фельдшеръ, но больницы нѣтъ, да въ сущности, вся тюрьма, особенно въ старые годы, представляла изъ себя больницу, такъ какъ изъ заключенныхъ нѣтъ ни одного вполнѣ здороваго человѣка...

Пѣшая жандармская команда, числомъ около 110 человѣкъ, занимаетъ лишь внѣшніе посты и не имѣетъ прямого отношенія къ заключеннымъ. Часовымъ вмѣнено въ обязанность слѣдить со стѣнъ за заключенными во время гулянья, главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы надзиратели не вели разговоръ съ заключенными, и о всемъ, что имъ покажется подозрительнымъ, они докладываютъ своему начальству. Вообще система взаимнаго наблюденія и шпіонство доведены въ крѣпости до крайнихъ предѣловъ, иногда даже становится въ противорѣчіе съ понятіями о воинской чести и дисциплинѣ. Строго, напр., соблюдается правило, чтобы никто не могъ говорить съ заключенными съ глазу на глазъ. При посѣщеніи доктора должны присутствовать два унтеръ-офицера; смотритель говоритъ съ заключенными обязательно въ присутствіи вахмистра и офицера изъ дежурныхъ; начальникъ управленія приходитъ вмѣстѣ съ смотрителемъ и, конечно, съ вахмистромъ и съ кѣмъ-нибудь изъ унтеровъ.

Такой порядокъ вещей, когда нижнему чину вмѣняется въ обязанность слѣдить за своимъ начальникомъ, офицеромъ, и доносить обо всемъ, что ему, солдату, покажется нарушающимъ долгъ службы, дѣйствуетъ деморализующе.

Однажды унтеръ-офицеръ Блиновъ взялъ за рукавъ штабъ-ротмистра Степанова со словами: „ваше б—діе, пожалуйте изъ камеры!“ когда этотъ послѣдній, зайдя къ Сергѣю Иванову, завелъ съ нимъ разговоръ о постороннихъ предметахъ и назвалъ одного изъ товарищей не нумеромъ, а по фамиліи.

Изъ числа нижнихъ чиновъ пѣшей команды, 7 составляютъ нестроевую команду. На обязанности этихъ солдатъ лежитъ приготовленіе пищи на арестантской кухнѣ, топка печей въ старой и новой тюрьмахъ, уборка тюремъ и тюремнаго двора и другія хозяйственныя работы.

Тюремными надзирателями служатъ унтеръ-офицеры. Старшій изъ нихъ—вахмистръ—обязанъ присутствовать въ тюрьмѣ все время, съ утра до ночи, остальные дежурятъ по 9 человѣкъ въ день. Изъ числа унтеровъ, трое (унтеръ-офицеръ, завѣдующій работами, унтеръ-офицеръ, завѣдующій кухней, и вахтеръ)—не ходятъ на дежурства и назначаются лишь въ случаѣ крайней необходимости.

Всѣ унтера получаютъ очень хорошее жалованье (30 руб., а вахмистръ 35 руб., при казенной квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи, обмундированіи), крайне дорожатъ своимъ мѣстомъ и принимаются на службу съ большимъ разборомъ. Всѣ они или служили раньше и подолгу въ жандармскомъ управленіи или (большею частью) пробыли предварительно нѣсколько лѣтъ унтерами въ пѣшей командѣ.

Кошмаръ.

Сыро, пасмурно, дождь моросить цѣлый день,
Наводя отупѣнье и скуку.
Я не въ силахъ читать, даже думать мнѣ лѣнь,
Даже трудно подвинуть мнѣ руку,

Я упорно на тучи гляжу, что висятъ
Низко, низко надъ самой землею,
А въ душѣ у меня смутныхъ образовъ рядъ
Проторенной проходятъ стезею;

И не знаю я самъ, что творится во мнѣ:
Вспоминаю ли снова былое?
Иль грядущаго тѣни въ нѣмой тишинѣ.
Омрачаютъ сознанье больное?

Только чувствую я, что даетъ въ немъ ростокъ
Горькихъ думъ ядовитое сѣмя,
И угрюмыхъ, туманныхъ видѣній потокъ
Давитъ грудь, какъ свинцовое бремя.

Я не въ силахъ словами тоску передать,
Тотъ болѣзненный рядъ ощущеній,
Что имѣетъ зловѣщую власть—вызывать
Появленье постылыхъ видѣній...

Въ чемъ ихъ сущность—понять я не могъ,
И не разъ становилось ужасно
Если чувствовалъ я, что мой умъ изнемогъ,—
Но старался постичь ихъ напрасно:

Такъ неясны, расплывчаты, смутны они,
Такъ безформенно ихъ колыханье,
Какъ сливается осенью въ тусклые дни
Сѣрыхъ тучъ въ небесахъ очертанье.

Иногда я страшусь: не схожу ли съ ума?
Что за призраки дикіе вижу?...
О, проклятая, душная. мглистая тьма!
Какъ я жгуче тебя ненавижу!

Но приходитъ пора, ты надвинулась вновь,
И, подкравшись ко мнѣ невидимкой,
Появленьемъ своимъ леденишь мою кровь,
Застилаешь сознаніе дымкой.

Я во власти твоей, цѣпенѣетъ мой умъ,
Сердце замерло, скованы руки.
Только слышу я вѣтра подавленный шумъ,
Иль дождя монотонные звуки.

Такъ проходятъ минуты, проходятъ часы,
И сильнѣе все крѣпнетъ желанье,
Чтобы время фатальнымъ ударомъ косы
Пересѣкло и жизнь, и страданье!...

П. С. Поливановъ.

Шлиссельбургская крѣпость.
1899 г.

Памяти Л. А. Волкенштейнъ.

Жить для другихъ и умереть за другихъ—завидная доля!

10-го января во Владивостокѣ, во время волненій среди матросовъ, была убита Людмила Александровна Волкенштейнъ. Не розами была усѣяна жизненная дорога покойной Л. А., она была полна страданій, лишеній и душевныхъ мукъ за обиженныхъ и обездоленныхъ. Личная жизнь сулила ей личное счастье и лучшую долю, но она избрала житейскіе терніи. Она отказалась отъ счастія, довольства и роскоши, потому что не могла видѣть, какъ страдаютъ, голодаютъ милліоны тѣхъ, которые создаютъ эту роскошь и блескъ, а сами гибнутъ въ невѣжествѣ, нищетѣ и безправіи. На борьбу съ этимъ вопіющимъ зломъ она отдала всѣ свои силы, свою жизнь. 16 лѣтъ Л. А. была уже въ гимназическомъ кружкѣ въ Кіевѣ, мечтая о томъ, какъ, кончивъ гимназію и изучивъ фельдшерство, отправится въ деревню облегчать страданія крестьянъ, займется мирной проповѣдью гуманныхъ идей. По натурѣ Л. А. никогда не была террористкой. Ея нѣжное сердце, чуткая душа боялась крови. Но уродливыя общественныя условія, жестокія гоненія постоянно толкали ее на этотъ путь. Чрезъ нѣсколько лѣтъ ея прекрасныя мечты о мирной, культурной работѣ были разбиты преслѣдованіями и принудили переѣхать въ г. Харьковъ, гдѣ она поселилась въ качествѣ хозяйки конспиративной квартиры. Предательство Гольденберга заставило ее покинуть Россію и переселиться во Францію. Проживъ почти 3 года за границей, она снова вернулась на родину, думая отдаться работѣ, отъ которой оторвала ее суровая дѣйствительность. Но и въ этотъ разъ благому порыву не суждено было осуществиться. Въ спискѣ лицъ, подлежащихъ преслѣдованію и травлѣ, стояло и ея имя, департаментъ «слова и дѣла» подстерегалъ ея возвращеніе, чтобы съ неумолимой жестокостью отмстить, и она была арестована въ С.-Петербургѣ въ 83-мъ году. Военный судъ приговорилъ ее къ смерти, замѣненной 15 л. каторгой, но администрація, найдя этотъ приговоръ слишкомъ гуманнымъ, отправила ее въ Шлиссельбургскую крѣпость. О томъ, какъ жилось въ этой крѣ-

ности, въ этой живой могилѣ, писала и сама Л. А. Но и здѣсь она оставалась вѣрной себѣ, и здѣсь, несмотря на жестокій режимъ, который могъ убить въ человѣкѣ все человѣческое, Л. А. сохранила и свою чуткость, и отзывчивость, и гордость благороднаго узника. Никакихъ колебаній, никакихъ жалобъ не вызывали въ ней тюремныя невзгоды и притѣсненія. Она всегда вступалась за другихъ, какъ только узнавала о несправедливостяхъ тюремщиковъ къ другимъ, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ тюремныхъ протестахъ, не останавливаясь ни предъ какими лишеніями. Вмѣстѣ съ В. Н. Фигнеръ онѣ подняли протестъ о допущеніи свиданій для всѣхъ заключенныхъ товарищей, отказавшись отъ такихъ льготъ, пока требованіе ихъ не будетъ удовлетворено, и такимъ образомъ, лишили себя свиданій до 89 г. Позже, когда генералъ Шебеко, посѣтивъ тюрьму, наговорилъ дерзостей нѣкоторымъ изъ товарищей и явился вторично къ Л. А. съ сообщеніями о матери,—грубый администраторъ расчитывалъ поиграть на дорогомъ, святомъ чувствѣ и тѣмъ загладить свою дикую выходку, зная, какъ дороги были для каждаго изъ узниковъ извѣстія о родныхъ, дорогихъ лицахъ,—она отказалась выслушать его и почти выгнала изъ камеры.

Въ ноябрѣ 96 года къ нѣкоторымъ изъ товарищей, въ томъ числѣ и къ Л. А., былъ примѣненъ манифестъ. Л. А. приняла его съ такою грустью, съ такою болью, что многіе опасались за нее.

— Нѣтъ, я что-нибудь сдѣлаю, чтобы остаться здѣсь. Я не могу: однихъ увозятъ, другихъ оставляютъ здѣсь,—говорила она.

— Пусть хоть кто-нибудь выйдетъ, чѣмъ всѣмъ погибать,—возражали ей друзья.

— Но не я. Я не могу. Это несправедливо.

— Тебя все равно не оставятъ, силою увезутъ.

Стоило не мало труда отговорить ее отъ попытки остаться. Все время въ ожиданіи увоза, Л. А. чувствовала себя какъ бы измѣнницей своимъ товарищамъ, какъ будто ея увозъ совершался по ея волѣ, по ея желанію.

— Живя здѣсь съ нами,—ты никому никакой пользы не принесешь, а только отягчишь наше сознаніе. Тамъ же, въ ссылкѣ, можешь быть полезной, можешь работать, помогать,—убѣждали ее товарищи.

И дѣйствительно, очутившись на Сахалинѣ, среди уголовныхъ поселеній, гдѣ царилъ административный произволъ, жестокости и развратъ, она нашла примѣненіе своимъ силамъ. Здѣсь Л. А. отдалась любимому своему занятію—фельдшерству и скоро пріобрѣла любовь поселенцевъ не столько, можетъ быть, своей медицинской помощью, сколько заступничествомъ за обиженныхъ. Вотъ какъ она характеризовала окружающія условія въ одномъ изъ писемъ.

«Уже второй годъ живу здѣсь, фельдшерствую. Больныхъ много, но больные страдаютъ не столько отъ болѣзней, сколько отъ жестокостей администраціи. Здѣсь каждый сторожъ, надзиратель—и царь и богъ по своей власти, и дикій звѣрь по своей безсердеч-

ности, неумолимости. Малѣйшій проступокъ уголовныхъ наказывается розгами; а знаешь, что значитъ здѣсь проступокъ? Понравится жена уголовнаго какому-нибудь «сторожу», вотъ и проступокъ. Не проходитъ у меня дня безъ исторій. Ведемъ съ А. А. (мужъ Л. А.) отчаянную борьбу съ начальствомъ. Стараемся уговаривать, доказывать. Какъ бываешь счастлива, когда удастся кого-нибудь освободить отъ тѣлеснаго наказанія! Уголовные здѣсь тоже не мало испорчены. Но порчу эту я всецѣло приписываю администраціи: она крайне несправедлива, черезчуръ жестока и своевольна. Страшно устаю, задыхаюсь въ этой ненормальной атмосферѣ. Хотѣлось бы отдохнуть. Скоро, можетъ быть, переведутъ въ Александровскій постъ». Но не на радость было это перемѣщеніе. Здѣсь условія оказались еще хуже: почти каждый день кого-либо изъ уголовныхъ наказывали розгами и истерзанныхъ арестантовъ приносили въ больницу, гдѣ служила Л. А. Въ Александровскомъ посту, какъ въ центрѣ острова, жестокость администраціи концентрировалась, проявляясь въ самыхъ широкихъ и безпощадныхъ формахъ; она до глубины души возмущала Л. А. И здѣсь началась борьба съ администраціей, жившей традиціями варварскихъ временъ, смотрѣвшей на уголовныхъ, какъ на предметы, о которые и можно и должно измочалить розги. Сахалинская администрація, бичуя спины несчастныхъ уголовныхъ, въ преступленіяхъ которыхъ она была виновата, можетъ быть, больше, чѣмъ уголовные, бичевала въ то же время благородную, самотверженную душу Л. А. Освободивъ ее изъ шлиссельбургскаго склепа, мстительное правительство показало ей жизнь въ самомъ ужасномъ разнообразіи сахалинскихъ порядковъ. Даже средневѣковые нравы были человѣчнѣе.

«Наконецъ-то я переѣзжаю съ Сахалина во Владивостокъ,—писала Л. А.: какъ я рада, что освобожусь отъ здѣшнихъ ужасныхъ, раздирающихъ душу картинъ. Не буду видѣть изсѣченныхъ до мяса спинъ, почернѣвшихъ отъ боли лицъ. Это что-то нечеловѣческое. Поздравь меня, В..! Я измучилась. Пора отдохнуть, силъ нѣтъ продолжать такую жизнь». Это письмо было какимъ-то сплошнымъ воплемъ измученнаго добраго сердца, сердца, полнаго любовью къ людямъ, сочувствіемъ къ ихъ страданіямъ и горю, это письмо было въ то же время полно надеждъ, что близокъ конецъ душевнымъ мукамъ, скоро настанетъ отдыхъ. Но русскія темныя силы могли дать этотъ желанный отдыхъ, только пославъ его съ солдатской пулей.

Отдыхай, милый другъ! Добрая память, товарищъ-страдалецъ! Въ могилѣ не коснется, не нарушитъ твоего тихаго отдыха жестокая рука земныхъ владыкъ, гонителей всего свѣтлаго, разумнаго! человѣческаго!..

В. Панкратовъ.

Рѣчь Н. Ф. Бунакова, произнесенная имъ 26 августа 1902 г. въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ с.-х. промышленности.

Рѣчь Н. Ф. Бунакова и обрушившіяся на него въ ея результатѣ репрессіи должны быть сохранены въ памяти потомства въ качествѣ яркой иллюстраціи самодержавнаго режима Плеве. Рѣчь эта,—какъ читатель можетъ убѣдиться самъ,—рѣчь въ высшей степени «умѣренная», ничего «возбуждающаго» въ себѣ не заключающая и лишь рисующая правдивыми красками то положеніе Россіи, до котораго довело ее безконтрольное хозяйничанье ея правителей. Притомъ же рѣчь эта была произнесена въ учрежденіи, созданномъ по иниціативѣ самого правительства, произнесена не «увлекающимся юношей», а почти семидесятилѣтнимъ старцемъ, знаменитымъ педагогомъ и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, ни въ чемъ, «неблагонадежномъ» рѣшительно ни въ чемъ въ теченіе всей своей долголѣтней жизни «незамѣченнымъ». И что же? Вняло ли правительство голосу одного изъ самыхъ несомнѣнныхъ «людей земли?» Вняло, но по своему: по телеграммѣ Плеве, въ квартиру Бунакова явилась полиція, произвела обыскъ и, хотя ничего «предосудительнаго» при этомъ обнаружено не было, схватила старца, отобрала у него паспортъ, снабдила арестантскимъ «проходнымъ свидѣтельствомъ» и, подъ угрозою отправки въ Петербургъ съ жандармами, предписала немедленно отправляться туда и предстать предъ ясныя очи департамента полиціи. Въ Петербургѣ съ Бунакова жандармы «сняли допросъ», а чрезъ нѣсколько дней ему отъ Плеве «вышло рѣшеніе»—отправляться въ административную ссылку въ Новгородскую губернію подъ гласный надзоръ полиціи на три года. Мѣра эта была затѣмъ замѣнена ссылкою Бунакова подъ надзоръ полиціи въ его собственный хуторъ Петино (въ Воронеж. губ.). Въ хуторѣ этомъ были немедленно закрыты образцовая народная школа и народный театръ—плоды многолѣтнихъ заботъ и трудовъ Бунакова на нивѣ народнаго просвѣщенія. Лишенный любимыхъ занятій, потрясенный всѣмъ пережитымъ и окончательно разбитый физически, старецъ болѣлъ, хирѣлъ и тоско-

валъ. Просьбы его о переводѣ въ губернскій городъ встрѣчали со стороны властей постоянные отказы. Наконецъ, черезъ два года, т. е. уже тогда, когда вмѣсто Плеве судьбами Россіи управлялъ Святополкъ-Мирскій, Бунакову было разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ для совѣта съ врачами, но было уже поздно: едва прибывши въ Петербургъ, Бунаковъ скончался...

Рѣчь его разошлась въ свое время по Россіи «нелегально» въ значительномъ количествѣ, напечатапа опа была и заграницею, но не по первоисточнику. Мы печатаемъ ее по стенографической записи, поправки на которой сдѣланы рукою самого Н. Ф. Бунакова.

Вотъ эта рѣчь: *Ред.*

„Я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о предлагаемыхъ намъ занятіяхъ съ общей точки зрѣнія, но сказать искренно, откровенно, думаю, что именно это и нужно въ настоящее время. Просматривая программу возложенныхъ на уѣздные комитеты занятій, я прежде всего вижу въ этой программѣ почти исключительно частные практическіе вопросы о тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ для поднятія въ Россіи погибающей сельско-хозяйственной промышленности. Изъ этого списка, изъ этого ряда вопросовъ, болѣе или менѣе детально обнимающихъ всѣ стороны сельско-хозяйственной промышленности, видно, что у насъ, наконецъ, сознали печальное положеніе этой промышленности и предвидятъ его угрожающіе результаты, но, къ сожалѣнію, безъ достаточнаго вниманія относятся къ причинамъ, вызвавшимъ это положеніе. А это очень жаль, потому что безъ устраненія этихъ причинъ никакими частными мѣропріятіями нельзя поправить дѣла и предупредить надвигающіяся грозныя послѣдствія его современнаго положенія. Вѣдь упадокъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи только одинъ изъ многихъ симптомовъ общей отсталости нашего отечества отъ другихъ странъ, т. е. явленіе не самостоятельное, а необходимо вызванное общимъ неудовлетворительнымъ строемъ русской жизни, государственной и общественной, чуждымъ всей Европѣ, кромѣ развѣ Турціи: полное безправіе личности, подавленность всѣхъ общественныхъ силъ, отсутствіе свободнаго слова и независимой печати, антагонизмъ, даже вражда и взаимное недовѣріе сословій, административный произволъ, стоящій выше суда, общій застой, жалкое положеніе школы и ужасающее невѣжество народной массы. Болѣе четверти вѣка мы упорно стоимъ на одномъ мѣстѣ, а то и пятимся назадъ, и это въ то время, когда вокругъ насъ все и всѣ стремительно идутъ впередъ и впередъ по пути освобожденія личности, расширенія общественной самодѣятельности, просвѣщенія и очеловѣченія народныхъ массъ. При этомъ общемъ стремительномъ движеніи впередъ уже и стояніе на одномъ мѣстѣ равносильно движенію назадъ.

Общій застой русской жизни, какъ понятно само собой, не можетъ не сопровождаться и обѣдненіемъ народа, и упадкомъ народной нравственности, и многими другими печальными явленіями, а между прочимъ, и упадкомъ сельско-хозяйственной промышленности. При такихъ условіяхъ думать и толковать о какихъ-то частныхъ мѣропріятіяхъ, въ родѣ учрежденія сельско-хозяйственныхъ инструкторовъ и коопераций, опытныхъ полей, укрѣпленія овраговъ и т. п.,—дѣло безплодное, скорѣе вредное, нежели полезное, п. ч. оно будетъ только отводить глаза, отвлекать вниманіе отъ настоящаго дѣла. Это все равно, какъ если бы какой-нибудь домовладѣлецъ, у котораго пришелъ въ полный упадокъ его домъ, и не сегодня, такъ завтра долженъ свалиться, и пригласилъ бы спеціалистовъ обсудить, не поставить ли въ этомъ домѣ новыя петли къ дверямъ, новые замки, новыя стекла въ окна, пожалуй, новые ватерклозеты? Понятно, что честные спеціалисты на такое предложеніе отвѣтятъ: „чего тутъ толковать о замкахъ да о ватеръ-клозетахъ, когда домъ вашъ валится? Надо его разобрать, да строить за-ново“.

То же самое и въ нашемъ дѣлѣ: надо думать и толковать не объ инструкторахъ да опытныхъ поляхъ, а о коренномъ измѣненіи всего строя государственной и народной жизни. Что же слѣдуетъ дѣлать? На мой взглядъ, прежде всего необходимо немедленное возстановленіе въ полной мѣрѣ всѣхъ освободительныхъ начинаній, которыми ознаменовалась первая половина царствованія Императора Александра II, которыя остались незаконченными, а потомъ подвергались печальнымъ измѣненіямъ и урѣзкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хоть освобожденіе крестьянъ: развѣ оно было кончено? Что же это за освобожденіе безъ достаточнаго земельнаго надѣла, безъ гарантированнаго крестьянскаго самоуправленія, безъ благоустроенной народной школы, даже безъ избавленія отъ тѣлеснаго наказанія, унижающаго человѣческое достоинство освобождаемыхъ,—освобожденіе которое началось и продолжается до сихъ поръ безпощадными порками? Возьмемъ нашъ новый судъ. Что осталось въ немъ отъ того идеала...

Предсѣдатель (уѣздный предводитель дворянства И. Т. Алисовъ). Я прошу Васъ, Николай Федоровичъ, держаться ближе къ сельско-хозяйственной промышленности.

Н. Ф. Бунаковъ. Возьмемъ ли мы наши земскія учрежденія: какія черты истиннаго, а не призрачнаго самоуправленія сохранились въ настоящее время въ этихъ учрежденіяхъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, отданныхъ на растерзаніе безконтрольнаго административнаго произвола?

Предсѣдатель. Я, какъ предсѣдатель... Мнѣ приходится руководить преніями, потому прошу васъ не уклоняться.

Н. Ф. Бунаковъ. Затѣмъ столь же необходимо неотложное и послѣдовательное дальнѣйшее развитіе освободительныхъ начинаній Александра II въ смыслѣ полнаго проведенія ихъ въ жизнь въ законченномъ видѣ, въ смыслѣ полнаго освобожденія личности, слова, печати отъ полицейскаго надзора; въ смыслѣ возбужденія личной иниціативы и привлеченія свободныхъ общественныхъ силъ ко всѣмъ сторонамъ народной жизни, чтобы создалось у насъ истинное, а не призрачное самоуправленіе, чтобы создалась возможность двинуться впередъ. Тогда у насъ поправится сама собой и сельско-хозяйственная промышленность. Пока мы рѣшительно и безповоротно не двинемся впередъ въ этомъ направленіи, до той поры честнымъ русскимъ людямъ приходится уклоняться отъ всякихъ совѣщаній о разныхъ частныхъ мѣропріятіяхъ и оставаться въ безотрадномъ положеніи молчаливыхъ зрителей постепеннаго, но неизбѣжнаго обѣднѣнія и увяданія отечества. Это очень тяжело, очень грустно; но что же дѣлать? Какъ въ старину говаривали русскіе люди: „противъ рожна трудно прати“. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать“.

Нелишнее разъясненіе.

М. К. Лемке въ статьѣ «Дѣло М. И. Михайлова («Былое» № 1), основываясь на показаніяхъ Михайлова, видимо, въ нѣкоторомъ недоумѣніи отъ моего сообщенія (см. «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 330), что прокламація къ «Молодому поколѣнію» написана Н. В. Шелгуновымъ, что Михайловъ только отпечаталъ ее въ Лондонѣ въ количествѣ 600 экз. и провезъ въ Россію, заклеенною въ дно чемодана. Свѣдѣніе это взято мною изъ записки самого Шелгунова объ обстоятельствахъ, касающихся начала 60-хъ годовъ. Эту записку я получилъ въ 1901 г. отъ Н. К. Михайловскаго. Разсказъ Шелгунова даетъ ключъ къ разъясненію словъ Михайлова, что «онъ (Михайловъ) принялъ на себя много лишняго». Надо принять во вниманіе, что даже въ своихъ запискахъ Михайловъ не могъ сказать всей правды, вѣдь Шелгуновъ былъ живъ и даже находился въ административной ссылкѣ.

На основаніи словъ Шелгунова же я въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 333) говорю, что Герценъ не одобрилъ прокламацію къ «Молодому поколѣнію» и въ предпріятіи никакого участія не принималъ. Значитъ, и въ этомъ случаѣ показанія Михайлова на соучастіе Герцена и Огарева въ редакціи прокламаціи было сдѣлано въ цѣляхъ сколь возможно далѣе отвести подозрѣніе отъ дѣйствительнаго соучастника въ его предпріятіи.

Я не говорилъ, что всѣ 600 экз. были провезены Михайловымъ, а со словъ Шелгунова отмѣтилъ только, что прокламація была *отпечатана* въ этомъ числѣ экземпляровъ. Отъ себя позволю лишь прибавить: несомнѣнно, разсказъ Михайлова, какъ онъ лично развозилъ прокламацію, есть чистая фантазія, съ цѣлью скрыть слѣды участниковъ въ этой операціи. Прокламація между молодежью была распространена при посредствѣ одного студента, близкаго къ Михайлову; въ литературныхъ кругахъ (главнымъ образомъ, въ кружкѣ «Современника»), конечно, она раздавалась непосредственно Михайловымъ и т. д. Такъ какъ къ «Молодому поколѣнію» была первая прокламація, то никто по невѣдѣнію тогдашнихъ законовъ не видѣлъ въ ней чего-нибудь особенно опаснаго;

ее открыто передавали изъ рукъ въ руки и читали въ смѣшанномъ обществѣ. Только послѣ ареста Михайлова, особенно послѣ ареста Обручева, узнали, чѣмъ можетъ грозить (каторгой) распространеніе прокламацій хотя бы въ одномъ экземплярѣ. Въ параллель показанію Михайлова, что имъ было ввезено только 250 экз., могу сказать, что прокламація была замѣтно распространена не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи; по крайней мѣрѣ, въ самой тогда глухой Вологдѣ она имѣлась въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Пользуюсь случаемъ и сообщаю (съ автографа, у меня имѣющагося) первоначальную редакцію перевода М. И. Михайлова изъ Гейне «Брось свои иносказанья».

Л. Пантелѣевъ.

Изъ Гейне.

Брось свои иносказанья
И гипотезы святыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? иль волѣ Бога
На землѣ не все доступно?
Или онъ играетъ нами?...
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это, полно?

М. Михайловъ.

Историческая библіографія.

Собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова. Т. I., изд. редакціи «Освобожденія». Парижъ. 1905 года.

Къ числу вопросовъ, вызывающихъ и въ настоящее время особенно много недоразумѣній, конечно, принадлежитъ вопросъ о національной автономіи и о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго государства, въ его недѣлимомъ цѣломъ, ко всѣмъ, входящимъ въ составъ его, областямъ и народностямъ. Въ Россіи этотъ вопросъ имѣетъ особенно важное политическое значеніе въ виду многочисленности и разноплеменности составляющихъ ее частей. Но какъ ни сложенъ этотъ составъ, какъ ни далеки другъ отъ друга по своему культурному развитію народы-кочевники и звѣроловы восточной и сѣверной Россіи отъ промышленныхъ и политически развитыхъ народностей на ея западѣ и югѣ—ихъ дальнѣйшая политическая жизнь, ихъ нормальное развитіе и самая возможность ихъ объединенія—стоятъ въ прямой зависимости отъ правильнаго разрѣшенія вопроса о національной автономіи и о мѣстномъ самоуправленіи. Полная децентрализація всего управленія—вотъ первое условіе дальнѣйшей нормальной жизни всей Россіи; въ ней самый прочный залогъ ея спокойствія, ея прогресса; въ ней же и гарантія противъ постоянно грозящихъ ей теперь періодическихъ революцій и смѣняющихъ ихъ реакцій. А между тѣмъ, какъ мало еще даже въ средѣ самыхъ образованныхъ людей Россіи лицъ, которыя сознаютъ всю законность требованій децентрализаціи и все зло, порождаемое централизмомъ.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія въ печати сочиненій извѣстнаго украинскаго ученаго и публициста М. П. Драгоманова, освѣщающаго національный вопросъ въ Россіи съ надлежащей научной широтой и объективностью. Имя Драгоманова долго замалчивалось въ нашей научной и публицистической печати, отчасти въ силу цензурныхъ условій, отчасти именно благодаря

тому равнодушію къ вопросу о правахъ отдѣльныхъ народностей и областей, какимъ отличались въ большинствѣ случаевъ наша пресса и наше общественное мнѣніе. Теперь, черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти талантливѣйшаго политическаго украинскаго писателя, историческія событія выдвинули на первый планъ тѣ самыя идеи демократическаго государственнаго строя Россіи, какимъ служилъ всю свою жизнь Драгомановъ. Тогда, когда въ защиту народной независимости непосредственно звучалъ его голосъ,—онъ оставался совершенно одинокъ: никто его не слушалъ,—сами земляки Драгоманова, сама Украйна—одна изъ областей Россіи, наиболѣе страдавшая и до сихъ поръ страдающая отъ непризнаванія правъ націй—оставалась глуха къ убѣжденному слову своего талантливаго защитника. Конечно, это одиночество вливало много горечи въ и безъ того безотрадную жизнь писателя-эмигранта, но Драгомановъ не боялся быть, какъ онъ самъ выражался, «не въ модѣ»; онъ всегда отличался необыкновенной независимостью мысли и непоколебимой убѣжденностью. Читая теперь его статьи, каждый невольно проникается ясностью его доводовъ, и кажется, что они высказаны не 15—20 лѣтъ тому назадъ, а прямо относятся къ переживаемому нами историческому моменту. Сложность этого момента давно предвидѣлась Драгомановымъ и ему ясна была наша неподготовленность къ разрѣшенію лежащей и теперь передъ нами громадной политической задачи.

Имя Драгоманова въ нашей политической литературѣ должно стоять рядомъ съ именемъ Герцена, хотя они принадлежатъ къ разнымъ общественнымъ эпохамъ, отдѣленнымъ одна отъ другой десятками лѣтъ. Свѣтлыя мысли этихъ писателей, такъ долго недоступныя громадному большинству русской читающей публики, только теперь могутъ оказать свое образовательное и облагораживающее вліяніе

Съ этой точки зрѣнія особенное значеніе получаетъ недавно вышедшій первый томъ «Полнаго собранія политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова», изданный по инціативѣ и на средства украинцевъ-демократовъ въ Парижѣ редакціей «Освобожденія». Въ этомъ первомъ томѣ появились цѣнныя сочиненія М. П. по вопросу о государственномъ строѣ Россіи—а именно: его «Опытъ украинской политико-соціальной программы» и «Историческая Польша и великорусская демократія». Обѣ вещи написаны Драгомановымъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ—1881—1884 гг. Это не помѣшало французской газетѣ «l'Européen» [1]) разбирать эту программу, извѣстную больше подъ названіемъ «Вольный Союзъ», въ лѣтнихъ №№ 1905 г. и находить въ ней неотъемлемыя достоинства для практическаго примѣненія и въ наши дни.

Программа М. П. естественно складывается изъ его коренныхъ политическихъ убѣжденій, приложенныхъ къ политическому переустройству Украйны, А его политическіе взгляды подробнѣе всего

[1]) См. №№ 183—184 l'Européen 1905, статья La Chenais La „Vilna Spilka“.

изложенны въ «Исторической Польшѣ и великорусской демократіи», гдѣ онъ критикуетъ всѣ русскія политическія программы, начиная отъ Декабристовъ и кончая «Народной Волей», и указываетъ на главные ихъ недостатки: неправильность взгляда на существо государственнаго строя Россіи и централистическое направленіе, даваемое ими всему русскому революціонному движенію. Этотъ централизмъ, по мнѣнію Драгоманова, лишалъ движеніе жизненности, мѣшалъ ему демократизироваться въ массѣ разнородныхъ народностей. Для него было совершенно ясно, въ какомъ направленіи должна итти политическая реорганизація Россіи: «Для политическаго переворота,—писалъ Драгомановъ,—необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что эти интересы будутъ удовлетворены по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ «соединенія» массъ различныхъ національностей русскаго государства для борьбы за такую политическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи и каждой изъ ея сколько-нибудь оригинальныхъ мѣстностей» [1]).

Для Драгоманова не существуетъ «дѣйствительной политической свободы безъ децентрализаціи общинной, областной, національной»; онъ видитъ въ вопросѣ о правахъ національности «ту полезную сторону, что онъ разлагаетъ представленіе объ единообразіи состава населенія государства и не даетъ смѣшивать идею о народѣ (націи) съ идеею о государствѣ и, такимъ образомъ, наглядно подтверждаетъ необходимость децентрализаціи и установленія предѣловъ власти вообще». Кто говоритъ «политическая свобода, тотъ уже тѣмъ самымъ говоритъ и областная и національная независимость, иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ словъ» [2]).

Какъ ни ясны, однако, эти взгляды Драгоманова, они до сихъ поръ не для всѣхъ убѣдительны, а Драгоманову всю жизнь приходилось отстаивать ихъ во всѣхъ либеральныхъ и крайнихъ кружкахъ. Какъ при его жизни, такъ и теперь существуютъ группы и отдѣльные общественные русскіе дѣятели, готовые признать tant bien, que mal право Польши на автономію, которые рѣшаются считать поляковъ за народъ не русскій, а потому и могущій въ культурномъ и соціальномъ отношеній обособиться отъ русскихъ, но отъ признанія такихъ же правъ и за другими народностями Россіи многіе, очень многіе еще открещиваются.

Очень интересна критика Драгоманова такого уваженія историческихъ правъ Польши со стороны Герцена, какъ онъ выска-

---

[1]) Томъ I, стр. 309.
[2]) Тамъ же, стр. 253.

зывался о нихъ въ «Колоколѣ». Огромный умъ Герцена, при его широкой образованности и органической терпимости, конечно, руководилъ его политическими мнѣніями и направлялъ ихъ всегда къ справедливости. Въ силу этого онъ не могъ не признавать за Польшей неотъемлемаго права на совершенно независимое существованіе: «глубоко ненавидя всякую централизацію, — говорилъ Герценъ по поводу Польши,—я убѣжденъ, что соплеменныя федераціи даютъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ...

«Если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ» [1]).

Но приводя эти благородныя слова Герцена, Драгомановъ приводитъ, однако, и другія обнаруживающія въ Герценѣ недостаточно отчетливое пониманіе состава Русскаго государства и роковое отожествленіе всѣхъ народностей въ одномъ типѣ, единомъ по своимъ бытовымъ условіямъ и общественнымъ порядкамъ. Желая примѣнить къ Польшѣ начала справедливости, онъ упускаетъ изъ виду права тѣхъ народностей, которыхъ угнетала эта самая «историческая Польша». Правда, Герценъ болѣе мыслитель съ широкимъ политическимъ синтезомъ, чѣмъ практическій политическій дѣятель, и Драгомановъ, можетъ быть, не вполнѣ правильно уличаетъ его въ неотчетливости его представленій о настоящей «этнографической Польшѣ» и въ этомъ видитъ причину симпатій Герцена къ «исторической Польшѣ», жившей на началѣ подавленія входящихъ въ составъ ея народностей Литвы, Бѣлороссіи и Украйны. Во всякомъ случаѣ страницы, гдѣ украинскій демократъ споритъ съ великорусскимъ демократомъ за права этихъ подавляемыхъ такъ долго націй, написаны очень сильно и, выясняя необходимость отрѣшиться въ сложномъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ Польши, Россіи, Украйны, Литвы и Бѣлороссіи отъ всякихъ недоразумѣній, указываютъ на необходимость выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ «историческихъ» преданій и государственныхъ претензій, программу вполнѣ достойную освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы» [2]).

Драгомановъ глубоко скорбитъ, видя какъ революціонное движеніе Россіи и Польши съ 60-хъ годовъ все болѣе склонялось отъ автономной точки зрѣнія къ централистической, и ищетъ объясненія этого печальнаго явленія «въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербугской цивилизаціи».

Тѣмъ съ большимъ сочувстіемъ отмѣчаетъ Драгомановъ областную историческую школу, имѣвшую такихъ блестящихъ выразите-

---

[1]) Тамъ же, стр. 43.
[2]) Стр. 58.

лей областного начала, какъ Щаповъ и Костомаровъ; онъ съ благодарностью указываетъ на тонкую внимательность Пыпина ко всякой славянской народности. Отношеніе же Бѣлинскаго и Чернышевскаго къ негосударственнымъ націямъ Драгомановъ характеризуетъ поговоркой: «сытый голоднаго не разумѣетъ».

Драгоманова часто упрекали въ недостаточно-внимательномъ отношеніи къ соціальной сторонѣ освободительнаго движенія. Выставляя автономное начало областей и народностей главнымъ началомъ, способствующимъ освобожденію Россіи, Драгомановъ дѣйствительно выдвигалъ на первый планъ политическую государственную реформу. Это совершенно естественно вытекало изъ всего его міросозерцанія: для народныхъ массъ нужно прежде всего демократизировать правленіе, нужно фактически передать власть въ руки народа, освободить каждую территоріальную единицу отъ всякаго гнета централизма. Такова была основная политическая программа Драгоманова, и потому соціальныя реформы казались ему возможными не какъ теоретическія построенія той или иной партійной программы, а дѣломъ каждой народности, самостаятельной работой мѣстнаго самоуправленія, выполняемой самимъ населеніемъ, съ учитываніемъ всѣхъ особенностей быта и экономическихъ условій каждой данной территоріальной единицы.

Разбирая взгляды всей нашей революціонной прессы, Драгомановъ только въ очень немногихъ органахъ отмѣчаетъ правильное отношеніе къ вопросу о разнородности населенія Россіи и вытекающихъ изъ этого факта послѣдствіяхъ.

Такъ, останавливаясь на взглядахъ такихъ органовъ печати, какъ «Набатъ» и «Впередъ», Драгомановъ указываетъ, что оба они, признавая въ теоріи принципъ федерализма и необходимость національныхъ мѣстныхъ приспособленій для осуществленія интернаціональныхъ стремленій соціализма,—въ то же время, при постановкѣ вопроса о практическомъ осуществленіи этихъ началъ въ дѣйствительной жизни, обнаруживаютъ склонность къ рѣшенію его въ сторону централизма. У обоихъ органовъ печати сквозитъ желаніе создать какую-то общерусскую націю, единообразную въ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура».

Еще рѣшительнѣе въ пользу необходимости предоставленія полной свободы всѣмъ національностямъ высказалась женевская газета «Община», прямо назвавшая централистическую Россію «чудовищнымъ учрежденіемъ». «Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ,—говорилось въ ней,—другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живутъ подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому что именно надъ ними русскій становой; исчезнетъ становой, и всѣ эти народы будутъ предоставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются, это можетъ показать только практика» [1].

Но Драгоманова не удовлетворяли эти принципіальныя заявле-

---

[1]) Стр. 174.

нія: самое дѣло русской революціи оставалось централизованнымъ въ рукахъ великороссовъ, а украинцы, часто въ лицѣ самыхъ выдающихся даже своихъ дѣятелей, лишь пополняли кадры великорусскихъ партій, не организуя своихъ украинскихъ земляковъ въ тѣ или иныя собственныя прогрессивныя партіи, революціонная литература тоже оставалась великорусской за исключеніемъ двухъ—трехъ книгъ, изданныхъ на украинскомъ и др. языкахъ. Конечно, въ этомъ Драгоманову нужно скорѣе упрекать инертность своихъ земляковъ, но онъ понималъ, что для успѣха общаго революціоннаго движенія великорусскимъ организаціямъ нужно было бы серьезнѣе отнестись къ разноплеменному составу Русской земли.

Недостатокъ широкой образованности Драгомановъ тоже очень часто ставитъ въ упрекъ русскимъ вождямъ революціоннаго движенія и нѣсколько разъ сочувственно повторяетъ слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ и одного темперамента для вѣрнаго пониманія политическаго момента.

Много основательнаго и интереснаго найдетъ читатель въ обстоятельномъ разборѣ Драгоманова направленій нашихъ революціонныхъ организацій, хотя онъ и подходитъ къ нимъ, какъ будто съ одной только точки зрѣнія, но его критика освѣщена такимъ яснымъ умомъ и широкимъ пониманіемъ политическихъ вопросовъ, что въ его статьяхъ нѣтъ мѣста никакой односторонности или предвзятости. Не скрываемый же имъ никогда украинскій патріотизмъ, Драгомановъ самъ объясняетъ въ заключеніе своей талантливой статьи тѣмъ, что для него «положеніе украинскаго народа всего ближе и извѣстнѣе, и что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ болѣе всего типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ» [1]).

Еще интереснѣе, съ какой простотой и ясностью Драгомановъ предлагаетъ на дѣлѣ примѣнить до сихъ поръ еще для многихъ страшныя слова—автономія и федерація. Онъ разъясняетъ это въ своей извѣстной статьѣ (много разъ изданной отдѣльнымъ изданіемъ на русскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ языкѣ) «Вильна Спилка» или Вольный Союзъ—составляющей естественное продолженіе его статьи «Историческая Польша и великорусская демократія».

Эту послѣднюю онъ заканчиваетъ разсужденіями о томъ, какъ же, наконецъ, можетъ осуществиться желанное политическое освобожденіе Россіи. Практическій умъ Драгоманова никогда не удовлетворялся одними теоретическими разсужденіями, у него всегда складывалась вполнѣ жизненная программа и послѣдовательный планъ осуществленія ясно формулированныхъ требованій. Вотъ эту-то программу и планъ и даетъ намъ его «Вольный Союзъ». Вся основа его, конечно, федералистическая съ равноправностью всѣхъ народностей. Самымъ прочнымъ залогомъ для свободнаго развитія Россіи онъ признаетъ прочное мѣстное самоуправленіе. Вчитываясь въ об-

[1]) Стр. 251.

ширныя примѣчанія, сдѣланныя Драгомановымъ къ каждому пункту программы, невольно проникаешься тѣмъ абсолютно-демократическимъ началомъ, какое лежитъ въ основѣ предлагаемаго имъ самоуправленія. Собственно, подъ именемъ «Вольнаго Союза» Драгомановъ предлагаетъ землякамъ основать особое политическое украинское общество, которое задается цѣлью добыть свободу для населенія не только одной Украины, но и другихъ мѣстностей Россіи, сосѣднихъ съ нею. Кратко выраженныя, эти цѣли сводятся къ общегражданскимъ (права человѣка и гражданина—какъ необходимое условіе личнаго достоинства и развитія. Самоуправленіе, какъ основа для движенія къ соціальной справедливости) и частно-національнымъ (политическая свобода, какъ средство для возвращенія украинской націи въ семью націй культурныхъ).

Всѣ средства дѣйствія этого общества абсолютно этическія; Драгомановъ никогда не оправдывалъ никакого обмана населенія и требовалъ для «чистаго дѣла чистыхъ рукъ»; онъ не могъ согласиться съ распространеннымъ въ его время правиломъ: «цѣль оправдываетъ средства». Онъ слишкомъ высоко цѣнилъ личность человѣка, а тѣмъ болѣе революціонера, цѣльность его духовнаго существа, чтобы допускать въ его дѣятельности постоянные компромиссы и съ совѣстью и съ общечеловѣческой этикой. Для Драгоманова святость революціоннаго дѣла именно и требовала, чтобъ «чистое дѣло выполнялось чистыми руками».

При разъясненіяхъ Драгоманова всѣ его требованія самоуправленія не могутъ запугать самаго рѣшительнаго противника «автономіи». Онъ не увидитъ въ нихъ чего-то новаго,—вѣдь самоуправленія добивались и дворянскія собранія 1860—62 годовъ, разрабатывалось оно и земствами. Только самоуправленіе мелкихъ мѣстныхъ единицъ можетъ предохранить Россію отъ зла централизма, подтачивающаго народное благосостояніе при всякой формѣ правленія. Именно въ самоуправленіи общинъ, волостей, краевъ и областей Драгомановъ видитъ основу для образованія въ Россіи оригинальной «прогрессивной демократіи», которая была бы способна принять дѣловое участіе въ общей теперь всему цивилизованному міру работѣ надъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса».

Драгомановъ не вѣрилъ во внезапные перевороты: какъ историкъ онъ зналъ, что даже отдѣльные самые экстенсивные взрывы народнаго негодованія не измѣнятъ сразу формъ жизни. Онъ хотѣлъ объединить въ «вольные союзы» все сознательное населеніе и привести его къ самостоятельному высвобожденію новаго человѣка, новой жизни изъ ветхозавѣтныхъ рамокъ. Съ нимъ можно не соглашаться, но широта его политическаго синтеза и глубокое вдумчивое отношеніе къ человѣку, къ жизни, надолго сохранятъ жизненной его программу. Философская и историческая эрудиція его разъясненій придаютъ особый интересъ «Вольному Союзу»: онъ обосновываетъ практическія политическія задачи на широкихъ историческихъ основахъ и вводитъ ихъ въ органическую связь съ психологіей и міросозерцаніемъ той народности, для которой Драго-

мановъ съ далекаго чуждаго края и составлялъ свою программу. Теперь настало время украинцамъ съ благодарностью оцѣнить этотъ драгоцѣнный даръ своего лучшаго писателя-эмигранта. Парижское изданіе политическихъ сочиненій Драгоманова выяснитъ всю его даровитость и широту его ума и прекрасно покажетъ, какъ его горячій патріотизмъ, его безпредѣльная любовь къ Украйнѣ не помѣшали ему быть однимъ изъ величайшихъ европейскихъ ученыхъ, стоять на высотѣ міровыхъ вопросовъ науки и искусства и, оставаясь всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ Украинцемъ, своими трудами, своими умственными силами принадлежать всему человѣчеству.

Создаваемыя Драгомановымъ для его родного народа политическія программы, въ настоящій рѣшительный моментъ измѣненія всѣхъ устоевъ русской жизни, получаютъ интересъ и для всѣхъ сознательныхъ политическихъ дѣятелей, къ какимъ бы народностямъ они не принадлежали.

С. Русова.

Дѣла III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, Спб. Изд. И Балашова, 1906.

Въ этой книгѣ собраны всѣ или, по крайней мѣрѣ, всѣ извѣстныя до сихъ поръ дѣла, касающіяся такъ или иначе Пушкина и находящіяся въ бывшемъ архивѣ Третьяго Отдѣленія, что нынѣ архивъ департамента полиціи. Эти дѣла напечатаны полностью, безъ всякихъ сокращеній и безъ всякихъ комментарій. Спеціалистамъ всѣ они, за исключеніемъ только одного, были извѣстны въ болѣе или менѣе пространныхъ изложеніяхъ, извлеченіяхъ и выдержкахъ. Много было напечатано даже и цѣликомъ. Въ послѣднее время эти дѣла были просмотрѣны П. А. Ефремовымъ для его изданія сочиненій поэта. Все, что въ нихъ оказалось подлинной руки поэта, напечатано имъ съ полнѣйшею точностью; о другомъ даны сообщенія и въ примѣчаніяхъ къ письмамъ (7-ой т.), и въ примѣчаніяхъ вообще къ сочиненіямъ (8-ой т.). Теперь всѣ эти дѣла становятся знакомыми намъ во всей ихъ цѣлости и малѣйшихъ подробностяхъ. Одно дѣло—«по письму А. С. Пушкина о дозволеніи надворному совѣтнику Гончарову расплавить неудачно вылитую статую, изображающую Екатерину»—въ разбираемой книгѣ публикуется впервые. Оно не было извѣстно и П. А. Ефремову: оно было «открыто» въ архивѣ уже послѣ его занятій. Для любителей Пушкина оно представляетъ большой интересъ, такъ какъ въ немъ находимъ цѣлыхъ три новыхъ письма поэта, разъясняющихъ небольшой эпизодъ изъ

его хлопотъ за другихъ, до сихъ поръ бывшій для насъ темнымъ и неяснымъ.

Дѣла Третьяго Отдѣленія о Пушкинѣ имѣютъ значительную важность для біографіи поэта. Вѣдь Третье Отдѣленіе, во главѣ котораго былъ Бенкендорфъ, играло огромнѣйшую роль въ его жизни, оно было своего рода призмой, черезъ которую преломлялась большая часть отношеній Пушкина къ внѣшнему міру. Исторія его сношеній съ III Отдѣленіемъ заполняетъ почти всю его внѣшнюю жизнь съ 1826 года. Въ офиціальныхъ дѣлахъ — отпускахъ, докладахъ, рапортахъ и письмахъ—мы читаемъ исторію рабства поэта —внѣшняго и внутренняго,—въ дѣлахъ литературныхъ и матеріальныхъ. Бѣглое чтеніе всѣхъ этихъ бумагъ подъ рядъ производитъ неизгладимое впечатлѣніе и рисуетъ картину того гнета, которымъ Бенкендорфъ милостиво окружалъ поэта. Мы и теперь можемъ почувствовать, какъ «неравнодушенъ» былъ къ Пушкину и Бенкендорфъ, и его высшій начальникъ, самъ Николай Павловичъ. И тотъ, и другой инстинктивно боялись скрытаго въ Пушкинѣ оппозиціоннаго настроенія, и въ теченіе десяти лѣтъ ревниво смотрѣли за тѣмъ, какъ бы оно не прорвалось. Смѣшно читать дѣло о подозрительности виньетки, которою украшенъ заглавный листокъ стихотворенія Пушкина «Цыганы», но бдительность простиралась и до виньетокъ. Не ограничивались только грубымъ полицейскимъ надзоромъ, а все время воевали съ самолюбіемъ Пушкина, и раны, наносимыя ему въ этой войнѣ, были не въ примѣръ острѣе и жгучѣе, чѣмъ всѣ другія. А они умѣли колоть самолюбіе! Пушкинъ былъ вынужденъ переживать даже впечатлѣнія подписи Бенкендорфа; онъ долженъ былъ понять урокъ, который заключался, напр., въ подписи просто «Бенкендорфъ», безъ «покорнѣйшаго слуги» и т. д. Неимовѣрныхъ усилій стоило Пушкину обуздывать себя, а все же онъ по временамъ не сдерживался, прорывался и... получалъ выговоры. Вспышки Пушкина и выговоры чередуются.

Конечно, нужно было издать цѣликомъ и пунктуально всѣ дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ—этотъ памятникъ русской культуры. Изъ предисловія къ книгѣ узнаемъ, что дѣломъ изданія завѣдывалъ г. Сухонинъ, редакторъ «Всеміринаго Вѣстника», первоначально напечатавшій «Дѣла» въ приложеніи къ своему журналу. Къ глубочайшему сожалѣнію, мы должны сказать, что г. Сухонинъ, взявшись за хорошее дѣло, только испортилъ его и далъ очень плохое изданіе, преисполненное необычайныхъ ошибокъ, описокъ, пропусковъ, искаженій и т. д. Конечно, читатель, которому нужны только общія впечатлѣнія, можетъ удовлетвориться и этимъ изданіемъ, но всякій занимающійся Пушкинымъ, всякій спеціалистъ не долженъ пользоваться изданіемъ г. Сухонина, ибо онъ не можетъ быть увѣренъ относительно любой страницы книги въ точномъ ея соотвѣтствіи подлиннику. Приведемъ подтвержденія. Стр. 50: помѣтка Бенкендорфа читается у г. Сухонина: «пригласить его въ среду въ Петербургъ», а въ подлинникѣ: «...въ среду въ квартиру». Стр. 136: у г. Сухонина «безъ вашего свѣдѣнія»; въ подлинникѣ «безъ вашего

вѣдѣнія»; самое письмо датировано у г. Сухонина 1832 годомъ, а въ подлинникѣ—1833 годомъ. Стр. 155: у г. Сухонина «doit nous revenir»; въ подлинникѣ—«doit nous reussir». У г. Сухонина «n'ai reçu que»; въ подлинникѣ «avoir recours qu'à la derniere extrémité; въ подлинникѣ—«avoir recours à la permission que sa Majesté avait daigné m'accorder qu'à la dernière extrémité». Стр. 158: у г. Сухонина — « à mes affaires, d'emprunter; въ подлинникѣ — «à mes affaires, etaient — ou de me retirer à la campagne,—ou bien d'emprunter» и т. д. Можно было заполнить десятка два-три страницъ перечнемъ всѣхъ ошибокъ и пропусковъ, сдѣланныхъ г. Сухонинымъ. Мы взяли первыя попавшіяся намъ страницы. Мы склонны думать, что г. Сухонинъ занимался дѣлами III Отдѣленія уже послѣ того, какъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, изъ дѣла были изъяты и переданы въ музей при Александровскомъ лицеѣ всѣ собственноручные подлинники Пушкина, и г. Сухонинъ простодушно принялъ копіи, оставленныя въ дѣлахъ вмѣсто подлинниковъ, за подлинныя рукописи Пушкина.

Такимъ образомъ, изданіемъ г. Сухонина, за неимѣніемъ другого, придется пользоваться, но отнюдь не для какихъ-либо изслѣдованій и спеціальныхъ работъ. Безчисленныя ошибки лишаютъ его всякаго значенія.

П. Щ.

«Убійство 3-хъ министровъ: тайнаго совѣтника Боголѣпова, егермейстера Сипягина, статсъ-секретаря фонъ-Плеве 1901—1904 гг.» Изд. И. Балашова, 1906. ц. 25 к.

Эта брошюра излагаетъ фактическую сторону трехъ названныхъ въ заголовкѣ убійствъ, при чемъ сообщаетъ много интересныхъ, хотя и отрывочныхъ свѣдѣній о ходѣ судебныхъ слѣдствій. Между прочимъ, въ брошюрѣ сообщается о способѣ допроса Сазонова, убившаго Пливе. Раненый осколкомъ бомбы, Сазоновъ находился въ бреду и въ это время съ него снимали допросъ, прибѣгая къ гипнотическому внушенію. По словамъ брошюры, въ такомъ состояніи Сазановъ назвалъ имя кіевскаго адвоката Бронштейна, какъ одного изъ своихъ соучастниковъ. Къ сожалѣнію, тѣ источники, изъ которыхъ анонимный авторъ брошюры почерпаетъ свои свѣдѣнія, неизвѣстны, и потому брошюра, несмотря на весь свой интересъ, не внушаетъ къ себѣ большого довѣрія. Однако, ея сообщеніе о Бронштейнѣ объясняетъ намъ одинъ фактъ, намъ въ свое время извѣстный и бывшій до сихъ поръ совершенно непонятнымъ. Вскорѣ послѣ убійства Плеве въ Кіевѣ адвокатъ Бронштейнъ былъ обысканъ и арестованъ при совершенно исключительныхъ условіяхъ:

домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ весь оцѣпленъ жандармеріей и полиціей, обыскъ производился особенно тщательно, и въ заключеніе Бронштейнъ былъ увезенъ въ Петербургъ въ кандалахъ. Между тѣмъ, насколько было извѣстно, Бронштейнъ всегда стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ движеній даже въ университетѣ. Черезъ нѣсколько недѣль этотъ страшный преступникъ вернулся въ Кіевъ совершенно свободнымъ; слѣдствіе обнаружило его полную непричастность къ какому бы то ни было дѣлу. Это событіе для жителей Кіева и для самого Бронштейна въ свое время осталось совершенно таинственнымъ; теперь оказывается, что Сазоновъ въ бреду пробормоталъ какую-то фамилію, и этого оказалось достаточнымъ, чтобы подвергнуть непричастнаго къ дѣлу человѣка обыску и аресту.

В. В—въ.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературными указателями. Изд. И. И. Ѳомина. м. 1906.

Эта книга предназначена для широкой публики. Цѣль ея познакомить русскаго читателя съ поэтической дѣятельностью декабристовъ. Издатель, г. Ѳоминъ, справедливо полагаетъ, что многія стихотворенія декабристовъ цѣнны не только какъ выраженіе завѣтныхъ желаній и чувствъ, но и какъ несомнѣнно художественныя произведенія. Издатель не имѣлъ въ виду давать „полныя собранія“ стихотвореній, онъ выбралъ лишь нѣкоторыя, отдавая предпочтеніе стихотвореніямъ, затрагивающимъ гражданскіе вопросы, а затѣмъ и отличающимся изяществомъ формы и искренностью чувства. Собирая стихотворенія, г. Ѳоминъ не ограничился только напечатанными въ Россіи, а взялъ нѣсколько стихотвореній изъ появившихся за границей. Въ первомъ томѣ помѣщены поэтическія произведенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова. Стихи Рылѣева и Одоевскаго, конечно, болѣе извѣстны, чѣмъ стихи А. Бестужева и Батенкова. Собственно говоря, мы знаемъ одно стихотвореніе послѣдняго— поэму, исполненную своеобразной прелести, „Одичалый“. Стихотворенія А. А. Бестужева впервые появляются въ „Собраніи“.

Нужно сказать, что выборъ стихотвореній сдѣланъ г. Ѳоминымъ довольно искусно и несомнѣнно достигъ своей цѣли. По этой христоматіи читатель, средній, обыкновенный читатель, легко можетъ быть введенъ и вообще въ изученіе исторіи декабристовъ. Приложенія, сдѣланныя г. Ѳоминымъ, могутъ только содѣйствовать этому

знакомству. Во введеніи къ книгѣ данъ компилятивный очеркъ по исторіи движенія, вполнѣ пригодный для первоначальнаго знакомства. Кромѣ этого очерка, въ книгѣ находимъ маленькія біографіи поэтовъ, стихи которыхъ напечатаны въ книгѣ. Наконецъ, приложенъ довольно полный и подробный библіографическій указатель.

Книга издана на прекрасной бумагѣ. Портреты Рылѣева, Одоевскаго, А. А. Бестужева и Г. С. Батенкова недурно исполнены фототипіей Фишера. Нужно отмѣтить малоизвѣстный портретъ кн. Одоевскаго въ конно-гвардейскомъ мундирѣ. При всемъ томъ цѣну книги (3 руб.) нельзя не признать черезчуръ высокой.

П. Щ.

Собраніе сочиненій и переписка Кондратія Федоровича Рылѣева съ его портретомъ и біографіей. С.-Петербургъ. 1906. Изданіе И. Балашова—382+I—IV стр. in 8, Ц. 1 р. 50 к.

Какъ поэтъ-гражданинъ, К. Ф. Рылѣевъ среди другихъ декабристовъ-писателей занимаетъ, несомнѣнно, первое мѣсто, и потому имѣется уже нѣсколько изданій его сочиненій. Не называя изданій подъ редакціей г. Ефремова, укажемъ на «*Сочиненія К. Ф. Рылѣева*» подъ редакціей г. Мазаева, изданныя въ 1893 году. Издатель разсматриваемой книги ни слова не говоритъ, что представляетъ собою изданное имъ «Собраніе сочиненій и переписка К. Ф. Рылѣева», и чѣмъ вызвано ея появленіе въ свѣтъ. Пожелавъ выяснить эти вопросы, мы сравнили вновь появившееся изданіе съ изданіями прежними, и вотъ наши выводы. Во-1-хъ, полнотою, несмотря на встрѣчающіяся ссылки на изданіе стихотвореній Рылѣева въ Лейпцигѣ, изданіе г. Балашова не отличается: оно значительно бѣднѣе содержанія Евдокимовскаго изданія 1893 г. (нѣтъ нѣсколькихъ писемъ и стихотвореній Рылѣева). Во-2-хъ, расположеніе матеріала совершенно произвольное, небрежное и невѣжественное. Возьмемъ стихотворенія. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены «Думы» (3—143 стр.); во второмъ подъ заголовкомъ *Оды и посланія* помѣщены такія, напримѣръ, пьесы, какъ романсъ (Какъ счастливъ я!), какъ *эпиграммы*. Съ другой стороны, въ третьемъ отдѣлѣ—*Разныя стихотворенія*—встрѣчаемъ такія пьесы: *Заблужденіе*, *Нечаянное счастье* и снова эпиграммы! Мало того, есть удивительные курьезы: одно и то же стихотвореніе напечатано дважды—и въ отдѣлѣ второмъ, и въ отдѣлѣ третьемъ (см. *Къ Каховскому*, стр. 168 и стр. 240). Письма къ матери расположены вопреки хронологіи. Въ 3-хъ, съ внѣшней стороны изданіе г. Балашова очень неряшливое. Бумага тонкая, сѣроватая, «корректурная»; иныя страницы обозначены цифрами, а иныя нѣтъ; портретъ приложенъ искаженный. Подъ нѣкоторыми стихотвореніями стоитъ: «См. примѣчанія» (стр. 158—159—160),

но ихъ тщетно будетъ искать читатель. И за такое макулатурное изданіе легковѣрный читатель обязанъ заплатить г. Балашову полтора рубля!

Э. Королевъ.

Книги, поступившія въ редакцію:

1) Полное собраніе сочиненій *Н. Г. Чернышевскаго*. т. VII. Современникъ 1860—1861. Основанія политической экономіи Д. С. Милля. Переводъ и примѣчанія. Изд. М. Н. Чернышевскаго. СПБ. 1905.

2) *Тоже*, т. VI. Современникъ 1860 (Критика и библіографія.— Статьи экономическія.—Отдѣлъ «Политика»).

3) Къ 25-лѣтію 1881—1906 гг. *Дѣло 1-го марта 1881 года.* Процессъ Желябова, Перовской и др. (правительственный отчетъ) со статьей и примѣчаніями *Льва Дейча.* Цѣна 75 коп. СПБ. 1906.

4) *Фихте. Назначеніе человѣка.* Пер. съ нѣм. Л. М. Подъ ред. Н. О. Лосскаго. Ц. 50 коп. СПБ. Изд. Д. И. Жуковскаго. 1906.

5) *С. Д. К. Союзъ союзовъ.* Ц. 20 коп. СПБ. 1906.

6) *С. Д. К. Всероссійскій Союзъ инженеровъ и техниковъ.* Ц. 20 коп. СПБ. 1906.

7) *И. Ф. Анненскій—Книга отраженій* (Проблема Гоголевскаго юмора.—Достоевскій до катастрофы.—Умирающій Тургеневъ.—Три соціальныхъ драмы.—Драма настроеній.— Бальмонтъ-лирикъ). СПБ. Изд. бр. Башмаковыхъ, 1906 г. Цѣна 1 руб.

8) *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русской интеллигенціи. Изд. В. М. Саблина. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Редакція журнала „Былое" проситъ гг. книгоиздателей присылать ей для рецензіи выходящія новыя книги историческаго содержанія.

Редакція проситъ читателей-друзей присылать ей такія изданія, какъ „Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ" (выходили въ разныхъ городахъ), произведенія партійной литературы (всѣхъ партій), листки стачечныхъ комитетовъ и т. п., а также портреты погибшихъ въ борьбѣ за свободу выдающихся дѣятелей освободительнаго движенія (очень желательно было бы имѣть портретъ машиниста Ухтомскаго) и біографическія о нихъ свѣдѣнія. Желательно было бы получать также конфискованныя администраціей произведенія періодической и непеpіодической печати. Изъ совокупности подобнаго матеріала станетъ возможнымъ составить такой архивъ относящихся къ освободительному движенію документовъ, который такъ необходимъ для исторіи движенія.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Неизвѣстно, правда, какая судьба ожидаетъ пятерыхъ еще томившихся тамъ заключенныхъ (Карповича, Гершуни, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго), но страшный призракъ мрачнаго застѣнка отходитъ, во всякомъ случаѣ, въ исторію, вмѣстѣ съ такъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластія.

Конечно, забыть Шлиссельбургъ Россія не можетъ и не должна. Какъ въ фокусѣ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казней лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Могучая угроза въ рукахъ самодержавія,—въ глазахъ тѣхъ, кому дороги честь и свобода родины,—онъ всегда былъ эмблемой великой душевной красоты, великаго гражданскаго подвига. Это былъ какъ бы почетный боевой постъ, на которомъ, въ ожиданіи вѣрной гибели, безтрепетно стоялъ авангардъ революціи...

Увидимъ ли мы, живущее поколѣніе, тотъ грандіозный національный памятникъ, какимъ Россія почтитъ *всѣхъ* своихъ героевъ-мучениковъ страдавшихъ и погибшихъ на эшафотахъ, въ тюрьмахъ, въ рудникахъ и тундрахъ Сибири, въ мрачныхъ тайникахъ Петропавловки и Шлиссельбурга? Какъ бы то ни было, нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе послѣ двухъ десятковъ лѣтъ пребыванія въ ужасной шлиссельбургской могилѣ, еще живутъ среди насъ (ихъ 22 человѣка), не считая упомянутыхъ выше пятерыхъ), и чувство благоговѣйнаго удивленія, которое они намъ внушаютъ, не находитъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ болѣе или менѣе далекой мечтѣ... Такъ страстно хочется теперь же, сейчасъ же дать ему посильное выраженіе! Вѣдь это не мертвыя имена, въ честь которыхъ потомки воздвигаютъ обыкновенно монументы,—это живые, дорогіе всѣмъ намъ люди! Не отвлеченный долгъ, а требованіе непосредственнаго чувства побуждаетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, оградить этихъ изстрадавшихся людей отъ новыхъ житейскихъ невзгодъ и ударовъ.

Такова идея, легшая въ основаніе Шлиссельбургскаго Комитета.

Одна изъ первыхъ предстоящихъ ему задачъ—озаботиться сборомъ денежныхъ средствъ для составленія постояннаго шлиссельбургскаго фонда.

Съ этой цѣлью Комитетомъ намѣчены слѣдующія мѣры: 1) пожертвованія, въ сборѣ которыхъ желательно участіе самыхъ широкихъ круговъ населенія; 2) спеціальныя изданія портретныхъ галлерей, книгъ и брошюръ; 3) литературные вечера и концерты.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзовъ" Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр., 2 л., д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная Финл. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ-Богучарскій (Ямская ул., д. 25, кв. 8).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, Д. А. Клеменцъ, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Купріянова, П. Н. Милюковъ, В. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы — посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

П.

Одною изъ своихъ очередныхъ задачъ Шлиссельбурскій Комитетъ поставилъ изданіе альбома, по возможности, всѣхъ лицъ, когда либо томившихся въ Шлиссельбургской крѣпости, отъ Новикова до Сазонова и Сикорскаго. Портреты эти будутъ снабжены краткими біографіями узниковъ. Комитетъ собралъ уже значительное количество необходимыхъ для этой цѣли портретовъ, но многихъ еще недостаетъ. Труднѣе всего, конечно, достать портреты узниковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая Перваго (Тюринъ, Поповъ, Вас. Критскій, Олейничукъ, Соколовскій, Ибаевъ, и др.), но недостаетъ также и значительнаго количества портретовъ шлиссельбуржцевъ эпохи 1884—1905 года. Арончикъ, Исаевъ, Савелій Златопольскій, Малавскій, Минаковъ, Клименко, Тихоновичъ, Немоловскій, Игнатъ Ивановъ, Вас Ивановъ, Лаговской, Ник. Рогачевъ, Генераловъ, Андреюшкинъ, Шевыревъ, Чепегинъ, Васильевъ и Гершковичъ). Комитетъ проситъ лицъ, владѣющихъ портретами перечисленныхъ узниковъ, доставить ему ихъ для воспроизведенія, послѣ чего, по желанію владѣльцевъ, портреты будутъ немедленно возвращены по принадлежности. Комитетъ проситъ также доставить ему біографическія свѣдѣнія не только о перечисленныхъ узникахъ, но и обо всѣхъ шлиссельбуржцахъ,—при чемъ чѣмъ полнѣе — тѣмъ лучше. Всѣ эти предметы могутъ быть направляемы секретарю Комитета, по адресу: *Петербургъ. Редакція журнала „Былое". Спасская улица, 25, кв. 20, Василію Яковлевичу Яковлеву-Богучарскому. (Просятъ посылать заказными).* Весь сборъ отъ продажи сборника-альбома поступитъ въ пользу шлиссельбуржцевъ.

Предсѣдатель Комитета **В. Семевскій.**

Секретарь **В. Богучарсній.**

III.

На образованіе Шлиссельбургскаго фонда поступили по 15 февраля 1906 г. слѣдующія пожертвованія.

1) Деньгами: отъ Л. Ф. Пантелѣева—150 р., черезъ Л. Ф. Пантелѣева—40 р., Бровко—50 р., М. В. Ватсонъ—10 р., воспитанника декабриста А. В. Поджіо - 100 р., А. П. Р.—3 р, Серебренникова—3 р., NN.—10 р., В. П. Воронцова—25 р., редакціи „Исторіи освободительнаго движенія въ Россіи" — 25 р., Чермака—3 р., А. С. Заруднаго—5 р., М. П. Н.—100 р., У.—3 р., Н. П.—5 р., В. В. Святловскаго—5 р., NN—1 р., К. О.—5 р., Ф. Ваньковича—25 р., врача М. П.—10 р., А. Е. Кутузовой и Е. Е. Зайцевой—5 р., П. И. Вейнберга—10 р., А. К. Писаревой—100 р., Н. А.—7 р., А. Кулябко-Корецкаго—10 р., С. О. Ющинскаго—10 р., Н. Г. и А. Р.—7 р. Итого **730 рублей.**

2) Процентными бумагами: чрезъ В. И. Семевскаго, отъ неизвѣстнаго, на изданія Комитета, билетъ внутренняго 5% займа 1905 г. на 1000 р.; чрезъ него же, отъ неизвѣстнаго, на изданіе Шлиссельбургскимъ Комитетомъ опредѣленной книги, свидѣтельство государственной 4% ренты на 3.000 р.; итого 4.000 р.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей.

Казначей Комитета **Н. Анненскій.**

IV.

Со времени опубликованія воззванія Шлиссельбургскаго Комитета по 15 февраля текущаго года въ Комитетъ изъ числа недостававшихъ ему портретовъ шлиссельбургскихъ узниковъ доставлены фотографическія карточки Манучарова (въ 3 различныхъ видахъ), Осипанова, Щедрина и Кобылянскаго. Доставлены также біографическія свѣдѣнія о Манучаровѣ, Немоловскомъ, Щедринѣ, Ашенбреннерѣ, Мельниковѣ, Конашевичѣ, Гершковичѣ, Буцевичѣ, Новорусскомъ и Стародворскомъ. О полученіи всѣхъ перечисленныхъ портретовъ и свѣдѣній Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета **В. Богучарскій.**

Современная Лѣтопись.

Въ этомъ отдѣлѣ мы будемъ регистрировать, *и только регистрировать,* главнѣйшіе факты, характеризующіе положеніе освободительнаго движенія за опредѣленный промежутокъ времени. Такую регистрацію мы даемъ въ этой книжкѣ за январь мѣсяцъ 1906 года.

Начнемъ съ главнѣйшихъ „дѣйствій" правительства:

4 января указомъ Правительствующему Сенату были объявлены на военномъ положеніи области Акмолинская и Семипалатинская.

Того же числа былъ изданъ указъ, въ которомъ говорилось, что „указами Нашими 7-го и 21-го февраля и 22 марта 1904 г. и 13 апрѣля и 22 октября и 23 декабря 1905 г. Правительствующему Сенату данными, объявили Мы на военномъ положеніи сибирскую желѣзную дорогу; находящіеся въ предѣлахъ сибирскаго военнаго округа участки дорогъ забайкальской и кругобайкальской; населенные пункты, прилегающіе къ сибирской желѣзной дорогѣ и перечисленные въ особомъ спискѣ, а также инженерскія и судженскія каменноугольныя копи, находящіяся въ Томской губерніи; гор. Иркутскъ и всѣ уѣзды, по коимъ проходитъ сибирская жел. дорога, входящіе въ предѣлы сибирскаго военнаго округа, а именно: Курганскій, Ишимскій, Тюкалинскій Тобольской губ.: Петропавловскій и Омскій Акмолинской области; Каинскій, Барнаульскій, Томскій и Маріинскій Томской губ.; Ачинскій, Красноярскій и Канскій Енисейской губ. и Нижнеудинскій, Балаганскій и Иркутскій Иркутской губ., а равно Тобольскій и Тюменскій уѣзды Тобольской губ. Нынѣ для болѣе успѣшнаго подавленія происходящихъ вдоль линіи сибирской ж. д. безпорядковъ и возстановленія по всей линіи должнаго порядка и безостановочнаго движенія признали Мы необходимымъ — объявить на военномъ положеніи Челябинскій уѣздъ Оренбургской губ.".

Въ тотъ же день такимъ же указомъ былъ объявленъ на военномъ положеніи г. Сызрань Симбирской губ.

Затѣмъ въ теченіе января мѣсяца было опубликовано, что на основаніи Именного Высочайшаго указа Прав. Сенату 29 ноября 1905 г., екатеринославскій губернаторъ объявилъ на военномъ положеніи всю Екатеринославскую губернію; тамбовское „мѣстное начальство" — желѣзнодорожный узелъ Грязи; черниговскій губернаторъ — г. Конотопъ; херсонскій губернаторъ объявилъ въ положеніи усиленной охраны города Тирасполь и Ананьевъ съ ихъ уѣздами; Вятскій губернаторъ—въ положеніи усиленной охраны всю Вятскую губернію; таврическій губернаторъ — на военномъ положеніи Днѣпровскій уѣздъ; черниговскій губернаторъ — на военномъ

положеніи находящійся въ Глуховскомъ уѣздѣ Шостенскій пороховой заводъ и поселеніе Шостка съ прилегающими къ нему слободами; войсковой наказный атаманъ войска донского — на военномъ положеніи Ростовское на Дону градоначальство (всѣ эти распоряженія были опубликованы въ теченіе января, самыя же объявленія различныхъ мѣстностей на военномъ положеніи и въ положеніи усиленной охраны происходили въ теченіе декабря прошлаго года).

9 января м-ръ вн. дѣлъ донесъ Прав. Сенату, что „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его, министра, докладу о происходящихъ во многихъ мѣстностяхъ Черниговской губ. безпорядкахъ, 4 января 1906 г. Высочайше повелѣть соизволилъ—объявить названную губернію въ положеніи чрезвычайной охраны съ предоставленіемъ правъ главнокомандующаго въ предѣлахъ этой губ. генералъ-адъютанту Пантелѣеву".

Эстляндскій губернаторъ донесъ Прав. Сенату, что онъ объявилъ Везенбергскій, Вейсенштейнскій и Гапсальскій уѣзды на военномъ положеніи.

Харьковскій губернаторъ — на военномъ положеніи г. Сумы и Сумскій уѣздъ.

Таврическій губернаторъ—на военномъ положеніи г. Ѳеодосію.

* * *

Въ теченіе января мѣсяца газетами зарегистрированъ слѣд. далеко, конечно, не полный перечень проявленія революціоннаго движенія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ Батумѣ 7 января убитъ старшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, Ивановъ, и шедшій съ нимъ землевладѣлецъ Руссенъ-Бекъ, преслѣдовавшій убійцу Иванова. Убійцы скрылись.

Въ Ригѣ 9 января произошло столкновеніе толпы съ казацкимъ патрулемъ. Въ перестрѣлкѣ ранены изъ толпы 2—тяжело, 4—легко. Нѣсколько казаковъ получили тоже легкія раны.

Въ Новоузенскѣ произошло столкновеніе толпы съ полиціей. Исправникъ тяжело раненъ въ голову.

6 января въ Бѣлостокѣ произведено покушеніе на жизнь пристава Федосова. Стрѣлявшій скрылся.

Въ Гомелѣ убитъ помощникъ пристава Леоновъ. Убійца скрылся.

Въ Умани 9 января брошена бомба въ канцелярію пристава 2-й части. Бомба не взорвалась.

Въ Одессѣ 9 января задержанъ субъектъ, пытавшійся бросить бомбу въ зданіе полиціи. Задержанный назвался мѣщ. Агратановымъ.

Въ Одессѣ 10 января въ помѣщеніи жандармскаго управленія произошелъ взрывъ адской машины. Особенно сильно пострадала комната, въ которой собираются офицеры канцеляріи. Человѣческихъ жертвъ не было.

Въ Вильно обнаружено 8 бомбъ.

Въ Лодзи найдены 2 бомбы.

Въ Тифлисѣ найдены 2 бомбы.

Въ Екатеринбургѣ обнаруженъ складъ оружія, бомбъ, динамита и прокламацій.

Въ Черниговѣ найдено холодное оружіе и много патроновъ.

Въ Варшавѣ найдено 8 фунтовъ динамита и 500 патроновъ.

Въ Новороссійскѣ найдена тайная типографія и наборъ воззванія къ 9 января. 4 человѣка арестовано.

Въ Томскѣ найдена тайная типографія.

9 января во Владивостокѣ матросы сибирскаго гарнизона разбили во дворѣ сарай съ оружіемъ, унесли ружья и патроны, и затѣмъ 10-го января состоялся митингъ, на который матросы и часть сухопутныхъ солдатъ явились съ винтовками и патронами. По окончаніи митинга матросы строемъ направились къ квартирѣ коменданта крѣпости съ требованіемъ освободить арестованныхъ, но шествіе было остановлено пулеметами. Къ вечеру въ городѣ все успокоилось, но 11 января былъ тяжело раненъ генералъ Селивановъ.

На имя Государя отъ гр. Воронцова-Дашкова была получена 11-го января такая телеграмма:

„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: начальникъ Сухумскаго округа донесъ мнѣ, что съ начала почтово-телеграфной забастовки мятежники намѣревались захватить власть въ Сухумѣ и овладѣть казначействомъ, но имъ этого не удалось: городъ былъ объявленъ на положеніи усиленной охраны, и часть агитаторовъ арестована".

16 января на станціи Борисоглѣбскъ, при выходѣ изъ вагона, тяжело раненъ 5-ю револьверными пулями совѣтникъ губ. правленія Луженовскій. Стрѣлявшая арестована. (Луженовскій впослѣдствіи умеръ. Фамилія стрѣлявшей Спиридонова).

18 января въ Полтавѣ выстрѣломъ изъ револьвера убитъ шедшій на службу старшій совѣтникъ губ. правленія Филоновъ. Убійца скрылся.

Въ Тифлисѣ убитъ бомбой начальникъ штаба генералъ Грязновъ. Убійца задержанъ.

Въ Вильнѣ 14 января брошенъ снарядъ въ управленіе 1-го участка. Снарядъ не разорвался. Бросившій снарядъ скрылся.

Въ Бѣльскѣ 14 января брошена бомба. Виновникъ не обнаруженъ. Не выяснена также и цѣль взрыва.

Въ Варшавѣ 11 января на ст. Варшава-Обводная брошена бомба. На станціи никто не пострадалъ.

Въ Ригѣ ночью 12 января найденъ складъ оружія боевой организаціи. Конфисковано 30.000 револьверныхъ патроновъ, нѣсколько револьверовъ, ружей и холодное оружіе.

Въ Нижне-Днѣпровскѣ найдены нѣсколько ящиковъ динамита и 4 бомбы.

Въ селѣ Романовѣ Калужскаго уѣзда въ квартирѣ учителя найдена типографія съ набраннымъ текстомъ прокламаціи отъ имени совѣта рабочихъ депутатовъ. Учитель арестованъ.

20 января въ Полтавѣ убитъ начальникъ жел. дор. мастерскихъ инж. Литвиновъ.

21 января въ Луганскѣ арестована тайная типографія.

Въ Кутаисѣ 24 января убитъ приставъ Кобансани.

Въ Вильнѣ 23 января 7 револьв. выстрѣлами раненъ околодочный надзиратель.

27 января молодая женщина, назвавшая себя Крупницкой, явилась къ вице-адмиралу Чухнину и четыре раза выстрѣлила въ него изъ Браунинга. Адмиралъ раненъ. Покушавшуюся на жизнь Чухнина немедленно разстрѣляли во дворѣ дома, гдѣ живетъ адмиралъ.

Въ Пензѣ 26 января убитъ 3-мя выстрѣлами изъ револьвера полицеймейстеръ Кандауровъ. Убійца оказался мѣстнымъ уроженцемъ Васильевымъ.

Въ Тифлисѣ 27 января убитъ околод. надзиратель Крженецъ.

Въ Петербургѣ 27 января за Невской заставой въ чайной „Тверь" собралось человѣкъ 30 „союза русскихъ людей". Туда была брошена бомба. Бросившіеся послѣ взрыва къ выходу члены союза были встрѣчены револьверными выстрѣлами. Убито 2, ранено около 15.

Въ Варшавѣ 27 января въ шедшихъ на дежурство 4-хъ жандармовъ брошена бомба. Жандармы въ изуродованномъ видѣ и безнадежномъ состояніи доставлены въ госпиталь.

30 января въ Москвѣ на дворѣ мѣщанской управы обнаруженъ ящикъ съ бомбами.

Въ Одессѣ на Александровскомъ проспектѣ найдены 3 бомбы.

Въ Казани въ транспортной конторѣ Чернова конфисковано 6 ящиковъ оружія.

Въ Проскуровскомъ уѣздѣ обнаружена большая партія разнаго оружія.

* * *

Въ теченіе января мѣсяца смертная казнь примѣнялась въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, что нѣтъ никакой возможности даже зарегистрировать сколько-нибудь полно всѣ бывшіе случаи ея примѣненія. Ограничимся поэтому лишь слѣдующими, опубликованными въ газетахъ, данными.

1) „3 января въ Варшавѣ „уличенные въ антиправительственной пропагандѣ, изготовленіи и бросаніи разрывныхъ снарядовъ, Шлема Розенцвейгъ, Укубъ Гольшайнъ, Хаимъ Рифкиндъ, Шлема Шаеръ и Янкель Пфеферъ въ 7 час. утра *разстрѣляны* въ варшавской крѣпости".

2) „Въ городѣ Феллинѣ, Лифляндской губ., 9 января; по приговору полевого суда, *разстрѣляно* 45 человѣкъ за участіе въ безпорядкахъ".

3) „Въ Митавскомъ уѣздѣ военными отрядами *разстрѣляны* оказавшіе сопротивленіе 18 мятежниковъ, въ томъ числѣ одинъ полякъ, прибывшій будто бы изъ Петербурга, Гржимайло. Въ Фрауенбургѣ *разстрѣлянъ* Швельманъ, принявшій званіе начальника города при наличности законной власти".

4) „Отрядъ, вышедшій въ окрестности Виндавы для отбиранія оружія, встрѣтилъ сопротивленіе, при чемъ двое агитаторовъ были *разстрѣляны*, четверо арестованы".

5) „Въ Гробинскомъ и Газенпотскомъ уѣздахъ за мятежъ, разгромъ помѣщичьихъ имѣній и порчу Газенпотской желѣзной дороги, по приговору военно-полевого суда *казнено* въ Виргиналенѣ 8 человѣкъ, въ Дзервенѣ—3, въ Капдангенѣ—8, въ Амстернѣ—2, въ Апсенѣ—2, въ Легенѣ—3".

6) „Въ Люблинѣ *казненъ черезъ разстрѣляніе* Марковскій, обвиненный въ убійствѣ начальника желѣзнодорожной станціи Люблинъ Шпакова".

7) „12 января, въ Лембургѣ, Рижскаго уѣзда, по постановленію полевого суда, *разстрѣляны пять латышей-революціонеровъ*".

8) „Въ Феллинъ, Лифляндской губ., для усмиренія взбунтовавшихся эстовъ прибылъ штабсъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка бар. Гроссъ-Сиверсъ. Здѣсь 9 января *разстрѣляно 40 и 11 января 13 человѣкъ эстовъ*. Въ ночь на 9-е января, за три часа до казни, схвачены были 26 человѣкъ городскихъ эстовъ и вмѣстѣ съ 14-ю преступниками, содержавшимися въ тюрьмѣ за разгромъ имѣній, *разстрѣляны* возлѣ города, на берегу озера, на глазахъ многолюдной толпы".

9) „Части отряда генерала Орлова прибыли въ Зегевольдъ—имѣніе князя Крапоткина. Полевымъ судомъ три крестьянина тамъ *разстрѣляны*".

10) „Въ Вайноденѣ полевой судъ приговорилъ 12 человѣкъ къ смертной казни. Изъ нихъ *10 разстрѣляно*, двое бѣжали".

11) „Въ Гайнашѣ 5 января *разстрѣляны* слѣдующія лица: 1) Эрнестъ Циммерманъ (17 лѣтъ), который, встрѣтивъ войска, пытался убѣжать; 2) аптекарь Пелекзирнъ, жена котораго была выбрана въ члены нов. волостн. правленія; 3) купецъ Предитъ, арендаторы: 4) Алексѣй Аунынь, 30 лѣтъ; 5) Яковъ Грависъ, 50 лѣтъ; 6) Адамъ Туликъ, 23 лѣтъ; 7) Марцъ Лайвинь, 50 лѣтъ,—черезъ посредство агитатора Б. предъявившіе къ мызной администраціи требованіе о выдачѣ вознагражденія за разныя работы въ пользу имѣнія; 8) Фрицъ Аболь и 9) Марцъ Юрьянъ. Въ ночь на 9 января *разстрѣляны* Петръ Вирсисъ—ученикъ изъ Риги, Карлъ Буритъ, Эрихсъ, М. Вильде и Янъ Витоль".

12) „Близъ Либавы, въ имѣніи Прекульнѣ *разстрѣляно свыше двадцати латышей*, участвовавшихъ въ мѣстномъ движеніи. *Разстрѣляны* ограбившіе почту вблизи Прекульна".

13) „Въ Ригѣ, по приговору военно-полевого суда въ Венденѣ, Лифляндской губ., *разстрѣлянъ* извѣстный латышскій агитаторъ, владѣлецъ типографіи и книжнаго магазина Озоль".

14) „Въ Либавѣ, при попыткѣ отправиться на пароходѣ за границу, арестованъ 17 января главный агитаторъ въ гробинскомъ уѣздѣ Штраусъ. По рѣшенію полевого суда въ Прекульнѣ, онъ *казненъ черезъ повѣшеніе*. Одновременно *разстрѣляны 12 крестьянъ-революціонеровъ*".

15) „Военный судъ приговорилъ преступниковъ, покушавшихся 1 января на жизнь черниговскаго губернатора Хвостова, *къ смертной казни черезъ повѣшеніе* и соучастника ихъ Лейкина къ 10 годамъ каторги".

16) „Кіевскій военный судъ слушалъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло Заславскаго, пытавшагося въ декабрѣ отбить у городового арестованнаго товарища. Вечеромъ публично объявленъ приговоръ *къ смертной казни черезъ повѣшеніе*".

17) „Получены слѣдующія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ экзекуціоннаго отряда въ Прибалтійскомъ краѣ: Въ Друстенскомъ приходѣ *разстрѣляно 9 человѣкъ*, въ томъ числѣ нѣсколько членовъ новаго волостного правленія".

Въ Фридрихштадтѣ *разстрѣлянъ парикмахерскій подмастерье Л.*, неодобрительно отзывавшійся о дѣйствіяхъ высшаго правительства.

Въ Доленѣ *разстрѣляно 11 человѣкъ*.

Въ Куртенгофѣ *разстрѣляно 4 крестьянина.*

Въ Саусенской волости *разстрѣляны 8 человѣкъ.* По дорогѣ въ Фетенъ *разстрѣляно 3 крестьянина.*

Въ Бербенской волости происходятъ *разстрѣлы ежедневно.*

Въ Іоргенсбургскомъ приходѣ *разстрѣляны 4 революціонера.*

Въ Кокенгузеѣ *разстрѣляно* свыше 30 человѣкъ.

Въ Ашерандѣ *разстрѣляно 4 человѣка.*

Въ Ленневарденѣ *разстрѣляно 2 человѣка.*

Въ Старомъ-Гульбинѣ *разстрѣляны 32 человѣка.*

Въ имѣніи Тинзе *разстрѣляно 11 человѣкъ,* многіе избиты нагайками.

Въ Гофцумбергѣ *разстрѣляно 9 человѣкъ.*

Въ Тальсенѣ *разстрѣляно 5 человѣкъ.*

Въ Гроссъ-Зальвенѣ *разстрѣлянъ Юлій Дѣвоцинъ,* принадлежащій къ числу лучшихъ современныхъ латышскихъ лириковъ.

Въ Вайноденѣ *разстрѣляно 13 человѣкъ, повѣшено 2,* двоимъ удалось бѣжать".

18) „Въ городѣ Газенпотѣ воинскимъ отрядомъ *двое повѣшено.*

19) „Въ Ригѣ закончился разборъ двухъ дѣлъ временнымъ военнымъ судомъ. Обвиняемые по первому дѣлу, мѣщане Эрнстъ Штейнбергъ, 20 лѣтъ, и Мартинъ Вадзе, 21 года, за покушеніе на убійство казаковъ приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и *къ смертной казни черезъ повѣшеніе.* По дѣлу германскаго подданнаго Іоганна Іогансона и крестьянъ Іоганна Земгаля и Эдуарда Апсита, обвиняемыхъ въ обезоруженіи полиціи съ примѣненіемъ насилія, военный судъ постановилъ: первыхъ *двухъ предать смертной казни,* а послѣдняго оправдать".

* *
*

Помѣщаемъ факты, рисующіе положеніе нашей „свободной печати"; помѣщаемъ ихъ безъ малѣйшихъ комментарій, въ томъ видѣ, въ какомъ факты эти были опубликованы въ газетахъ:

1) „Особымъ комитетомъ самарской желѣзной дороги *воспрещена продажа* въ полосѣ отчужденія журналовъ „Пламя", „Пулеметъ", „Стрѣлы", „Пули", „Паяцъ", газета „Наша Жизнь".

2) „Въ Петербургѣ, 5 января, поздно ночью, въ типографію газеты „Обновленная Россія", въ присутствіи издателя ея П. П. Сойкина и редактора А. Е. Зарина, явилась полиція съ распоряженіемъ *о немедленномъ прекращеніи* выхода ея въ свѣтъ. Поводомъ къ закрытію газеты послужили статьи,напечатанныя въ №№ 27 и 35".

3) „Въ Варшавѣ по распоряженію генералъ-губернатора, *пріостановлено* изданіе „Западнаго Голоса".

4) „Въ Митавѣ распоряженіемъ генералъ-губернатора *пріостановлена* латышская социалъ-демократическая газета „Спексъ".Редакторъ, кандидатъ правъ Гиршъ, и издатель Нейландъ арестованы".

5) „Въ Лодзи, по распоряженію властей, *закрыта* газета „Гонецъ Лудзскій"; типографія опечатана".

6) „Въ Люблинѣ *пріостановлено* съ перваго номера изданіе „Дзенникъ Любельскаго".

7) „Въ Люблинѣ, по распоряженію временнаго генералъ-губернатора

пріостановлены мѣстныя газеты „Курьеръ Любельскій“ и „Гонецъ Любельскій“.

8) „Въ Одессѣ генералъ-губернаторомъ *пріостановлена* на время военнаго положенія украинская газета „Народная Справа“, вышедшая первымъ нумеромъ“.

9) „Въ Юрьевѣ *пріостановлена* выходомъ газеты „Удизетъ“ и „Олевикъ“.

10) „Въ Семипалатинскѣ на время военнаго положенія *пріостановленъ* „Семипалатинскій Листокъ“.

11) „*Закрыта газета* „Сумскій Голосъ“, привлечены къ судебной отвѣтственности по 129-ой статьѣ редакторы: присяжный повѣренный Фрей, членъ земской управы Величко, членъ суда Саллогубъ, ветеринарный врачъ Ткаченко и двое другихъ лицъ. Мѣрой пресѣченія члену суда назначенъ домашній арестъ. Остальные отданы на поруки“.

12) „Въ Петербургѣ, въ 11 часовъ утра, 5 января, полиція отбирала у газетчиковъ только что вышедшій первый номеръ газеты „Молодая Россія“. Въ 12 часовъ полиція явилась въ типографію Пастора, гдѣ печаталась эта газета, произвела обыскъ и *конфисковала всѣ номера* „Молодой Россіи“, еще находившіеся въ типографіи“.

13) „Въ Петербургѣ, 6 января, чины полиціи *конфисковали* по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ только что выпущеннаго политическо-сатирическаго журнала „Забіяка“, предназначенныхъ для отсылки и оставшихся въ складѣ. Номера „Забіяки“, выпущенные въ розничную продажу, усиленно отбирались въ теченіи дня чинами полиціи у газетчиковъ“.

14) „Вышедшій 6 января въ Петербургѣ пробный номеръ сатирическаго журнала „Гудокъ“ въ тотъ же день вечеромъ *отбирался полиціей*“.

15) „Въ Казани *конфискованъ* № 49 „Волжскаго Вѣстника“.

16) „Во Владимірѣ *конфискованъ* № 6 газеты „Клязьма“. По распоряженію властей номера отбирались у разносчиковъ“.

17) „Въ Петербургѣ, въ ночь на 5 января, въ типографіи, гдѣ печатался № 4 сатирическаго журнала „Пламя“, полиціей было произведено *тщательное изслѣдованіе* набора, клише и даже бумаги, на которой печатался журналъ“.

18) „7 января, въ спб. судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло редактора-издателя газеты „Русь“ А. А. Суворина, по обвиненію его по 1 и 3 пп. 129 ст. уг. улож. въ напечатаніи извѣстнаго манифеста революціонныхъ организацій. Защищали А. А. Суворина присяжные повѣренные С. А. Андреевскій и М. Л. Гольдштейнъ. Особое присутствіе палаты послѣ почти двухчасоваго совѣщанія приговорило А. А. Суворина *къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ*, но, принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, постановило ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ крѣпость. Въ отношеніи самой газеты „Русь“ палата ни о какихъ репрессивныхъ мѣрахъ въ своемъ приговорѣ не объявила. По аналогичному дѣлу „Нашей Жизни“ редакторъ Л. В. Ходскій приговоренъ къ 500 р. штрафа, а другой редакторъ А. Н. Котельниковъ оправданъ“.

19) „Въ Варшавѣ ген. Скалонъ оштрафовалъ редактора „Западнаго

Голоса" на 500 рублей *за статью антиправительственнаго содержанія* въ номерѣ отъ 23 декабря. Объявленіе постановленія производилось такъ: приставъ явился на квартиру редактора въ его отсутствіе, описалъ имущество, потомъ явился въ редакцію и объявилъ рѣшеніе, предупредивъ, что дается трехдневный срокъ, иначе—тюрьма".

20) „Въ Варшавѣ постановленіемъ начальника края, на основаніи 12-й статьи военнаго положенія, *подвергнуты штрафу* въ 1.000 рублей редакторъ польскаго журнала „Пожарный" Шиллеръ и въ 500 руб. редакторъ русской газеты „Западный Голосъ" Миринъ".

21) „Къ П. Н. Милюкову, помимо предъявленія *обвиненія по 129 ст. уголовн. уложен.* за редактированіе газеты: „Свободный Народъ", предъявлено также обвиненіе по той же статьѣ за помѣщеніе въ другой редактированной имъ газетѣ: „Народной Свободѣ" статьи П. Б. Струве: „Еще не поздно". Въ видѣ мѣры пресѣченія съ г. Милюкова потребованъ залогъ въ размѣрѣ 300 р., несмотря на внесеніе имъ по первому дѣлу залога въ 10.000 р.".

22) „Къ редактору „Полярной Звѣзды" П. Б. Струве предъявлено *обвиненіе по 129 ст. угол. улож.* за напечатанную въ № 3 журнала статью редактора: „Два забастовочныхъ комитета".

23) „Въ Казани, къ *редактору „Волжскаго Вѣстника"* В. И. Кудрявцеву предъявлено обвиненіе по ст. 129 и 1024 уголовн. уложенія".

24) „Въ Смоленскѣ редакторъ „Днѣпровскаго Вѣстника" *привлеченъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ"*.

25) „Въ Симферополѣ редакторъ „Крыма" Эндлинъ *привлеченъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ"*.

26) „Въ Перми, ночью 5 января, въ редакцію газеты „Пермскій Край" явилась полиція и казаки, всего двадцать человѣкъ, и произвели обыскъ; не найдя ничего преступнаго, опечатали типографію и редакцію. 7 января типографія открыта, но съ содержателя взята подписка не печатать „Пермскаго Края". *Редакція остается опечатанной.* Никакого распоряженія о пріостановкѣ газеты до сего времени редакціи не сообщено".

27) „Въ Петербургѣ, 8, 9 и 10 января *закрытъ цѣлый рядъ типографій*, въ томъ числѣ типографія г. Бусселя, печатавшая „Еврейскій Рабочій", „Зритель" и „Трудъ", печатавшая „Пулеметъ".

28) „Въ Тифлисѣ *арестованъ* редакторъ „Возрожденія" Готуа и одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ соціалъ-демократической газеты „Схиви" Махарадзе. Произведены обыски въ редакціи и типографіи новой грузинской газеты „Питара", обѣ опечатаны".

29) „Въ Царицынѣ *арестованъ* редакторъ „Царицынской Жизни".

30) „Въ Кишиневѣ, 10 января, въ 6 час. вечера, по распоряженію администраціи произведенъ *внезапный обыскъ редакціи и типографіи* газеты „Бессарабская Жизнь" многочисленнымъ нарядомъ полиціи. Захвачены частные заказы, готовый наборъ, а также изданія конституціонно-демократической партіи на молдавскомъ языкѣ. Арестованъ заказчикъ брошюры „Революція 1905 года", редакторъ-издатель „Голоса Земли" Топоровъ".

31) „Циркуляромъ губернатора въ кіевской губерніи безусловно *воспре-*

щена продажа въ разносъ всѣхъ газетъ и журналовъ. Сдѣлано распоряженіе обыскать въ городѣ всѣ газетные кіоски".

32) „По распоряженію цензурнаго комитета, полиціи предписано *конфисковать № 17 газеты „Вечерній Голосъ"*. Конфискація этого номера произведена и въ типографіи названной газеты".

33) „Въ Вильнѣ *конфискованы* номера „Сѣверо-Западнаго Голоса" отъ 12 января".

34) № 6 „Сибирской Народной Газеты" *конфискованъ.* Къ редактору предъявлено обвиненіе по 129 статьѣ".

35) „Въ Полтавѣ *конфискованъ* второй номеръ соціалъ-демократической газеты „Полтавскій работникъ".

36) „Въ Царицынѣ, по распоряженію генералъ-адъютанта Максимовича, газета „Царицынскій Вѣстникъ" за вредное направленіе *пріостановлена* на неопредѣленное время".

37) „Въ Асхабадѣ, 15 января, въ контору редакціи „Асхабадъ" явился исполняющій обязанности цензора мѣстныхъ изданій съ уѣзднымъ начальниковъ и *конфисковалъ* нумера этой газеты отъ 14 и 15 января. Такая же конфискація была произведена въ газетныхъ кіоскахъ и въ почтовой конторѣ".

38) „Въ Тифлисѣ на время военнаго положенія *пріостановленъ* органъ грузинскихъ соціалъ-демократовъ „Схиви".

39) „Костромской окружный судъ заочнымъ приговоромъ присудилъ редактора-издательницу Андроникову *къ 4-мѣсячному тюремному заключенію за напечатаніе воззванія* къ политической забастовкѣ".

40) „Стодольницкій, редакторъ польской газеты „Курьеръ Любельскій", *оштрафованъ военнымъ губернаторомъ* въ 1.000 рублей".

41) „Въ Казани редактору газеты „Волжскій Листокъ" С. А. Ушакову предъявлено *обвиненіе по пункту 6 ст. 5 и 6* отдѣла 8 Высочайшаго указа 24 ноября 1905 года".

42) „Въ Симферополѣ редакторъ „Крымскаго Курьера" привлеченъ *къ судебной отвѣтственности по 129 ст.* по тремъ отдѣламъ".

43) „Въ Владикавказѣ прокурорскимъ надзоромъ возбуждено противъ редактора газеты „Казбекъ", Казарова, *преслѣдованіе по второму пункту 129 статьи"*.

44) „Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника, *закрыты и запечатаны* типографіи Фрейдберга за напечатаніе въ ней нелегальныхъ произведеній, Голике, въ которой печатался журналъ „Жупелъ" и Американская Скоропечатня за напечатаніе сатирическаго журнала „Знамя".

45) „Въ Кишиневѣ, 1-го января, въ 7 час. вечера, полиціей по распоряженію губернатора Харузина, *закрыта типографія „Бессарабской Жизни"*.

46) „Въ Варшавѣ редакторы „Курьера Пораннаго" и еженедѣльника „Голосъ", а также издатель и одинъ сотрудникъ послѣдняго привлечены прокурорскимъ надзоромъ *къ уголовной отвѣтственности за разныя статьи,* помѣщенныя въ декабрѣ".

47) „Въ Варшавѣ, постановленіемъ третьяго уголовнаго департамента судебной палаты, редакторъ „Lodzer Zeitung" Петерзильге *приговоренъ къ штрафу* въ 200 руб".

48) „Редакторъ „Южнаго Слова“ Гросманъ обвиняется прокурорскимъ надзоромъ *въ призывѣ къ вооруженному возстанію*. Гросманъ содержится въ тюрьмѣ“.

49) „Въ Петербургѣ *арестованъ* редакторъ „Обновленной Россіи“ А. Е. Заринъ. Къ нему предъявлено обвиненіе по 128 и 129 и другимъ статьямъ и возбуждено семь дѣлъ“.

50) „Въ Петербургѣ *арестованъ* издатель „Сына Отечества“ и „Жупела“ С. Ю. Юрицынъ“.

51) „Въ Казани *арестованъ* редакторъ „Волжскаго Вѣстника“ Кудрявцевъ“.

52) „Въ Кишиневѣ *арестованъ* редакторъ - издатель „Бессарабской Жизни“ Захаровъ. Производятся аресты членовъ редакціи и конфискаціи литературы конституціонно-демократической партіи“.

53) „Въ Симферополѣ *арестована* издательница „Прибоя“ г-жа Васильева“.

54) „Въ Петербургѣ въ ночь на 15 января, редакцію сатирическаго журнала „Жупелъ“ посѣтили полицейскіе и жандармы. *При обыскѣ въ редакціи* были найдены *и немедленно конфискованы* 50 пробныхъ выпусковъ третьяго номера названнаго журнала. Сыщиковъ это количество не удовлетворило и, покидая редакцію, они заявили, что у входа послѣдней будетъ установлено дежурство полиціи для конфискаціи журнала, если бы такой былъ присланъ сюда. Одновременно полиція воспретила газетчикамъ пріобрѣтать для продажи третій номеръ „Жупела“ и распродавать его на улицахъ“.

55) „Въ Петербургѣ, въ ночь на 18 января, въ квартирѣ литератора В. Я. Богучарскаго былъ произведенъ *тщательнѣйшій и продолжительный обыскъ*, съ 11 часовъ вечера до 4 утра, не обнаруживъ ничего „предсудительнаго“, полиція захватила огромное количество рукописныхъ историческихъ матеріаловъ, которыми пользовался г. Богучарскій для своихъ историческихъ работъ“.

56) „Въ Петербургѣ, постановленіемъ судебной палаты, *пріостановлена до судебнаго приговора газета* „Радикалъ“. Редакторъ ея, прис. пов. М. С. Маргуліесъ, привлекается къ отвѣтственности по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож. за помѣщеніе въ № 2 „Радикала“ статьи Л. Бельмонта „Польша и революція“ и сообщенія „Побѣгъ изъ спб. охраннаго отдѣленія“.

57) „Въ Кіевѣ *закрыты три газеты:* „Свобода и Право“, „Кіевскіе Отголоски“ и малороссійская „Громадська Думка“.

58) „Въ Ярославлѣ, издающаяся, вмѣсто пріостановленнаго „Сѣвернаго Края“, „Сѣверная область“ *пріостановлена* впредь до судебнаго приговора“.

59) „По распоряженію прокурора саратовской судебной палаты, *пріостановлена* „Самарская Газета“, № 18 *конфискованъ*“.

60) „Въ Тифлисѣ распоряженіемъ временнаго генералъ-губернатора *пріостановлена газета* „Новое Обозрѣніе“ на все время дѣйствія военнаго положенія“.

61). „Постановленіемъ иркутскаго генералъ-губернатора газета „Восточное Обозрѣніе“ *пріостановлена за вредное направленіе*“.

62). Въ Баку, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, *закрыты газеты* „Кавказское Слово“ и „Бакинская Жизнь“.

63). „4-й номеръ „Дневника соціалъ-демократа“ Г. В. Плеханова, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, *изъять изъ обращенія*“.

64) „Первый номеръ журнала „Рабочая Мысль“ *конфискованъ*“.

65) „Въ Варшавѣ *конфискованъ* номеръ, по постановленію цензурнаго комитета, 14 номеръ еврейской газеты „Гацефира“.

66) „Въ Вильнѣ *конфискованъ* номеръ „Деръ Векеръ“ отъ 20 января“.

67) „Номеръ „Южнаго Курьера“ отъ 24 января *конфискованъ*“.

68) „Въ Самарѣ 24 января *конфискована* „Самарская Газета“.

69) Въ Казани *конфискованъ* № 359 „Волжскаго Листка“. Редактору Ушакову предъявлено обвиненіе по п. 5 в. отд. VIII временныхъ правилъ о періодическихъ изданіяхъ“.

70) „Въ Оренбургѣ третій разъ *конфискуется* мѣстной администраціей номеръ газеты „Оренбургскій Листокъ“.

71) „Въ Харьковѣ ежедневно на вокзалѣ и въ городѣ производится энергичная *конфискація* номеровъ „Народнаго Хозяйства“, частные подписчики, общественныя и другія учрежденія не получаютъ уже въ теченіе 4 дней названной газеты, несмотря на аккуратную ежедневную отсылку номеровъ въ Харьковъ“.

72) „Въ Петербургѣ, 19 января въ помѣщеніе товарищества „Просвѣщеніе“ явилась полиція, *конфисковала* 11025 экземпляровъ сатирическаго журнала „Сигналъ“, вышедшаго 18 января и опечатала стереотипы этого журнала“.

73) „Одесскимъ генералъ-губернаторомъ *воспрещена розничная продажа* газетъ „Радикалъ“, „Русь“, „Призывъ“, и журналъ „Полярная Звѣзда“.

74) „Въ Васильковѣ, по распоряженію губернатора, *воспрещена розничная продажа всѣхъ газетъ и журналовъ*. Выданныя разрѣшенія отобраны“.

75) „Въ Митавѣ, распоряженіемъ курляндскаго генералъ-губернатора, *запрещена розничная продажа* на улицахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ почти всѣхъ петербурскихъ сатирическихъ журналовъ.

76) „По распоряженію павлоградскаго губернатора, *воспрещена розничная продажа всѣхъ газетъ и журналовъ*“.

77) „На московскихъ вокзалахъ производятся *массовыя конфискаціи* петербургскихъ газетъ и сатирическихъ журналовъ.

78) „Временный генералъ-губернаторъ Карангозовъ предложилъ одесскому градоначальнику *немедленно воспретить розничную продажу* въ Одессѣ „Рабочей Газеты“.

79) Въ Тифлисѣ, редакторъ мѣстной газеты былъ вызванъ для переговоровъ къ губернатору Тимофееву. Редактору обѣщано, что его *газета будетъ закрыта*, если она позволитъ себѣ критиковать дѣйствія войскъ или высшихъ властей въ краѣ“.

80) „Редакторъ-издатель пріостановленнаго „Харьковскаго Листка“ Стопринскій привлекается къ суду въ качествѣ обвиняемаго по двумъ дѣламъ *по статьямъ 281 и 1029 угол. улож.*, редакторъ-издатель пріостановленнаго „Міра“ Тихоновичъ—по тремъ дѣламъ, *по статьямъ 1040, 1024 и 281 угол. улож.*

81) „Редакторъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. В. А. Бонди привлекается къ

отвѣтственности на основаніи временныхъ правилъ о печати *по п. 3, 129 ст. уг. ул.* за напечатаніе резолюціи группы казаковъ, рѣзко порицающей дѣйствія правительства".

82) „Проф. Л. В. Ходскій и А. Н. Котельниковъ, оправданные въ обвиненіи по 129 ст. улож. о наказ., за помѣщеніе „манифеста" совѣта рабочихъ депутатовъ въ № 345 „Нашей Жизни" отъ 2 декабря 1905 г., вновь *привлекаются къ суду по той же 129 статьѣ* за напечатаніе статьи „Къ почтово-телеграфной стачкѣ" и проч., помѣщенныхъ въ №№ 340 и 343 „Нашей Жизни" отъ 22 и 25 ноября того же года.

83) Редакторъ „Южнаго Курьера" Кристи привлеченъ *къ судебному слѣдствію* по обвиненію въ подстрекательствѣ къ вооруженному возстанію и заключенъ въ тюрьму до разбора дѣла. Ходатайство о представленіи залога отклонено".

84) „Въ Варшавѣ редакторъ „Курьера Пораннаго" приговоренъ *къ двухъмѣсячному тюремному заключенію* за помѣщеніе статьи съ умышленно извращенными сообщеніями о дѣйствіяхъ правительства".

85) „Редакторъ „Орловскаго Вѣстника" *привлекается по 129 ст.* уг. уложенія.

86) „Редактору-издателю газеты „Голосъ Земли", арестованному въ Кишиневѣ по распоряженію мѣстнаго губернатора Харузина, предъявлено *обвиненіе по 1 п. 129 и 132 ст. ст.* уголовнаго уложенія".

87) „Въ № 185 „Народнаго Курьера" появилась статья, оправдывающая почтово-телеграфную забастовку и призывающая польское общество къ оказанію матеріальной поддержки забастовщикамъ. По словамъ „Варш. Дневн.", прокурорскій надзоръ возбудилъ *уголовное дѣло противъ редактора* этой газеты Залевскаго".

88) „Редакторъ-издатель конфискованнаго полиціей изданія „Книжка за книжкой" А. М. Крисько привлекается къ суду въ качествѣ обвиняемаго *по 129 ст. у. улож.* за статьи „9 января" и „Армія съ 9 января 1905 г." помѣщенныя въ № 1 журнала „Книжка за книжкой". 20 января, рано утромъ, въ квартиру А. М. Крисько явился приставъ и предложилъ ему выяснить, гдѣ живетъ и кто такой Ф. Данъ, подписавшійся подъ статьей „Армія съ 9 января 1905 г.".

89) „Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника, *закрыта „Спб. коммерческая типографія"*, въ которой долженъ былъ печататься первый номеръ журнала „Бомбы".

90) „Въ Петербургѣ *запечатана типографія* Виленчикъ, въ которой печаталась „Нагаечка".

91) „Въ Самаркандѣ *запечатана типографія* газеты „Самаркандъ".

92) „Въ Петербургѣ *опечатанъ книжный складъ* изданія Рутенбергъ „Библіотека для всѣхъ".

93) „Въ Петербургѣ, 18 января *арестованъ* владѣлецъ художественной типографіи г. Собко (бывшій секретарь общества поощренія художествъ). Причина ареста, печатаніе произведеній, не подходящихъ по своему содержанію къ видамъ правительства.

94) „Въ Кіевѣ 25 января ночью *арестованъ* Василенко, фактическій редакторъ закрытыхъ „Кіевскихъ Отголосковъ", два дня замѣнявшихъ закрытые „Кіевскіе Отклики", и сотрудникъ Стешенко. Въ редакціи въ 2 часа

ночи произведенъ *обыскъ*, взято много рукописей. *Обысканы* также квартиры многихъ сотрудниковъ.

95) „Въ Харьковѣ *арестованъ* редакторъ и сотрудникъ „Харьковской Жизни“ Залкиндъ-Бодянскій.

96) „Въ Самаркандѣ *арестованъ* редакторъ газеты „Самаркандъ“.

97) „Въ Петербургѣ, 19 января, полиціей былъ произведенъ *обыскъ въ типографіи* т-ва „Общественная Польза“, при чемъ были конфискованы двѣ книжки: 1) „Великая французская революція“ изд. Рутенбергъ и 2) „Мститель“ изд. Алексѣевой“.

98) „Главное управленіе по дѣламъ печати возбудило *уголовное преслѣдованіе противъ редактора-издателя „Русское Богатство“* В. Г. Короленко, помѣстившаго въ №№ 11—12 журнала „манифестъ“ рабочихъ организацій“.

99) „Въ Харьковѣ *пріостановлено* послѣ конфискаціи еженедѣльное изданіе „Крестьянская Газета“.

100) „Постановленіемъ херсонскаго генералъ-губернатора газета „Югъ“ *пріостановлена* на все время военнаго положенія“.

101) „Распоряженіемъ харьковскаго генералъ-губернатора газета „Волна“ *пріостановлена*. Номеръ отъ 29 января *конфискованъ*“.

102) „Въ Вильнѣ *пріостановлено* изданіе газеты „Деръ Векеръ“.

103) „Въ Минскѣ „Сѣверо-Западный Курьеръ“ *пріостановленъ* на время чрезвычайной охраны, послѣ второго номера.

104) „Въ Самарѣ постановленіемъ судебной палаты *пріостановлена* „Самарская Газета“.

105) „Въ Смоленскѣ постановленіемъ судебной палаты *пріостановленъ* „Днѣпровскій Вѣстникъ“.

106) „Постановленіемъ судебной палаты „Смоленскій Голосъ“ *пріостановленъ*“.

107) Въ Владикавказѣ распоряженіемъ генералъ-губернатора *закрыта* газета „Лавина“. Редакторъ привлекается къ отвѣтственности за нарушеніе законовъ о печати.

108) „Въ Юрьевѣ распоряженіемъ генералъ-губернатора *пріостановлена* эстонская газета „Свободное Слово“.

109) „Латышская соціалъ-демократическая газета „Iauna Deenas Lapa“ распоряженіемъ изъ Петербурга *пріостановлена*“.

110) „Въ Иркутскѣ *пріостановлено* изданіе юмористическаго журнала „Оводъ“.

111) „Въ Петербургѣ полиціей *конфисковано 5.000 экземпляровъ* 2-го номера журнала „Голосъ среднеучебныхъ заведеній“.

112) „Въ книжныхъ магазинахъ Москвы полиція *конфисковала* выпущенную книгоиздательствомъ „Народное Право“ брошюру подъ заглавіемъ: „Крестьянамъ отъ конституціонно-демократической партіи“. Брошюра, однако, успѣла уже разойтись, по словамъ московскихъ газетъ, въ количествѣ до ста тысячъ экземпляровъ“.

113) „На улицахъ Москвы 29 января *полиція отбирала у газетчиковъ* номера „Нашей Жизни“.

114) „Редакторъ „Полтавщина“ и писатель Короленко *привлечены къ судебной отвѣтственности* за открытое письмо совѣтнику Филонову, заключающее ложныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ должностного лица и войскъ.

115) „Въ Симферополѣ *конфискованъ* номеръ газеты „Крымъ" отъ 28 января".

116) „Въ Рыбинскѣ полиціей *конфискованы* всѣ сатирическіе журналы».

117) „Въ Павлоградѣ *воспрещена розничная продажа всѣхъ газетъ* и журналовъ кромѣ „Дня", „Приднѣпровскаго Края" и „Южнаго Края".

118) Кременчугскимъ генералъ-губернаторомъ *воспрещена продажа газетъ:* „Полтавское Дѣло", „Колоколъ", „Призывъ", „Волна", „Воля", „Ридный Край", „Русь", „Радикалъ", „Громадська Думка".

119) „Въ Ялтѣ *жандармами отобраны* у газетчиковъ всѣ номера сатирическихъ журналовъ".

120) „Редакторъ-издатель журнала „Нужды Деревни" А. П. Мертваго *привлекается къ судебной отвѣтственности по ст. 129* за напечатаніе въ первомъ номерѣ журнала статьи: Ближайшія задачи общественной дѣятельности въ деревнѣ".

121) „Редакторъ „Вечерняго голоса" М. И. Ковтуновскій *привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст.* 5 п. ул. о нак. и по внесеніи залога въ 1,000 р. оставленъ на свободѣ. Какъ оказывается, М. Ковтуновскій привлекается за перепечатанное изъ „Самарскаго Курьера" „Заявленіе казаковъ", разрѣшенное къ печатанію и. д. полицеймейстера Ромещукъ.

122) „Въ Ташкентѣ редакторъ „Русскаго Туркестана" Морозовъ осужденъ *къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.*

123) „1-го февраля, въ кіевскомъ окружномъ судѣ слушался первый литературный процессъ. Обвинялся редакторъ-издатель закрытаго „Кіевскаго Слова", присяжный повѣренный Финнъ, и сотрудникъ той же газеты Миняшевъ, обвиняемые въ сочувствіи почтово-телеграфной забастовкѣ, усмотрѣнномъ въ фельетонѣ послѣдняго. Приговоромъ суда Финнъ присужденъ къ сторублевому *штрафу*, а Митяшевъ—къ *двумъ мѣсяцамъ тюрьмы*".

124) „Редакторъ сатирическаго журнала „Злой Духъ" С. Карръ (С. А. Патарраки), дѣло противъ котораго прекращено судебной властью за отсутствіемъ состава преступленія, *сосланъ административнымъ порядкомъ* въ Сибирь на 4 года".

125) „Въ Полтавѣ типографіи въ виду притѣсненія администраціей *отказываются печатать* вновь открываемые газеты и журналы".

126) „Въ Иркутскѣ *арестованъ* редакторъ „Восточнаго Обозрѣнія" Фатѣевъ".

127) „Въ Петербургѣ, 26 января, старшими чиновниками с.-петербургскаго охраннаго отдѣленія вмѣстѣ съ приставомъ Коломенской части, околоточными, городовыми, понятыми и пр., былъ произведенъ необыкновенно *тщательный обыскъ* въ книгоиздательствѣ Маріи Малыхъ, длившійся цѣлыхъ 6 часовъ. Обыскивали не только всѣ углы, издательницу и служащихъ, но и совершенно случайныхъ посѣтителей. На телефонные звонки отвѣчалъ самъ чиновникъ или околодочный надзиратель, объявляя себя служащимъ книгоиздательства. Такимъ образомъ, они надѣялись перехватить какія-либо издательскія тайны. Вначалѣ было предъявлено предписаніе объ арестѣ г-жи Малыхъ, но уже предъ самымъ отходомъ получено извѣщеніе, что постановленіе это отмѣняется. „Предосудительнаго" ничего не было найдено. Забраны лишь имѣвшіеся экземпляры „Дневника соціалдемократа" №№ 3 и 4 и много рукописей".

128) „ Въ Кіевѣ произведенъ *обыскъ* въ конторѣ Соколовскаго—представителя „Право“, „Сынъ Отечества“, „Русское Богатство“ и книгоиздательства Алексѣевой. Конфискованы 570 рублей, газеты, журналы и изданія Алексѣевой, выпущенныя явочнымъ порядкомъ“.

* * *

Помѣщаемъ напечатанные въ газетѣ „Русь“ отчетъ Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (Красный Крестъ) за 1905 годъ (годъ существованія Общества XXV-й) и воззваніе Общества о пожертвованіяхъ.

ПРИХОДЪ.

Остатокъ на 1 января 1802 р. 29 к., отложено на лѣто 1700 р., на возвратъ ссыльн. Б. и П. 294 руб. 70 коп., № 25 лиръ 200 ф.—81 р. 70 к. В. Ж. К. 90 руб., отъ воронеж. врача 70 р., С. Г. 25 р., отъ сбора въ Москвѣ въ 1400 р. поступило 900 р., изъ Енисейска 200 р., лепта жителей Самары 1305 р., черезъ университ. пост. 37 руб. 17 к., предпріятіе 258 р. 56 к., черезъ освобожден. для рабоч. 75 руб., въ память Клавдіи Аркад. Францески 49 р., черезъ Т. 40 р., В. М. 43 руб., отъ А. А. А. 30 р., изъ Москвы черезъ Б. 1000 руб., отъ артистовъ 200 р. черезъ Н. Ж. 150 р., изъ Н.-Новгорода 100 р., литер. гонораръ 80 р., отъ союза медиц. перс. 70 р., черезъ провинціалку 50 р., отъ землячества 18 р. 60 к., отъ компаніи черезъ Z спеціальн. 83 р. 45 к., Р. Б. 1103 р. 45 к., изъ Москвы черезъ Б. 17000 р., отъ С. О. 800 р., изъ Москвы черезъ Б. 465 р. 88 к., для пострад. въ Лодзи 200 р. 20 к., отъ И. Ж. 133 руб., изъ Алатыря 40 р., отъ группы конт. для семьи К. 100 р., для Пут. раб. отъ. учит. 30 руб., отъ различ. лицъ франками 157 р. 68 к., отъ Ивана Иванов. для Пут. раб. 100 руб. Г. и Д. 69 р. 10 к., изъ Москвы черезъ Б, 441 р. 07 к., изъ Средней Азіи 35 руб., отъ Х. 25 р., отъ нѣсколькихъ 40 руб., отъ Г. 45 руб., Т. И. 40 руб. 52½ к., черезъ Н. Ж. 5283 р. 65 к., отъ С. О. 105 руб., В. М. Ак. 47 р., Р. Б. 840 р. 77 к., на ссыльныхъ отч. Н. Ж. 40 р., черезъ В. К. отъ Ѳ. П. 50 р. отъ Н. Ж. 611 р. 68 к., сборъ съ 7 лекцій 548 р. 97 к., отъ продажи литературы, порт. и открытокъ 246 руб. 81 к., сборъ по 4-мъ листамъ 265 р. 55 к., по спеціал. назначенію 162 р. 92 к., ежемѣс. сборъ 48 р. 50 к., изъ Кіева отъ сказ. 86 р. 13 к., сборы 150 руб., въ пользу моряковъ 52 руб. 95 к., отъ разныхъ лицъ 611 р. 47 к. Итого 23, 421 руб. 77½ коп. 25 лиръ.

РАСХОДЪ.

На тюрьмы 6924 руб. 94 коп., на семьи 2641 р. 21 к., на высылаемыхъ 2493 р. 03 к., въ провинцію 1327 руб. 46 коп., на помощь возвр. изъ ссылки 734 р., освобождаемымъ 164 р., пострадавшимъ 994 р. 20 к. амнистированнымъ 198 р., заключеннымъ матросамъ и солдатамъ 360 руб., залогъ 75 руб., возвратъ долга 100 р, дано взаймы 138 р. разн. мелкіе расходы

26 р. 73 к., спеціальный расходъ 1305 руб., коммиссіи по амнистіи *) 4083 р. 65 к. Итого 21,565 р. 22 к.

Остатокъ на 1 января 1906 года 1,856 р. $55^1/_2$ к. и 25 лиръ Кромѣ того, на поддержку пострадавшихъ въ движеніи 9-го января поступило и израсходовано съ 9 января по 1 мая 1905 года 66,167 р. 49 коп.; отчетъ о поступленіи и израсходованіи этой суммы былъ своевременно опубликованъ тѣмъ способомъ, которымъ раньше публиковались и всѣ другіе отчеты Краснаго Креста.

„Еще недавно могло казаться, что дальнѣйшее существованіе Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (Красный Крестъ) станетъ излишнимъ. Намъ обѣщали „дѣйствительную неприкосновенность личности“ и дали, хотя и далеко не полную, амнистію. Камеры тюремъ опустѣли, однако, далеко не надолго, и въ новый, XXVI годъ своего существонія, Красный Крестъ вступилъ при исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ. Первые же дни свободы были омрачены кровавыми насиліями.

Многіе изъ амнистированныхъ пользовались свободой не больше недѣли и вновь водворены въ тюрьмы, только что раскрывшія передъ ними свои двери; тамъ же очутились и нѣкоторые эмигранты, повѣрившіе обѣщаніямъ правительства и поспѣшившіе вернуться на родину. Тюрьмы раскрылись только для того, чтобы вскорѣ еще плотнѣе захлопнуть свои двери и вмѣстить въ переполненныхъ камерахъ небывалое количество заключенныхъ. Всѣ существующія мѣста заключенія биткомъ набиты. А недавно въ Петербургѣ приспособили для помѣщенія заключенныхъ старыя флотскія казармы.

Не станемъ пояснять, во что превратился въ наше „конституціонное“ время и ранѣе не сладкій тюремный режимъ. Въ Петропавловской крѣпости, въ пересыльной тюрьмѣ заключенные буквально голодаютъ—не въ видѣ протеста противъ тюремнаго режима, а въ силу этого режима, въ силу сокращенія продовольственнаго пайка. То тамъ, то здѣсь происходятъ и голодовки—протесты. При массѣ арестованныхъ, дѣла ихъ растягиваются неимовѣрно, и допросовъ ждутъ по мѣсяцамъ.

Каково вообще психическое состояніе заключенныхъ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ неоднократные случаи самоубійствъ и покушеній на самоубійство.

Положеніе арестованныхъ рабочихъ отягчается крайней нуждой, которую терпятъ ихъ семьи и близкіе: многіе и самые крупные заводы закрыты. Массы рабочихъ выброшены на улицы, перезакладывали послѣднее, что было, мерзнутъ въ сырыхъ коморкахъ—топить нечѣмъ—и голодаютъ. А администрація закрываетъ одну за другой столовыя для безработныхъ—прекращаютъ даже эту нищенскую помощь голодающимъ.

При такихъ условіяхъ о матеріальной поддержкѣ заключеннымъ отъ

*) Изъ суммы 4,083 р. 65 к. комиссіей по амнистіи выдано за счетъ Кр. Кр. для помощи амнистированнымъ Р. С. Д. Р. П. 1,150 р., П. С. Р. 1.100 р. Итого 2.250 р. Остается за комиссіей по амнистіи 1.833 р. 65 к.

семьи и товарищей нечего и говорить. Имъ приходится довольствоваться тюремной бурдой, кашей да кипяткомъ вмѣсто чая. Но главное—приходится сидѣть въ каменномъ мѣшкѣ, въ полномъ безсиліи что-нибудь предпринять для спасенія своихъ голодающихъ, болѣющихъ ребятишекъ.

Необходима немедленная энергичная помощь. Въ Петербургскихъ тюрьмахъ находится теперь до 2,000 заключенныхъ, на улучшеніе ихъ положенія и помощь семьямъ обычныхъ средствъ не хватаетъ. Необходимъ усиленный притокъ пожертвованій, ибо нужда вопіющая.

Пожертвованія просятъ направлять въ редакцію газеты „Русь“.

Редакторы { В. Я. Богучарскій. П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ редакціи.

Кромѣ окончанія статей **В. И. Семевскаго** и **Н. П. Павлова-Сильванскаго,** въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» будутъ помѣщены: **П. Е. Щеголевъ.**—Семенъ Олейничукъ (умершій въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая I) и Агитаціонная литература декабристовъ; **М. К. Лемке**—Процессы Н. Г. Чернышевскаго, Н. А. Серно-Соловьевича, П. А. Мартьянова и В. А. Обручева (по подлиннымъ дѣламъ); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **В. Н. Фигнеръ.**—Изъ воспоминаній; **С. А. Иванова-Борейша.**—Изъ воспоминаній (о С. Л. Перовской); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ 1879 г.); **С. А. Ивановъ.**—Изъ воспоминаній; **Н. А. Морозовъ.**—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ 1879 г.); **А. П. Прибылева-Корба.**—Изъ воспоминаній (о «Дегаевщинѣ»); **Р.**—Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ, **N.**—Событіе 1-го Марта и Н. К. Михайловскій; **NN.**—Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ; **А. В. Тырковъ.**—Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта); **В. Л. Бурцевъ.**—Изъ воспоминаній. Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати; изъ первоначальной исторіи Общества помощи политич. ссыльнымъ и заключеннымъ (Крас. Крестъ); стих. Н. А. Некрасова «На смерть Т. Г. Шевченко»; письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и проч.

Въ распоряженіи Редакціи находится архивъ **П. Л. Лаврова** (между прочимъ, много писемъ къ нему И. С. Тургенева, Н. А. Бѣлоголоваго, С. Г. Ширяева, Льва Гартмана и др.).

Будутъ помѣщены портреты Н. А. Серно-Соловьевича, Д. В. Каракозова, П. И. Войноральскаго, рабочихъ Петра Алексѣева и Тимофея Михайлова, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, С. Л. Перовской, Г. М. Гельфманъ, Н. И. Рысакова, И. П. Емельянова, И. I. Гриневицкаго, Н. А. Саблина, М. Н. Тригони (до Шлиссельбурга), Ю. Н. Богдановича (Кобозева), М. Р. Ланганса, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнеръ и др., рисунокъ Вилюйской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской каторги и проч.

Опечатки:

1) Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой книги, въ примѣч. на стр. 66, по оплошности, пропущены слова—«были напечатаны въ „Русск. Архивѣ" (1893 № 7)». Въ большинствѣ экземпляровъ примѣчаніе это напечатано правильно.

2) На стр. 226 Южакова ошибочно названа Натальей; ея имя Елизавета.